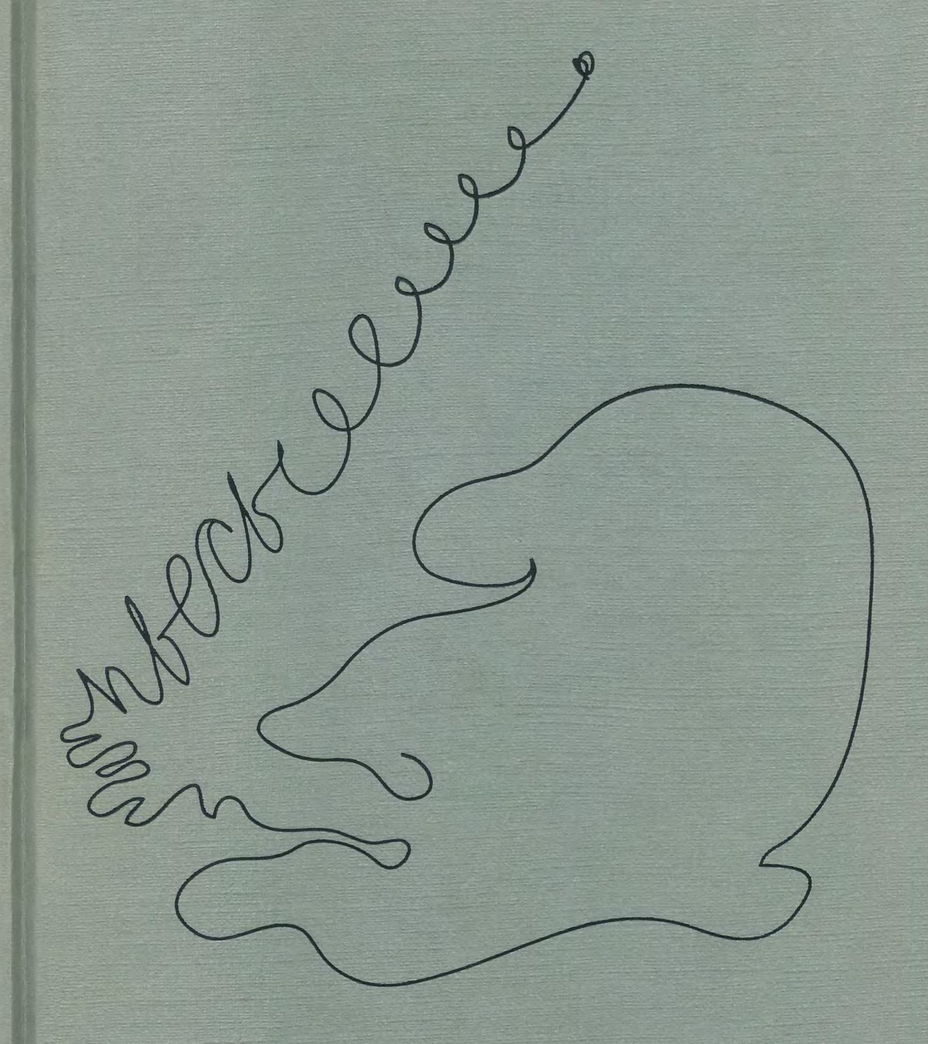
I

пьесы

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Евгений Шварц

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Собрание сочинений в пяти томах

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

Собрание сочинений

том второй

Пьесы

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш33

Составитель *Е. Сапунцова*

Оформление художника *О. Семенихина*

Шварц Е. Л.

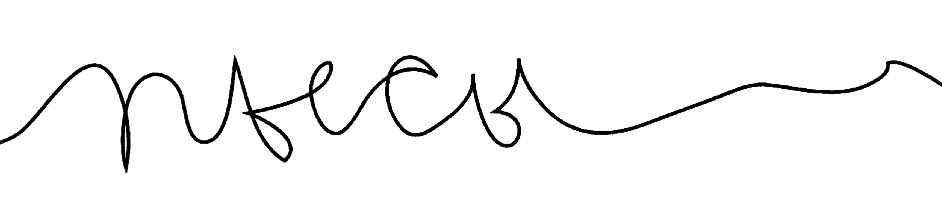
Ш33 Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Тень; Дракон; Одна ночь; Два клена; Обыкновенное чудо; Повесть о молодых супругах: Пьесы. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 432 с.

ISBN 978-5-904656-55-3 (т. 2)
ISBN 978-5-904656-53-9

В Собрании сочинений представлено во всем своем многообразии творчество широко известного драматурга и сценариста, одного из лучших отечественных сказочников, Евгения Львовича Шварца (1896—1958). Во второй том вошли такие произведения, как «Обыкновенное чудо», «Тень», «Дракон», «Одна ночь», «Два клена» и «Повесть о молодых супругах».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-904656-55-3 (т. 2)
ISBN 978-5-904656-53-9

ТЕНЬ

Сказка в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ученый.
Его тень.
Пьетро — хозяин гостиницы.
Аннунциата — его дочь.
Юлия Джули — певица.
Принцесса.
Первый министр.
Министр финансов.
Цезарь Борджиа — журналист.
Тайный советник.
Доктор.
Палач.
Мажордом.
Капрал.
Придворные дамы.
Придворные.
Курортники.
Сестра развлечения.
Сестра милосердия.
Королевские герольды.
Лакеи министра финансов.
Стража.
Горожане.

...И ученый рассердился не столько потому, что тень ушла от него, сколько потому, что вспомнил известную историю о человеке без тени, которую знали все и каждый на его родине. Вернись он теперь домой и расскажи свою историю, все сказали бы, что он пустился подражать другим...

Г.-Х. Андерсен. «Тень»

...Чужой сюжет как бы вошел в мою плоть и кровь, я пересоздал его и тогда только выпустил в свет.

Г.-Х. Андерсен. «Сказка моей жизни», Глава VIII

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая комната в гостинице, в южной стране. Две двери: одна в коридор, другая на балкон. Сумерки. На диване полулежит У ч е н ы й, молодой человек двадцати шести лет. Он шарит рукой по столу — ищет очки.

У ч е н ы й. Когда теряешь очки, это, конечно, неприятно. Но вместе с тем и прекрасно — в сумерках вся моя комната представляется не такою, как обычно. Этот плед, брошенный в кресло, кажется мне сейчас очень милою и доброю принцессою. Я влюблен в нее, и она пришла ко мне в гости. Она не одна, конечно. Принцессе не полагается ходить без свиты. Эти узкие, длинные часы в деревянном футляре — вовсе не часы.

Это вечный спутник принцессы, тайный советник. Его сердце стучит ровно, как маятник, его советы меняются в соответствии с требованиями времени, и дает он их шепотом. Ведь недаром он тайный. И если советы тайного советника оказываются гибельными, он от них начисто отрекается впоследствии. Он утверждает, что его просто не расслышали, и это очень практично с его стороны. А это кто? Кто этот незнакомец, худой и стройный, весь в черном, с белым лицом? Почему мне вдруг пришло в голову, что это жених принцессы? Ведь влюблен в принцессу я! Я так влюблен в нее, что это будет просто чудовищно, если она выйдет за другого. *(Смеется.)* Прелесть всех этих выдумок в том, что едва я надену очки, как все вернется на свое место. Плед станет пледом, часы часами, а этот зловещий незнакомец исчезнет. *(Шарит руками по столу.)* Ну, вот и очки. *(Надевает очки и вскрикивает.)* Что это?

В кресле сидит очень красивая, роскошно одетая девушка в маске. За ее спиною — лысый старик в сюртуке со звездою. А к стене прижался длинный, тощий, бледный человек в черном фраке и ослепительном белье. На руке его бриллиантовый перстень.

(Бормочет, зажигая свечу.) Что за чудеса? Я скромный ученый — откуда у меня такие важные гости?.. Здравствуйте, господа! Я очень рад вам, господа, но... не объясните ли вы мне, чем я обязан такой чести? Вы молчите? Ах, все понятно. Я задремал. Я вижу сон.

Девушка в маске. Нет, это не сон.

Ученый. Вот как! Но что же это тогда?

Девушка в маске. Это такая сказка. До свидания, господин ученый! Мы еще увидимся с вами.

Человек во фраке. До свидания, ученый! Мы еще встретимся.

Старик со звездою *(шепотом)*. До свидания, уважаемый ученый! Мы еще встретимся, и все, может быть, кончится вполне благоприлично, если вы будете благоразумны.

Стук в дверь, все трое исчезают.

У ч е н ы й. Вот так история!

Стук повторяется.

Войдите!

В комнату входит А н н у н ц и а т а, черноволосая девушка с большими черными глазами. Лицо ее в высшей степени энергично, а манеры и голос мягки и нерешительны. Она очень красива. Ей лет семнадцать.

А н н у н ц и а т а. Простите, сударь, у вас гости... Ах!

У ч е н ы й. Что с вами, Аннунциата?

А н н у н ц и а т а. Но я слышала явственно голоса в вашей комнате!

У ч е н ы й. Я уснул и разговаривал во сне.

А н н у н ц и а т а. Но... простите меня... я слышала женский голос.

У ч е н ы й. Я видел во сне принцессу.

А н н у н ц и а т а. И какой-то старик бормотал что-то вполголоса.

У ч е н ы й. Я видел во сне тайного советника.

А н н у н ц и а т а. И какой-то мужчина, как мне показалось, кричал на вас.

У ч е н ы й. Это был жених принцессы. Ну? Теперь вы видите, что это сон? Разве наяву ко мне явились бы такие неприятные гости?

А н н у н ц и а т а. Вы шутите?

У ч е н ы й. Да.

А н н у н ц и а т а. Спасибо вам за это. Вы всегда так ласковы со мною. Наверное, я слышала голоса в комнате рядом и все перепутала. Но... вы не рассердитесь на меня? Можно сказать вам кое-что?

У ч е н ы й. Конечно, Аннунциата.

А н н у н ц и а т а. Мне давно хочется предупредить вас. Не сердитесь... Вы ученый, а я простая девушка. Но только... я могу рассказать вам кое-что известное мне, но неизвестное вам. *(Делает книксен.)* Простите мне мою дерзость.

У ч е н ы й. Пожалуйста! Говорите! Учите меня! Я ведь ученый, а ученые учатся всю жизнь.

А н н у н ц и а т а. Вы шутите?

У ч е н ы й. Нет, я говорю совершенно серьезно.

А н н у н ц и а т а. Спасибо вам за это. *(Оглядывается на дверь.)* В книгах о нашей стране много пишут про здоровый климат, чистый воздух, прекрасные виды, жаркое солнце, ну... словом, вы сами знаете, что пишут в книгах о нашей стране...

У ч е н ы й. Конечно, знаю. Ведь поэтому я и приехал сюда.

А н н у н ц и а т а. Да. Вам известно то, что написано о нас в книгах, но то, что там о нас не написано, вам неизвестно.

У ч е н ы й. Это иногда случается с учеными.

А н н у н ц и а т а. Вы не знаете, что живете в совсем особенной стране. Все, что рассказывают в сказках, все, что кажется у других народов выдумкой, — у нас бывает на самом деле каждый день. Вот, например, Спящая красавица жила в пяти часах ходьбы от табачной лавочки — той, что направо от фонтана. Только теперь Спящая красавица умерла. Людоед до сих пор жив и работает в городском ломбарде оценщиком. Мальчик с пальчик женился на очень высокой женщине, по прозвищу Гренадер, и дети их — люди обыкновенного роста, как вы да я. И знаете, что удивительно? Эта женщина, по прозвищу Гренадер, совершенно под башмаком у Мальчика с пальчик. Она даже на рынок берет его с собой. Мальчик с пальчик сидит в кармане ее передника и торгуется, как дьявол. Но, впрочем, они живут очень дружно. Жена так внимательна к мужу. Каждый раз, когда они по праздникам танцуют менуэт, она надевает двойные очки, чтобы не наступить на своего супруга нечаянно.

У ч е н ы й. Но ведь это очень интересно, почему же об этом не пишут в книгах о вашей стране?

А н н у н ц и а т а *(оглядываясь на дверь).* Не всем нравятся сказки.

У ч е н ы й. Неужели?

А н н у н ц и а т а. Да, вот можете себе представить! *(Оглядывается на дверь.)* Мы ужасно боимся, что если это узнают все, то к нам перестанут ездить. Это будет так невыгодно! Не выдавайте нас, пожалуйста.

У ч е н ы й. Нет, я никому не скажу.

А н н у н ц и а т а. Спасибо вам за это. Мой бедный отец очень любит деньги, и я буду в отчаянии, если он заработает меньше, чем ожидает. Когда он расстроен, он страшно ругается.

У ч е н ы й. Но все-таки мне кажется, что число приезжих только вырастет, когда узнают, что в вашей стране сказки — правда.

А н н у н ц и а т а. Нет. Если бы к нам ездили дети, то так бы оно и было. А взрослые — осторожный народ. Они прекрасно знают, что многие сказки кончаются печально. Вот об этом я с вами и хотела поговорить. Будьте осторожны.

У ч е н ы й. А как? Чтобы не простудиться, надо тепло одеваться. Чтобы не упасть, надо смотреть под ноги. А как избавиться от сказки с печальным концом?

А н н у н ц и а т а. Ну... Я не знаю... Не надо разговаривать с людьми, которых вы недостаточно знаете.

У ч е н ы й. Тогда мне придется все время молчать. Ведь я приезжий.

А н н у н ц и а т а. Нет, правда, пожалуйста, будьте осторожны. Вы очень хороший человек, а именно таким чаще всего приходится плохо.

У ч е н ы й. Откуда вы знаете, что я хороший человек?

А н н у н ц и а т а. Ведь я часто вожусь в кухне. А у нашей кухарки одиннадцать подруг. И все они знают все, что есть, было и будет. От них ничего не укроется. Им известно, что делается в каждой семье, как будто у до-

мов стеклянные стены. Мы в кухне и смеемся, и плачем, и ужасаемся. В дни особенно интересных событий все гибнет на плите. Они говорят хором, что вы прекрасный человек.

Ученый. Это они и сказали вам, что в вашей стране сказки — правда?

Аннунциата. Да.

Ученый. Знаете, вечером, да еще сняв очки, я готов в это верить. Но утром, выйдя из дому, я вижу совсем другое. Ваша страна — увы! — похожа на все страны в мире. Богатство и бедность, знатность и рабство, смерть и несчастье, разум и глупость, святость, преступление, совесть, бесстыдство — все это перемешано так тесно, что просто ужасаешься. Очень трудно будет все это распутать, разобрать и привести в порядок так, чтобы не повредить ничему живому. В сказках все это гораздо проще.

Аннунциата *(делая книксен)*. Благодарю вас.

Ученый. За что?

Аннунциата. За то, что вы со мною, простой девушкой, говорите так красиво.

Ученый. Ничего, с учеными это бывает. А скажите, мой друг Ганс-Христиан Андерсен, который жил здесь, в этой комнате, до меня, знал о сказках?

Аннунциата. Да, он как-то проведал об этом.

Ученый. И что он на это сказал?

Аннунциата. Он сказал: «Я всю жизнь подозревал, что пишу чистую правду». Он очень любил наш дом. Ему нравилось, что у нас так тихо.

Оглушительный выстрел.

Ученый. Что это?

Аннунциата. О, не обращайте внимания. Это мой отец поссорился с кем-то. Он очень вспыльчив, и чуть что — стреляет из пистолета. Но до сих пор он никого не убил. Он нервный — и всегда поэтому дает промах.

Ученый. Понимаю. Это явление мне знакомо. Если бы он попадал в цель, то не палил бы так часто.

За сценой рев: «Аннунциата!»

Аннунциата *(кротко.)* Иду, папочка, миленький. До свидания! Ах, я совсем забыла, зачем пришла. Что вы прикажете вам подать — кофе или молоко?

Дверь с грохотом распахивается. В комнату вбегает стройный, широкий в плечах, моложавый человек. Он похож лицом на Аннунциату. Угрюм, не смотрит в глаза. Это хозяин меблированных комнат, отец Аннунциаты, Пьетро.

Пьетро. Почему ты не идешь, когда тебя зовут?! Поди немедленно перезаряди пистолет. Слышала ведь — отец стреляет. Все нужно объяснять, во все нужно ткнуть носом. Убью!

Аннунциата спокойно и смело подходит к отцу, целует его в лоб.

Аннунциата. Иду, папочка. До свидания, сударь! *(Уходит.)*

Ученый. Как видно, ваша дочь не боится вас, синьор Пьетро.

Пьетро. Нет, будь я зарезан. Она обращается со мною так, будто я самый нежный отец в городе.

Ученый. Может быть, это так и есть?

Пьетро. Не ее дело это знать. Терпеть не могу, когда догадываются о моих чувствах и мыслях. Девчонка! Кругом одни неприятности. Жилец комнаты номер пятнадцать сейчас опять отказался платить. От ярости я выстрелил в жильца комнаты номер четырнадцать.

Ученый. И этот не платит?

Пьетро. Платит. Но он, четырнадцатый, ничтожный человек. Его терпеть не может наш первый министр. А тот, проклятый неплательщик, пятнадцатый, работает в нашей трижды гнусной газете. О, пусть весь мир провалится! Верчусь, как штопор, вытягиваю деньги из жильцов моей несчастной гостиницы и не свожу концы с концами. Еще приходится служить, чтобы не околеть с голоду.

Ученый. А разве вы служите?

Пьетро. Да.

Ученый. Где?

Пьетро. Оценщиком в городском ломбарде.

Внезапно начинает играть музыка — иногда едва слышно, иногда так, будто играют здесь же в комнате.

Ученый. Скажите... Скажите мне... Скажите, пожалуйста, где это играют?

Пьетро. Напротив.

Ученый. А кто там живет?

Пьетро. Не знаю. Говорят, какая-то чертова принцесса.

Ученый. Принцесса?!

Пьетро. Говорят. Я к вам по делу. Этот проклятый пятнадцатый номер просит вас принять его. Этот газетчик. Этот вор, который норовит даром жить в прекрасной комнате. Можно?

Ученый. Пожалуйста. Я буду очень рад.

Пьетро. Не радуйтесь прежде времени. До свидания! *(Уходит.)*

Ученый. Хозяин гостиницы — оценщик в городском ломбарде. Людоед? Подумать только!

Открывает дверь, ведущую на балкон. Видна стена противоположного дома. Улица узкая. Балкон противоположного дома почти касается балкона комнаты ученого. Едва открывает он дверь, как шум улицы врывается в комнату. Из общего гула выделяются отдельные голоса.

Голоса. Арбузы, арбузы! Кусками!

— Вода, вода, ледяная вода!

— А вот — ножи для убийц! Кому ножи для убийц?!

— Цветы, цветы! Розы! Лилии! Тюльпаны!

— Дорогу ослу, дорогу ослу! Посторонитесь, люди: идет осел!

— Подайте бедному немому!

— Яды, яды, свежие яды!

У ч е н ы й. Улица наша кипит, как настоящий котел. Как мне нравится здесь!.. Если бы не вечное мое беспокойство, если бы не казалось мне, что весь мир несчастен из-за того, что я не придумал еще, как спасти его, то было бы совсем хорошо. И когда девушка, живущая напротив, выходит на балкон, то мне кажется, что нужно сделать одно, только одно маленькое усилие — и все станет ясно.

В комнату входит очень красивая м о л о д а я ж е н щ и н а, прекрасно одетая. Она щурится, оглядывается. Ученый не замечает ее.

Если есть гармония в море, в горах, в лесу и в тебе, то, значит, мир устроен разумнее, чем…

Ж е н щ и н а. Это не будет иметь успеха.

У ч е н ы й *(оборачивается)*. Простите!

Ж е н щ и н а. Нет, не будет. В том, что вы бормотали, нет и тени остроумия. Это новая ваша статья? Где же вы? Что это сегодня с вами? Вы не узнаете меня, что ли?

У ч е н ы й. Простите, нет.

Ж е н щ и н а. Довольно подшучивать над моей близорукостью. Это неэлегантно. Где вы там?

У ч е н ы й. Я здесь.

Ж е н щ и н а. Подойдите поближе.

У ч е н ы й. Вот я. *(Подходит к незнакомке.)*

Ж е н щ и н а *(она искренне удивлена)*. Кто вы?

У ч е н ы й. Я приезжий человек, живу здесь в гостинице. Вот кто я.

Ж е н щ и н а. Простите… Мои глаза опять подвели меня. Это не пятнадцатый номер?

У ч е н ы й. Нет, к сожалению.

Ж е н щ и н а. Какое у вас доброе и славное лицо! Почему вы до сих пор не в нашем кругу, не в кругу настоящих людей?

У ч е н ы й. А что это за круг?

Ж е н щ и н а. О, это артисты, писатели, придворные. Бывает у нас даже один министр. Мы элегантны, лишены предрассудков и понимаем все. Вы знамениты?

У ч е н ы й. Нет.

Ж е н щ и н а. Какая жалость! У нас это не принято. Но... Но я, кажется, готова простить вам это — до того вы мне вдруг понравились. Вы сердитесь на меня?

У ч е н ы й. Нет, что вы!

Ж е н щ и н а. Я немного посижу у вас. Можно?

У ч е н ы й. Конечно.

Ж е н щ и н а. Мне вдруг показалось, что вы как раз тот человек, которого я ищу всю жизнь. Бывало, покажется — по голосу и по речам — вот он, такой человек, а подойдет он поближе, и видишь — это совсем не то. А отступать уже поздно, слишком близко он подошел. Ужасная вещь быть красивой и близорукой. Я надоела вам?

У ч е н ы й. Нет, что вы!

Ж е н щ и н а. Как просто и спокойно вы отвечаете мне! А он раздражает меня.

У ч е н ы й. Кто?

Ж е н щ и н а. Тот, к которому я пришла. Он ужасно беспокойный человек Он хочет нравиться всем на свете. Он раб моды. Вот, например, когда в моде было загорать, он загорел до того, что стал черен, как неф. А тут загар вдруг вышел из моды. И он решился на операцию. Кожу из-под трусов — это было единственное белое место на его теле — врачи пересадили ему на лицо.

У ч е н ы й. Надеюсь, это не повредило ему?

Ж е н щ и н а. Нет. Он только стал чрезвычайно бесстыден, и пощечину он теперь называет просто — шлепок.

У ч е н ы й. Почему же вы ходите к нему в гости?

Ж е н щ и н а. Ну, все-таки это человек из нашего круга, из круга настоящих людей. А кроме того, он работает в газете. Вы знаете, кто я?

У ч е н ы й. Нет.

Ж е н щ и н а. Я певица. Меня зовут Юлия Джули.

У ч е н ы й. Вы очень знамениты в этой стране!

Ю л и я. Да. Все знают мои песни «Мама, что такое любовь», «Девы, спешите счастье найти», «Но к тоске его любовной остаюсь я хладнокровной» и «Ах, зачем я не лужайка». Вы доктор?

У ч е н ы й. Нет, я историк.

Ю л и я. Вы отдыхаете здесь?

У ч е н ы й. Я изучаю историю вашей страны.

Ю л и я. Наша страна — маленькая.

У ч е н ы й. Да, но история ее похожа на все другие. И это меня радует.

Ю л и я. Почему?

У ч е н ы й. Значит, есть на свете законы, общие для всех. Когда долго живешь на одном месте, в одной и той же комнате и видишь одних и тех же людей, которых сам выбрал себе в друзья, то мир кажется очень простым. Но едва выедешь из дому — все делается чересчур уж разнообразным. И это...

За дверью кто-то испуганно вскрикивает. Звон разбитого стекла.

Кто там?

Входит, отряхиваясь, изящный м о л о д о й ч е л о в е к. За ним растерянная А н н у н ц и а т а.

М о л о д о й ч е л о в е к. Здравствуйте! Я стоял тут у вашей двери, и Аннунциата испугалась меня. Разве я так уж страшен?

А н н у н ц и а т а *(ученому)*. Простите, я разбила стакан с молоком, которое несла вам.

М о л о д о й ч е л о в е к. А у меня вы не просите прощения?

А н н у н ц и а т а. Но вы сами виноваты, сударь! Зачем вы притаились у чужой двери и стояли не двигаясь?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я подслушивал. *(Ученому.)* Вам нравится моя откровенность? Все ученые — прямые люди. Вам должно это нравиться. Да? Ну скажите же, вам нравится моя откровенность? А я вам нравлюсь?

Ю л и я. Не отвечайте. Если вы скажете «да» — он вас будет презирать, а если скажете «нет» — он вас возненавидит.

М о л о д о й ч е л о в е к. Юлия, Юлия, злая Юлия! *(Ученому.)* Разрешите представиться: Цезарь Борджиа. Слышали?

У ч е н ы й. Да.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Ну? Правда? А что именно вы слышали?

У ч е н ы й. Многое.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Меня хвалили? Или ругали? А кто именно?

У ч е н ы й. Просто я сам читал ваши критические и политические статьи в здешней газете.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Они имеют успех. Но всегда кто-нибудь недоволен. Выругаешь человека, а он недоволен. Мне бы хотелось найти секрет полного успеха. Ради этого секрета я готов на все. Нравится вам моя откровенность?

Ю л и я. Идемте. Мы пришли к ученому, а ученые вечно заняты.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Я предупредил господина ученого. Наш хозяин говорил ему, что я приду. А вы, блистательная Юлия, ошиблись комнатой?

Ю л и я. Нет, мне кажется, что я пришла как раз туда, куда следует.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Но ведь вы шли ко мне! Я как раз кончаю статью о вас. Она понравится вам, но — увы! — не понравится вашим подругам. *(Ученому.)* Вы разрешите еще раз зайти к вам сегодня?

У ч е н ы й. Пожалуйста.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Я хочу написать статью о вас.

У ч е н ы й. Спасибо. Мне пригодится это для работы в ваших архивах. Меня там больше будут уважать.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Хитрец! Я ведь знаю, зачем вы приехали к нам. Здесь дело не в архиве.

Ученый. А в чем же?

Цезарь Борджиа. Хитрец! Вы всё глядите на соседний балкон.

Ученый. Разве я гляжу туда?

Цезарь Борджиа. Да. Вы думаете, там живет она.

Ученый. Кто?

Цезарь Борджиа. Не надо быть таким скрытным. Ведь вы историк, изучаете нашу страну, стало быть, вы знаете завещание нашего последнего короля Людовика Девятого Мечтательного.

Ученый. Простите, но я дошел только до конца шестнадцатого века.

Цезарь Борджиа. Вот как? И вы ничего не слышали о завещании?

Ученый. Уверяю вас, нет.

Цезарь Борджиа. Странно. Почему же вы просили у хозяина отвести вам как раз эту комнату?

Ученый. Потому что здесь жил мой друг Ганс-Христиан Андерсен.

Цезарь Борджиа. Только поэтому?

Ученый. Даю вам слово, что это так. А какое отношение имеет моя комната к завещанию покойного короля?

Цезарь Борджиа. О, очень большое. До свидания. Позвольте проводить вас, блистательная Юлия.

Ученый. Разрешите спросить, что именно было написано в этом таинственном завещании?

Цезарь Борджиа. О нет, я не скажу. Я сам заинтересован в нем. Я хочу власти, почета, и мне ужасно не хватает денег. Ведь я, Цезарь Борджиа, имя которого известно всей стране, должен еще служить простым оценщиком в городском ломбарде. Нравится вам моя откровенность?

Юлия. Идемте! Идемте же! Вы тут всем понравились. Он никогда не уходит сразу. *(Ученому.)* Мы еще увидимся с вами.

У ч е н ы й. Я буду очень рад.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Не радуйтесь прежде времени.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а и Ю л и я Д ж у л и уходят.

У ч е н ы й. Аннунциата, сколько оценщиков в вашем городском ломбарде?

А н н у н ц и а т а. Много.

У ч е н ы й. И все они бывшие людоеды?

А н н у н ц и а т а. Почти все.

У ч е н ы й. Что с вами? Почему вы такая грустная?

А н н у н ц и а т а. Ах, ведь я просила вас быть осторожным! Говорят, что эта певица Юлия Джули и есть та самая девочка, которая наступила на хлеб, чтобы сохранить свои новые башмачки.

У ч е н ы й. Но ведь та девочка, насколько я помню, была наказана за это.

А н н у н ц и а т а. Да, она провалилась сквозь землю, но потом выкарабкалась обратно и с тех пор опять наступает и наступает на хороших людей, на лучших подруг, даже на самое себя — и все это для того, чтобы сохранить свои новые башмачки, чулочки и платьица. Сейчас я принесу вам другой стакан молока.

У ч е н ы й. Погодите! Я не хочу пить, мне хочется поговорить с вами.

А н н у н ц и а т а. Спасибо вам за это.

У ч е н ы й. Скажите, пожалуйста, какое завещание оставил ваш покойный король Людовик Девятый Мечтательный?

А н н у н ц и а т а. О, это тайна, страшная тайна! Завещание было запечатано в семи конвертах семью сургучными печатями и скреплено подписями семи тайных советников. Вскрывала и читала завещание принцесса в полном одиночестве. У окон и дверей стояла стража, заткнув уши на всякий случай, хотя принцесса читала завещание про себя. Что сказано в этом таинственном документе, знает только принцесса и весь город.

У ч е н ы й. Весь город?

А н н у н ц и а т а. Да.

У ч е н ы й. Каким же это образом?

А н н у н ц и а т а. Никто не может объяснить этого. Уж, кажется, все предосторожности были соблюдены. Это просто чудо. Завещание знают все. Даже уличные мальчишки.

У ч е н ы й. Что же в нем сказано?

А н н у н ц и а т а. Ах, не спрашивайте меня.

У ч е н ы й. Почему?

А н н у н ц и а т а. Я очень боюсь, что завещание — это начало новой сказки, которая кончится печально.

У ч е н ы й. Аннунциата, ведь я приезжий. Завещание вашего короля меня никак не касается. Расскажите. А то получается нехорошо: я ученый, историк — и вдруг не знаю того, что известно каждому уличному мальчишке! Расскажите, пожалуйста.

А н н у н ц и а т а *(вздыхая)*. Ладно, расскажу. Когда хороший человек меня просит, я не могу ему отказать. Наша кухарка говорит, что это доведет меня до большой беды. Но пусть беда эта падет на мою голову, а не на вашу. Итак... Вы не слушаете меня?

У ч е н ы й. Что вы!

А н н у н ц и а т а. А почему вы смотрите на балкон противоположного дома?

У ч е н ы й. Нет, нет... Вот видите, я уселся поудобнее, закурил трубку и глаз не свожу с вашего лица.

А н н у н ц и а т а. Спасибо. Итак, пять лет назад умер наш король Людовик Девятый Мечтательный. Уличные мальчишки называли его не мечтательным, а дурачком, но это неверно. Покойный, правда, часто показывал им язык, высунувшись в форточку, но ребята сами были виноваты. Зачем они дразнили его? Покойный был умный человек, но такая уж должность королевская, что характер от нее портится. В самом начале его царствования первый министр, которому государь верил больше, чем родному отцу, отравил любимую сестру короля. Король

казнил первого министра. Второй первый министр не был отравителем, но он так лгал королю, что тот перестал верить всем, даже самому себе. Третий первый министр не был лжецом, но он был ужасно хитер. Он плел, и плел, и плел тончайшие паутины вокруг самых простых дел. Король во время его последнего доклада хотел сказать: «утверждаю» и вдруг зажужжал тоненько, как муха, попавшая в паутину. И министр слетел по требованию королевского лейб-медика. Четвертый первый министр не был хитер. Он был прям и прост. Он украл у короля золотую табакерку и бежал. И государь махнул рукой на дела управления. Первые министры с тех пор стали сами сменять друг друга. А государь занялся театром. Но говорят, что это еще хуже, чем управлять государством. После года работы в театре король стал цепенеть.

Ученый. Как цепенеть?

Аннунциата. А очень просто. Идет — и вдруг застынет, подняв одну ногу. И лицо его при этом выражает отчаяние. Лейб-медик объяснял это тем, что король неизлечимо запутался, пытаясь понять отношения работников театра друг к другу. Ведь их так много!

Ученый. Лейб-медик был прав.

Аннунциата. Он предлагал простое лекарство, которое, несомненно, вылечило бы бедного короля. Он предлагал казнить половину труппы, но король не согласился.

Ученый. Почему?

Аннунциата. Он никак не мог решить, какая именно половина труппы заслуживает казни. И наконец король махнул рукой на все и стал увлекаться плохими женщинами, и только они не обманули его.

Ученый. Неужели?

Аннунциата. Да, да! Уж они-то оказались воистину плохими женщинами. То есть в точности такими, как о них говорили. И это очень утешило короля, но вконец расстроило его здоровье. И у него отнялись ноги. И с тех пор его стали возить в кресле по дворцу,

а он все молчал и думал, думал, думал. О чем он думал, он не говорил никому. Изредка государь приказывал подвезти себя к окну и, открывши форточку, показывал язык уличным мальчишкам, которые прыгали и кричали: «Дурачок, дурачок, дурачок!» А потом король составил завещание. А потом умер.

Ученый. Наконец-то мы подошли к самой сути дела.

Аннунциата. Когда король умер, его единственной дочери, принцессе, было тринадцать лет. «Дорогая, — писал он ей в завещании, — я прожил свою жизнь плохо, ничего не сделал. Ты тоже ничего не сделаешь — ты отравлена дворцовым воздухом. Я не хочу, чтобы ты выходила замуж за принца. Я знаю наперечет всех принцев мира. Все они слишком большие дураки для такой маленькой страны, как наша. Когда тебе исполнится восемнадцать лет, поселись где-нибудь в городе и ищи, ищи, ищи. Найди себе доброго, честного, образованного и умного мужа. Пусть это будет незнатный человек. А вдруг ему удастся сделать то, что не удавалось ни одному из знатнейших? Вдруг он сумеет управлять, и хорошо управлять? А? Вот будет здорово! Так постарайся, пожалуйста. Папа».

Ученый. Так он и написал?

Аннунциата. В точности. На кухне столько раз повторяли завещание, что я запомнила его слово в слово.

Ученый. И принцесса теперь живет в городе?

Аннунциата. Да. Но ее не так просто найти.

Ученый. Почему?

Аннунциата. Масса плохих женщин сняли целые этажи домов и притворяются принцессами.

Ученый. А разве вы не знаете свою принцессу в лицо?

Аннунциата. Нет. Прочтя завещание, принцесса стала носить маску, чтобы ее не узнали, когда она отправится искать мужа.

Ученый. Скажите, она... *(Замолкает.)*

На балкон противоположного дома выходит девушка с белокурыми волосами, в темном и скромном наряде.

А скажите, она... О чем это я вас хотел спросить?.. Впрочем... нет, ни о чем.

Аннунциата. Вы опять не смотрите на меня?

Ученый. Как не смотрю?.. А куда же я смотрю?

Аннунциата. Вон туда... Ах! Разрешите, я закрою дверь на балкон.

Ученый. Зачем же? Не надо! Ведь только сейчас стало по-настоящему прохладно.

Аннунциата. После заката солнца следует закрывать окна и двери. Иначе можно заболеть малярией. Нет, не в малярии здесь дело! Не надо смотреть туда. Пожалуйста... Вы сердитесь на меня? Не сердитесь... Не смотрите на эту девушку. Позвольте мне закрыть дверь на балкон. Вы ведь все равно что маленький ребенок. Вы вот не любите супа, а без супа что за обед! Вы отдаете белье в стирку без записи. И с таким же добродушным, веселым лицом пойдете вы прямо на смерть. Я говорю так смело, что сама перестаю понимать, что говорю: это дерзость, но нельзя же не предупредить вас. Об этой девушке говорят, что она нехорошая женщина... Стойте, стойте... Это, по-моему, не так страшно... Я боюсь, что тут дело похуже.

Ученый. Вы думаете?

Аннунциата. Да. А вдруг эта девушка принцесса? Тогда что? Что вы будете делать тогда?

Ученый. Конечно, конечно.

Аннунциата. Вы не слышали, что я вам оказала?

Ученый. Вот как!

Аннунциата. Ведь если она действительно принцесса, все захотят жениться на ней и вас растопчут в давке.

Ученый. Да, да, конечно.

А н н у н ц и а т а. Нет, я вижу, что мне тут ничего не поделать. Какая я несчастная девушка, сударь.

У ч е н ы й. Не правда ли?

Аннунциата идет к выходной двери. Ученый — к двери, ведущей на балкон. Аннунциата оглядывается. Останавливается.

А н н у н ц и а т а. До свидания, сударь. *(Тихо, с неожиданной энергией.)* Никому не позволю тебя обижать. Ни за что. Никогда. *(Уходит.)*

Ученый смотрит на девушку, стоящую на противоположном балконе, она глядит вниз, на улицу. Ученый начинает говорить тихо, потом все громче. К концу его монолога девушка смотрит на него не отрываясь.

У ч е н ы й. Конечно, мир устроен разумнее, чем кажется. Еще немножко — дня два-три работы, — и я пойму, как сделать всех людей счастливыми. Все будут счастливы, да не так, как я. Я только здесь, вечерами, когда вы стоите на балконе, стал понимать, что могу быть счастлив, как ни один человек. Я знаю вас, — вас нельзя не знать. Я понимаю вас, как понимаю хорошую погоду, луну, дорожку в горах. Ведь это так просто. Я не могу точно сказать, о чем вы думаете, но зато знаю точно, что мысли ваши обрадовали бы меня, как ваше лицо, ваши косы и ресницы. Спасибо вам за все: за то, что вы выбрали себе этот дом, за то, что родились и живете тогда же, когда живу я. Что бы я стал делать, если бы вдруг не встретил вас! Страшно подумать!

Д е в у ш к а. Вы говорите это наизусть?

У ч е н ы й. Я... я...

Д е в у ш к а. Продолжайте.

У ч е н ы й. Вы заговорили со мной!

Д е в у ш к а. Вы сами сочинили все это или заказали кому-нибудь?

У ч е н ы й. Простите, но голос ваш так поразил меня, что я ничего не понимаю.

Д е в у ш к а. Вы довольно ловко увиливаете от прямого ответа. Пожалуй, вы сами сочинили то, что гово-

рили мне. А может быть, и нет. Ну хорошо, оставим это. Мне скучно сегодня. Как это у вас хватает терпения целый день сидеть в одной комнате? Это кабинет?

У ч е н ы й. Простите?

Д е в у ш к а. Это кабинет, или гардеробная, или гостиная, или одна из зал?

У ч е н ы й. Это просто моя комната. Моя единственная комната.

Д е в у ш к а. Вы нищий?

У ч е н ы й. Нет, я ученый.

Д е в у ш к а. Ну пусть. У вас очень странное лицо.

У ч е н ы й. Чем же?

Д е в у ш к а. Когда вы говорите, то кажется, будто вы не лжете.

У ч е н ы й. Я и в самом деле не лгу.

Д е в у ш к а. Все люди — лжецы.

У ч е н ы й. Неправда.

Д е в у ш к а. Нет, правда. Может быть, вам и не лгут — у вас всего одна комната, — а мне вечно лгут. Мне жалко себя.

У ч е н ы й. Да что вы говорите? Вас обижают? Кто?

Д е в у ш к а. Вы так ловко притворяетесь внимательным и добрым, что мне хочется пожаловаться вам.

У ч е н ы й. Вы так несчастны?

Д е в у ш к а. Не знаю. Да.

У ч е н ы й. Почему?

Д е в у ш к а. Так. Все люди — негодяи.

У ч е н ы й. Не надо так говорить. Так говорят те, кто выбрал себе самую ужасную дорогу в жизни. Они безжалостно душат, давят, грабят, клевещут: кого жалеть, — ведь все люди негодяи!

Д е в у ш к а. Так, значит, не все?

У ч е н ы й. Нет.

Д е в у ш к а. Хорошо, если бы это было так. Я ужасно боюсь превратиться в лягушку.

У ч е н ы й. Как в лягушку?

Д е в у ш к а. Вы слышали сказку про Царевну-лягушку? Ее неверно рассказывают. На самом деле все было иначе. Я это знаю точно. Царевна-лягушка — моя тетя.

У ч е н ы й. Тетя?

Д е в у ш к а. Да. Двоюродная. Рассказывают, что Царевну-лягушку поцеловал человек, который полюбил ее, несмотря на безобразную наружность. И лягушка от этого превратилась в прекрасную женщину. Так?

У ч е н ы й. Да, насколько я помню.

Д е в у ш к а. А на самом деле тетя моя была прекрасная девушка, и она вышла замуж за негодяя, который только притворялся, что любит ее. И поцелуи его были холодны и так отвратительны, что прекрасная девушка превратилась в скором времени в холодную и отвратительную лягушку. Нам, родственникам, это было очень неприятно. Говорят, что такие вещи случаются гораздо чаще, чем можно предположить. Только тетя моя не сумела скрыть своего превращения. Она была крайне несдержанна. Это ужасно. Не правда ли?

У ч е н ы й. Да, это очень грустно.

Д е в у ш к а. Вот видите! А вдруг и мне суждено это? Мне ведь придется выйти замуж. Вы наверное знаете, что не все люди негодяи?

У ч е н ы й. Совершенно точно знаю. Ведь я историк.

Д е в у ш к а. Вот было бы хорошо! Впрочем, я не верю вам.

У ч е н ы й. Почему?

Д е в у ш к а. Вообще я никому и ничему не верю.

У ч е н ы й. Нет, не может этого быть. У вас такой здоровый цвет лица, такие живые глаза. Не верить ничему — да ведь это смерть!

Д е в у ш к а. Ах, я все понимаю.

У ч е н ы й. Все понимать — это тоже смерть.

Д е в у ш к а. Все на свете одинаково. И те правы, и эти правы, и, в конце концов, мне все безразлично.

У ч е н ы й. Все безразлично — да ведь это еще хуже смерти! Вы не можете так думать. Нет! Как вы огорчили меня!

Д е в у ш к а. Мне все равно... Нет, мне не все равно, оказывается. Теперь вы не будете больше каждый вечер смотреть на меня?

У ч е н ы й. Буду. Все не так просто, как кажется. Мне казалось, что ваши мысли гармоничны, как вы... Но вот они передо мной... Они и вовсе не похожи на те, которые я ждал... И все-таки... все-таки я люблю вас...

Д е в у ш к а. Любите?

У ч е н ы й. Я люблю вас...

Д е в у ш к а. Ну вот... я все понимала, ни во что не верила, мне все было безразлично, а теперь все перепуталось...

У ч е н ы й. Я люблю вас...

Д е в у ш к а. Уйдите... Или нет... Нет, уйдите и закройте дверь... Нет, я уйду... Но... если вы завтра вечером осмелитесь... осмелитесь не прийти сюда на балкон, я... я... прикажу... нет... я просто огорчусь. *(Идет к двери, оборачивается.)* Я даже не знаю, как вас зовут.

У ч е н ы й. Меня зовут Христиан-Теодор.

Д е в у ш к а. До свидания, Христиан-Теодор, милый. Не улыбайтесь! Не думайте, что вы ловко обманули меня. Нет, не огорчайтесь... Я говорю это просто так... Когда вы сказали так вот, вдруг, прямо, что любите меня, мне стало тепло, хотя я вышла на балкон в кисейном платье. Не смейте говорить со мной! Довольно! Если я услышу еще хоть слово, я заплачу. До свидания! Какая я несчастная девушка, сударь. *(Уходит.)*

У ч е н ы й. Ну вот... Мне казалось, что еще миг — и я все пойму, а теперь мне кажется, еще миг — и я запутаюсь совсем. Боюсь, что эта девушка действительно принцесса. «Все люди негодяи, все на свете одинаково, мне все безразлично, я ни во что не верю» — какие явственные признаки злокачественного малокровия, обычного у изнеженных людей, выросших в тепличном

воздухе! Ее… Она… Но ведь все-таки ей вдруг стало тепло, когда я признался, что люблю ее! Значит, крови-то у нее в жилах все-таки достаточно? *(Смеется.)* Я уверен, я уверен, что все кончится прекрасно. Тень, моя добрая, послушная тень! Ты так покорно лежишь у моих ног. Голова твоя глядит в дверь, в которую ушла незнакомая девушка. Взяла бы ты, тень, да пошла туда к ней. Что тебе стоит! Взяла бы да сказала ей: «Все это глупости. Мой господин любит вас, так любит, что все будет прекрасно. Если вы Царевна-лягушка, то он оживит вас и превратит в прекрасную женщину». Словом, ты знаешь, что надо говорить, ведь мы выросли вместе. *(Смеется.)* Иди!

Ученый отходит от двери. Тень ученого вдруг отделяется от него. Вытягивается в полный рост на противоположном балконе. Ныряет в дверь, которую девушка, уходя, оставила полуоткрытой.

Что это?.. У меня какое-то странное чувство в ногах… и во всем теле… Я… я заболел? Я… *(Шатается, падает в кресло, звонит.)*

Вбегает А н н у н ц и а т а.

Аннунциата! Вы, кажется, были правы.

А н н у н ц и а т а. Это была принцесса?

У ч е н ы й. Нет! Я заболел. *(Закрывает глаза.)*

А н н у н ц и а т а *(бежит к двери)*. Отец!

Входит П ь е т р о.

П ь е т р о. Не ори. Не знаешь, что ли, что отец подслушивает тут под дверью.

А н н у н ц и а т а. Я не заметила.

П ь е т р о. Родного отца не замечает… Дожили! Ну? Чего ты мигаешь? Вздумала реветь?

А н н у н ц и а т а. Он заболел.

П ь е т р о. Разрешите, сударь, я помогу вам лечь в постель.

У ч е н ы й *(встает)*. Нет. Я сам. Не прикасайтесь, пожалуйста, ко мне…

Пьетро. Чего вы боитесь? Я вас не съем!

Ученый. Не знаю. Ведь я так ослабел вдруг. *(Идет к ширмам, за которыми стоит его кровать.)*

Аннунциата *(тихо, с ужасом)*. Смотри!

Пьетро. Что еще?

Аннунциата. У него нет тени.

Пьетро. Да ну? Действительно нет... Проклятый климат! И как его угораздило? Пойдут слухи. Подумают, что это эпидемия...

Ученый скрывается за ширмами.

Никому ни слова. Слышишь ты?

Аннунциата *(у ширмы)*. Он в обмороке.

Пьетро. Тем лучше. Беги за доктором. Доктор уложит дурака в кровать недели на две, а тем временем у него вырастет новая тень. И никто ничего не узнает.

Аннунциата. Человек без тени — ведь это одна из самых печальных сказок на свете.

Пьетро. Говорят тебе, у него вырастет новая тень! Выкрутится... Беги!

Аннунциата убегает.

Черт... Хорошо еще, что этот газетчик занят с дамой и ничего не пронюхал.

Входит Цезарь Борджиа.

Цезарь Борджиа. Добрый вечер!

Пьетро. Ах, вы тут как тут... Дьявол... Где ваша баба?

Цезарь Борджиа. Ушла на концерт.

Пьетро. К дьяволу все концерты!

Цезарь Борджиа. Ученый в обмороке?

Пьетро. Да, будь он проклят.

Цезарь Борджиа. Слышали?

Пьетро. Что именно?

Цезарь Борджиа. Его разговор с принцессой.

Пьетро. Да.

Цезарь Борджиа. Короткий ответ. Что же вы не проклинаете все и вся, не палите из пистолета, не кричите?

Пьетро. В серьезных делах я тих.

Цезарь Борджиа. Похоже на то, что это настоящая принцесса.

Пьетро. Да. Это она.

Цезарь Борджиа. Я вижу, вам хочется, чтобы он женился на принцессе.

Пьетро. Мне? Я съем его при первой возможности.

Цезарь Борджиа. Надо будет его съесть. Да, надо, надо. По-моему, сейчас самый подходящий момент. Человека легче всего съесть, когда он болен или уехал отдыхать. Ведь тогда он сам не знает, кто его съел, и с ним можно сохранить прекраснейшие отношения.

Пьетро. Тень.

Цезарь Борджиа. Что «тень»?

Пьетро. Надо будет найти его тень.

Цезарь Борджиа. Зачем же?

Пьетро. Она поможет нам. Она не простит ему никогда в жизни, что когда-то была его тенью.

Цезарь Борджиа. Да, она поможет нам съесть его.

Пьетро. Тень — полная противоположность ученому.

Цезарь Борджиа. Но... Но ведь тогда она может оказаться сильнее, чем следует.

Пьетро. Пусть. Тень не забудет, что мы помогли ей выйти в люди. И мы съедим его.

Цезарь Борджиа. Да, надо будет съесть его. Надо, надо!

Пьетро. Тише!

Вбегает Аннунциата.

Аннунциата. Уходите отсюда! Что вам тут нужно?

П ь е т р о. Дочь! *(Достает пистолет.)* А впрочем, идемте ко мне. Там поговорим. Доктор идет?

А н н у н ц и а т а. Да, бежит бегом. Он говорит, что это серьезный случай.

П ь е т р о. Ладно.

Уходит вместе с Ц е з а р е м Б о р д ж и а.

А н н у н ц и а т а *(заглядывая за ширму)*. Так я и знала! Лицо спокойное, доброе, как будто он видит во сне, что гуляет в лесу под деревьями. Нет, не простят ему, что он такой хороший человек! Что-то будет, что-то будет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Парк. Усыпанная песком площадка, окруженная подстриженными деревьями. В глубине павильон. М а ж о р д о м и п о м о щ н и к его возятся на авансцене.

М а ж о р д о м. Стол ставь сюда. А сюда кресла. Поставь на стол шахматы. Вот. Теперь все готово для заседания.

П о м о щ н и к. А скажите, господин мажордом, почему господа министры заседают тут, в парке, а не во дворце?

М а ж о р д о м. Потому, что во дворце есть стены. Понял?

П о м о щ н и к. Никак нет.

М а ж о р д о м. А у стен есть уши. Понял?

П о м о щ н и к. Да, теперь понял.

М а ж о р д о м. То-то. Положи подушки на это кресло.

П о м о щ н и к. Это для господина первого министра?

М а ж о р д о м. Нет, для господина министра финансов. Он тяжело болен.

П о м о щ н и к. А что с ним?

М а ж о р д о м. Он самый богатый делец в стране. Соперники страшно ненавидят его. И вот один из них в прошлом году пошел на преступление. Он решился отравить господина министра финансов.

П о м о щ н и к. Какой ужас!

М а ж о р д о м. Не огорчайся прежде времени. Господин министр финансов вовремя узнал об этом и скупил все яды, какие есть в стране.

П о м о щ н и к. Какое счастье!

М а ж о р д о м. Не радуйся прежде времени. Тогда преступник пришел к господину министру финансов и дал необычайно высокую цену за яды. И господин министр поступил вполне естественно. Министр ведь реальный политик. Он подсчитал прибыль и продал негодяю весь запас своих зелий. И негодяй отравил министра. Вся семья его превосходительства изволила скончаться в страшных мучениях. И сам он с тех пор еле жив, но заработал он на этом двести процентов чистых. Дело есть дело. Понял?

П о м о щ н и к. Да, теперь понял.

М а ж о р д о м. Ну, то-то. Итак, все готово? Кресла. Шахматы. Сегодня тут состоится особенно важное совещание.

П о м о щ н и к. Почему вы думаете?

М а ж о р д о м. Во-первых, встретятся всего два главных министра — первый и финансов, а во-вторых, они будут делать вид, что играют в шахматы, а не заседают. Всем известно, что это значит. Кусты, наверное, так и кишат любопытными.

П о м о щ н и к. А вдруг любопытные подслушают то, что говорят господа министры?

М а ж о р д о м. Любопытные ничего не узнают.

П о м о щ н и к. Почему?

М а ж о р д о м. Потому что господа министры понимают друг друга с полуслова. Много ты поймешь из полуслов! *(Внезапно склоняется в низком поклоне.)*

Они идут. Я так давно служу при дворе, что моя поясница сгибается сама собой при приближении высоких особ. Я их еще не вижу и не слышу, а уже кланяюсь. Поэтому-то я и главный. Понял? Кланяйся же!.. Ниже.

Мажордом сгибается до земли. Помощник за ним. С двух сторон сцены, справа и слева, одновременно выходят два министра — первый министр и министр финансов. Первый — небольшого роста, человек с брюшком, плешью, румяный, ему за пятьдесят. Министр финансов — иссохший, длинный, с ужасом озирающийся, хромает на обе ноги. Его ведут под руки два рослых лакея. Министры одновременно подходят к столу, одновременно садятся и сразу принимаются играть в шахматы. Лакеи, приведшие министра финансов, усадив его, бесшумно удаляются. Мажордом и его помощник остаются на сцене. Стоят навытяжку.

Первый министр. Здоровье?

Министр финансов. Отвра.

Первый министр. Дела?

Министр финансов. Очень пло.

Первый министр. Почему?

Министр финансов. Конкуре.

Играют молча в шахматы.

Мажордом *(шепотом)*. Видишь, я говорил тебе, что они понимают друг друга с полуслова.

Первый министр. Слыхали о принцессе?

Министр финансов. Да. Мне докла.

Первый министр. Этот приезжий ученый похитил ее сердце.

Министр финансов. Похитил?! Подождите... Лакей! Нет, не вы... Мой лакей!

Входит один из лакеев, приведших министра.

Лакей! Вы все двери заперли, когда мы уходили?

Лакей. Все, ваше превосходительство.

Министр финансов. И железную?

Лакей. Так точно.

Министр финансов. И медную?

Лакей. Так точно.

Министр финансов. И чугунную?

Лакей. Так точно.

Министр финансов. И капканы расставили? Помните, вы отвечаете жизнью за самую ничтожную пропажу.

Лакей. Помню, ваше превосходительство.

Министр финансов. Ступайте...

Лакей уходит.

Я слушаю.

Первый министр. По сведениям дежурных тайных советников, принцесса третьего дня долго глядела в зеркало, потом заплакала и сказала *(достает записную книжку, читает):* «Ах, почему я пропадаю напрасно?» — и в пятый раз послала спросить о здоровье ученого. Узнав, что особых изменений не произошло, принцесса топнула ногой и прошептала *(читает):* «Черт побери!» А сегодня она ему назначила свидание в парке. Вот. Как вам это нра?

Министр финансов. Совсем мне это не нра! Кто он, этот ученый?

Первый министр. Ах, он изучен мною до тонкости.

Министр финансов. Шантажист?

Первый министр. Хуже...

Министр финансов. Вор?

Первый министр. Еще хуже.

Министр финансов. Авантюрист, хитрец. Ловкач?

Первый министр. О, если бы...

Министр финансов. Так что же он, наконец?

Первый министр. Простой, наивный человек.

Министр финансов. Шах королю.

Первый министр. Рокируюсь...

Министр финансов. Шах королеве.

П е р в ы й м и н и с т р. Бедная принцесса! Шантажиста мы разоблачили бы, вора поймали бы, ловкача и хитреца перехитрили бы, а этот… Поступки простых и честных людей иногда так загадочны!

М и н и с т р ф и н а н с о в. Надо его или ку, или у.

П е р в ы й м и н и с т р. Да, другого выхода нет.

М и н и с т р ф и н а н с о в. В городе обо всем этом уже проню?

П е р в ы й м и н и с т р. Еще бы не проню!

М и н и с т р ф и н а н с о в. Так и знал. Вот отчего благоразумные люди переводят золото за границу в таком количестве. Один банкир третьего дня перевел за границу даже свои золотые зубы. И теперь он все время ездит за границу и обратно. На родине ему теперь нечем пережевывать пищу.

П е р в ы й м и н и с т р. По-моему, ваш банкир проявил излишнюю нервность.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Это чуткость! Нет на свете более чувствительного организма, чем деловые круги. Одно завещание короля вызвало семь банкротств, семь самоубийств, и все ценности упали на семь пунктов. А сейчас… О, что будет сейчас! Никаких перемен, господин первый министр! Жизнь должна идти ровно, как часы.

П е р в ы й м и н и с т р. Кстати, который час?

М и н и с т р ф и н а н с о в. Мои золотые часы переправлены за границу. А если я буду носить серебряные, то пойдут слухи, что я разорился, и это вызовет панику в деловых кругах.

П е р в ы й м и н и с т р. Неужели в нашей стране совсем не осталось золота?

М и н и с т р ф и н а н с о в. Его больше, чем нужно.

П е р в ы й м и н и с т р. Откуда?

М и н и с т р ф и н а н с о в. Из-за границы. Заграничные деловые круги волнуются по своим заграничным причинам и переводят золото к нам. Так мы

и живем. Подведем итог. Следовательно, ученого мы купим.

Первый министр. Или убьем.

Министр финансов. Каким образом мы это сделаем?

Первый министр. Самым деликатным! Ведь в дело замешано такое чувство, как любовь! Я намерен расправиться с ученым при помощи дружбы.

Министр финансов. Дружбы?

Первый министр. Да. Для этого необходимо найти человека, с которым дружен наш ученый. Друг знает, что он любит, чем его можно купить. Друг знает, что он ненавидит, что для него чистая смерть. Я приказал в канцелярии добыть друга.

Министр финансов. Это ужасно.

Первый министр. Почему?

Министр финансов. Ведь ученый — приезжий, следовательно, друга ему придется выписывать из-за границы. А по какой графе я проведу этот расход? Каждое нарушение сметы вызывает у моего главного бухгалтера горькие слезы. Он будет рыдать как ребенок, а потом впадет в бредовое состояние. На некоторое время он прекратит выдачу денег вообще. Всем. Даже мне. Даже вам.

Первый министр. Да ну? Это неприятно. Ведь судьба всего королевства поставлена на карту. Как же быть?

Министр финансов. Не знаю.

Первый министр. А кто же знает?

Помощник *(выступая вперед)*. Я.

Министр финансов *(вскакивая)*. Что это? Начинается?

Первый министр. Успокойтесь, пожалуйста. Если это и начнется когда-нибудь, то не с дворцовых лакеев.

Министр финансов. Так это не бунт?

Первый министр. Нет. Это просто дерзость. Кто вы?

П о м о щ н и к. Я тот, кого вы ищете. Я друг ученого, ближайший друг его. Мы не расставались с колыбели до последних дней.

П е р в ы й м и н и с т р. Послушайте, любезный друг, вы знаете, с кем вы говорите?

П о м о щ н и к. Да.

П е р в ы й м и н и с т р. Почему же вы не называете меня «ваше превосходительство»?

П о м о щ н и к *(с глубоким поклоном)*. Простите, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Вы приезжий?

П о м о щ н и к. Я появился на свет в этом городе, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. И тем не менее вы друг приезжего ученого?

П о м о щ н и к. Я как раз тот, кто вам нужен, ваше превосходительство. Я знаю его как никто, а он меня совсем не знает, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Странно.

П о м о щ н и к. Если вам угодно, я скажу, кто я, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Говорите. Чего вы озираетесь?

П о м о щ н и к. Разрешите мне написать на песке, кто я, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Пишите.

Помощник чертит что-то на песке.
Министры читают и переглядываются.

Что вы ска?

М и н и с т р ф и н а н с о в. Подходя. Но будьте осторо! А то он заломит це.

П е р в ы й м и н и с т р. Так. Кто устроил вас на службу во дворец?

П о м о щ н и к. Господин Цезарь Борджиа и господин Пьетро, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р *(министру финансов)*. Вам знакомы эти имена?

М и н и с т р ф и н а н с о в. Да, вполне надежные людоеды.

П е р в ы й м и н и с т р. Хорошо, любезный, мы подумаем.

П о м о щ н и к. Осмелюсь напомнить вам, что мы на юге, ваше превосходительство.

П е р в ы й м и н и с т р. Ну так что?

П о м о щ н и к. На юге все так быстро растет, ваше превосходительство. Ученый и принцесса заговорили друг с другом всего две недели назад и не виделись с тех пор ни разу, а смотрите, как выросла их любовь, ваше превосходительство. Как бы нам не опоздать, ваше превосходительство!

П е р в ы й м и н и с т р. Я ведь сказал вам, что мы подумаем. Станьте в сторону.

Министры задумываются.

Подойдите сюда, любезный.

Помощник выполняет приказ.

Мы подумали и решили взять вас на службу в канцелярию первого министра.

П о м о щ н и к. Спасибо, ваше превосходительство. По-моему, с ученым надо действовать так...

П е р в ы й м и н и с т р. Что с вами, любезный? Вы собираетесь действовать, пока вас еще не оформили? Да вы сошли с ума! Вы не знаете, что ли, что такое канцелярия?

П о м о щ н и к. Простите, ваше превосходительство.

Взрыв хохота за кулисами.

П е р в ы й м и н и с т р. Сюда идут курортники. Они помешают нам. Пройдемте в канцелярию, и там я оформлю ваше назначение. После этого мы, так и быть, выслушаем вас.

Помощник. Спасибо, ваше превосходительство.

Министр финансов. Лакеи!

Появляются лакеи.

Уведите меня.

Уходят. Распахиваются двери павильона, и оттуда появляется доктор — молодой человек, в высшей степени угрюмый и сосредоточенный. Его окружают курортники, легко, но роскошно одетые.

1-я курортница. Доктор, а отчего у меня под коленкой бывает чувство, похожее на задумчивость?

Доктор. Под которой коленкой?

1-я курортница. Под правой.

Доктор. Пройдет.

2-я курортница. А почему у меня за едой, между восьмым и девятым блюдом, появляются меланхолические мысли?

Доктор. Какие, например?

2-я курортница. Ну, мне вдруг хочется удалиться в пустыню и там предаться молитвам и посту.

Доктор. Пройдет.

1-й курортник. Доктор, а почему после сороковой ванны мне вдруг перестали нравиться шатенки?

Доктор. А кто вам нравится теперь?

1-й курортник. Одна блондинка.

Доктор. Пройдет. Господа, позвольте вам напомнить, что целебный час кончился. Сестра милосердия, вы свободны. Сестра развлечения, приступайте к своим обязанностям.

Сестра развлечения. Кому дать мячик? Кому скакалку? Обручи, обручи, господа! Кто хочет играть в пятнашки? В палочку-выручалочку? В кошки-мышки? Время идет. Господа, ликуйте, господа, играйте!

Курортники расходятся, играя. Входят ученый и Аннунциата.

Аннунциата. Доктор, он сейчас купил целый лоток леденцов.

У ч е н ы й. Но ведь я роздал леденцы уличным мальчишкам.

А н н у н ц и а т а. Все равно! Разве больному можно покупать сладости?

Д о к т о р *(ученому).* Станьте против солнца. Так Тень ваша выросла до нормальных размеров. Этого и следовало ожидать — на юге все так быстро растет. Как вы себя чувствуете?

У ч е н ы й. Я чувствую, что совершенно здоров.

Д о к т о р. Все-таки я выслушаю вас. Нет, не надо снимать сюртук; у меня очень чуткие уши. *(Берет со стола в павильоне стетоскоп.)* Так. Вздохните. Вздохните глубоко. Тяжело вздохните. Еще раз. Вздохните с облегчением. Еще раз. Посмотрите на все сквозь пальцы. Махните на все рукой. Еще раз. Пожмите плечами. Так. *(Садится и задумывается.)*

Ученый достает из бокового кармана сюртука пачку писем. Роется в них.

А н н у н ц и а т а. Ну, что вы скажете, доктор? Как идут его дела?

Д о к т о р. Плохо.

А н н у н ц и а т а. Ну вот видите, а он говорит, что совершенно здоров.

Д о к т о р. Да, он здоров. Но дела его идут плохо. И пойдут еще хуже, пока он не научится смотреть на мир сквозь пальцы, пока он не махнет на все рукой, пока он не овладеет искусством пожимать плечами.

А н н у н ц и а т а. Как же быть, доктор? Как его научить всему этому?

Доктор молча пожимает плечами.

Ответьте мне, доктор. Ну, пожалуйста. Ведь я все равно не отстану, вы знаете, какая я упрямая. Что ему надо делать?

Д о к т о р. Беречься!

А н н у н ц и а т а. А он улыбается.

Д о к т о р. Да, это бывает.

А н н у н ц и а т а. Он ученый, он умный, он старше меня, но иногда мне хочется его просто отшлепать. Ну поговорите же с ним!

Доктор машет рукой.

Доктор!

Д о к т о р. Вы же видите, он не слушает меня. Он уткнулся носом в какие-то записки.

А н н у н ц и а т а. Это письма от принцессы. Сударь! Доктор хочет поговорить с вами, а вы не слушаете.

У ч е н ы й. Как не слушаю! Я все слышал.

А н н у н ц и а т а. И что вы скажете на это?

У ч е н ы й. Скажу, скажу...

А н н у н ц и а т а. Сударь!

У ч е н ы й. Сейчас! Я не могу найти тут... *(Бормочет.)* Как написала она — «всегда с вами» или «навсегда с вами»?

А н н у н ц и а т а *(жалобно)*. Я застрелю вас!

У ч е н ы й. Да, да, пожалуйста.

Д о к т о р. Христиан-Теодор! Ведь вы ученый... Выслушайте же меня наконец. Я все-таки ваш товарищ.

У ч е н ы й *(пряча письма)*. Да, да. Простите меня.

Д о к т о р. В народных преданиях о человеке, который потерял тень, в монографиях Шамиссо и вашего друга Ганса-Христиана Андерсена говорится, что...

У ч е н ы й. Не будем вспоминать о том, что там говорится. У меня все кончится иначе.

Д о к т о р. Ответьте мне как врачу — вы собираетесь жениться на принцессе?

У ч е н ы й. Конечно.

Д о к т о р. А я слышал, что вы мечтаете как можно больше людей сделать счастливыми.

У ч е н ы й. И это верно.

Д о к т о р. И то и другое не может быть верно.

У ч е н ы й. Почему?

Д о к т о р. Женившись на принцессе, вы станете королем.

Ученый. В том-то и сила, что я не буду королем! Принцесса любит меня, и она уедет со мной. А корону мы отвергнем — видите, как хорошо! И я объясню всякому, кто спросит, и втолкую самым нелюбопытным: королевская власть бессмысленна и ничтожна. Поэтому-то я и отказался от престола.

Доктор. И люди поймут вас?

Ученый. Конечно! Ведь я докажу им это живым примером.

Доктор молча машет рукой.

Человеку можно объяснить все. Ведь азбуку он понимает, а это еще проще, чем азбука, и, главное, так близко касается его самого!

Через сцену, играя, пробегают курортники.

Доктор *(указывая на них)*. И эти тоже поймут вас?

Ученый. Конечно! В каждом человеке есть что-то живое. Надо его за живое задеть — и все тут.

Доктор. Ребенок! Я их лучше знаю. Ведь они у меня лечатся.

Ученый. А чем они больны?

Доктор. Сытостью в острой форме.

Ученый. Это опасно?

Доктор. Да, для окружающих.

Ученый. Чем?

Доктор. Сытость в острой форме внезапно овладевает даже достойными людьми. Человек честным путем заработал много денег. И вдруг у него появляется зловещий симптом: особый, беспокойный, голодный взгляд обеспеченного человека. Тут ему и конец. Отныне он бесплоден, слеп и жесток.

Ученый. А вы не пробовали объяснить им все?

Доктор. Вот от этого я и хотел вас предостеречь. Горе тому, кто попробует заставить их думать о чем-нибудь, кроме денег. Это их приводит в настоящее бешенство.

Пробегают курортники.

Ученый. Посмотрите, они веселы!

Доктор. Отдыхают!

Быстро входит Юлия Джули.

Юлия (*доктору*). Вот вы наконец. Вы совсем здоровы?

Доктор. Да, Юлия.

Юлия. Ах, это доктор.

Доктор. Да, это я, Юлия.

Юлия. Зачем вы смотрите на меня, как влюбленный заяц? Убирайтесь!

Доктор хочет ответить, но уходит в павильон, молча махнув рукой.

Где вы, Христиан-Теодор?

Ученый. Вот я.

Юлия (*подходит к нему*). Да, это вы. (*Улыбается.*) Как я рада видеть вас! Ну, что вам сказал этот ничтожный доктор?

Ученый. Он сказал мне, что я здоров. Почему вы называете его ничтожным?

Юлия. Ах, я любила его когда-то, а таких людей я потом ужасно ненавижу.

Ученый. Это была несчастная любовь?

Юлия. Хуже. У этого самого доктора безобразная и злая жена, которой он смертельно боится. Целовать его можно было только в затылок.

Ученый. Почему?

Юлия. Он все время оборачивался и глядел, не идет ли жена. Но довольно о нем. Я пришла сюда, чтобы... предостеречь вас, Христиан-Теодор. Вам грозит беда.

Ученый. Не может быть. Ведь я так счастлив!

Юлия. И все-таки вам грозит беда.

Аннунциата. Не улыбайтесь, сударыня, умоляю вас. Иначе мы не поймем, серьезно вы говорите или шутите, и, может быть, даже погибнем из-за этого.

Юлия. Не обращайте внимания на то, что я улыбаюсь. В нашем кругу, в кругу настоящих людей, всегда

улыбаются на всякий случай. Ведь тогда, что бы ты ни сказал, можно повернуть и так и этак. Я говорю серьезно, Христиан-Теодор. Вам грозит беда.

У ч е н ы й. Какая?

Ю л и я. Я говорила вам, что в нашем кругу бывает один министр?

У ч е н ы й. Да.

Ю л и я. Это министр финансов. Он бывает в нашем кругу из-за меня. Он ухаживает за мной и все время собирается сделать мне предложение.

А н н у н ц и а т а. Он? Да он и ходить-то не умеет!

Ю л и я. Его водят прекрасно одетые лакеи. Ведь он так богат. И я сейчас встретила его. И он спросил, куда я иду. Услышав ваше имя, он поморщился, Христиан-Теодор.

А н н у н ц и а т а. Какой ужас!

Ю л и я. В нашем кругу мы все владеем одним искусством — мы изумительно умеем читать по лицам сановников. И даже я при моей близорукости прочла сейчас на лице министра, что против вас что-то затевается, Христиан-Теодор.

У ч е н ы й. Ну и пусть затевается.

Ю л и я. Ах, вы меня испортили за эти две недели. Зачем только я навещала вас! Я превратилась в сентиментальную мещанку. Это так хлопотливо. Аннунциата, уведите его.

У ч е н ы й. Зачем?

Ю л и я. Сейчас сюда придет министр финансов, и я пущу в ход все свои чары и узнаю, что они затевают. Я даже попробую спасти вас, Христиан-Теодор.

А н н у н ц и а т а. Как мне отблагодарить вас, сударыня?

Ю л и я. Никому ни слова, если вы мне действительно благодарны. Уходите.

А н н у н ц и а т а. Идемте, сударь.

У ч е н ы й. Аннунциата, вы ведь знаете, что я должен здесь встретиться с принцессой.

Юлия. У вас еще час времени. Уходите, если вы любите принцессу и жалеете меня.

Ученый. До свидания, бедная Юлия. Как вы озабочены обе! И только я один знаю — все будет прекрасно.

Аннунциата. Он идет. Сударыня, умоляю вас...

Юлия. Тише! Я же сказала вам, что попробую.

Ученый и Аннунциата уходят. Появляется министр финансов, его ведут лакеи.

Министр финансов. Лакеи! Усадите меня возле этой обворожительной женщины. Придайте мне позу, располагающую к легкой, остроумной болтовне.

Лакеи повинуются.

Так, теперь уходите.

Лакеи уходят.

Юлия, я хочу обрадовать вас.

Юлия. Вам это легко сделать.

Министр финансов. Очаровательница! Цирцея! Афродита! Мы сейчас беседовали о вас в канцелярии первого министра.

Юлия. Шалуны!

Министр финансов. Уверяю вас! И мы все сошлись на одном: вы умная, практичная нимфа!

Юлия. О куртизаны!

Министр финансов. И мы решили, что именно вы поможете нам в одном деле.

Юлия. Говорите, в каком. Если оно нетрудное, то я готова для вас на все.

Министр финансов. Пустяк! Вы должны будете помочь нам уничтожить приезжего ученого, по имени Теодор-Христиан. Ведь вы знакомы с ним, не так ли? Вы поможете нам?

Юлия не отвечает.

Лакеи!

Появляются лакеи.

Позу крайнего удивления!

Лакеи повинуются.

Юлия, я крайне удивлен. Почему вы смотрите на меня так, будто не знаете, что мне ответить?

Ю л и я. Я и в самом деле не знаю, что сказать вам. Эти две недели просто губят меня.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Я не понял.

Ю л и я. Я сама себя не понимаю.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Это отказ?

Ю л и я. Не знаю.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Лакеи!

Вбегают л а к е и.

Позу крайнего возмущения!

Лакеи повинуются.

Я крайне возмущен, госпожа Юлия Джули! Что это значит? Да уж не влюбились ли вы в нищего мальчишку? Молчать! Встать! Руки по швам! Перед вами не мужчина, а министр финансов. Ваш отказ показывает, что вы недостаточно уважаете всю нашу государственную систему. Тихо! Молчать! Под суд!

Ю л и я. Подождите!

М и н и с т р ф и н а н с о в. Не подожду! «Ах, зачем я не лужайка!» Только теперь я понял, что вы этим хотите сказать. Вы намекаете на то, что у фермеров мало земли. А? Что? Да я вас... Да я вам... Завтра же газеты разберут по косточкам вашу фигуру, вашу манеру петь, вашу частную жизнь. Лакеи! Топнуть ногой!

Лакеи топают ногой.

Да не своей, болваны, а моей!

Лакеи повинуются.

До свидания, бывшая знаменитость!

Ю л и я. Подождите же!

М и н и с т р ф и н а н с о в. Не подожду!

Юлия. Взгляните на меня!

Министр финансов. Потрудитесь называть меня «ваше превосходительство»!

Юлия. Взгляните на меня, ваше превосходительство.

Министр финансов. Ну?

Юлия. Неужели вы не понимаете, что для меня вы всегда больше мужчина, чем министр финансов?

Министр финансов *(польщенно)*. Да ну, бросьте!

Юлия. Даю вам слово. А разве мужчине можно сразу сказать «да»?

Министр финансов. Афродита! Уточним, вы согласны?

Юлия. Теперь я отвечу — да.

Министр финансов. Лакеи! Обнять ее!

Лакеи обнимают Юлию.

Болваны! Я хочу обнять ее. Так. Дорогая Юлия, спасибо. Завтра же приказом по канцелярии я объявлю себя вашим главным покровителем. Лакеи! Усадите меня возле этой Афродиты. Придайте мне позу крайней беззаботности. И вы, Юлия, примите беззаботную позу, но слушайте меня в оба уха. Итак, через некоторое время вы застанете здесь ученого, оживленно разговаривающего с чиновником особо важных дел. И вы под любым предлогом уведете отсюда ученого минут на двадцать. Вот и все.

Юлия. И все?

Министр финансов. Видите, как просто! А как раз эти двадцать минут его и погубят окончательно.

Пойдемте к ювелиру, я куплю вам кольцо несметной ценности. Идемте. Лакеи! Унесите нас.

Удаляются. Входят помощник и Пьетро с Цезарем Борджиа.

Помощник. Здравствуйте, господа!

Пьетро. Да ведь мы уже виделись сегодня утром.

П о м о щ н и к. Советую вам забыть, что мы виделись сегодня утром. Я не забуду, что вы в свое время нашли меня, устроили меня во дворец, помогли мне выйти в люди. Но вы, господа, раз и навсегда забудьте, кем я был, и помните, кем я стал.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Кто же вы теперь?

П о м о щ н и к. Я теперь чиновник особо важных дел канцелярии его превосходительства первого министра.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Как это удалось вам? Вот это успех! Прямо черт знает что такое! Вечная история!

П о м о щ н и к. Я добился этого успеха собственными усилиями. Поэтому я вторично напоминаю вам: забудьте о том, кем я был.

П ь е т р о. Забыть можно. Если не поссоримся, чего там вспоминать!

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Трудно забыть об этом. Но молчать до поры до времени можно. Вы поняли мой намек?

П о м о щ н и к. Я понял вас, господа. Мы не поссоримся, пока вы будете молчать о том, кем я был. Теперь слушайте внимательно. Мне поручено дело № 8989 *(Показывает папку.)* Вот оно.

П ь е т р о *(читает)*. Дело о замужестве принцессы.

П о м о щ н и к. Да. Здесь, в этой папке, все: и принцесса, и он, и вы, и настоящее, и будущее.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Кто намечен в женихи этой высокой особе — меня это мало волнует, как и все в этой, как говорится, земной жизни, но все-таки...

П о м о щ н и к. В женихи принцессы намечены вы оба.

П ь е т р о. Дьявол! Как так оба?

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Я и он?

П о м о щ н и к. Да. Надо же все-таки, чтобы у принцессы был выбор...

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Но вы сами должны видеть!

П ь е т р о. Какого дьявола ей нужно, когда есть я!

П о м о щ н и к. Тихо! Решение окончательное. Предлагаю я — выбирает принцесса. Пьетро, уведите домой вашу дочь. Мне нужно говорить с ученым, а она охраняет его, как целый полк гвардии.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Она влюбилась в него. А Пьетро слеп, как полагается отцу!

П ь е т р о. Дьявол! Я убью их обоих!

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Давно пора.

П ь е т р о. Сатана! Вы нарочно искушаете меня! Меня арестуют за убийство, а вы останетесь единственным женихом? Этого вы хотите?

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Да, хочу. И это вполне естественное желание. До свидания.

П ь е т р о. Нет уж, вы не уйдете. Я знаю, куда вы собрались.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Куда?

П ь е т р о. Вы хотите так или иначе съесть меня. Не выйдет. Я не отойду от вас ни на шаг.

П о м о щ н и к. Тише. Он идет сюда. Договоримся так: тот из вас, кто будет королем, заплатит другому хороший выкуп. Назначит, например, пострадавшего первым королевским секретарем или начальником стражи. Смотрите: он идет. Ему весело.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. А как вы с ним будете говорить?

П о м о щ н и к. Я с каждым говорю на его языке.

Входят у ч е н ы й и А н н у н ц и а т а.

У ч е н ы й. Какой прекрасный день, господа!

П ь е т р о. Да, ничего себе денек, будь он проклят. Аннунциата, домой!

А н н у н ц и а т а. Папа...

П ь е т р о. Домой! Иначе будет плохо тебе и кое-кому другому. Ты даже не сказала кухарке, что сегодня готовить на ужин.

А н н у н ц и а т а. Мне все равно.

П ь е т р о. Что вы говорите, чудовище? Господин Цезарь Борджиа, идемте с нами домой, друг, или, клянусь честью, я вас тихонечко прикончу кинжалом.

Уходят. Помощник, державшийся во время предыдущего разговора в стороне, подходит к ученому.

П о м о щ н и к. Вы не узнаете меня?

У ч е н ы й. Простите, нет.

П о м о щ н и к. Посмотрите внимательней.

У ч е н ы й. Что такое? Я чувствую, что знаю вас, и знаю хорошо, но...

П о м о щ н и к. А мы столько лет прожили вместе.

У ч е н ы й. Да что вы говорите?

П о м о щ н и к. Уверяю вас. Я следовал за вами неотступно, но вы только изредка бросали на меня небрежный взгляд. А ведь я часто бывал выше вас, подымался до крыш самых высоких домов. Обыкновенно это случалось в лунные ночи.

У ч е н ы й. Так, значит, вы...

П о м о щ н и к. Тише! Да, я ваша тень... Почему вы недоверчиво смотрите на меня? Ведь я всю жизнь со дня вашего рождения был так привязан к вам.

У ч е н ы й. Да нет, я просто...

Т е н ь. Вы сердитесь на меня за то, что я покинул вас. Но вы сами просили меня пойти к принцессе, и я немедленно исполнил вашу просьбу. Ведь мы выросли вместе среди одних и тех же людей. Когда вы говорили «мама», я беззвучно повторял то же слово. Я любил тех, кого вы любили, а ваши враги были моими врагами. Когда вы хворали — и я не мог поднять головы от подушки. Вы поправлялись — поправлялся и я. Неужели после целой жизни, прожитой в такой тесной дружбе, я мог бы вдруг стать вашим врагом!

У ч е н ы й. Да нет, что вы! Садитесь, старый приятель. Я болел без вас, а теперь вот поправился... Я чувствую себя хорошо. Сегодня такой прекрасный день. Я счастлив, у меня сегодня душа открыта — вот что я

вам скажу, хотя, вы знаете, я не люблю таких слов. Но вы просто тронули меня... Ну а вы, что вы делали это время?.. Или нет, подождите, давайте сначала перейдем на «ты».

Т е н ь *(протягивая ученому руку)*. Спасибо. Я оставался твоей тенью, вот что я делал все эти дни.

У ч е н ы й. Я не понимаю тебя.

Т е н ь. Ты послал меня к принцессе. Я сначала устроился помощником главного лакея во дворце, потом поднимался все выше и выше, и с сегодняшнего дня я чиновник особо важных дел при первом министре.

У ч е н ы й. Бедняга! Воображаю, как трудно среди этих людей! Но зачем ты это сделал?

Т е н ь. Ради тебя.

У ч е н ы й. Ради меня?

Т е н ь. Ты сам не знаешь, какой страшной ненавистью окружен с тех пор, как полюбил принцессу, а принцесса тебя. Все они готовы съесть тебя, и съели бы сегодня же, если бы не я.

У ч е н ы й. Что ты!

Т е н ь. Я среди них, чтобы спасти тебя. Они доверяют мне. Они мне поручили дело № 8989.

У ч е н ы й. Что же это за дело?

Т е н ь. Это дело о замужестве принцессы.

У ч е н ы й. Не может быть.

Т е н ь. И счастье наше, что это дело находится в верных руках. Меня направил к тебе сам первый министр. Мне поручено купить тебя.

У ч е н ы й. Купить? *(Смеется.)* За сколько?

Т е н ь. Пустяки. Они обещают тебе славу, почет и богатство, если ты откажешься от принцессы.

У ч е н ы й. А если я не продамся?

Т е н ь. Тебя убьют сегодня же.

У ч е н ы й. Никогда в жизни не поверю, что я могу умереть, особенно сегодня.

Т е н ь. Христиан, друг мой, брат, они убьют тебя, поверь мне. Разве они знают дорожки, по которым мы

бегали в детстве, мельницу, где мы болтали с водяным, лес, где мы встретили дочку учителя и влюбились — ты в нее, а я в ее тень. Они и представить себе не могут, что ты живой человек. Для них ты — препятствие, вроде пня или колоды. Поверь мне, еще и солнце не зайдет, как ты будешь мертв.

Ученый. Что же ты мне посоветуешь сделать?

Тень *(достает из папки бумагу)*. Подпиши это.

Ученый *(читает)*. «Я, нижеподписавшийся, решительно, бесповоротно и окончательно отказываюсь вступить в брак с наследною принцессою королевства, если взамен этого мне обеспечены будут слава, почет и богатство». Ты серьезно предлагаешь мне подписать это?

Тень. Подпиши, если ты не мальчик, если ты настоящий человек.

Ученый. Да что с тобой?

Тень. Пойми ты, у нас нет другого выхода. С одной стороны — мы трое, а с другой — министры, тайные советники, все чиновники королевства, полиция и армия. В прямом бою нам не победить. Поверь мне, я всегда был ближе к земле, чем ты. Слушай меня: эта бумажка их успокоит. Сегодня же вечером ты наймешь карету, за тобой не будут следить. А в лесу к тебе в карету сядем мы — принцесса и я. И через несколько часов мы свободны. Пойми ты — свободны. Вот походная чернильница, вот перо. Подпиши.

Ученый. Ну хорошо. Сейчас сюда придет принцесса, я посоветуюсь с ней и, если нет другого выхода, подпишу.

Тень. Нельзя ждать! Первый министр дал мне всего двадцать минут сроку. Он не верит, что тебя можно купить, он считает наш разговор простой формальностью. У него уже сидят дежурные убийцы и ждут приказания. Подпиши.

Ученый. Ужасно не хочется.

Т е н ь. Ты тоже убийца! Отказываясь подписать эту жалкую бумажонку, ты убиваешь меня, лучшего своего друга, и бедную, беспомощную принцессу. Разве мы переживем твою смерть!

У ч е н ы й. Ну хорошо, хорошо. Давай, я подпишу. Но только... я никогда в жизни больше не буду подходить так близко к дворцам... *(Подписывает бумагу.)*

Т е н ь. А вот и королевская печать. *(Ставит печать.)*

Вбегает Ю л и я. Тень скромно отходит в сторону.

Ю л и я. Христиан! Я погибла.

У ч е н ы й. Что случилось?

Ю л и я. Помогите мне.

У ч е н ы й. Я готов... Но как? Вы не шутите?

Ю л и я. Нет! Разве я улыбаюсь? Это по привычке. Идемте со мной немедленно. Идемте!

У ч е н ы й. Честное слово, я не могу уйти отсюда. Сейчас сюда придет принцесса.

Ю л и я. Дело идет о жизни и смерти!

У ч е н ы й. Ах, я догадываюсь, в чем дело... Вы узнали у министра финансов, какая беда мне грозит, и хотите предупредить меня. Спасибо вам, Юлия, но...

Ю л и я. Ах, вы не понимаете... Ну, оставайтесь. Нет! Я не хочу быть добродетельной, сентиментальной мещанкой. Я вовсе не собираюсь предупреждать вас. Дело касается меня! Христиан, простите... Идемте со мной, иначе я погибну. Ну хотите, я стану перед вами на колени? Идемте же!

У ч е н ы й. Хорошо. Я скажу только два слова моему другу. *(Подходит к Тени.)* Слушай, сейчас сюда придет принцесса.

Т е н ь. Да.

У ч е н ы й. Скажи ей, что я прибегу через несколько минут. Я не могу отказать этой женщине. Произошло какое-то несчастье.

Т е н ь. Иди спокойно. Я все объясню принцессе.

Ученый. Спасибо.

Уходят.

Тень. Проклятая привычка! У меня болят руки, ноги, шея. Мне все время хотелось повторять каждое его движение. Это просто опасно... *(Открывает папку.)* Так... Пункт четвертый выполнен... *(Углубляется в чтение.)*

Входят принцесса и тайный советник. Тень выпрямляется во весь рост, смотрит пристально на принцессу.

Принцесса. Тайный советник, где же он? Почему его нет здесь?

Тайный советник *(шепотом)*. Он сейчас придет, принцесса, и все будет прекрасно.

Принцесса. Нет, это ужасное несчастье! Молчите, вы ничего не понимаете. Вы не влюблены, вам легко говорить, что все идет прекрасно! И кроме того, я принцесса, я не умею ждать. Что это за музыка?

Тайный советник. Это в ресторане, принцесса.

Принцесса. Зачем у нас в ресторане всегда играет музыка?

Тайный советник. Чтобы не слышно было, как жуют, принцесса.

Принцесса. Оставьте меня в покое... Ну что же это такое? *(Тени.)* Эй, вы, зачем вы смотрите на меня во все глаза?

Тень. Я должен заговорить с вами и не смею, принцесса.

Принцесса. Кто вы такой?

Тень. Я его лучший друг.

Принцесса. Чей?

Тень. Я лучший друг того, кого вы ждете, принцесса.

Принцесса. Правда? Что же вы молчите?

Тень. Мой ответ покажется вам дерзким, принцесса.

П р и н ц е с с а. Ничего, говорите.

Т е н ь. Я молчал потому, что ваша красота поразила меня.

П р и н ц е с с а. Но это вовсе не дерзость. Он вас послал ко мне?

Т е н ь. Да. Он просил сказать, что сейчас придет, принцесса. Очень важное дело задержало его. Все благополучно, принцесса.

П р и н ц е с с а. Но он скоро придет?

Т е н ь. Да.

П р и н ц е с с а. Ну, вот мне опять стало весело. Вы будете меня занимать до его прихода. Ну?

Тень молчит.

Ну же! Мне неловко напоминать вам об этом, но ведь я принцесса. Я привыкла, чтобы меня занимали...

Т е н ь. Хорошо, я исполню ваше приказание. Я буду рассказывать вам сны, принцесса.

П р и н ц е с с а. А ваши сны интересны?

Т е н ь. Я буду рассказывать вам ваши сны, принцесса.

П р и н ц е с с а. Мои?

Т е н ь. Да. Третьего дня ночью вам приснилось, что стены дворца вдруг превратились в морские волны. Вы крикнули: «Христиан!» — и он появился в лодке и протянул вам руку...

П р и н ц е с с а. Но ведь я никому не рассказывала этот сон!..

Т е н ь. И вы очутились в лесу... И волк вдруг поднялся в кустах. А Христиан сказал: «Не бойся, это добрый волк» — и погладил его. А вот еще один сон. Вы скакали на коне по полю. Трава на вашем пути становилась все выше и выше и наконец стеной стала вокруг. Вам показалось, что это красиво, удивительно красиво, до того красиво, что вы стали плакать и проснулись в слезах.

П р и н ц е с с а. Но откуда вы это знаете?

Т е н ь. Любовь творит чудеса, принцесса.

П р и н ц е с с а. Любовь?

Т е н ь. Да. Ведь я очень несчастный человек, принцесса. Я люблю вас.

П р и н ц е с с а. Вот как... Советник!

Т а й н ы й с о в е т н и к. Да, принцесса.

П р и н ц е с с а. Позовите... Нет, отойдите на пять шагов.

Советник отсчитывает шаги.

Я...

Т е н ь. Вы хотели, чтобы он позвал стражу, принцесса, и, сами не понимая, как это вышло, приказали ему отойти на пять шагов.

П р и н ц е с с а. Вы...

Т е н ь. Я люблю вас, принцесса. И вы сами чувствуете это. Я до того полон вами, что ваша душа понятна мне, как моя собственная. Я рассказал вам только два ваших сна, а ведь я помню их все. Я знаю и страшные ваши сны, и смешные, и такие, которые можно рассказывать только на ухо.

П р и н ц е с с а. Нет...

Т е н ь. Хотите, я расскажу вам тот сон, который поразил вас? Помните? В том сне с вами был не он, не Христиан, а какой-то совсем другой человек с незнакомым лицом, и вам именно это и нравилось, принцесса. И вы с ним...

П р и н ц е с с а. Советник! Позовите стражу.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Слушаюсь, принцесса.

П р и н ц е с с а. Но пусть стража пока стоит там, за кустами. Говорите еще. Я слушаю, потому что... потому что мне просто скучно ждать его.

Т е н ь. Люди не знают теневой стороны вещей, а именно в тени, в полумраке, в глубине и таится то, что придает остроту нашим чувствам. В глубине вашей души — я.

П р и н ц е с с а. Довольно. Я вдруг очнулась! Сейчас стража возьмет вас, и ночью вы будете обезглавлены.

Т е н ь. Прочтите это!

Достает из папки бумагу, которую подписал ученый. Принцесса читает ее.

Он милый человек, славный человек, но он мелок. Он уговаривал вас бежать с ним, потому что боялся стать королем — ведь это опасно. И он продал вас. Трус!

П р и н ц е с с а. Я не верю этой бумаге.

Т е н ь. Но тут королевская печать. Я подкупил вашего ничтожного жениха, я взял вас с бою. Прикажите отрубить мне голову.

П р и н ц е с с а. Вы не даете мне опомниться. Почем я знаю, может быть, вы тоже не любите меня. Какая я несчастная девушка!

Т е н ь. А сны? Вы забыли сны, принцесса. Как я узнал ваши сны? Ведь только любовь может творить такие чудеса.

П р и н ц е с с а. Ах да, верно...

Т е н ь. Прощайте, принцесса.

П р и н ц е с с а. Вы... вы уходите?.. Как вы смеете! Подойдите ко мне, дайте мне руку... Это... Все это... так... так интересно... *(Поцелуй.)* Я... я даже не знаю, как вас зовут.

Т е н ь. Теодор-Христиан.

П р и н ц е с с а. Как хорошо! Это почти... почти то же самое. *(Поцелуй.)*

Вбегает у ч е н ы й и останавливается как вкопанный.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Советую вам уйти отсюда, здесь принцесса дает аудиенцию одному из своих подданных.

У ч е н ы й. Луиза!

П р и н ц е с с а. Уходите прочь, вы мелкий человек!

У ч е н ы й. Что ты говоришь, Луиза?

П р и н ц е с с а. Вы подписали бумагу, в которой отказываетесь от меня?

У ч е н ы й. Да… но…

П р и н ц е с с а. Достаточно. Вы милый человек, но вы ничтожество! Идем, Теодор-Христиан, дорогой.

У ч е н ы й. Негодяй! *(Бросается к Тени.)*

П р и н ц е с с а. Стража!

Из кустов выбегает с т р а ж а.

Проводите нас до дворца.

Уходят. Ученый опускается на скамью. Из павильона быстро выходит д о к т о р.

Д о к т о р. Махните на все это рукой. Сейчас же махните рукой, иначе вы сойдете с ума.

У ч е н ы й. А вы знаете, что произошло?

Д о к т о р. Да, у меня чуткие уши. Я все слышал.

У ч е н ы й. Каким образом он добился того, что она поцеловала его?

Д о к т о р. Он ее ошеломил. Он рассказал ей все ее сны.

У ч е н ы й. Как он узнал ее сны?

Д о к т о р. Да ведь сны и тени в близком родстве. Они, кажется, двоюродные.

У ч е н ы й. Вы все слышали и не вмешались?

Д о к т о р. Что вы! Ведь он чиновник особо важных дел. Вы разве не знаете, какая это страшная сила?.. Я знал человека необычайной храбрости. Он ходил с ножом на медведей, один раз даже пошел на льва с голыми руками, — правда, с этой последней охоты он так и не вернулся. И вот этот человек упал в обморок, толкнув нечаянно тайного советника. Это особый страх. Разве удивительно, что и я боюсь его? Нет, я не вмешался в это дело, и вы махните рукой на все.

У ч е н ы й. Не хочу.

Д о к т о р. Ну что вы можете сделать?

У ч е н ы й. Я уничтожу его.

Д о к т о р. Нет. Послушайте меня, вы ведь не знаете, и никто на свете не знает, что я сделал великое открытие. Я нашел источник живой углекислой воды. Недалеко. Возле самого дворца. Вода эта излечивает все болезни, какие есть на земле, и даже воскрешает мертвых, если они хорошие люди. И что из этого вышло? Министр финансов приказал мне закрыть источник. Если мы вылечим всех больных, кто к нам будет ездить? Я боролся с министром как бешеный — и вот на меня двинулись чиновники. Им все безразлично. И жизнь, и смерть, и великие открытия. И именно поэтому они победили. И я махнул на все рукой. И мне сразу стало легче жить на свете. И вы махните на все рукой и живите, как я.

У ч е н ы й. Чем вы живете? Ради чего?

Д о к т о р. Ах, мало ли... Вот поправился больной. Вот жена уехала на два дня. Вот написали в газете, что я все-таки подаю надежды.

У ч е н ы й. И только?

Д о к т о р. А вы хотите жить для того, чтобы как можно больше людей сделать счастливыми? Так и дадут вам чиновники жить! Да и сами люди этого терпеть не могут. Махните на них рукой. Смотрите сквозь пальцы на этот безумный, несчастный мир.

У ч е н ы й. Не могу.

За сценой барабан и трубы.

Д о к т о р. Он возвращается. *(Торопливо уходит в павильон.)*

Появляется большой отряд с т р а ж и с т р у б а ч а м и и б а р а б а н щ и к а м и. Во главе отряда Т е н ь, в черном фраке и ослепительном белье. Шествие останавливается посреди сцены.

Т е н ь. Христиан! Я отдам два-три приказания, а потом займусь тобой!

Вбегает, запыхавшись, п е р в ы й м и н и с т р. Бегут бегом л а к е и, несут м и н и с т р а ф и н а н с о в. Появляются под руку П ь е т р о и Ц е з а р ь Б о р д ж и а.

П е р в ы й м и н и с т р. Что все это значит? Ведь мы решили.

Т е н ь. А я перерешил по-своему.

П е р в ы й м и н и с т р. Но послушайте...

Т е н ь. Нет, вы послушайте, любезный. Вы знаете, с кем вы говорите?

П е р в ы й м и н и с т р. Да.

Т е н ь. Так почему же вы не называете меня «ваше превосходительство»? Вы еще не были в канцелярии?

П е р в ы й м и н и с т р. Нет, я обедал, ваше превосходительство.

Т е н ь. Пройдите туда. Дело № 8989 окончено. В конце подшито волеизъявление принцессы и мой приказ за № 0001. Там приказано именовать меня «ваше превосходительство», пока мы не примем новый, подобающий нам титул.

П е р в ы й м и н и с т р. Так, значит, все оформлено?

Т е н ь. Да.

П е р в ы й м и н и с т р. Тогда ничего не поделаешь. Поздравляю вас, ваше превосходительство.

Т е н ь. Что вы хмуритесь, министр финансов?

М и н и с т р ф и н а н с о в. Не знаю, как это будет принято в деловых кругах. Вы все-таки из компании ученых. Начнутся всякие перемены, а мы этого терпеть не можем.

Т е н ь. Никаких перемен. Как было, так будет. Никаких планов. Никаких мечтаний. Вот вам последние выводы моей науки.

М и н и с т р ф и н а н с о в. В таком случае поздравляю вас, ваше превосходительство.

Т е н ь. Пьетро! Принцесса выбрала жениха, но это не вы.

П ь е т р о. Черт с ним, ваше превосходительство, заплатите мне только.

Т е н ь. Цезарь Борджиа! И вам не быть королем.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Мне останется одно — писать мемуары, ваше превосходительство.

Т е н ь. Не огорчайтесь. Я ценю старых друзей, которые знали меня, когда я был еще простым чиновником особо важных дел. Вы назначены королевским секретарем. Вы — начальником королевской стражи.

Пьетро и Цезарь Борджиа кланяются.

Господа, вы свободны.

Все уходят с поклонами. Тень подходит к ученому.

Видал?

У ч е н ы й. Да.

Т е н ь. Что скажешь?

У ч е н ы й. Скажу: откажись немедленно от принцессы и от престола — или я тебя заставлю это сделать.

Т е н ь. Слушай, ничтожный человек. Завтра же я отдам ряд приказов — и ты окажешься один против целого мира. Друзья с отвращением отвернутся от тебя. Враги будут смеяться над тобой. И ты приползешь ко мне и попросишь пощады.

У ч е н ы й. Нет.

Т е н ь. Увидим. В двенадцать часов ночи со вторника на среду ты придешь во дворец и пришлешь мне записку: «Сдаюсь, Христиан-Теодор». И я, так и быть, дам тебе место при моей особе. Стража, за мной!

Барабаны и трубы. Т е н ь уходит со свитой.

У ч е н ы й. Аннунциата! Аннунциата!

А н н у н ц и а т а вбегает.

А н н у н ц и а т а. Я здесь. Сударь! Может быть... может быть, вы послушаетесь доктора? Может быть, вы махнете на все рукой? Простите... Не сердитесь на меня. Я буду вам помогать. Я пригожусь вам. Я очень верная девушка, сударь.

У ч е н ы й. Аннунциата, какая печальная сказка!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь. Горят факелы. Горят плошки на карнизах, колоннах, балконах дворца. Толпа, оживленная и шумная.

Очень длинный человек. А вот кому рассказать, что я вижу? Всего за два грошика. А вот кому рассказать? Ох, интересно!

Маленький человек. Не слушайте его. Слушайте меня, я везде проскочу, я все знаю. А вот кому новости, всего за два грошика? Как они встретились, как познакомились, как первый жених получил отставку.

1-я женщина. А у нас говорят, что первый жених был очень хороший человек!

2-я женщина. Как же! Очень хороший! Отказался от нее за миллион.

1-я женщина. Ну? Да что ты?

2-я женщина. Это все знают! Она ему говорит: «Чудак, ты бы королем бы не меньше бы заработал бы!» А он говорит: «Еще и работать!»

1-я женщина. Таких людей топить надо!

2-я женщина. Еще бы! Королем ему трудно быть. А попробовал бы он по хозяйству!

Длинный человек. А кому рассказать, что я вижу в окне: идет по коридору главный королевский лакей и... ну, кто хочет знать, что дальше? Всего за два грошика.

Маленький человек. А вот кому портрет нового короля? Во весь рост! С короной на голове! С доброю улыбкою на устах! С благоволением в очах!

1-й человек из толпы. Король есть, теперь жить будет гораздо лучше.

2-й человек из толпы. Это почему же?

1-й человек из толпы. Сейчас объясню. Видишь?

2-й человек из толпы. Чего?

1-й человек из толпы. Видишь, кто стоит?

2-й человек из толпы. Никак, начальник стражи?

1-й человек из толпы. Ну да, он, переодетый.

2-й человек из толпы. Ага, вижу. *(Во весь голос.)* Король у нас есть, теперь поживем. *(Тихо.)* Сам-то переоделся, а на ногах военные сапоги со шпорами. *(Громко.)* Ох, как на душе хорошо!

1-й человек из толпы *(во весь голос)*. Да уж, что это за жизнь была без короля! Мы просто истосковались!

Толпа. Да здравствует наш новый король Теодор Первый! Ура!

Расходятся понемногу, с опаской поглядывая на Пьетро. Он остается один. От стены отделяется фигура человека в плаще.

Пьетро. Ну, что нового, капрал?

Капрал. Ничего, все тихо. Двоих задержали.

Пьетро. За что?

Капрал. Один вместо «да здравствует король» кричал «да здравствует корова».

Пьетро. А второй?

Капрал. Второй — мой сосед.

Пьетро. А он что сделал?

Капрал. Да ничего, собственно. Характер у него поганый. Мою жену прозвал «дыней». Я до него давно добираюсь. А у вас как, господин начальник?

Пьетро. Все тихо. Народ ликует.

Капрал. Разрешите вам заметить, господин начальник. Сапоги.

Пьетро. Что «сапоги»?

Капрал. Вы опять забыли переменить сапоги. Шпоры так и звенят!

Пьетро. Да ну? Вот оказия!

Капрал. Народ догадывается, кто вы. Видите, как стало пусто вокруг?

П ь е т р о. Да... А впрочем... Ты свой человек, тебе я могу признаться: я нарочно вышел в сапогах со шпорами.

К а п р а л. Быть этого не может!

П ь е т р о. Да. Пусть уж лучше узнают меня, а то наслушаешься такого, что потом три ночи не спишь.

К а п р а л. Да, это бывает.

П ь е т р о. В сапогах куда спокойнее. Ходишь, позваниваешь шпорами — и слышишь кругом только то, что полагается.

К а п р а л. Да, уж это так.

П ь е т р о. Им легко там, в канцелярии. Они имеют дело только с бумажками. А мне каково с народом?

К а п р а л. Да, уж народ...

П ь е т р о *(шепотом)*. Знаешь, что я тебе скажу: народ живет сам по себе!

К а п р а л. Да что вы!

П ь е т р о. Можешь мне поверить. Тут государь празднует коронование, предстоит торжественная свадьба высочайших особ, а народ что себе позволяет? Многие парни и девки целуются в двух шагах от дворца, выбрав уголки потемнее. В доме номер восемь жена портного задумала сейчас рожать. В королевстве такое событие, а она как ни в чем не бывало орет себе! Старый кузнец в доме номер три взял да и помер. Во дворце праздник, а он лежит в гробу и ухом не ведет. Это непорядок!

К а п р а л. В котором номере рожает? Я оштрафую.

П ь е т р о. Не в том дело, капрал. Меня пугает, как это они осмеливаются так вести себя. Что это за упрямство, а, капрал? А вдруг они так же спокойненько, упрямо, все разом... Ты это что?

К а п р а л. Я ничего...

П ь е т р о. Смотри, брат... Ты как стоишь?

Капрал вытягивается.

Я т-т-тебе! Старый черт... Разболтался! Рассуждаешь! Скажите пожалуйста, Жан-Жак Руссо! Который час?

К а п р а л. Без четверти двенадцать, господин начальник.

П ь е т р о. Ты помнишь, о чем надо крикнуть ровно в полночь?

К а п р а л. Так точно, господин начальник.

П ь е т р о. Я пойду в канцелярию, отдохну, успокоюсь, почитаю разные бумажки, а ты тут объяви что полагается, не забудь! *(Уходит.)*

Появляется у ч е н ы й.

У ч е н ы й. Мне очень нравится, как горят эти фонарики. Кажется, никогда в жизни голова моя не работала так ясно. Я вижу и все фонарики разом, и каждый фонарик в отдельности. И я люблю все фонарики разом и каждый фонарик в отдельности. Я знаю, что к утру вы погаснете, друзья мои, но вы не жалейте об этом. Все-таки вы горели, и горели весело, — этого у вас никто не может отнять.

Ч е л о в е к, з а к у т а н н ы й с г о л о в ы д о н о г. Христиан!

У ч е н ы й. Кто это? Да ведь это доктор.

Д о к т о р. Вы меня так легко узнали... *(Оглядывается.)* Отойдемте в сторону. Отвернитесь от меня! Нет, это звенит у меня в ушах, а мне показалось, что шпоры. Не сердитесь. Ведь у меня такая большая семья.

У ч е н ы й. Я не сержусь.

Выходят на авансцену.

Д о к т о р. Скажите мне как врачу, вы решили сдаться?

У ч е н ы й. Нет. Я человек добросовестный, я должен пойти и сказать им то, что я знаю.

Д о к т о р. Но ведь это самоубийство.

У ч е н ы й. Возможно.

Д о к т о р. Умоляю вас, сдайтесь.

У ч е н ы й. Не могу.

Д о к т о р. Вам отрубят голову!

Ученый. Не верю. С одной стороны — живая жизнь, а с другой — тень. Все мои знания говорят, что тень может победить только на время. Ведь мир-то держится на нас, на людях, которые работают! Прощайте!

Доктор. Слушайте, люди ужасны, когда воюешь с ними. А если жить с ними в мире, то может показаться, что они ничего себе.

Ученый. Это вы мне и хотели сказать?

Доктор. Нет! Может быть, я сошел с ума, но я не могу видеть, как вы идете туда безоружным. Тише. Запомните эти слова: «Тень, знай свое место».

Ученый. Я не понимаю вас!

Доктор. Все эти дни я рылся в старинных трудах о людях, потерявших тень. В одном исследовании автор, солидный профессор, рекомендует такое средство: хозяин тени должен крикнуть ей: «Тень, знай свое место», и тогда она опять на время превращается в тень.

Ученый. Что вы говорите! Да ведь это замечательно! Все увидят, что он тень. Вот! Я ведь вам говорил, что ему придется плохо! Жизнь — против него. Мы...

Доктор. Ни слова обо мне... Прощайте... *(Быстро уходит.)*

Ученый. Очень хорошо. Я думал погибнуть с честью, но победить — это куда лучше. Они увидят, что он тень, и поймут... Ну, словом, всё поймут... Я...

Толпой бегут люди.

Ученый. Что случилось?

1-й человек. Сюда идет капрал с трубой.

Ученый. Зачем?

1-й человек. Будет что-то объявлять... Вот он. Тише...

Капрал. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Ученый. Что такое? Я, кажется, испугался!

Капрал. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Ученый *(громко)*. Я здесь.

Капрал. У вас есть письмо к королю?

Ученый. Вот оно.
Капрал. Следуйте за мной!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зал королевского дворца. Группами сидят придворные. Негромкие разговоры. Мажордом и помощники разносят угощение на подносах.

1-й придворный *(седой, прекрасное, грустное лицо)*. Прежде мороженое подавали в виде очаровательных барашков, или в виде зайчиков, или котяток. Кровь стыла в жилах, когда приходилось откусывать голову кроткому, невинному созданию.

1-я дама. Ах да, да! У меня тоже стыла кровь в жилах, ведь мороженое такое холодное!

1-й придворный. Теперь подают мороженое в виде прекрасных плодов — это гораздо гуманнее.

1-я дама. Вы правы! Какое у вас доброе сердце. Как поживают ваши милые канарейки?

1-й придворный. Ах, одна из них, по имени Золотая Капелька, простудилась и кашляла так, что я едва сам не заболел от сострадания. Теперь ей лучше. Она даже пробует петь, но я не позволяю ей.

Входит Пьетро.

Пьетро. Здравствуйте! Вы что там едите, господа?

2-й придворный. Мороженое, господин начальник королевской стражи.

Пьетро. Эй! Дай мне порцию. Живее, черт! Побольше клади, дьявол!

2-й придворный. Вы так любите мороженое, господин начальник?

Пьетро. Ненавижу. Но раз дают, надо брать, будь оно проклято.

М а ж о р д о м. Булочки с розовым кремом! Кому угодно, господа придворные? *(Тихо лакеям.)* В первую очередь герцогам, потом графам, потом баронам. Герцогам по шесть булочек, графам по четыре, баронам по две, остальным — что останется. Не перепутайте.

О д и н и з л а к е е в. А по скольку булочек давать новым королевским секретарям?

М а ж о р д о м. По шесть с половиной…

Входит Ц е з а р ь Б о р д ж и а.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Здравствуйте, господа. Смотрите на меня. Ну? Что? Как вам нравится мой галстук, господа? Это галстук более чем модный. Он войдет в моду только через две недели.

3-й п р и д в о р н ы й. Но как вам удалось достать это произведение искусства?

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. О, очень просто. Мой поставщик галстуков — адмирал королевского флота. Он привозит мне галстуки из-за границы и выносит их на берег, запрятав в свою треуголку.

3-й п р и д в о р н ы й. Как это гениально просто!

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Я вам, как королевский секретарь, устрою дюжину галстуков. Господа, я хочу порадовать вас. Хотите? Тогда идемте за мной, я покажу вам мои апартаменты. Красное дерево, китайский фарфор. Хотите взглянуть?

П р и д в о р н ы е. Конечно! Мы умираем от нетерпения! Как вы любезны, господин королевский секретарь!

Ц е з а р ь Б о р д ж и а уходит, придворные за ним. Входит А н н у н ц и а т а, за ней Ю л и я Д ж у л и.

Ю л и я. Аннунциата! Вы сердитесь на меня? Не отрицайте! Теперь, когда вы дочь сановника, я совершенно ясно читаю на вашем лице — вы сердитесь на меня. Ведь так?

А н н у н ц и а т а. Ах, право, мне не до этого, сударыня.

Ю л и я. Вы все думаете о нем? Об ученом?

А н н у н ц и а т а. Да.

Ю л и я. Неужели вы думаете, что он может победить?

А н н у н ц и а т а. Мне все равно.

Ю л и я. Вы не правы. Вы девочка еще. Вы не знаете, что настоящий человек — это тот, кто побеждает... Ужасно только, что никогда не узнать наверняка, кто победит в конце концов. Христиан-Теодор такой странный! Вы знаете о нем что-нибудь?

А н н у н ц и а т а. Ах, это такое несчастье! Мы переехали во дворец, и папа приказал лакеям не выпускать меня. Я даже письма не могу послать господину ученому. А он думает, наверное, что и я отвернулась от него. Цезарь Борджиа каждый день уничтожает его в газете, папа читает и облизывается, а я читаю и чуть не плачу. Я сейчас в коридоре толкнула этого Цезаря Борджиа и даже не извинилась.

Ю л и я. Он этого не заметил, поверьте мне.

А н н у н ц и а т а. Может быть. Вы знаете что-нибудь о господине ученом, сударыня?

Ю л и я. Да. Знаю. Мои друзья министры рассказывают мне все. Христиан-Теодор очутился в полном одиночестве. И, несмотря на все это, он ходит и улыбается.

А н н у н ц и а т а. Ужасно!

Ю л и я. Конечно. Кто так ведет себя при таких тяжелых обстоятельствах? Это непонятно. Я устроила свою жизнь так легко, так изящно, а теперь вдруг — почти страдаю. Страдать — ведь это не принято! *(Хохочет громко и кокетливо.)*

А н н у н ц и а т а. Что с вами, сударыня?

Ю л и я. Придворные возвращаются сюда. Господин министр, вот вы наконец! Я, право, соскучилась без вас. Здравствуйте!

Лакеи вводят м и н и с т р а ф и н а н с о в.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Раз, два, три, четыре… Так. Все бриллианты на месте. Раз, два, три… И жемчуга. И рубины. Здравствуйте, Юлия! Куда же вы?..

Ю л и я. Ах, ваша близость слишком волнует меня… Свет может заметить…

М и н и с т р ф и н а н с о в. Но ведь отношения наши оформлены в приказе…

Ю л и я. Все равно… Я отойду. Это будет гораздо элегантнее. *(Отходит.)*

М и н и с т р ф и н а н с о в. Она настоящая богиня… Лакеи! Посадите меня у стены. Придайте мне позу полного удовлетворения происходящими событиями. Поживее!

Лакеи исполняют приказание.

Прочь!

Л а к е и уходят. Первый министр, как бы гуляя, приближается к министру финансов.

(Улыбаясь, тихо.) Как дела, господин первый министр?

П е р в ы й м и н и с т р. Все как будто в порядке. *(Улыбается.)*

М и н и с т р ф и н а н с о в. Почему — как будто?

П е р в ы й м и н и с т р. За долгие годы моей службы я открыл один не особенно приятный закон. Как раз тогда, когда мы полностью побеждаем, жизнь вдруг поднимает голову.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Поднимает голову?.. Вы вызвали королевского палача?

П е р в ы й м и н и с т р. Да, он здесь. Улыбайтесь, за нами следят.

М и н и с т р ф и н а н с о в *(улыбается)*. А топор и плаха?

П е р в ы й м и н и с т р. Привезены. Плаха установлена в розовой гостиной, возле статуи купидона, и замаскирована незабудками.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Что ученый может сделать?

П е р в ы й м и н и с т р. Ничего. Он одинок и бессилен. Но эти честные, наивные люди иногда поступают так неожиданно!

М и н и с т р ф и н а н с о в. Почему его не казнили сразу?

П е р в ы й м и н и с т р. Король против этого. Улыбайтесь! *(Отходит, улыбаясь.)*

Входит т а й н ы й с о в е т н и к.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Господа придворные, поздравляю вас! Его величество со своею августейшею невестою направляют стопы свои в этот зал. Вот радость-то.

Все встают. Дверь настежь распахивается. Входят под руку Т е н ь и п р и н ц е с с а.

Т е н ь *(с изящным и величавым мановением руки)*. Садитесь!

П р и д в о р н ы е *(хором)*. Не сядем.

Т е н ь. Садитесь!

П р и д в о р н ы е. Не смеем.

Т е н ь. Садитесь!

П р и д в о р н ы е. Ну, так уж и быть. *(Усаживаются.)*

Т е н ь. Первый министр!

П е р в ы й м и н и с т р. Я здесь, ваше величество!

Т е н ь. Который час?

П е р в ы й м и н и с т р. Без четверти двенадцать, ваше величество!

Т е н ь. Можете идти.

П р и н ц е с с а. Мы где, в каком зале?

Т е н ь. В малом тронном, принцесса. Видите?

П р и н ц е с с а. Я ничего не вижу, кроме тебя. Я не узнаю комнат, в которых выросла, людей, с которыми прожила столько лет. Мне хочется их всех выгнать вон и остаться с тобою.

Т е н ь. Мне тоже.

П р и н ц е с с а. Ты чем-то озабочен?

Т е н ь. Да. Я обещал простить Христиана, если он сам придет сюда сегодня в полночь, он неудачник, но я много лет был с ним дружен...

П р и н ц е с с а. Как ты можешь думать о ком-нибудь, кроме меня? Ведь через час наша свадьба.

Т е н ь. Но познакомились мы благодаря Христиану!

П р и н ц е с с а. Ах, да. Какой ты хороший человек. Теодор! Да, мы простим его. Он неудачник, но ты много лет был с ним дружен.

Т е н ь. Тайный советник!

Т а й н ы й с о в е т н и к. Я здесь, ваше величество!

Т е н ь. Сейчас сюда придет человек, с которым я хочу говорить наедине.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Слушаю-с, ваше величество! Господа придворные! Его величество изволил назначить в этом зале аудиенцию одному из своих подданных. Вот счастливец-то!

П р и д в о р н ы е поднимаются и уходят с поклонами.

П р и н ц е с с а. Ты думаешь, он придет?

Т е н ь. А что же еще ему делать? *(Целует принцессе руку.)* Я позову тебя, как только утешу и успокою его.

П р и н ц е с с а. Я ухожу, дорогой. Какой ты необыкновенный человек! *(Уходит вслед за придворными.)*

Тень открывает окно. Прислушивается. В комнате рядом бьют часы.

Т е н ь. Полночь. Сейчас он придет.

Далеко-далеко внизу кричит капрал.

К а п р а л. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Т е н ь. Что такое? Кажется, я испугался...

К а п р а л. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Г о л о с у ч е н о г о. Я здесь.

К а п р а л. У вас есть письмо к королю?

У ч е н ы й. Вот оно.

К а п р а л. Следуйте за мной!

Т е н ь *(захлопывает окно, идет к трону, садится).* Я мог тянуться по полу, подниматься по стене и падать в окно в одно и то же время, способен он на такую гибкость? Я мог лежать на мостовой, и прохожие, колеса, копыта коней не причиняли мне ни малейшего вреда, а он мог бы так приспособиться к местности? За две недели я узнал жизнь в тысячу раз лучше, чем он. Неслышно, как тень, я проникал всюду, и подглядывал, и подслушивал, и читал чужие письма. Я знаю всю теневую сторону вещей. И вот теперь я сижу на троне, а он лежит у моих ног.

Распахивается дверь, входит н а ч а л ь н и к с т р а ж и.

П ь е т р о. Письмо, ваше величество.

Т е н ь. Дай сюда. *(Читает.)* «Я пришел. Христиан-Теодор». Где он?

П ь е т р о. За дверью, ваше величество.

Т е н ь. Пусть войдет.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и уходит. Появляется у ч е н ы й. Останавливается против трона.

Ну, как твои дела, Христиан-Теодор?

У ч е н ы й. Мои дела плохи, Теодор-Христиан.

Т е н ь. Чем же они плохи?

У ч е н ы й. Я очутился вдруг в полном одиночестве.

Т е н ь. А что же твои друзья?

У ч е н ы й. Им наклеветали на меня.

Т е н ь. А где же та девушка, которую ты любил?

У ч е н ы й. Она теперь твоя невеста.

Т е н ь. Кто же виноват во всем этом, Христиан-Теодор?

У ч е н ы й. Ты в этом виноват, Теодор-Христиан.

Т е н ь. Вот это настоящий разговор человека с тенью. Тайный советник!

Вбегает т а й н ы й с о в е т н и к.

Всех сюда! Поскорей!

Входит п р и н ц е с с а, садится с Тенью. П р и д в о р н ы е входят и становятся полукругом. Среди них д о к т о р.

Садитесь!

П р и д в о р н ы е. Не сядем!

Т е н ь. Садитесь!

П р и д в о р н ы е. Не смеем!

Т е н ь. Садитесь!

П р и д в о р н ы е. Ну, так уж и быть. *(Усаживаются.)*

Т е н ь. Господа, перед вами человек, которого я хочу осчастливить. Всю жизнь он был неудачником. Наконец, на его счастье, я взошел на престол. Я назначаю его своею тенью. Поздравьте его, господа придворные!

Придворные встают и кланяются.

Я приравниваю его по рангу и почестям к королевским секретарям.

М а ж о р д о м *(громким шепотом)*. Приготовьте ему шесть с половиной булочек!

Т е н ь. Не смущайся, Христиан-Теодор! Если вначале тебе будет трудновато, я дам тебе несколько хороших уроков, вроде тех, что ты получил за эти дни. И ты скоро превратишься в настоящую тень, Христиан-Теодор. Займи свое место у наших ног.

П е р в ы й м и н и с т р. Ваше величество, его назначение еще не оформлено. Разрешите, я прикажу начальнику стражи увести его до завтра.

Т е н ь. Нет! Христиан-Теодор! Займи свое место у наших ног.

У ч е н ы й. Да ни за что! Господа! Слушайте так же серьезно, как я говорю! Вот настоящая тень. Моя тень! Тень захватила престол. Слышите?

П е р в ы й м и н и с т р. Так я и знал. Государь!

Т е н ь *(спокойно)*. Первый министр, тише! Говори, неудачник! Я полюбуюсь на последнюю неудачу в твоей жизни.

У ч е н ы й. Принцесса, я никогда не отказывался от вас. Он обманул и запутал и вас, и меня.

П р и н ц е с с а. Не буду разговаривать!

У ч е н ы й. А ведь вы писали мне, что готовы уйти из дворца и уехать со мной, куда я захочу.

П р и н ц е с с а. Не буду, не буду, не буду разговаривать!

У ч е н ы й. Но я пришел за вами, принцесса. Дайте мне руку — и бежим. Быть женой тени — это значит превратиться в безобразную, злую лягушку.

П р и н ц е с с а. То, что вы говорите, неприятно. Зачем же мне слушать вас?

У ч е н ы й. Луиза!

П р и н ц е с с а. Молчу!

У ч е н ы й. Господа!

Т а й н ы й с о в е т н и к. Советую вам не слушать его. Настоящие воспитанные люди просто не замечают поступков невоспитанных людей.

У ч е н ы й. Господа! Это жестокое существо погубит вас всех. Он у вершины власти, но он пуст. Он уже теперь томится и не знает, что ему делать. И он начнет мучить вас всех от тоски и безделья.

1-й п р и д в о р н ы й. Мой маленький жаворонок ест у меня из рук. А мой маленький скворец называет меня «папа».

У ч е н ы й. Юлия! Ведь мы так подружились с вами, вы ведь знаете, кто я. Скажите им.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Юлия, я обожаю вас, но если вы позволите себе лишнее, я вас в порошок сотру.

У ч е н ы й. Юлия, скажите же им.

Ю л и я *(показывает на ученого)*. Тень — это вы!

У ч е н ы й. Да неужели же я говорю в пустыне!

А н н у н ц и а т а. Нет, нет! Отец все время грозил, что убьет вас, поэтому я молчала. Господа, послушайте меня! *(Показывает на Тень.)* Вот тень! Честное слово!

Легкое движение среди придворных.

Я сама видела, как он ушел от господина ученого. Я не лгу. Весь город знает, что я честная девушка.

П ь е т р о. Она не может быть свидетельницей!

Ученый. Почему?

Пьетро. Она влюблена в вас.

Ученый. Это правда, Аннунциата?

Аннунциата. Да, простите меня за это. И все-таки послушайте меня, господа.

Ученый. Довольно, Аннунциата. Спасибо. Эй, вы! Не хотели верить мне, так поверьте своим глазам. Тень! Знай свое место.

Тень встает с трудом, борясь с собой, подходит к ученому.

Первый министр. Смотрите! Он повторяет все его движения. Караул!

Ученый. Тень! Это просто тень. Ты тень, Теодор-Христиан?

Тень. Да, я тень, Христиан-Теодор! Не верьте! Это ложь! Я прикажу казнить тебя!

Ученый. Не посмеешь, Теодор-Христиан!

Тень *(падает)*. Не посмею, Христиан-Теодор!

Первый министр. Довольно! Мне все ясно! Этот ученый — сумасшедший! И болезнь его заразительна. Государь заболел, но он поправится. Лакеи, унести государя.

Лакеи выполняют приказ. Принцесса бежит за ними.

Стража!

Входит капрал с отрядом солдат.

Взять его!

Ученого окружают.

Доктор!

Из толпы придворных выходит доктор. Министр показывает на ученого.

Это помешанный?

Доктор *(машет рукой)*. Я давно говорил ему, что это безумие.

Первый министр. Безумие его заразительно?

Доктор. Да. Я сам едва не заразился этим безумием.

Первый министр. Излечимо оно?

Доктор. Нет.

Первый министр. Значит, надо отрубить ему голову.

Тайный советник. Позвольте, господин первый министр, ведь я, как церемониймейстер, отвечаю за праздник.

Первый министр. Ну, ну!

Тайный советник. Было бы грубо, было бы негуманно рубить голову бедному безумцу. Против казни я протестую, но маленькую медицинскую операцию над головой бедняги необходимо произвести немедленно. Медицинская операция не омрачит праздника.

Первый министр. Прекрасно сказано.

Тайный советник. Наш уважаемый доктор, как известно, терапевт, а не хирург. Поэтому в данном случае, чтобы ампутировать больной орган, я советую воспользоваться услугами господина королевского палача.

Первый министр. Господин королевский палач!

1-й придворный. Сию минуту. *(Встает. Говорит своей собеседнице, надевая белые перчатки.)* Прошу простить меня. Я скоро вернусь и расскажу вам, как я спас жизнь моим бедным кроликам. *(Первому министру.)* Я готов.

Аннунциата. Дайте же мне проститься с ним! Прощай, Христиан-Теодор!

Ученый. Прощай, Аннунциата!

Аннунциата. Тебе страшно, Христиан-Теодор?

Ученый. Да. Но я не прошу пощады. Я...

Первый министр. Барабаны!

Пьетро. Барабаны!

Барабанщик бьет в барабан.

П е р в ы й м и н и с т р. Шагом марш!

П ь е т р о. Шагом марш!

К а п р а л. Шагом марш!

К а р а у л уходит и уводит у ч е н о г о. П а л а ч идет следом.

П е р в ы й м и н и с т р. Господа, прошу вас на балкон — посмотреть фейерверк. А здесь тем временем приготовят прохладительные и успокоительные напитки.

Все встают, двигаются к выходу. На сцене остаются Аннунциата и Юлия.

Ю л и я. Аннунциата, я не могла поступить иначе. Простите.

А н н у н ц и а т а. Он совершенно здоров — и вдруг должен умереть!

Ю л и я. Мне это тоже ужасно, ужасно неприятно, поверьте мне. Но какой негодяй этот доктор! Так предать своего хорошего знакомого!

А н н у н ц и а т а. А вы?

Ю л и я. Разве можно сравнивать! Этот ничтожный доктор ничего не терял. А я так люблю сцену. Вы плачете?

А н н у н ц и а т а. Нет. Я буду плакать у себя в комнате.

Ю л и я. Надо учиться выбрасывать из головы все, что заставляет страдать. Легкое движение головой — и все. Вот так. Попробуйте.

А н н у н ц и а т а. Не хочу.

Ю л и я. Напрасно. Не отворачивайтесь от меня. Клянусь вам, я готова убить себя, так мне жалко его. Но это между нами.

А н н у н ц и а т а. Он еще жив?

Ю л и я. Конечно, конечно! Когда все будет кончено, они ударят в барабаны.

А н н у н ц и а т а. Я не верю, что ничего нельзя сделать. Умоляю вас, Юлия, давайте остановим все это. Надо идти туда… Скорей!

Ю л и я. Тише!

Быстро входит д о к т о р.

Д о к т о р. Вина!

М а ж о р д о м. Вина доктору!

Ю л и я. Аннунциата, если вы мне дадите слово, что будете молчать, то я попробую помочь вам...

А н н у н ц и а т а. Никому не скажу! Честное слово! Только скорее!

Ю л и я. Вовсе не надо спешить. Мое средство может помочь, только когда все будет кончено. Молчите. Слушайте внимательно. *(Подходит к доктору.)* Доктор!

Д о к т о р. Да, Юлия.

Ю л и я. А ведь я знаю, о чем вы думаете.

Д о к т о р. О вине.

Ю л и я. Нет, о воде...

Д о к т о р. Мне не до шуток сейчас, Юлия.

Ю л и я. Вы знаете, что я не шучу.

Д о к т о р. Дайте мне хоть на миг успокоиться.

Ю л и я. К сожалению, это невозможно. Сейчас одному нашему общему знакомому... ну, словом, вы понимаете меня.

Д о к т о р. Что я могу сделать?

Ю л и я. А вода?

Д о к т о р. Какая?

Ю л и я. Вспомните время, когда мы были так дружны... Однажды светила луна, сияли звезды, и вы рассказали мне, что открыли живую воду, которая излечивает все болезни и даже воскрешает мертвых, если они хорошие люди.

А н н у н ц и а т а. Доктор, это правда? Есть такая вода?

Д о к т о р. Юлия шутит, как всегда.

А н н у н ц и а т а. Вы лжете, я вижу. Я сейчас убью вас!

Д о к т о р. Я буду этому очень рад.

А н н у н ц и а т а. Доктор, вы проснетесь завтра, а он никогда не проснется. Он называл вас: друг, товарищ!

Д о к т о р. Глупая, несчастная девочка! Что я могу сделать? Вся вода у них за семью дверями, за семью замками, а ключи у министра финансов.

Ю л и я. Не верю, что вы не оставили себе бутылочку на черный день.

Д о к т о р. Нет, Юлия! Уж настолько-то я честен. Я не оставил ни капли себе, раз не могу лечить всех.

Ю л и я. Ничтожный человек.

Д о к т о р. Ведь министр любит вас, попросите у него ключи, Юлия!

Ю л и я. Я? Эгоист! Он хочет все свалить на меня.

А н н у н ц и а т а. Сударыня!

Ю л и я. Ни слова больше! Я сделала все, что могла.

А н н у н ц и а т а. Доктор!

Д о к т о р. Что я могу сделать?

М а ж о р д о м. Его величество!

Зал наполняется п р и д в о р н ы м и. Медленно входят Т е н ь и п р и н ц е с с а. Они садятся на трон. Первый министр подает знак мажордому.

Сейчас солистка его величества, находящаяся под покровительством его высокопревосходительства господина министра финансов, госпожа Юлия Джули исполнит прохладительную и успокоительную песенку «Не стоит голову терять».

Т е н ь. Не стоит голову терять... Прекрасно!

Ю л и я *(делает глубокий реверанс королю. Кланяется придворным. Поет)*.

Жила на свете стрекоза,
Она была кокетка.
Ее прелестные глаза
Губили мух нередко.
Она любила повторять:
— Не стоит голову терять...

Гром барабанов обрывает песенку.

Тень *(вскакивает, шатаясь)*. Воды!

Мажордом бросается к Тени и останавливается, пораженный. Голова Тени вдруг слетает с плеч. Обезглавленная тень неподвижно сидит на троне.

Аннунциата. Смотрите!

Министр финансов. Почему это?

Первый министр. Боже мой! Не рассчитали. Ведь это же его собственная тень. Господа, вы на рауте в королевском дворце. Вам должно быть весело, весело во что бы то ни стало!

Принцесса *(подбегает к министрам)*. Сейчас же! Сейчас же! Сейчас же!

Первый министр. Что, ваше высочество?

Принцесса. Сейчас же исправить его! Я не хочу! Не хочу! Не хочу!

Первый министр. Принцесса, умоляю вас, перестаньте.

Принцесса. А что сказали бы вы, если бы жених ваш потерял голову?

Тайный советник. Это он от любви, принцесса.

Принцесса. Если вы не исправите его, я прикажу сейчас же вас обезглавить. У всех принцесс на свете целые мужья, а у меня вон что! Свинство какое!..

Первый министр. Живую воду, живо, живо, живо!

Министр финансов. Кому? Этому? Но она воскрешает только хороших людей.

Первый министр. Придется воскресить хорошего. Ах, как не хочется.

Министр финансов. Другого выхода нет. Доктор! Следуйте за мной. Лакеи! Ведите меня. *(Уходит.)*

Первый министр. Успокойтесь, принцесса, все будет сделано.

1-й придворный входит, снимает на ходу перчатки. Заметив обезглавленного короля, он замирает на месте.

1-й придворный. Позвольте... А это кто сделал? Довольно уйти на полчаса из комнаты — и у тебя перебивают работу... Интриганы!

Распахивается дверь, и через сцену проходит целое шествие. Впереди лакеи ведут министра финансов. За ним четыре солдата несут большую бочку. Бочка светится сама собою. Из щелей вырываются языки пламени. На паркет капают светящиеся капли. За бочкой шагает доктор. Шествие проходит через сцену и скрывается.

Юлия. Аннунциата, вы были правы.

Аннунциата. В чем?

Юлия. Он победит! Сейчас он победит. Они понесли живую воду. Она воскресит его.

Аннунциата. Зачем им воскрешать хорошего человека?

Юлия. Чтобы плохой мог жить. Вы счастливица, Аннунциата.

Аннунциата. Не верю, что-нибудь еще случится, ведь мы во дворце.

Юлия. Ах, я боюсь, что больше ничего не случится. Неужели войдет в моду — быть хорошим человеком? Ведь это так хлопотливо!

Цезарь Борджиа. Господин начальник королевской стражи!

Пьетро. Что еще?

Цезарь Борджиа. Придворные что-то косятся на нас. Не удрать ли?

Пьетро. А черт его знает. Еще поймают!

Цезарь Борджиа. Мы связались с неудачником.

Пьетро. Никогда ему не прощу, будь я проклят.

Цезарь Борджиа. Потерять голову в такой важный момент!

Пьетро. Болван! И еще при всех! Пошел бы к себе в кабинет и там терял бы что угодно, скотина!

Цезарь Борджиа. Бестактное существо.

Пьетро. Осел!

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Нет, надо будет его съесть. Надо, надо.

П ь е т р о. Да, уж придется.

Гром барабанов. На плечах Тени внезапно появляется голова.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Поздравляю, ваше величество!

П ь е т р о. Ура, ваше величество!

М а ж о р д о м. Воды, ваше величество!

Т е н ь. Почему так пусто в зале? Где все? Луиза?

Вбегает п р и н ц е с с а. За нею п р и д в о р н ы е.

П р и н ц е с с а. Как тебе идет голова, милый!

Т е н ь. Луиза, где он?

П р и н ц е с с а. Не знаю. Как ты себя чувствуешь, дорогой?

Т е н ь. Мне больно глотать.

П р и н ц е с с а. Я сделаю тебе компресс на ночь.

Т е н ь. Спасибо. Но где же он? Зовите его сюда.

Вбегают п е р в ы й м и н и с т р и м и н и с т р ф и н а н с о в.

П е р в ы й м и н и с т р. Отлично. Все на месте.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Никаких перемен!

П е р в ы й м и н и с т р. Ваше величество, сделайте милость, кивните головой.

Т е н ь. Где он?

П е р в ы й м и н и с т р. Прекрасно! Голова работает! Ура! Все в порядке.

Т е н ь. Я спрашиваю вас: где он?

П е р в ы й м и н и с т р. А я отвечаю: все в порядке, ваше величество. Сейчас он будет заключен в темницу.

Т е н ь. Да вы с ума сошли! Как вы посмели даже думать об этом! Почетный караул!

П ь е т р о. Почетный караул!

Т е н ь. Идите, просите, умоляйте его прийти сюда.

П ь е т р о. Просить и умолять его — шагом марш!

Уходит с караулом.

П р и н ц е с с а. Зачем вы зовете его, Теодор-Христиан?

Т е н ь. Я хочу жить.

П р и н ц е с с а. Но вы говорили, что он неудачник.

Т е н ь. Все это так, но я жить без него не могу!

Вбегает д о к т о р.

Д о к т о р. Он поправился. Слышите вы все: он поступал как безумец, шел прямо, не сворачивая, он был казнен — и вот он жив, жив, как никто из вас.

М а ж о р д о м. Его светлость господин ученый.

Входит у ч е н ы й. Тень вскакивает и протягивает ему руки. Ученый не обращает на него внимания.

У ч е н ы й. Аннунциата!

А н н у н ц и а т а. Я здесь.

У ч е н ы й. Аннунциата, они не дали мне договорить. Да, Аннунциата. Мне страшно было умирать. Ведь я так молод!

Т е н ь. Христиан!

У ч е н ы й. Замолчи. Но я пошел на смерть, Аннунциата. Ведь, чтобы победить, надо идти и на смерть. И вот — я победил. Идемте отсюда, Аннунциата.

Т е н ь. Нет! Останься со мной, Христиан. Живи во дворце. Ни один волос не упадет с твоей головы. Хочешь, я назначу тебя первым министром?

П е р в ы й м и н и с т р. Но почему же именно первым? Вот министр финансов нездоров.

М и н и с т р ф и н а н с о в. Я нездоров? Смотрите. *(Легко прыгает по залу.)*

П е р в ы й м и н и с т р. Поправился!

М и н и с т р ф и н а н с о в. У нас, у деловых людей, в минуту настоящей опасности на ногах вырастают крылья.

Т е н ь. Хочешь — я прогоню их всех, Христиан? Я дам управлять тебе — в разумных, конечно, пределах. Я помогу тебе некоторое количество людей сделать счастливыми. Ты не хочешь мне отвечать? Луиза! Прикажи ему.

П р и н ц е с с а. Замолчи ты, трус! Что вы наделали, господа? Раз в жизни встретила я хорошего человека, а вы бросились на него, как псы. Прочь, уйди отсюда, тень!

Тень медленно спускается с трона, прижимается к стене, закутавшись в мантию.

Можете стоять в любой самой жалкой позе. Меня вы не разжалобите. Господа! Он не жених мне больше. Я найду себе нового жениха.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Вот радость-то!

П р и н ц е с с а. Я все поняла, Христиан, милый. Эй! Начальник стражи, взять его! *(Указывает на Тень.)*

П ь е т р о. Пожалуйста. Взять его! *(Идет к Тени.)*

П е р в ы й м и н и с т р. Я помогу вам.

М и н и с т р ф и н а н с о в. И я, и я.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Долой тень!

Хватают Тень, но Тени нет, пустая мантия повисает на их руках.

П р и н ц е с с а. Он убежал...

У ч е н ы й. Он скрылся, чтобы еще раз и еще раз стать у меня на дороге. Но я узнаю его, я всюду узнаю его. Аннунциата, дайте мне руку, идемте отсюда.

А н н у н ц и а т а. Как ты себя чувствуешь, Христиан-Теодор, милый?

У ч е н ы й. Мне больно глотать. Прощайте, господа!

П р и н ц е с с а. Христиан-Теодор, прости меня, ведь я ошиблась всего один раз. Ну, я наказана уж — и будет. Останься или возьми меня с собой. Я буду вести себя очень хорошо. Вот увидишь.

У ч е н ы й. Нет, принцесса.

П р и н ц е с с а. Не уходи. Какая я несчастная девушка! Господа, простите его.

П р и д в о р н ы е. Ну куда же вы? Останьтесь...

— Посидите, пожалуйста...

— Куда вам так спешить? Еще детское время.

У ч е н ы й. Простите, господа, но я так занят. *(Идет с Аннунциатой, взяв ее за руку.)*

П р и н ц е с с а. Христиан-Теодор! На улице идет дождь. Темно. А во дворце тепло, уютно. Я прикажу затопить все печки. Останься.

У ч е н ы й. Нет. Мы оденемся потеплее и уедем. Не задерживайте нас, господа.

Ц е з а р ь Б о р д ж и а. Пропустите, пропустите! Вот ваши галоши, господин профессор!

П ь е т р о. Вот плащ. *(Аннунциате.)* Похлопочи за отца, чудовище!

К а п р а л. Карета у ворот.

У ч е н ы й. Аннунциата, в путь!

Занавес

1940

ДРАКОН

Сказка в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дракон.
Ланцелот.
Шарлемань — архивариус.
Эльза — его дочь.
Бургомистр.
Генрих — его сын.
Кот.
Осел.
1-й ткач.
2-й ткач.
Шапочных дел мастер.
Музыкальных дел мастер.
Кузнец.
1-я подруга Эльзы.
2-я подруга Эльзы.
3-я подруга Эльзы.
Часовой.
Садовник.
1-й горожанин.
2-й горожанин.
1-я горожанка.
2-я горожанка.
Мальчик.
Разносчик.
Тюремщик.
Лакеи, стража, горожане.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная, уютная кухня, очень чистая, с большим очагом в глубине. Пол каменный, блестит. Перед очагом на кресле дремлет к о т.

Л а н ц е л о т *(входит, оглядывается, зовет).* Господин хозяин! Госпожа хозяйка! Живая душа, откликнись! Никого... Дом пуст, ворота открыты, двери отперты, окна настежь. Как хорошо, что я честный человек, а то пришлось бы мне сейчас дрожать, оглядываться, выбирать, что подороже, и удирать во всю мочь, когда так хочется отдохнуть. *(Садится.)* Подождем. Господин кот! Скоро вернутся ваши хозяева? А? Вы молчите?

К о т. Молчу.

Л а н ц е л о т. А почему, позвольте узнать?

К о т. Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, мой милейший.

Л а н ц е л о т. Ну а где же все-таки твои хозяева?

К о т. Они ушли, и это крайне приятно.

Л а н ц е л о т. Ты их не любишь?

К о т. Люблю каждым волоском моего меха, и лапами, и усами, но им грозит огромное горе. Я отдыхаю душой, только когда они уходят со двора.

Л а н ц е л о т. Вон оно что. Так им грозит беда? А какая? Ты молчишь?

К о т. Молчу.

Л а н ц е л о т. Почему?

К о т. Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, чем копаться в неприятном будущем. Мяу!

Л а н ц е л о т. Кот, ты меня пугаешь. В кухне так уютно, так заботливо разведен огонь в очаге. Я просто не хочу верить, что этому милому, просторному дому грозит беда. Кот! Что здесь случилось? Отвечай же мне! Ну же!

К о т. Дайте мне забыться, прохожий.

Л а н ц е л о т. Слушай, кот, ты меня не знаешь. Я человек до того легкий, что меня, как пушинку, носит по всему свету. И я очень легко вмешиваюсь в чужие дела. Я был из-за этого девятнадцать раз ранен легко, пять раз тяжело и три раза смертельно. Но я жив до сих пор, потому что я не только легок, как пушинка, а еще и упрям, как осел. Говори же, кот, что тут случилось. А вдруг я спасу твоих хозяев? Со мною это бывало. Ну? Да ну же! Как тебя зовут?

К о т. Машенька.

Л а н ц е л о т. Я думал — ты кот.

К о т. Да, я кот, но люди иногда так невнимательны. Хозяева мои до сих пор удивляются, что я еще ни разу не окотился. Говорят, что же это ты, Машенька? Милые люди, бедные люди! И больше я не скажу ни слова.

Л а н ц е л о т. Скажи мне хоть — кто они, твои хозяева?

К о т. Господин архивариус Шарлемань и единственная его дочь, у которой такие мягкие лапки, славная, милая, тихая Эльза.

Л а н ц е л о т. Кому же из них грозит беда?

К о т. Ах, ей и, следовательно, всем нам!

Л а н ц е л о т. А что ей грозит? Ну же!

К о т. Мяу! Вот уж скоро четыреста лет, как над нашим городом поселился дракон.

Л а н ц е л о т. Дракон? Прелестно!

К о т. Он наложил на наш город дань. Каждый год дракон выбирает себе девушку. И мы, не мяукнув, отдаем ее дракону. И он уводит ее к себе в пещеру. И мы больше никогда не видим ее. Говорят, что они умирают там от омерзения. Фрр! Пшел, пшел вон! Ф-ф-ф!

Л а н ц е л о т. Кому это ты?

К о т. Дракону. Он выбрал нашу Эльзу! Проклятая ящерица! Ф-ффф!

Л а н ц е л о т. Сколько у него голов?

К о т. Три.

Л а н ц е л о т. Порядочно. А лап?

К о т. Четыре.

Л а н ц е л о т. Ну, это терпимо. С когтями?

К о т. Да. Пять когтей на каждой лапе. Каждый коготь с олений рог.

Л а н ц е л о т. Серьезно? И острые у него когти?

К о т. Как ножи.

Л а н ц е л о т. Так. Ну а пламя выдыхает?

К о т. Да.

Л а н ц е л о т. Настоящее?

К о т. Леса горят.

Л а н ц е л о т. Ага. В чешуе он?

К о т. В чешуе.

Л а н ц е л о т. И, небось, крепкая чешуя-то?

К о т. Основательная.

Л а н ц е л о т. Ну а все-таки?

К о т. Алмаз не берет.

Л а н ц е л о т. Так. Представляю себе. Рост?

К о т. С церковь.

Л а н ц е л о т. Ага, все ясно. Ну, спасибо, кот.

К о т. Вы будете драться с ним?

Л а н ц е л о т. Посмотрим.

К о т. Умоляю вас — вызовите его на бой. Он, конечно, убьет вас, но пока суд да дело, можно будет помечтать, развалившись перед очагом, о том, как случайно или чудом, так или сяк, не тем, так этим, может быть, как-нибудь, а вдруг и вы его убьете.

Л а н ц е л о т. Спасибо, кот.

К о т. Встаньте.

Л а н ц е л о т. Что случилось?

К о т. Они идут.

Л а н ц е л о т. Хоть бы она мне понравилась, ах, если бы она мне понравилась! Это так помогает... *(Смотрит в окно.)* Нравится! Кот, она очень славная девушка. Что это? Кот! Она улыбается? Она совершенно спокойна! И отец ее весело улыбается. Ты обманул меня?

К о т. Нет. Самое печальное в этой истории и есть то, что они улыбаются. Тише. Здравствуйте! Давайте ужинать, дорогие мои друзья.

Входят Э л ь з а и Ш а р л е м а н ь.

Л а н ц е л о т. Здравствуйте, добрый господин и прекрасная барышня.

Ш а р л е м а н ь. Здравствуйте, молодой человек.

Л а н ц е л о т. Ваш дом смотрел на меня так приветливо, и ворота были открыты, и в кухне горел огонь, и я вошел без приглашения. Простите.

Ш а р л е м а н ь. Не надо просить прощения. Наши двери открыты для всех.

Э л ь з а. Садитесь, пожалуйста. Дайте мне вашу шляпу, я повешу ее за дверью. Сейчас я накрою на стол... Что с вами?

Л а н ц е л о т. Ничего.

Э л ь з а. Мне показалось, что вы... испугались меня.

Л а н ц е л о т. Нет, нет... Это я просто так.

Ш а р л е м а н ь. Садитесь, друг мой. Я люблю странников. Это оттого, вероятно, что я всю жизнь прожил, не выезжая из города. Откуда вы пришли?

Л а н ц е л о т. С юга.

Ш а р л е м а н ь. И много приключений было у вас на пути?

Л а н ц е л о т. Ах, больше, чем мне хотелось бы.

Э л ь з а. Вы устали, наверное. Садитесь же. Что же вы стоите?

Л а н ц е л о т. Спасибо.

Ш а р л е м а н ь. У нас вы можете хорошо отдохнуть. У нас очень тихий город. Здесь никогда и ничего не случается.

Л а н ц е л о т. Никогда?

Ш а р л е м а н ь. Никогда. На прошлой неделе, правда, был очень сильный ветер. У одного дома едва не снесло крышу. Но это не такое уж большое событие.

Э л ь з а. Вот и ужин на столе. Пожалуйста. Что же вы?

Л а н ц е л о т. Простите меня, но… Вы говорите, что у вас очень тихий город?

Э л ь з а. Конечно.

Л а н ц е л о т. А… а дракон?

Ш а р л е м а н ь. Ах, это… Но ведь мы так привыкли к нему. Он уже четыреста лет живет у нас.

Л а н ц е л о т. Но… мне говорили, что дочь ваша…

Э л ь з а. Господин прохожий…

Л а н ц е л о т. Меня зовут Ланцелот.

Э л ь з а. Господин Ланцелот, простите, я вовсе не делаю вам замечания, но все-таки прошу вас ни слова об этом.

Л а н ц е л о т. Почему?

Э л ь з а. Потому что тут уж ничего не поделаешь.

Л а н ц е л о т. Вот как?

Ш а р л е м а н ь. Да, уж тут ничего не сделать. Мы сейчас гуляли в лесу и обо всем так хорошо, так подробно переговорили. Завтра, как только дракон уведет ее, я тоже умру.

Э л ь з а. Папа, не надо об этом.

Ш а р л е м а н ь. Вот и все, вот и все.

Л а н ц е л о т. Простите, еще только один вопрос. Неужели никто не пробовал драться с ним?

Ш а р л е м а н ь. Последние двести лет — нет. До этого с ним часто сражались, но он убивал всех своих противников. Он удивительный стратег и великий тактик. Он атакует врага внезапно, забрасывает камнями сверху, потом устремляется отвесно вниз, прямо на голову коня, и бьет его огнем, чем совершенно деморализует бедное животное. А потом он разрывает когтями всадника. Ну, и, в конце концов, против него перестали выступать…

Л а н ц е л о т. А целым городом против него не выступали?

Ш а р л е м а н ь. Выступали.

Л а н ц е л о т. Ну и что?

Ш а р л е м а н ь. Он сжег предместья и половину жителей свел с ума ядовитым дымом. Это великий воин.

Э л ь з а. Возьмите еще масла, прошу вас.

Л а н ц е л о т. Да, да, я возьму. Мне нужно набраться сил. Итак — простите, что я все расспрашиваю, — против дракона никто и не пробует выступать? Он совершенно обнаглел?

Ш а р л е м а н ь. Нет, что вы! Он так добр!

Л а н ц е л о т. Добр?

Ш а р л е м а н ь. Уверяю вас. Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врача дохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии.

Л а н ц е л о т. Давно это было?

Ш а р л е м а н ь. О нет. Всего восемьдесят два года назад. Но добрые дела не забываются.

Л а н ц е л о т. А что он еще сделал доброго?

Ш а р л е м а н ь. Он избавил нас от цыган.

Л а н ц е л о т. Но цыгане — очень милые люди.

Ш а р л е м а н ь. Что вы! Какой ужас! Я, правда, в жизни своей не видал ни одного цыгана. Но я еще в школе проходил, что это люди страшные.

Л а н ц е л о т. Но почему?

Ш а р л е м а н ь. Это бродяги по природе, по крови. Они — враги любой государственной системы, иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют детей. Они проникают всюду. Теперь мы вовсе очистились от них, но еще сто лет назад любой брюнет обязан был доказать, что в нем нет цыганской крови.

Л а н ц е л о т. Кто вам рассказал все это о цыганах?

Ш а р л е м а н ь. Наш дракон. Цыгане нагло выступали против него в первые годы его власти.

Л а н ц е л о т. Славные, нетерпеливые люди.

Ш а р л е м а н ь. Не надо, пожалуйста, не надо так говорить.

Л а н ц е л о т. Что он ест, ваш дракон?

Ш а р л е м а н ь. Город наш дает ему тысячу коров, две тысячи овец, пять тысяч кур и два пуда соли в месяц. Летом и осенью сюда еще добавляется десять огородов салата, спаржи и цветной капусты.

Л а н ц е л о т. Он объедает вас!

Ш а р л е м а н ь. Нет, что вы! Мы не жалуемся. А как же можно иначе? Пока он здесь — ни один другой дракон не осмелится нас тронуть.

Л а н ц е л о т. Да другие-то, по-моему, все давно перебиты!

Ш а р л е м а н ь. А вдруг нет? Уверяю вас, единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного. Довольно о нем, прошу вас. Лучше вы расскажите нам что-нибудь интересное.

Л а н ц е л о т. Хорошо. Вы знаете, что такое жалобная книга?

Э л ь з а. Нет.

Л а н ц е л о т. Так знайте же. В пяти годах ходьбы отсюда, в Черных горах, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, исписанная до половины. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежде, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры в Черных горах человеческие жалобы, и книга растет. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой. Для кого пишется эта книга? Для меня.

Э л ь з а. Для вас?

Л а н ц е л о т. Для нас. Для меня и немногих других. Мы внимательные, легкие люди. Мы проведали, что есть такая книга, и не поленились добраться до нее. А заглянувший в эту книгу однажды не успокоится вовеки. Ах, какая это жалобная книга! На эти жалобы нельзя не ответить. И мы отвечаем.

Э л ь з а. А как?

Л а н ц е л о т. Мы вмешиваемся в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем тех, кого необходимо уничтожить. Помочь вам?

Э л ь з а. Как?

Ш а р л е м а н ь. Чем вы нам можете помочь?

К о т. Мяу!

Л а н ц е л о т. Три раза я был ранен смертельно, и как раз теми, кого насильно спасал. И все-таки, хоть вы меня и не просите об этом, я вызову на бой дракона! Слышите, Эльза!

Э л ь з а. Нет, нет! Он убьет вас, и это отравит последние часы моей жизни.

К о т. Мяу!

Л а н ц е л о т. Я вызову на бой дракона!

Раздается все нарастающий свист, шум, вой, рев. Стекла дрожат. Зарево вспыхивает за окнами.

К о т. Легок на помине!

Вой и свист внезапно обрываются. Громкий стук в дверь.

Ш а р л е м а н ь. Войдите!

Входит богато одетый л а к е й.

Л а к е й. К вам господин дракон.

Ш а р л е м а н ь. Милости просим!

Лакей широко распахивает дверь. Пауза. И вот не спеша в комнату входит пожилой, но крепкий, моложавый, белобрысый ч е л о в е к, с солдатской выправкой. Волосы ежиком. Он широко улыбается. Вообще обращение его, несмотря на грубоватость, не лишено некоторой приятности. Он глуховат.

Человек. Здорово, ребята! Эльза, здравствуй, крошка! А у вас гость. Кто это?

Шарлемань. Это странник, прохожий.

Человек. Как? Рапортуй громко, отчетливо, по-солдатски.

Шарлемань. Это странник!

Человек. Не цыган?

Шарлемань. Что вы! Это очень милый человек.

Человек. А?

Шарлемань. Милый человек.

Человек. Хорошо. Странник! Что ты не смотришь на меня? Чего ты уставился на дверь?

Ланцелот. Я жду, когда войдет дракон.

Человек. Ха-ха! Я — дракон.

Ланцелот. Вы? А мне говорили, что у вас три головы, когти, огромный рост!

Дракон. Я сегодня попросту, без чинов.

Шарлемань. Господин дракон так давно живет среди людей, что иногда сам превращается в человека и заходит к нам в гости по-дружески.

Дракон. Да. Мы воистину друзья, дорогой Шарлемань. Каждому из вас я даже более чем просто друг. Я друг вашего детства. Мало того, я друг детства вашего отца, деда, прадеда. Я помню вашего прапрадеда в коротеньких штанишках. Черт! Непрошеная слеза. Ха-ха! Приезжий таращит глаза. Ты не ожидал от меня таких чувств? Ну? Отвечай! Растерялся, сукин сын. Ну, ну. Ничего. Ха-ха. Эльза!

Эльза. Да, господин дракон.

Дракон. Дай лапку.

Эльза протягивает руку Дракону.

Плутовка. Шалунья. Какая теплая лапка. Мордочку выше! Улыбайся. Так. Ты чего, прохожий? А?

Ланцелот. Любуюсь.

Дракон. Молодец. Четко отвечаешь. Любуйся. У нас попросту, приезжий. По-солдатски. Раз, два, горе не беда! Ешь!

Л а н ц е л о т. Спасибо, я сыт.

Д р а к о н. Ничего, ешь. Зачем приехал?

Л а н ц е л о т. По делам.

Д р а к о н. А?

Л а н ц е л о т. По делам.

Д р а к о н. А по каким? Ну, говори. А? Может, я и помогу тебе. Зачем ты приехал сюда?

Л а н ц е л о т. Чтобы убить тебя.

Д р а к о н. Громче!

Э л ь з а. Нет, нет! Он шутит! Хотите, я еще раз дам вам руку, господин дракон?

Д р а к о н. Чего?

Л а н ц е л о т. Я вызываю тебя на бой, слышишь ты, дракон!

Дракон молчит, побагровев.

Я вызываю тебя на бой в третий раз, слышишь?

Раздается оглушительный, страшный, тройной рев. Несмотря на мощь этого рева, от которого стены дрожат, он не лишен некоторой музыкальности. Ничего человеческого в этом реве нет. Это ревет Дракон, сжав кулаки и топая ногами.

Д р а к о н *(внезапно оборвав рев. Спокойно)*. Дурак. Ну? Чего молчишь? Страшно?

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Нет?

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Хорошо же. *(Делает легкое движение плечами и вдруг поразительно меняется. Новая голова появляется у Дракона на плечах. Старая исчезает бесследно. Серьезный, сдержанный, высоколобый, узколицый, седеющий блондин стоит перед Ланцелотом.)*

К о т. Не удивляйся, дорогой Ланцелот. У него три башки. Он их и меняет, когда пожелает.

Д р а к о н *(голос его изменился также, как лицо. Негромко. Суховато)*. Ваше имя Ланцелот?

Л а н ц е л о т. Да.

Д р а к о н. Вы потомок известного странствующего рыцаря Ланцелота?

Л а н ц е л о т. Это мой дальний родственник.

Д р а к о н. Принимаю ваш вызов. Странствующие рыцари — те же цыгане. Вас нужно уничтожить.

Л а н ц е л о т. Я не дамся.

Д р а к о н. Я уничтожил: восемьсот девять рыцарей, девятьсот пять людей неизвестного звания, одного пьяного старика, двух сумасшедших, двух женщин — мать и тетку девушек, избранных мной, — и одного мальчика двенадцати лет — брата такой же девушки. Кроме того, мною было уничтожено шесть армий и пять мятежных толп. Садитесь, пожалуйста.

Л а н ц е л о т *(садится)*. Благодарю вас.

Д р а к о н. Вы курите? Курите, не стесняйтесь.

Л а н ц е л о т. Спасибо. *(Достает трубку, набивает не спеша табаком.)*

Д р а к о н. Вы знаете, в какой день я появился на свет?

Л а н ц е л о т. В несчастный.

Д р а к о н. В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение, — вам понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные грибы — они называются гробовики — выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я — сын войны. Война — это я. Кровь мертвых гуннов течет в моих жилах — это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен.

При слове «точен» Дракон делает легкое движение рукой. Раздается сухое щелканье. Из указательного пальца Дракона лентой вылетает пламя. Зажигает табак в трубке, которую к этому времени набил Ланцелот.

Л а н ц е л о т. Благодарю вас. *(Затягивается с наслаждением.)*

Д р а к о н. Вы против меня, — следовательно, вы против войны?

Л а н ц е л о т. Что вы! Я воюю всю жизнь.

Д р а к о н. Вы чужой здесь, а мы издревле научились понимать друг друга. Весь город будет смотреть на вас с ужасом и обрадуется вашей смерти. Вам предстоит бесславная гибель. Понимаете?

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Я вижу, что вы решительны по-прежнему?

Л а н ц е л о т. Даже больше.

Д р а к о н. Вы — достойный противник.

Л а н ц е л о т. Благодарю вас.

Д р а к о н. Я буду воевать с вами всерьез.

Л а н ц е л о т. Отлично.

Д р а к о н. Это значит, что я убью вас немедленно. Сейчас. Здесь.

Л а н ц е л о т. Но я безоружен!

Д р а к о н. А вы хотите, чтобы я дал вам время вооружиться? Нет. Я ведь сказал, что буду воевать с вами всерьез. Я нападу на вас внезапно, сейчас... Эльза, принесите метелку!

Э л ь з а. Зачем?

Д р а к о н. Я сейчас испепелю этого человека, а вы выметете его пепел.

Л а н ц е л о т. Вы боитесь меня?

Д р а к о н. Я не знаю, что такое страх.

Л а н ц е л о т. Почему же тогда вы так спешите? Дайте мне сроку до завтра. Я найду себе оружие, и мы встретимся на поле.

Д р а к о н. А зачем?

Л а н ц е л о т. Чтобы народ не подумал, что вы трусите.

Д р а к о н. Народ ничего не узнает. Эти двое будут молчать. Вы умрете сейчас храбро, тихо и бесславно. *(Поднимает руку.)*

Ш а р л е м а н ь. Стойте!

Д р а к о н. Что такое?

Ш а р л е м а н ь. Вы не можете убить его.

Д р а к о н. Что?

Ш а р л е м а н ь. Умоляю вас не гневайтесь, я предан вам всей душой. Но ведь я архивариус.

Д р а к о н. При чем здесь ваша должность?

Ш а р л е м а н ь. У меня хранится документ, подписанный вами триста восемьдесят два года назад. Этот документ не отменен. Видите, я не возражаю, а только напоминаю. Там стоит подпись: «Дракон».

Д р а к о н. Ну и что?

Ш а р л е м а н ь. Это моя дочка, в конце концов. Я ведь желаю, чтобы она жила подольше. Это вполне естественно.

Д р а к о н. Короче.

Ш а р л е м а н ь. Будь что будет — я возражаю. Убить его вы не можете. Всякий вызвавший вас — в безопасности до дня боя, пишете вы и подтверждаете это клятвой. И день боя назначаете не вы, а он, вызвавший вас, — так сказано в документе и подтверждено клятвой. А весь город должен помогать тому, кто вызовет вас, и никто не будет наказан — это тоже подтверждается клятвой.

Д р а к о н. Когда был написан этот документ?

Ш а р л е м а н ь. Триста восемьдесят два года назад.

Д р а к о н. Я был тогда наивным, сентиментальным, неопытным мальчишкой.

Ш а р л е м а н ь. Но документ не отменен.

Д р а к о н. Мало ли что...

Ш а р л е м а н ь. Но документ...

Д р а к о н. Довольно о документах. Мы — взрослые люди.

Ш а р л е м а н ь. Но ведь вы сами подписали... Я могу сбегать за документом.

Д р а к о н. Ни с места.

Ш а р л е м а н ь. Нашелся человек, который пробует спасти мою девочку. Любовь к ребенку — ведь это же ничего. Это можно. А, кроме того, гостеприимство — это ведь тоже вполне можно. Зачем же вы смотрите на меня так страшно? *(Закрывает лицо руками.)*

Э л ь з а. Папа! Папа!

Шарлемань. Я протестую!

Дракон. Ладно. Сейчас я уничтожу все гнездо.

Ланцелот. И весь мир узнает, что вы трус!

Дракон. Откуда?

Кот одним прыжком вылетает за окно. Шипит издали.

Кот. Всем, всем, все, все расскажу, старый ящер.

Дракон снова разражается ревом, рев этот так же мощен, но на этот раз в нем явственно слышны хрип, стоны, отрывистый кашель. Это ревет огромное, древнее, злобное чудовище.

Дракон *(внезапно оборвав вой)*. Ладно. Будем драться завтра, как вы просили.

Быстро уходит. И сейчас же за дверью поднимается свист, гул, шум. Стены дрожат, мигает лампа, свист, гул и шум затихают, удаляясь.

Шарлемань. Улетел! Что я наделал! Ах, что я наделал! Я старый, проклятый себялюбец. Но ведь я не мог иначе! Эльза, ты сердишься на меня?

Эльза. Нет, что ты!

Шарлемань. Я вдруг ужасно ослабел. Простите меня. Я лягу. Нет, нет, не провожай меня. Оставайся с гостем. Занимай его разговорами, ведь он был так любезен с нами. Простите, я пойду прилягу. *(Уходит.)*

Пауза.

Эльза. Зачем вы затеяли все это? Я не упрекаю вас, — но все было так ясно и достойно. Вовсе не так страшно умереть молодой. Все состарятся, а ты нет.

Ланцелот. Что вы говорите! Подумайте! Деревья и те вздыхают, когда их рубят.

Эльза. А я не жалуюсь.

Ланцелот. И вам не жалко отца?

Эльза. Но ведь он умрет как раз тогда, когда ему хочется умереть. Это, в сущности, счастье.

Ланцелот. И вам не жалко расставаться с вашими подругами?

Эльза. Нет, ведь если бы не я, дракон выбрал бы кого-нибудь из них.

Л а н ц е л о т. А жених ваш?

Э л ь з а. Откуда вы знаете, что у меня был жених?

Л а н ц е л о т. Я почувствовал это. А с женихом вам не жалко расставаться?

Э л ь з а. Но ведь дракон, чтобы утешить Генриха, назначил его своим личным секретарем.

Л а н ц е л о т. Ах, вот оно что. Но тогда, конечно, с ним не так уж жалко расстаться. Ну а ваш родной город? Вам не жалко его оставить?

Э л ь з а. Но ведь как раз за свой родной город я и погибаю.

Л а н ц е л о т. И он равнодушно принимает вашу жертву?

Э л ь з а. Нет, нет! Меня не станет в воскресенье, а до самого вторника весь город погрузится в траур. Целых три дня никто не будет есть мяса. К чаю будут подаваться особые булочки под названием «Бедная девушка» — в память обо мне.

Л а н ц е л о т. И это все?

Э л ь з а. А что еще можно сделать?

Л а н ц е л о т. Убить дракона.

Э л ь з а. Это невозможно.

Л а н ц е л о т. Дракон вывихнул вашу душу, отравил кровь и затуманил зрение. Но мы все это исправим.

Э л ь з а. Не надо. Если верно то, что вы говорите обо мне, значит, мне лучше умереть.

Вбегает к о т.

К о т. Восемь моих знакомых кошек и сорок восемь моих котят обежали все дома и рассказали о предстоящей драке. Мяу! Бургомистр бежит сюда!

Л а н ц е л о т. Бургомистр? Прелестно!

Вбегает б у р г о м и с т р.

Б у р г о м и с т р. Здравствуй, Эльза. Где прохожий?

Л а н ц е л о т. Вот я.

Б у р г о м и с т р. Прежде всего, будьте добры, говорите потише, по возможности без жестов, двигайтесь мягко и не смотрите мне в глаза.

Л а н ц е л о т. Почему?

Б у р г о м и с т р. Потому что нервы у меня в ужасном состоянии. Я болен всеми нервными и психическими болезнями, какие есть на свете, и, сверх того, еще тремя, неизвестными до сих пор. Думаете, легко быть бургомистром при драконе?

Л а н ц е л о т. Вот я убью дракона, и вам станет легче.

Б у р г о м и с т р. Легче? Ха-ха! Легче! Ха-ха! Легче! *(Впадает в истерическое состояние. Пьет воду. Успокаивается.)* То, что вы осмелились вызвать господина дракона, — несчастье. Дела были в порядке. Господин дракон своим влиянием держал в руках моего помощника, редкого негодяя, и всю его банду, состоящую из купцов-мукомолов. Теперь все перепутается. Господин дракон будет готовиться к бою и забросит дела городского управления, в которые он только что начал вникать.

Л а н ц е л о т. Да поймите же вы, несчастный человек, что я спасу город!

Б у р г о м и с т р. Город? Ха-ха! Город! Город! Ха-ха! *(Пьет воду, успокаивается.)* Мой помощник — такой негодяй, что я пожертвую двумя городами, только бы уничтожить его. Лучше пять драконов, чем такая гадина, как мой помощник. Умоляю вас, уезжайте.

Л а н ц е л о т. Не уеду.

Б у р г о м и с т р. Поздравляю вас, у меня припадок каталепсии. *(Застывает с горькой улыбкой на лице.)*

Л а н ц е л о т. Ведь я спасу всех! Поймите!

Бургомистр молчит.

Не понимаете?

Бургомистр молчит. Ланцелот обрызгивает его водой.

Б у р г о м и с т р. Нет, я не понимаю вас. Кто вас просит драться с ним?

Л а н ц е л о т. Весь город этого хочет.

Б у р г о м и с т р. Да? Посмотрите в окно. Лучшие люди города прибежали просить вас, чтобы вы убирались прочь!

Л а н ц е л о т. Где они?

Б у р г о м и с т р. Вон, жмутся у стен. Подойдите ближе, друзья мои.

Л а н ц е л о т. Почему они идут на цыпочках?

Б у р г о м и с т р. Чтобы не действовать мне на нервы. Друзья мои, скажите Ланцелоту, чего вы от него хотите. Ну! Раз! Два! Три!

Х о р г о л о с о в. Уезжайте прочь от нас! Скорее! Сегодня же!

Ланцелот отходит от окна.

Б у р г о м и с т р. Видите! Если вы гуманный и культурный человек, то подчинитесь воле народа.

Л а н ц е л о т. Ни за что!

Б у р г о м и с т р. Поздравляю вас, у меня легкое помешательство. *(Упирает одну руку в бок, другую изгибает изящно.)* Я — чайник, заварите меня!

Л а н ц е л о т. Я понимаю, почему эти людишки прибежали сюда на цыпочках.

Б у р г о м и с т р. Ну, почему же это?

Л а н ц е л о т. Чтобы не разбудить настоящих людей. Вот я сейчас поговорю с ними. *(Выбегает.)*

Б у р г о м и с т р. Вскипятите меня! Впрочем, что он может сделать? Дракон прикажет, и мы его засадим в тюрьму. Дорогая Эльза, не волнуйся. Секунда в секунду, в назначенный срок, наш дорогой дракон заключит тебя в свои объятия. Будь покойна.

Э л ь з а. Хорошо.

Стук в дверь.

Войдите.

Входит тот самый л а к е й, который объявлял о приходе Дракона.

Б у р г о м и с т р. Здравствуй, сынок.

Л а к е й. Здравствуй, отец.

Б у р г о м и с т р. Ты от него? Никакого боя не будет, конечно? Ты принес приказ заточить Ланцелота в тюрьму?

Л а к е й. Господин дракон приказывает: первое — назначить бой на завтра, второе — Ланцелота снабдить оружием, третье — быть поумнее.

Б у р г о м и с т р. Поздравляю вас, у меня зашел ум за разум. Ум! Ау! Отзовись! Выйди!

Л а к е й. Мне приказано переговорить с Эльзой наедине.

Б у р г о м и с т р. Ухожу, ухожу, ухожу! *(Торопливо удаляется.)*

Л а к е й. Здравствуй, Эльза.

Э л ь з а. Здравствуй, Генрих.

Г е н р и х. Ты надеешься, что Ланцелот спасет тебя?

Э л ь з а. Нет. А ты?

Г е н р и х. И я нет.

Э л ь з а. Что дракон велел передать мне?

Г е н р и х. Он велел передать, чтобы ты убила Ланцелота, если это понадобится.

Э л ь з а *(в ужасе)*. Как?

Г е н р и х. Ножом. Вот он, этот ножик. Он отравленный...

Э л ь з а. Я не хочу!

Г е н р и х. А господин дракон на это велел сказать, что иначе он перебьет всех твоих подруг.

Э л ь з а. Хорошо. Скажи, что я постараюсь.

Г е н р и х. А господин дракон на это велел сказать: всякое колебание будет наказано как ослушание.

Э л ь з а. Я ненавижу тебя!

Г е н р и х. А господин дракон на это велел сказать, что умеет награждать верных слуг.

Э л ь з а. Ланцелот убьет твоего дракона!

Г е н р и х. А на это господин дракон велел сказать: посмотрим!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Центральная площадь города. Направо — ратуша с башенкой, на которой стоит часовой. Прямо — огромное мрачное коричневое здание без окон, с гигантской чугунной дверью во всю стену от фундамента до крыши. На двери надпись готическими буквами: «Людям вход безусловно запрещен». Налево — широкая старинная крепостная стена. В центре площади — колодец с резными перилами и навесом. Генрих, без ливреи, в фартуке, чистит медные украшения на чугунной двери.

Генрих *(напевает)*. Посмотрим, посмотрим, провозгласил дракон. Посмотрим, посмотрим, взревел старик дра-дра. Старик дракоша прогремел: посмотрим, черт возьми! И мы, действительно, посмо! Посмотрим тру-ля-ля!

Из ратуши выбегает бургомистр. На нем смирительная рубашка.

Бургомистр. Здравствуй, сынок. Ты посылал за мной?

Генрих. Здравствуй, отец. Я хотел узнать, как там у вас идут дела. Заседание городского самоуправления закрылось?

Бургомистр. Какое там! За целую ночь мы едва успели утвердить повестку дня.

Генрих. Умаялся?

Бургомистр. А ты как думаешь? За последние полчаса на мне переменили три смирительные рубашки. *(Зевает.)* Не знаю, к дождю, что ли, но только сегодня ужасно разыгралась моя проклятая шизофрения. Так и брежу, так и брежу... Галлюцинации, навязчивые идеи, то, се. *(Зевает.)* Табак есть?

Генрих. Есть.

Бургомистр. Развяжи меня. Перекурим.

Генрих развязывает отца. Усаживаются рядом на ступеньках дворца. Закуривают.

Генрих. Когда же вы решите вопрос об оружии?

Бургомистр. О каком оружии?

Генрих. Для Ланцелота.

Б у р г о м и с т р. Для какого Ланцелота?

Г е н р и х. Ты что, с ума сошел?

Б у р г о м и с т р. Конечно. Хорош сын. Совершенно забыл, как тяжко болен его бедняга отец. *(Кричит.)* О люди, люди, возлюбите друг друга! *(Спокойно.)* Видишь, какой бред.

Г е н р и х. Ничего, ничего, папа. Это пройдет.

Б у р г о м и с т р. Я сам знаю, что пройдет, а все-таки неприятно.

Г е н р и х. Ты послушай меня. Есть важные новости. Старик дракоша нервничает.

Б у р г о м и с т р. Неправда!

Г е н р и х. Уверяю тебя. Всю ночь, не жалея крылышек, наш старикан порхал неведомо где. Заявился домой только на рассвете. От него ужасно несло рыбой, что с ним случается всегда, когда он озабочен. Понимаешь?

Б у р г о м и с т р. Так, так.

Г е н р и х. И мне удалось установить следующее. Наш добрый ящер порхал всю ночь исключительно для того, чтобы разузнать всю подноготную о славном господине Ланцелоте.

Б у р г о м и с т р. Ну, ну?

Г е н р и х. Не знаю, в каких притонах — на Гималаях или на горе Арарат, в Шотландии или на Кавказе, — но только старичок разведал, что Ланцелот — профессиональный герой. Презираю людишек этой породы. Но дра-дра, как профессиональный злодей, очевидно, придает им кое-какое значение. Он ругался, скрипел, ныл. Потом дедушке захотелось пивца. Вылакав целую бочку любимого своего напитка и не отдав никаких приказаний, дракон вновь расправил свои перепонки и вот до сей поры шныряет в небесах, как пичужка. Тебя это не тревожит?

Б у р г о м и с т р. Ни капельки.

Г е н р и х. Папочка, скажи мне — ты старше меня... опытней... Скажи, что ты думаешь о предстоящем бое?

Пожалуйста, ответь. Неужели Ланцелот может... Только отвечай попросту, без казенных восторгов, — неужели Ланцелот может победить? А? Папочка? Ответь мне!

Бургомистр. Пожалуйста, сынок, я отвечу тебе попросту, от души. Я так, понимаешь, малыш, искренне привязан к нашему дракоше! Вот честное слово даю. Сроднился я с ним, что ли? Мне, понимаешь, даже, ну как тебе сказать, хочется отдать за него жизнь. Ей-богу правда, вот провалиться мне на этом месте! Нет, нет, нет! Он, голубчик, победит! Он победит, чудушко-юдушко! Душечка-цыпочка! Летун-хлопотун! Ох, люблю я его как! Ой, люблю! Люблю — и крышка. Вот тебе и весь ответ.

Генрих. Не хочешь ты, папочка, попросту, по душам, поговорить с единственным своим сыном!

Бургомистр. Не хочу, сынок. Я еще не сошел с ума. То есть я, конечно, сошел с ума, но не до такой степени. Это дракон приказал тебе допросить меня?

Генрих. Ну что ты, папа!

Бургомистр. Молодец, сынок! Очень хорошо провел весь разговор. Горжусь тобой. Не потому, что я — отец, клянусь тебе. Я горжусь тобою как знаток, как старый служака. Ты запомнил, что я ответил тебе?

Генрих. Разумеется.

Бургомистр. А эти слова: чудушко-юдушко, душечка-цыпочка, летун-хлопотун?

Генрих. Все запомнил.

Бургомистр. Ну вот так и доложи!

Генрих. Хорошо, папа.

Бургомистр. Ах ты мой единственный, ах ты мой шпиончик... Карьерочку делает, крошка. Денег не надо?

Генрих. Нет, пока не нужно, спасибо, папочка.

Бургомистр. Бери, не стесняйся. Я при деньгах. У меня как раз вчера был припадок клептомании. Бери...

Генрих. Спасибо, не надо. Ну а теперь скажи мне правду...

Б у р г о м и с т р. Ну что ты, сыночек, как маленький, — правду, правду… Я ведь не обыватель какой-нибудь, а бургомистр. Я сам себе не говорю правды уже столько лет, что и забыл, какая она, правда-то. Меня от нее воротит, отшвыривает. Правда, она знаешь чем пахнет, проклятая? Довольно, сын. Слава дракону! Слава дракону! Слава дракону!

Часовой на башне ударяет алебардой об пол. Кричит.

Ч а с о в о й. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показались над Серыми горами!

Генрих и бургомистр вскакивают и вытягиваются, подняв головы к небу. Слышен отдаленный гул, который постепенно замирает.

Вольно! Его превосходительство повернули обратно и скрылись в дыму и пламени!

Г е н р и х. Патрулирует.

Б у р г о м и с т р. Так, так. Слушай, а теперь ты мне ответь на один вопросик. Дракон действительно не дал никаких приказаний, а, сынок?

Г е н р и х. Не дал, папа.

Б у р г о м и с т р. Убивать не будем?

Г е н р и х. Кого?

Б у р г о м и с т р. Нашего спасителя.

Г е н р и х. Ах, папа, папа.

Б у р г о м и с т р. Скажи, сынок. Не приказал он потихонечку тюкнуть господина Ланцелота? Не стесняйся, говори… Чего там… Дело житейское. А, сынок? Молчишь?

Г е н р и х. Молчу.

Б у р г о м и с т р. Ну ладно, молчи. Я сам понимаю, ничего не поделаешь — служба.

Г е н р и х. Напоминаю вам, господин бургомистр, что с минуты на минуту должна состояться торжественная церемония вручения оружия господину герою. Возможно, что сам дра-дра захочет почтить церемонию своим присутствием, а у тебя еще ничего не готово.

Б у р г о м и с т р *(зевает и потягивается)*. Ну что ж, пойду. Мы в один миг подберем ему оружие какое-нибудь. Останется доволен. Завяжи-ка мне рукава... Вот и он идет! Ланцелот идет!

Г е н р и х. Уведи его! Сейчас сюда придет Эльза, с которой мне нужно поговорить.

Входит Л а н ц е л о т.

Б у р г о м и с т р *(кликушествуя)*. Слава тебе, слава, осанна, Георгий Победоносец! Ах, простите, я обознался в бреду. Мне вдруг почудилось, что вы так на него похожи.

Л а н ц е л о т. Очень может быть. Это мой дальний родственник.

Б у р г о м и с т р. Как скоротали ночку?

Л а н ц е л о т. Бродил.

Б у р г о м и с т р. Подружились с кем-нибудь?

Л а н ц е л о т. Конечно.

Б у р г о м и с т р. С кем?

Л а н ц е л о т. Боязливые жители вашего города травили меня собаками. А собаки у вас очень толковые. Вот с ними я и подружился. Они меня поняли, потому что любят своих хозяев и желают им добра. Мы болтали почти до рассвета.

Б у р г о м и с т р. Блох не набрались?

Л а н ц е л о т. Нет. Это были славные, аккуратные псы.

Б у р г о м и с т р. Вы не помните, как их звали?

Л а н ц е л о т. Они просили не говорить.

Б у р г о м и с т р. Терпеть не могу собак.

Л а н ц е л о т. Напрасно.

Б у р г о м и с т р. Слишком простые существа.

Л а н ц е л о т. Вы думаете, это так просто любить людей? Ведь собаки великолепно знают, что за народ их хозяева. Плачут, а любят. Это настоящие работники. Вы посылали за мной?

Б у р г о м и с т р. «За мной!», — воскликнул аист и клюнул змею своим острым клювом. «За мной», — сказал король и оглянулся на королеву. За мной летели красотки верхом на изящных тросточках. Короче говоря, да, я посылал за вами, господин Ланцелот.

Л а н ц е л о т. Чем могу служить?

Б у р г о м и с т р. В магазине Мюллера получена свежая партия сыра. Лучшее украшение девушки — скромность и прозрачное платьице. На закате дикие утки пролетели над колыбелькой. Вас ждут на заседание городского самоуправления, господин Ланцелот.

Л а н ц е л о т. Зачем?

Б у р г о м и с т р. Зачем растут липы на улице Драконовых Лапок? Зачем танцы, когда хочется поцелуев? Зачем поцелуи, когда стучат копыта? Члены городского самоуправления должны лично увидеть вас, чтобы сообразить, какое именно оружие подходит к вам больше всего, господин Ланцелот. Идемте, покажемся им!

Уходят.

Г е н р и х. «Посмотрим, посмотрим», — провозгласил дракон. «Посмотрим, посмотрим», — взревел старик дра-дра. Старик дракоша прогремел: «Посмотрим, черт возьми», — и мы действительно посмо!

Входит Э л ь з а.

Эльза!

Э л ь з а. Да, я. Ты посылал за мной?

Г е н р и х. Посылал. Как жаль, что на башне стоит часовой. Если бы не эта в высшей степени досадная помеха, я бы тебя обнял и поцеловал.

Э л ь з а. А я бы тебя ударила.

Г е н р и х. Ах, Эльза, Эльза! Ты всегда была немножко слишком добродетельна. Но это шло тебе. За скромностью твоей скрывается нечто. Дра-дра чувствует девушек. Он всегда выбирал самых многообещающих,

шалун-попрыгун. А Ланцелот еще не пытался ухаживать за тобой?

Э л ь з а Замолчи.

Г е н р и х. Впрочем, конечно, нет. Будь на твоем месте старая дура, он все равно полез бы сражаться. Ему все равно, кого спасать. Он так обучен. Он и не разглядел, какая ты.

Э л ь з а. Мы только что познакомились.

Г е н р и х. Это не оправдание.

Э л ь з а. Ты звал меня только для того, чтобы сообщить все это?

Г е н р и х. О нет. Я звал тебя, чтобы спросить — хочешь выйти замуж за меня?

Э л ь з а. Перестань!

Г е н р и х. Я не шучу. Я уполномочен передать тебе следующее: если ты будешь послушна и в случае необходимости убьешь Ланцелота, то в награду дра-дра отпустит тебя.

Э л ь з а. Не хочу.

Г е н р и х. Дай договорить. Вместо тебя избранницей будет другая, совершенно незнакомая девушка из простонародья. Она все равно намечена на будущий год. Выбирай, что лучше — глупая смерть или жизнь, полная таких радостей, которые пока только снились тебе, да и то так редко, что даже обидно.

Э л ь з а. Он струсил!

Г е н р и х. Кто? Дра-дра? Я знаю все его слабости. Он самодур, солдафон, паразит — все что угодно, но только не трус.

Э л ь з а. Вчера он угрожал, а сегодня торгуется?

Г е н р и х. Этого добился я.

Э л ь з а. Ты?

Г е н р и х. Я настоящий победитель Дракона, если хочешь знать. Я могу выхлопотать все. Я ждал случая — и дождался. Я не настолько глуп, чтобы уступать тебя кому бы то ни было.

Э л ь з а. Не верю тебе.

Генрих. Веришь.

Эльза. Все равно, я не могу убить человека!

Генрих. А нож ты захватила с собой тем не менее. Вон он висит у тебя на поясе. Я ухожу, дорогая. Мне надо надеть парадную ливрею. Но я ухожу спокойный. Ты выполнишь приказ ради себя и ради меня. Подумай! Жизнь, вся жизнь перед нами — если ты захочешь. Подумай, моя очаровательная. *(Уходит.)*

Эльза. Боже мой! У меня щеки горят так, будто я целовалась с ним. Какой позор! Он почти уговорил меня... Значит, вот я какая!.. Ну и пусть. И очень хорошо. Довольно! Я была самая послушная в городе. Верила всему. И чем это кончилось? Да, меня все уважали, а счастье доставалось другим. Они сидят сейчас дома, выбирают платья понаряднее, гладят оборочки. Завиваются. Собираются идти любоваться на мое несчастье. Ах, я так и вижу, как пудрятся они у зеркала и говорят: «Бедная Эльза, бедная девушка, она была такая хорошая!» Одна я, одна из всего города, стою на площади и мучаюсь. И дурак часовой таращит на меня глаза, думает о том, что сделает сегодня со мной дракон. И завтра этот солдат будет жив, будет отдыхать после дежурства. Пойдет гулять к водопаду, где река такая веселая, что даже самые печальные люди улыбаются, глядя, как славно она прыгает. Или пойдет он в парк, где садовник вырастил чудесные анютины глазки, которые щурятся, подмигивают и даже умеют читать, если буквы крупные и книжка кончается хорошо. Или поедет он кататься по озеру, которое когда-то вскипятил дракон и где русалки с тех пор такие смирные. Они не только никого не топят, а даже торгуют, сидя на мелком месте, спасательными поясами. Но они по-прежнему прекрасны, и солдаты любят болтать с ними. И расскажет русалкам этот глупый солдат, как заиграла веселая музыка, как все заплакали, а дракон повел меня к себе. И русалки примутся ахать: «Ах, бедная Эльза, ах, бедная девушка, сегодня

такая хорошая погода, а ее нет на свете». Не хочу! Хочу все видеть, все слышать, все чувствовать. Вот вам! Хочу быть счастливой! Вот вам! Я взяла нож, чтобы убить себя. И не убью. Вот вам!

Ланцелот выходит из ратуши.

Ланцелот. Эльза! Какое счастье, что я вижу вас!

Эльза. Почему?

Ланцелот. Ах, славная моя барышня, у меня такой трудный день, что душа так и требует отдыха, хоть на минуточку. И вот, как будто нарочно, вдруг вы встречаетесь мне.

Эльза. Вы были на заседании?

Ланцелот. Был.

Эльза. Зачем они звали вас?

Ланцелот. Предлагали деньги, лишь бы я отказался от боя.

Эльза. И что вы им ответили?

Ланцелот. Ответил: ах вы, бедные дураки! Не будем говорить о них. Сегодня, Эльза, вы еще красивее, чем вчера. Это верный признак того, что вы действительно нравитесь мне. Вы верите, что я освобожу вас?

Эльза. Нет.

Ланцелот. А я не обижаюсь. Вот как вы мне нравитесь, оказывается.

Вбегают подруги Эльзы.

1-я подруга. А вот и мы!

2-я подруга. Мы — лучшие подруги Эльзы.

3-я подруга. Мы жили душа в душу столько лет, с самого детства.

1-я подруга. Она у нас была самая умная.

2-я подруга. Она была у нас самая славная.

3-я подруга. И все-таки любила нас больше всех. И зашьет, бывало, что попросишь, и поможет решить задачу, и утешит, когда тебе кажется, что ты самая несчастная.

1-я подруга. Мы не опоздали?

2-я подруга. Вы правда будете драться с ним?

3-я подруга. Господин Ланцелот, вы не можете устроить нас на крышу ратуши? Вам не откажут, если вы попросите. Нам так хочется увидеть бой получше.

1-я подруга. Ну вот, вы и рассердились.

2-я подруга. И не хотите разговаривать с нами.

3-я подруга. А мы вовсе не такие плохие девушки.

1-я подруга. Вы думаете, мы нарочно помешали попрощаться с Эльзой.

2-я подруга. А мы не нарочно.

3-я подруга. Это Генрих приказал нам не оставлять вас наедине с ней, пока господин дракон не разрешит этого…

1-я подруга. Он приказал нам болтать…

2-я подруга. И вот мы болтаем, как дурочки.

3-я подруга. Потому что иначе мы заплакали бы. А вы, приезжий, и представить себе не можете, какой это стыд — плакать при чужих.

Шарлемань выходит из ратуши.

Шарлемань. Заседание закрылось, господин Ланцелот. Решение об оружии для вас вынесено. Простите нас. Пожалейте нас, бедных убийц, господин Ланцелот.

Гремят трубы. Из ратуши выбегают слуги, которые расстилают ковры и устанавливают кресла. Большое и роскошно украшенное кресло ставят они посредине. Вправо и влево — кресла попроще. Выходит бургомистр, окруженный членами городского самоуправления. Он очень весел. Генрих, в парадной ливрее, с ними.

Бургомистр. Очень смешной анекдот… Как она сказала? «Я думала, что все мальчики это умеют»? Ха-ха-ха! А этот анекдот вы знаете? Очень смешной. Одному цыгану отрубили голову…

Гремят трубы.

Ах, уже все готово... Ну хорошо, я вам расскажу его после церемонии... Напомните мне. Давайте, давайте, господа. Мы скоренько отделаемся.

Члены городского самоуправления становятся вправо и влево от кресла, стоящего посредине. Генрих становится за спинкой этого кресла.

(Кланяется пустому креслу. Скороговоркой.) Потрясенные и взволнованные доверием, которое вы, ваше превосходительство, оказываете нам, разрешая выносить столь важные решения, просим вас занять место почетного председателя. Просим раз, просим два, просим три. Сокрушаемся, но делать нечего. Начнем сами. Садитесь, господа. Объявляю заседоние...

Пауза.

Воды!

Слуга достает воду из колодца. Бургомистр пьет.

Объявляю заседание... Воды! *(Пьет. Откашливается, очень тоненьким голосом.)* Объявляю *(глубоким басом)* заседание... Воды! *(Пьет. Тоненько.)* Спасибо, голубчик! *(Басом.)* Пошел вон, негодяй! *(Своим голосом.)* Поздравляю вас, господа, у меня началось раздвоение личности. *(Басом.)* Ты что ж это делаешь, старая дура? *(Тоненько.)* Не видишь, что ли, председательствую. *(Басом.)* Да разве это женское дело? *(Тоненько.)* Да я и сама не рада, касатик. Не сажайте вы меня, бедную, на кол, а дайте огласить протокол. *(Своим голосом.)* Слушали: о снабжении некоего Ланцелота оружием. Постановили: снабдить, но скрепя сердца. Эй, вы, там! Давайте сюда оружие!

Гремят трубы. Входят слуги. Первый слуга подает Ланцелоту маленький медный тазик, к которому прикреплены узенькие ремешки.

Ланцелот. Это тазик от цирюльника.

Бургомистр. Да, но мы назначили его исполняющим обязанности шлема. Медный подносик назначен

щитом. Не беспокойтесь! Даже вещи в нашем городе послушны и дисциплинированны. Они будут выполнять свои обязанности вполне добросовестно. Рыцарских лат у нас на складе, к сожалению, не оказалось. Но копье есть. *(Протягивает Ланцелоту лист бумаги.)* Это удостоверение дается вам в том, что копье действительно находится в ремонте, что подписью и приложением печати удостоверяется. Вы предъявите его во время боя господину дракону, и все кончится отлично. Вот вам и все. *(Басом.)* Закрывай заседание, старая дура! *(Тоненьким голосом).* Да закрываю, закрываю, будь оно проклято. И чего это народ все сердится, сердится, и сам не знает, чего сердится. *(Поет.)* Раз, два, три, четыре, пять, вышел рыцарь погулять... *(Басом.)* Закрывай, окаянная! *(Тоненьким голосом.)* А я что делаю? *(Поет.)* Вдруг дракончик вылетает, прямо в рыцаря стреляет... Пиф-паф, ой-ой-ой, объявляю заседаньице закрытым.

Часовой. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показались над Серыми горами и со страшной быстротой летят сюда.

Все вскакивают и замирают, подняв головы к небу. Далекий гул, который разрастается с ужасающей быстротой. На сцене темнеет. Полная тьма, гул обрывается.

Смирно! Его превосходительство, как туча, парит над нами, закрыв солнце. Затаите дыхание!

Вспыхивают два зеленоватых огонька.

Кот *(шепотом.)* Ланцелот, это я, кот.

Ланцелот *(шепотом).* Я сразу тебя узнал по глазам.

Кот. Я буду дремать на крепостной стене. Выбери время, проберись ко мне, и я промурлыкаю тебе нечто крайне приятное...

Часовой. Смирно! Его превосходительство кинулись вниз головами на площадь.

Оглушительный свист и рев. Вспыхивает свет. В большом кресле сидит с ногами крошечный, мертвенно-бледный пожилой человечек.

К о т *(с крепостной стены).* Не пугайся, дорогой Ланцелот. Это его третья башка. Он их меняет, когда пожелает.

Б у р г о м и с т р. Ваше превосходительство! Во вверенном мне городском самоуправлении никаких происшествий не случилось. В околотке один. Налицо...

Д р а к о н *(надтреснутым тенорком, очень спокойно).* Пошел вон! Все пошли вон! Кроме приезжего.

Все уходят. На сцене Ланцелот, Дракон и кот, который дремлет на крепостной стене, свернувшись клубком.

Как здоровье?

Л а н ц е л о т. Спасибо, отлично.

Д р а к о н. А это что за тазики на полу?

Л а н ц е л о т. Оружие.

Д р а к о н. Это мои додумались?

Л а н ц е л о т. Они.

Д р а к о н. Вот безобразники. Обидно, небось?

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Вранье. У меня холодная кровь, но даже я обиделся бы. Страшно вам?

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Вранье, вранье. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил.

Л а н ц е л о т. И все-таки они люди.

Д р а к о н. Это снаружи.

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Если бы ты увидел их души — ох, задрожал бы.

Л а н ц е л о т. Нет.

Д р а к о н. Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушней, и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только

в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Нет, нет, жалко, что они невидимы.

Л а н ц е л о т. Это ваше счастье.

Д р а к о н. Как так?

Л а н ц е л о т. Люди испугались бы, увидев своими глазами, во что превратились их души. Они на смерть пошли бы, а не остались покоренным народом. Кто бы тогда кормил вас?

Д р а к о н. Черт его знает, может быть, вы и правы. Ну что ж, начнем?

Л а н ц е л о т. Давайте.

Д р а к о н. Попрощайтесь сначала с девушкой, ради которой вы идете на смерть. Эй, мальчик!

Вбегает Г е н р и х.

Эльзу!

Г е н р и х убегает.

Вам нравится девушка, которую я выбрал?

Л а н ц е л о т. Очень, очень нравится.

Д р а к о н. Это приятно слышать. Мне она тоже очень, очень нравится. Отличная девушка. Послушная девушка.

Входят Э л ь з а и Г е н р и х.

Поди, поди сюда, моя милая. Посмотри мне в глаза. Вот так. Очень хорошо. Глазки ясные. Можешь поцеловать мне руку. Вот так. Славненько. Губки теплые. Значит, на душе у тебя спокойно. Хочешь попрощаться с господином Ланцелотом?

Э л ь з а. Как прикажете, господин дракон.

Д р а к о н. А я вот как прикажу. Иди. Поговори с ним ласково. *(Тихо.)* Ласково-ласково поговори с ним. Поцелуй его на прощанье. Ничего, ведь я буду здесь. При

мне можно. А потом убей его. Ничего, ничего. Ведь я буду здесь. При мне ты это сделаешь. Ступай. Можешь отойти с ним подальше. Ведь я вижу прекрасно. Я все увижу. Ступай.

Эльза подходит к Ланцелоту.

Эльза. Господин Ланцелот, мне приказано попрощаться с вами.

Ланцелот. Хорошо, Эльза. Давайте попрощаемся на всякий случай. Бой будет серьезный. Мало ли что может случиться. Я хочу на прощание сказать вам, что я вас люблю, Эльза.

Эльза. Меня!

Ланцелот. Да, Эльза. Еще вчера вы мне так понравились, когда я взглянул в окно и увидел, как вы тихонечко идете с отцом своим домой. Потом вижу, что при каждой встрече вы кажетесь мне все красивее и красивее. «Ага, — подумал я. — Вот оно». Потом, когда вы поцеловали лапу дракону, я не рассердился на вас, а только ужасно огорчился. Ну и тут уже мне все стало понятно. Я, Эльза, люблю вас. Не сердитесь. Я ужасно хотел, чтобы вы знали это.

Эльза. Я думала, что вы все равно вызвали бы дракона. Даже если бы другая девушка была на моем месте.

Ланцелот. Конечно, вызвал бы. Я их терпеть не могу, драконов этих. Но ради вас я готов задушить его голыми руками, хотя это очень противно.

Эльза. Вы, значит, меня любите?

Ланцелот. Очень. Страшно подумать! Если бы вчера на перекрестке трех дорог я повернул бы не направо, а налево, то мы так и не познакомились бы никогда. Какой ужас, верно?

Эльза. Да.

Ланцелот. Подумать страшно. Мне кажется теперь, что ближе вас никого у меня на свете нет, и город ваш я считаю своим, потому что вы тут живете. Если

меня... ну, словом, если нам больше не удастся поговорить, то вы уж не забывайте меня.

Э л ь з а. Нет.

Л а н ц е л о т. Не забывайте. Вот вы сейчас первый раз за сегодняшний день посмотрели мне в глаза. И меня всего так и пронизало теплом, как будто вы приласкали меня. Я странник, легкий человек, но вся жизнь моя проходила в тяжелых боях. Тут дракон, там людоеды, там великаны. Возишься, возишься... Работа хлопотливая, неблагодарная. Но я все-таки был вечно счастлив. Я не уставал. И часто влюблялся.

Э л ь з а. Часто?

Л а н ц е л о т. Конечно. Ходишь-бродишь, дерешься и знакомишься с девушками. Ведь они вечно попадают то в плен к разбойникам, то в мешок к великану, то на кухню к людоеду. А эти злодеи всегда выбирают девушек получше, особенно людоеды. Ну вот и влюбишься, бывало. Но разве так, как теперь? С теми я все шутил. Смешил их. А вас, Эльза, если бы мы были одни, то все целовал бы. Правда. И увел бы вас отсюда. Мы вдвоем шагали бы по лесам и горам — это совсем не трудно. Нет, я добыл бы вам коня с таким седлом, что вы бы никогда не уставали. И я шел бы у вашего стремени и любовался на вас. И ни один человек не посмел бы вас обидеть.

Эльза берет Ланцелота за руку.

Д р а к о н. Молодец девушка. Приручает его.

Г е н р и х. Да. Она далеко не глупа, ваше превосходительство.

Л а н ц е л о т. Эльза, да ты, кажется, собираешься плакать?

Э л ь з а. Собираюсь.

Л а н ц е л о т. Почему?

Э л ь з а. Мне жалко.

Л а н ц е л о т. Кого?

Э л ь з а. Себя и вас. Не будет нам с вами счастья, господин Ланцелот. Зачем я родилась на свет при драконе!

Л а н ц е л о т. Эльза, я всегда говорю правду. Мы будем счастливы. Поверь мне.

Э л ь з а. Ой, ой, не надо.

Л а н ц е л о т. Мы пойдем с тобою по лесной дорожке, веселые и счастливые. Только ты да я.

Э л ь з а. Нет, нет, не надо.

Л а н ц е л о т. И небо над нами будет чистое. Никто не посмеет броситься на нас оттуда.

Э л ь з а. Правда?

Л а н ц е л о т. Правда. Ах, разве знают в бедном вашем народе, как можно любить друг друга? Страх, усталость, недоверие сгорят в тебе, исчезнут навеки, вот как я буду любить тебя. А ты, засыпая, будешь улыбаться и, просыпаясь, будешь улыбаться и звать меня — вот как ты меня будешь любить. И себя полюбишь тоже. Ты будешь ходить спокойная и гордая. Ты поймешь, что уж раз я тебя такую целую, значит, ты хороша. И деревья в лесу будут ласково разговаривать с нами, и птицы, и звери, потому что настоящие влюбленные всё понимают и заодно со всем миром. И все будут рады нам, потому что настоящие влюбленные приносят счастье.

Д р а к о н. Что он ей там напевает?

Г е н р и х. Проповедует. Ученье — свет, а неученье — тьма. Мойте руки перед едой. И тому подобное. Этот сухарь...

Д р а к о н. Ага, ага. Она положила ему руку на плечо! Молодец.

Э л ь з а. Пусть даже мы не доживем до такого счастья. Все равно, я все равно уже и теперь счастлива. Эти чудовища сторожат нас. А мы ушли от них за тридевять земель. Со мной никогда так не говорили, дорогой мой. Я не знала, что есть на земле такие люди, как ты. Я еще вчера была послушная, как собачка, не смела

думать о тебе. И все-таки ночью спустилась тихонько вниз и выпила вино, которое оставалось в твоем стакане. Я только сейчас поняла, что это я по-своему, тайно-тайно, поцеловала тебя ночью за то, что ты вступился за меня. Ты не поймешь, как перепутаны все чувства у нас, бедных, забитых девушек. Еще недавно мне казалось, что я тебя ненавижу. А это я по-своему, тайно-тайно, влюблялась в тебя. Дорогой мой! Я люблю тебя — какое счастье сказать это прямо. И какое счастье... *(Целует Ланцелота.)*

Дракон *(стучит ножками от нетерпения)*. Сейчас сделает, сейчас сделает, сейчас сделает!

Эльза. А теперь пусти меня, милый. *(Освобождается из объятий Ланцелота. Выхватывает нож из ножен.)* Видишь этот нож? Дракон приказал, чтобы я убила тебя этим ножом. Смотри!

Дракон. Ну! Ну! Ну!

Генрих. Делай, делай!

Эльза швыряет нож в колодец.

Презренная девчонка!

Дракон *(гремит)*. Да как ты посмела!..

Эльза. Ни слова больше! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе ругаться теперь, после того как он поцеловал меня? Я люблю его. И он убьет тебя.

Ланцелот. Это чистая правда, господин дракон.

Дракон. Ну-ну. Что ж. Придется подраться. *(Зевает.)* Да откровенно говоря, я не жалею об этом, я тут не так давно разработал очень любопытный удар лапой эн в икс направлении. Сейчас попробуем его на теле. Денщик, позови-ка стражу.

Генрих убегает.

Ступай домой, дурочка, а после боя мы поговорим с тобою обо всем задушевно.

Входит Генрих со стражей.

Слушай, стража, что-то я хотел тебе сказать... Ах, да... Проводи-ка домой эту барышню и посторожи ее там.

Ланцелот делает шаг вперед.

Э л ь з а. Не надо. Береги силы. Когда ты его убьешь, приходи за мной. Я буду ждать тебя и перебирать каждое слово, которое ты сказал мне сегодня. Я верю тебе.

Л а н ц е л о т. Я приду за тобой.

Д р а к о н. Ну вот и хорошо. Ступайте.

Стража уводит Э л ь з у.

Мальчик, сними часового с башни и отправь его в тюрьму. Ночью надо будет отрубить ему голову. Он слышал, как девчонка кричала на меня, и может проболтаться об этом в казарме. Распорядись. Потом придешь смазать мне когти ядом.

Г е н р и х убегает.

(Ланцелоту.) А ты стой здесь, слышишь? И жди. Когда я начну — не скажу. Настоящая война начинается вдруг. Понял?

Слезает с кресла и уходит во дворец. Ланцелот подходит к коту.

Л а н ц е л о т. Ну, кот, что приятное собирался ты промурлыкать мне?

К о т. Взгляни направо, дорогой Ланцелот. В облаке пыли стоит ослик. Брыкается. Пять человек уговаривают упрямца. Сейчас я им спою песенку. *(Мяукает.)* Видишь, как запрыгал упрямец прямо к нам. Но у стены он заупрямится вновь, а ты поговори с погонщиками его. Вот и они.

За стеной — голова осла, который останавливается в облаке пыли. Пять погонщиков кричат на него. Генрих бежит через площадь.

Г е н р и х *(погонщикам)*. Что вы здесь делаете?

Д в о е п о г о н щ и к о в *(хором)*. Везем товар на рынок, ваша честь.

Г е н р и х. Какой?

Двое погонщиков. Ковры, ваша честь.

Генрих. Проезжайте, проезжайте. У дворца нельзя задерживаться!

Двое погонщиков. Осел заупрямился, ваша честь.

Голос дракона. Мальчик!

Генрих. Проезжайте, проезжайте! *(Бежит бегом во дворец.)*

Двое погонщиков *(хором)*. Здравствуйте, господин Ланцелот. Мы — друзья ваши, господин Ланцелот. *(Откашливаются разом.)* Кха-кха. Вы не обижайтесь, что мы говорим разом, — мы с малых лет работаем вместе и так сработались, что и думаем, и говорим, как один человек. Мы даже влюбились в один день и один миг и женились на родных сестрах-близнецах. Мы соткали множество ковров, но самый лучший приготовили мы за нынешнюю ночь для вас. *(Снимают со спины осла ковер и расстилают его на земле.)*

Ланцелот. Какой красивый ковер!

Двое погонщиков. Да. Ковер лучшего сорта, двойной, шерсть с шелком, краски приготовлены по особому нашему секретному способу. Но секрет ковра не в шерсти, не в шелке, не в красках. *(Негромко.)* Это — ковер-самолет.

Ланцелот. Прелестно! Говорите скорее, как им управлять.

Двое погонщиков. Очень просто, господин Ланцелот. Это — угол высоты, на нем выткано солнце. Это — угол глубины, на нем выткана земля. Это — угол узорных полетов, на нем вытканы ласточки. А это — драконов угол. Подымешь его — и летишь круто вниз, прямо врагу на башку. Здесь выткан кубок с вином и чудесная закуска. Побеждай и пируй. Нет, нет. Не говори нам спасибо. Наши прадеды все поглядывали на дорогу, ждали тебя. Наши деды ждали. А мы вот — дождались.

Уходят быстро, и тотчас же к Ланцелоту подбегает третий погонщик с картонным футляром в руках.

3-й погонщик. Зравствуйте, сударь! Простите. Поверните голову так. А теперь этак. Отлично. Сударь, я шапочных и шляпочных дел мастер. Я делаю лучшие шляпы и шапки в мире. Я очень знаменит в этом городе. Меня тут каждая собака знает.

Кот. И кошка тоже.

3-й погонщик. Вот видите! Без всякой примерки, бросив один взгляд на заказчика, я делаю вещи, которые удивительно украшают людей, и в этом моя радость. Одну даму, например, муж любит, только пока она в шляпе моей работы. Она даже спит в шляпе и признается всюду, что мне она обязана счастьем всей своей жизни. Сегодня я всю ночь работал на вас, сударь, и плакал, как ребенок, с горя.

Ланцелот. Почему?

3-й погонщик. Это такой трагический, особенный фасон. Это шапка-невидимка.

Ланцелот. Прелестно!

3-й погонщик. Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер вовеки не узнает, идет она вам или нет. Берите, только не примеряйте при мне. Я этого не перенесу! Нет, не перенесу.

Убегает. Тотчас же к Ланцелоту подходит четвертый погонщик — бородатый, угрюмый человек со свертком на плече. Развертывает сверток. Там меч и копье.

4-й погонщик. На. Всю ночь ковали. Ни пуха тебе, ни пера.

Уходит. К Ланцелоту подбегает пятый погонщик — маленький седой человечек со струнным музыкальным инструментом в руках.

5-й погонщик. Я — музыкальных дел мастер, господин Ланцелот. Еще мой прапрапрадед начал строить этот маленький инструмент. Из поколения в поколение работали мы над ним, и в человеческих руках он стал совсем человеком. Он будет вашим верным спутником в бою. Руки ваши будут заняты копьем и мечом, но он сам позаботится о себе. Он сам даст ля — и настроится. Сам

переменит лопнувшую струну, сам заиграет. Когда следует, он будет бисировать, а когда нужно, — молчать. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой.

Видите? Мы слышали, мы все слышали, как вы, одинокий, бродили по городу, и спешили, спешили вооружить вас с головы до ног. Мы ждали, сотни лет ждали, дракон сделал нас тихими, и мы ждали тихо-тихо. И вот дождались. Убейте его и отпустите нас на свободу. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой. Пятый погонщик уходит с поклонами.

Кот. Когда начнется бой, мы — я и ослик — укроемся в амбаре позади дворца, чтобы пламя случайно не опалило мою шкурку. Если понадобится, кликни нас. Здесь в поклаже на спине ослика укрепляющие напитки, пирожки с вишнями, точило для меча, запасные наконечники для копья, иголки и нитки.

Ланцелот. Спасибо. *(Становится на ковер. Берет оружие, кладет у ног музыкальный инструмент. Достает шапку-невидимку, надевает ее и исчезает.)*

Кот. Аккуратная работа. Прекрасные мастера. Ты еще тут, дорогой Ланцелот?

Голос Ланцелота. Нет. Я подымаюсь потихоньку. До свиданья, друзья.

Кот. До свидания, дорогой мой. Ах, сколько треволнений, сколько забот. Нет, быть в отчаянии — это гораздо приятнее. Дремлешь и ничего не ждешь. Верно я говорю, ослик?

Осел шевелит ушами.

Ушами я разговарить не умею. Давай поговорим, ослик, словами. Мы знакомы мало, но раз уж работаем вместе, то можно и помяукать дружески. Мучение — ждать молча. Помяукаем.

О с е л. Мяукать не согласен.

К о т. Ну тогда хоть поговорим. Дракон думает, что Ланцелот здесь, а его и след простыл. Смешно, верно?

О с е л *(мрачно)*. Потеха!

К о т. Отчего же ты не смеешься?

О с е л. Побьют. Как только я засмеюсь громко, люди говорят: опять этот проклятый осел кричит. И дерутся.

К о т. Ах вот как! Это, значит, у тебя смех такой пронзительный?

О с е л. Ага.

К о т. А над чем ты смеешься?

О с е л. Как когда... Думаю, думаю, да и вспомню смешное. Лошади меня смешат.

К о т. Чем?

О с е л. Так... Дуры.

К о т. Прости, пожалуйста, за нескромность. Я тебя давно вот о чем хотел спросить...

О с е л. Ну?

К о т. Как можешь ты есть колючки?

О с е л. А что?

К о т. В траве попадаются, правда, съедобные стебельки. А колючки... сухие такие!

О с е л. Ничего. Люблю острое.

К о т. А мясо?

О с е л. Что «мясо»?

К о т. Не пробовал есть?

О с е л. Мясо — это не еда. Мясо — это поклажа. Его в тележку кладут, дурачок.

К о т. А молоко?

О с е л. Вот это в детстве я пил.

К о т. Ну, слава богу, можно будет поболтать о приятных, утешительных предметах.

О с е л. Верно. Это приятно вспомнить. Утешительно. Мать добрая. Молоко теплое. Сосешь, сосешь. Рай! Вкусно.

К о т. Молоко и лакать приятно.

О с е л. Лакать не согласен.

К о т *(вскакивает)*. Слышишь?

О с е л. Стучит копытами, гад.

Тройной вопль Дракона.

Д р а к о н. Ланцелот!

Пауза.

Ланцелот!

О с е л. Ку-ку. *(Разражается ослиным хохотом.)* И-а! И-а! И-а!

Дворцовые двери распахиваются. В дыму и пламени смутно виднеются то три гигантские башки, то огромные лапы, то сверкающие глаза.

Д р а к о н. Ланцелот! Полюбуйся на меня перед боем. Где же ты?

Г е н р и х выбегает на площадь. Мечется, ищет Ланцелота, заглядывает в колодец. Где же он?

Г е н р и х. Он спрятался, ваше превосходительство.

Д р а к о н. Эй, Ланцелот! Где ты?

Звон меча.

Кто посмел ударить меня?!

Г о л о с Л а н ц е л о т а. Я, Ланцелот!

Полная тьма. Угрожающий рев. Вспыхивает свет. Генрих мчится в ратушу. Шум боя.

К о т. Бежим в укрытие.

О с е л. Пора.

Убегают. Площадь наполняется народом. Народ необычайно тих. Все перешептываются, глядя на небо.

1-й г о р о ж а н и н. Как мучительно затягивается бой.

2-й г о р о ж а н и н. Да! Уже две минуты — и никаких результатов.

1-й г о р о ж а н и н. Я надеюсь, что сразу все будет кончено.

2-й г о р о ж а н и н. Ах, мы жили так спокойно... А сейчас время завтракать — и не хочется есть. Ужас! Здравствуйте, господин садовник. Почему вы так грустны?

С а д о в н и к. У меня сегодня распустились чайные розы, хлебные розы и винные розы. Посмотришь на них — и ты сыт и пьян. Господин дракон обещал зайти взглянуть и дать денег на дальнейшие опыты. А теперь он воюет. Из-за этого ужаса могут погибнуть плоды многолетних трудов.

Р а з н о с ч и к *(бойким шепотом)*. А вот кому закопченные стекла? Посмотришь — и увидишь господина дракона копченым.

Все тихо смеются.

1-й г о р о ж а н и н. Какое безобразие. Ха-ха-ха!

2-й г о р о ж а н и н. Увидишь его копченым, как же!

Покупают стекла.

М а л ь ч и к. Мама, от кого дракон удирает по всему небу?

В с е. Тссс!

1-й г о р о ж а н и н. Он не удирает, мальчик, он маневрирует.

М а л ь ч и к. А почему он поджал хвост?

В с е. Тссс!

1-й г о р о ж а н и н. Хвост поджат по заранее обдуманному плану, мальчик.

1-я г о р о ж а н к а. Подумать только! Война идет уже целых шесть минут, а конца ей еще не видно. Все так взволнованы, даже простые торговки подняли цены на молоко втрое.

2-я г о р о ж а н к а. Ах, что там торговки. По дороге сюда мы увидели зрелище, леденящее душу. Сахар и сливочное масло, бледные как смерть, неслись из магазинов

на склады. Ужасно нервные продукты. Как услышат шум боя — так и прячутся.

Крики ужаса. Толпа шарахается в сторону.
Появляется Ш а р л е м а н ь.

Ш а р л е м а н ь. Здравствуйте, господа!

Молчание.

Вы не узнаете меня?

1-й г о р о ж а н и н. Конечно, нет. Со вчерашнего вечера вы стали совершенно неузнаваемым.

Ш а р л е м а н ь. Почему?

С а д о в н и к. Ужасные люди. Принимают чужих. Портят настроение дракону. Это хуже, чем по газону ходить. Да еще спрашивает — почему.

2-й г о р о ж а н и н. Я лично совершенно не узнаю вас после того, как ваш дом окружила стража.

Ш а р л е м а н ь. Да, это ужасно. Не правда ли? Эта глупая стража не пускает меня к родной моей дочери. Говорит, что дракон никого не велел пускать к Эльзе.

1-й г о р о ж а н и н. Ну что ж. Со своей точки зрения, они совершенно правы.

Ш а р л е м а н ь. Эльза там одна. Правда, она очень весело кивала мне в окно, но это, наверное, только для того, чтобы успокоить меня. Ах, я не нахожу себе места!

2-й г о р о ж а н и н. Как, не находите места? Значит, вас уволили с должности архивариуса?

Ш а р л е м а н ь. Нет.

2-й г о р о ж а н и н. Тогда о каком месте вы говорите?

Ш а р л е м а н ь. Неужели вы не понимаете меня?

1-й г о р о ж а н и н. Нет. После того как вы подружились с этим чужаком, мы с вами говорим на разных языках.

Шум боя, удары меча.

М а л ь ч и к *(указывает на небо)*. Мама, мама! Он перевернулся вверх ногами. Кто-то бьет его так, что искры летят!

В с е. Тссс!

Гремят трубы. Выходят Г е н р и х и б у р г о м и с т р.

Б у р г о м и с т р. Слушайте приказ. Во избежание эпидемии глазных болезней, и только поэтому, на небо смотреть воспрещается. Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике, которое по мере надобности будет выпускать личный секретарь господина дракона.

1-й г о р о ж а н и н. Вот это правильно.

2-й г о р о ж а н и н. Давно пора.

М а л ь ч и к. Мама, а почему вредно смотреть, как его бьют?

В с е. Тссс!

Появляются п о д р у г и Э л ь з ы.

1-я п о д р у г а. Десять минут идет война! Зачем этот Ланцелот не сдается?

2-я п о д р у г а. Знает ведь, что дракона победить нельзя.

3-я п о д р у г а. Он просто нарочно мучает нас.

1-я п о д р у г а. Я забыла у Эльзы свои перчатки. Но мне все равно теперь. Я так устала от этой войны, что мне ничего не жалко.

2-я п о д р у г а. Я тоже стала совершенно бесчувственная. Эльза хотела подарить мне на память свои новые туфли, но я и не вспоминаю о них.

3-я п о д р у г а. Подумать только! Если бы не этот приезжий, дракон давно бы уже увел Эльзу к себе. И мы сидели бы спокойно дома и плакали бы.

Р а з н о с ч и к *(бойко, шепотом)*. А вот кому интересный научный инструмент, так называемое зеркальце, — смотришь вниз, а видишь небо? Каждый за недорогую цену может увидеть дракона у своих ног.

Все тихо смеются.

1-й г о р о ж а н и н. Какое безобразие! Ха-ха-ха!

2-й г о р о ж а н и н. Увидишь его у своих ног! Дожидайся!

Зеркала раскупают. Все смотрят в них, разбившись на группы. Шум боя все ожесточеннее.

1-я г о р о ж а н к а. Но это ужасно!

2-я г о р о ж а н к а. Бедный дракон!

1-я г о р о ж а н к а. Он перестал выдыхать пламя.

2-я г о р о ж а н к а. Он только дымится.

1-й г о р о ж а н и н. Какие сложные маневры.

2-й г о р о ж а н и н. По-моему... Нет, я ничего не скажу!

1-й г о р о ж а н и н. Ничего не понимаю.

Г е н р и х. Слушайте коммюнике городского самоуправления. Бой близится к концу. Противник потерял меч. Копье его сломано. В ковре-самолете обнаружена моль, которая с невиданной быстротой уничтожает летные силы врага. Оторвавшись от своих баз, противник не может добыть нафталина и ловит моль, хлопая ладонями, что лишает его необходимой маневренности. Господин дракон не уничтожает врага только из любви к войне. Он еще не насытился подвигами и не налюбовался чудесами собственной храбрости.

1-й г о р о ж а н и н. Вот теперь я все понимаю.

М а л ь ч и к. Ну, мамочка, ну смотри, ну честное слово, его кто-то лупит по шее.

1-й г о р о ж а н и н. У него три шеи, мальчик.

М а л ь ч и к. Ну вот, видите, а теперь его гонят в три шеи.

1-й г о р о ж а н и н. Это обман зрения, мальчик!

М а л ь ч и к. Вот я и говорю, что обман. Я сам часто дерусь и понимаю, кого бьют. Ой! Что это?!

1-й г о р о ж а н и н. Уберите ребенка.

2-й г о р о ж а н и н. Я не верю, не верю глазам своим! Врача, глазного врача мне!

1-й г о р о ж а н и н. Она падает сюда. Я этого не перенесу! Не заслоняйте! Дайте взглянуть!..

Голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Б у р г о м и с т р. Коммюнике! Полжизни за коммюнике!

Г е н р и х. Слушайте коммюнике городского самоуправления. Обессиленный Ланцелот потерял все и частично захвачен в плен.

М а л ь ч и к. Как частично?

Г е н р и х. А так. Это — военная тайна. Остальные его части беспорядочно сопротивляются. Между прочим, господин дракон освободил от военной службы по болезни одну свою голову, с зачислением ее в резерв первой очереди.

М а л ь ч и к. А все-таки я не понимаю...

1-й г о р о ж а н и н. Ну чего тут не понимать? Зубы у тебя падали?

М а л ь ч и к. Падали.

1-й г о р о ж а н и н. Ну вот. А ты живешь себе.

М а л ь ч и к. Но голова у меня никогда не падала.

1-й г о р о ж а н и н. Мало ли что!

Г е н р и х. Слушайте обзор происходящих событий. Заглавие: почему два, в сущности, больше, чем три? Две головы сидят на двух шеях. Получается четыре. Так. А кроме того, сидят они несокрушимо.

Вторая голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Обзор откладывается по техническим причинам. Слушайте коммюнике. Боевые действия развиваются согласно планам, составленным господином драконом.

М а л ь ч и к. И все?

Г е н р и х. Пока все.

1-й г о р о ж а н и н. Я потерял уважение к дракону на две трети. Господин Шарлемань! Дорогой друг! Почему вы там стоите в одиночестве?

2-й г о р о ж а н и н. Идите к нам, к нам.

1-й горожанин. Неужели стража не впускает вас к единственной дочери? Какое безобразие!

2-й горожанин. Почему вы молчите?

1-й горожанин. Неужели вы обиделись на нас?

Шарлемань. Нет, но я растерялся. Сначала вы не узнавали меня без всякого притворства. Я знаю вас. А теперь так же непритворно вы радуетесь мне.

Садовник. Ах, господин Шарлемань. Не надо размышлять. Это слишком страшно. Страшно подумать, сколько времени я потерял, бегая лизать лапу этому одноголовому чудовищу. Сколько цветов мог вырастить!

Генрих. Прослушайте обзор событий!

Садовник. Отстаньте! Надоели!

Генрих. Мало ли что! Время военное. Надо терпеть. Итак, я начинаю. Един бог, едино солнце, едина луна, едина голова на плечах у нашего повелителя. Иметь всего одну голову — это человечно, это гуманно в высшем смысле этого слова. Кроме того, это крайне удобно и в чисто военном отношении. Это сильно сокращает фронт. Оборонять одну голову втрое легче, чем три.

Третья голова Дракона с грохотом валится на площадь. Взрыв криков. Теперь все говорят очень громко.

1-й горожанин. Долой дракона!

2-й горожанин. Нас обманывали с детства!

1-я горожанка. Как хорошо! Некого слушаться?!

2-я горожанка. Я как пьяная! Честное слово.

Мальчик. Мама, теперь, наверное, не будет занятий в школе! Ура!

Разносчик. А вот кому игрушка? Дракошка-картошка! Раз — и нет головы!

Все хохочут во всю глотку.

Садовник. Очень остроумно. Как? Дракон-корнеплод? Сидеть в парке! Всю жизнь! Безвыходно! Ура!

В с е. Ура! Долой его! Дракошка-картошка! Бей кого попало!

Г е н р и х. Прослушайте коммюнике!

В с е. Не прослушаем! Как хотим, так и кричим! Как желаем, так и лаем! Какое счастье! Бей!

Б у р г о м и с т р. Эй, стража!

С т р а ж а выбегает на площадь.

(Генриху.) Говори. Начни помягче, а потом стукни. Смирно!

Все затихают.

Г е н р и х *(очень мягко)*. Прослушайте, пожалуйста, коммюнике. На фронтах ну буквально, буквально-таки ничего интересного не произошло. Все обстоит вполне благополучненько. Объявляется осадное положеньице. За распространение слушков *(грозно)* будем рубить головы без замены штрафом. Поняли? Все по домам! Стража, очистить площадь!

Площадь пустеет.

Ну? Как тебе понравилось это зрелище?

Б у р г о м и с т р. Помолчи, сынок.

Г е н р и х. Почему ты улыбаешься?

Б у р г о м и с т р. Помолчи, сынок.

Глухой, тяжелый удар, от которого содрогается земля. Это тело дракона рухнуло на землю за мельницей.

1-я г о л о в а д р а к о н а. Мальчик!

Г е н р и х. Почему ты потираешь руки, папа?

Б у р г о м и с т р. Ах, сынок! В руки мне сама собою свалилась власть.

2-я г о л о в а. Бургомистр, подойди ко мне! Дай воды! Бургомистр!

Б у р г о м и с т р. Все идет великолепно, Генрих. Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмет вожжи.

Г е н р и х. Однако сейчас на площади...

Б у р г о м и с т р. Ах, это пустяки. Каждая собака прыгает как безумная, когда ее спустишь с цепи, а потом сама бежит в конуру.

3 - я г о л о в а. Мальчик! Подойди-ка ко мне! Я умираю.

Г е н р и х. А Ланцелота ты не боишься, папа?

Б у р г о м и с т р. Нет, сынок. Неужели ты думаешь, что дракона было так легко убить? Вернее всего, господин Ланцелот лежит обессиленный на ковре-самолете и ветер уносит его прочь от нашего города.

Г е н р и х. А если вдруг он спустится…

Б у р г о м и с т р. То мы с ним легко справимся. Он обессилен, уверяю тебя. Наш дорогой покойник все-таки умел драться. Идем. Напишем первые приказы. Главное — держаться как ни в чем не бывало.

1 - я г о л о в а. Мальчик! Бургомистр!

Б у р г о м и с т р. Идем, идем, некогда!

Уходят.

1 - я г о л о в а. Зачем, зачем я ударил его второй левой лапой? Второй правой надо было.

2 - я г о л о в а. Эй, кто-нибудь! Ты, Миллер! Ты мне хвост целовал при встрече. Эй, Фридрихсен! Ты подарил мне трубку с тремя мундштуками и надписью: «Твой навеки». Где ты, Анна-Мария-Фредерика Вебер? Ты говорила, что влюблена в меня, и носила на груди кусочки моего когтя в бархатном мешочке. Мы издревле научились понимать друг друга. Где же вы все? Дайте воды. Ведь вот он, колодец, рядом. Глоток! Полглотка! Ну хоть губы смочить.

1 - я г о л о в а. Дайте, дайте мне начать сначала! Я вас всех передавлю!

2 - я г о л о в а. Одну капельку, кто-нибудь.

3 - я г о л о в а. Надо было скроить хоть одну верную душу. Не поддавался материал.

2 - я г о л о в а. Тише! Я чую, рядом кто-то живой. Подойди. Дай воды.

Голос Ланцелота. Не могу!

И на площади появляется Ланцелот. Он стоит на ковре-самолете, опираясь на погнутый меч. В руках его шапка-невидимка. У ног музыкальный инструмент.

1-я голова. Ты победил случайно! Если бы я ударил второй правой...

2-я голова. А впрочем, прощай!

3-я голова. Меня утешает, что я оставляю тебе прожженные души, дырявые души, мертвые души... А впрочем, прощай!

2-я голова. Один человек возле, тот, кто убил меня! Вот как кончилась жизнь!

Все три головы *(хором)*. Кончилась жизнь. Прощай! *(Умирают.)*

Ланцелот. Они-то умерли, но и мне что-то нехорошо. Не слушаются руки. Вижу плохо. И слышу все время, как зовет меня кто-то по имени: «Ланцелот, Ланцелот». Знакомый голос. Унылый голос. Не хочется идти. Но, кажется, придется на этот раз. Как ты думаешь — я умираю?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, как тебя послушаешь, это выходит и возвышенно, и благородно. Но мне ужасно нездоровится. Я смертельно ранен. Погоди-ка, погоди... Но дракон-то убит, вот и легче мне стало дышать. Эльза! Я его победил! Правда, никогда больше не увидеть мне тебя, Эльза! Не улыбнешься ты мне, не поцелуешь, не спросишь: «Ланцелот, что с тобой? Почему ты такой невеселый? Почему у тебя так кружится голова? Почему болят плечи? Кто зовет тебя так упрямо — Ланцелот, Ланцелот?» Это смерть меня зовет, Эльза. Я умираю. Это очень грустно, верно?

Музыкальный инструмент отвечает.

Это очень обидно. Все они спрятались. Как будто победа — это несчастье какое-нибудь. Да погоди же ты, смерть. Ты меня знаешь. Я не раз смотрел тебе в глаза и никогда не прятался. Не уйду! Слышу. Дай мне подумать еще минуту. Все они спрятались. Так. Но сейчас дома они потихоньку-потихоньку приходят в себя. Души у них распрямляются. Зачем, шепчут они, зачем кормили и холили мы это чудовище? Из-за нас умирает теперь на площади человек, один-одинешенек. Ну, уж теперь мы будем умнее! Вон какой бой разыгрался в небе из-за нас. Вон как больно дышать бедному Ланцелоту. Нет уж, довольно, довольно! Из-за слабости нашей гибли самые сильные, самые добрые, самые нетерпеливые. Камни и те поумнели бы. А мы все-таки люди. Вот что шепчут сейчас в каждом доме, в каждой комнатке. Слышишь?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, да, именно так. Значит, я умираю недаром. Прощай, Эльза. Я знал, что буду любить тебя всю жизнь... Только не верил, что кончится жизнь так скоро. Прощай, город, прощай, утро, день, вечер. Вот и ночь пришла! Эй, вы! Смерть зовет, торопит... Мысли мешаются... Что-то... что-то я не договорил... Эй, вы! Не бойтесь. Это можно — не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте — и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле. Вот и все. А я ухожу. Прощайте.

Музыкальный инструмент отвечает.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Роскошно обставленный зал во дворце бургомистра. На заднем плане, по обе стороны двери, полукруглые столы, накрытые к ужину. Перед ними, в центре, небольшой стол, на котором лежит толстая книга в золотом переплете. При поднятии занавеса гремит оркестр. Группа горожан кричит, глядя на дверь.

Горожане *(тихо)*. Раз, два, три. *(Громко.)* Да здравствует победитель дракона! *(Тихо.)* Раз, два, три. *(Громко.)* Да здравствует наш повелитель! *(Тихо)* Раз, два, три. *(Громко.)* До чего же мы довольны — это уму непостижимо! *(Тихо.)* Раз, два, три. *(Громко.)* Мы слышим его шаги!

Входит Генрих.

(Громко, но стройно.) Ура! Ура! Ура!

1-й горожанин. О славный наш освободитель! Ровно год назад окаянный, антипатичный, нечуткий, противный сукин сын дракон был уничтожен вами.

Горожане. Ура, ура, ура!

1-й горожанин. С тех пор мы живем очень хорошо. Мы...

Генрих. Стойте, стойте, любезные. Сделайте ударение на «очень».

1-й горожанин. Слушаю-с. С тех пор мы живем о-очень хорошо.

Генрих. Нет, нет, любезный. Не так. Не надо нажимать на «о». Получается какой-то двусмысленный завыв: «Оучень». Поднаприте-ка на «ч».

1-й горожанин. С тех пор мы живем оччччень хорошо.

Генрих. Во-во! Утверждаю этот вариант. Ведь вы знаете победителя дракона. Это простой до наивности человек. Он любит искренность, задушевность. Дальше.

1-й горожанин. Мы просто не знаем, куда деваться от счастья.

Генрих. Отлично! Стойте. Вставим здесь что-нибудь этакое... гуманное, добродетельное... Победи-

тель дракона это любит. *(Щелкает пальцами.)* Стойте, стойте, стойте! Сейчас, сейчас, сейчас! Вот! Нашел! Даже пташки чирикают весело. Зло ушло — добро пришло! Чик-чирик! Чирик-ура! Повторим.

1-й горожанин. Даже пташки чирикают весело. Зло ушло — добро пришло, чик-чирик, чирик-ура!

Генрих. Уныло чирикаете, любезный! Смотрите, как бы вам самому не было за это чирик-чирик.

1-й горожанин *(весело)*. Чик-чирик! Чирик-ура!

Генрих. Так-то лучше. Ну-с, хорошо. Остальные куски мы репетировали уже?

Горожане. Так точно, господин бургомистр.

Генрих. Ладно. Сейчас победитель дракона, президент вольного города выйдет к вам. Запомните — говорить надо стройно и вместе с тем задушевно, гуманно, демократично. Это дракон разводил церемонии, а мы...

Часовой *(из средней двери)*. Сми-ирно! Равнение на двери! Его превосходительство господин президент вольного города идут по коридору. *(Деревянно. Басом.)* Ах ты душечка! Ах ты благодетель! Дракона убил! Вы подумайте!

Гремит музыка. Входит бургомистр.

Генрих. Ваше превосходительство господин президент вольного города! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Налицо десять человек. Из них безумно счастливы все... В околотке...

Бургомистр. Вольно, вольно, господа. Здравствуйте, бургомистр. *(Пожимает руку Генриху.)* О! А это кто? А, бургомистр?

Генрих. Сограждане наши помнят, что ровно год назад вы убили дракона. Прибежали поздравить.

Бургомистр. Да что ты? Вот приятный сюрприз! Ну-ну валяйте.

Горожане *(тихо)*. Раз, два, три. *(Громко.)* Да здравствует победитель дракона! *(Тихо.)* Раз, два, три. *(Громко.)* Да здравствует наш повелитель…

Входит тюремщик.

Бургомистр. Стойте, стойте! Здравствуй, тюремщик.

Тюремщик. Здравствуйте, ваше превосходительство.

Бургомистр *(горожанам)*. Спасибо, господа. Я и так знаю все, что вы хотите сказать. Черт, непрошеная слеза. *(Смахивает слезу.)* Но тут, понимаете, у нас в доме свадьба, а у меня остались еще кое-какие делишки. Ступайте, а потом приходите на свадьбу. Повеселимся. Кошмар окончился, и мы теперь живем! Верно?

Горожане. Ура! Ура! Ура.

Бургомистр. Во-во, именно. Рабство отошло в область преданий, и мы переродились. Вспомните, кем я был при проклятом драконе? Больным, сумасшедшим. А теперь? Здоров как огурчик. О вас я уж и не говорю. Вы у меня всегда веселы и счастливы, как пташки. Ну и летите себе. Живо! Генрих, проводи!

Горожане уходят.

Бургомистр. Ну что там у тебя в тюрьме?

Тюремщик. Сидят.

Бургомистр. Ну а мой бывший помощник как?

Тюремщик. Мучается.

Бургомистр. Ха-ха! Врешь, небось?

Тюремщик. Ей-право, мучается.

Бургомистр. Ну а как все-таки?

Тюремщик. На стену лезет.

Бургомистр. Ха-ха! Так ему и надо! Отвратительная личность. Бывало, рассказываешь анекдот, все смеются, а он бороду показывает. Это, мол, анекдот старый, с бородой. Ну вот и сиди теперь. Мой портрет ему показывал?

Т ю р е м щ и к. А как же!

Б у р г о м и с т р. Какой? На котором я радостно улыбаюсь?

Т ю р е м щ и к. Этот самый.

Б у р г о м и с т р. Ну и что он?

Т ю р е м щ и к. Плачет.

Б у р г о м и с т р. Врешь, небось?

Т ю р е м щ и к. Ей-право, плачет.

Б у р г о м и с т р. Ха-ха! Приятно. Ну а ткачи, снабдившие этого… ковром-самолетом?

Т ю р е м щ и к. Надоели, проклятые. Сидят в разных этажах, а держатся как один. Что один скажет, то и другой.

Б у р г о м и с т р. Но, однако же, они похудели?

Т ю р е м щ и к. У меня похудеешь!

Б у р г о м и с т р. А кузнец?

Т ю р е м щ и к. Опять решетку перепилил. Пришлось вставить в окно его камеры алмазную.

Б у р г о м и с т р. Хорошо, хорошо, не жалей расходов. Ну и что он?

Т ю р е м щ и к. Озадачен.

Б у р г о м и с т р. Ха-ха! Приятно!

Т ю р е м щ и к. Шапочник сшил такие шапочки мышам, что коты их не трогают.

Б у р г о м и с т р. Ну да? Почему?

Т ю р е м щ и к. Любуются. А музыкант поет, тоску наводит. Я, как захожу к нему, затыкаю уши воском.

Б у р г о м и с т р. Ладно. Что в городе?

Т ю р е м щ и к. Тихо. Однако пишут.

Б у р г о м и с т р. Что?

Т ю р е м щ и к. Буквы «Л» на стенах. Это значит — Ланцелот.

Б у р г о м и с т р. Ерунда. Буква «Л» обозначает — любим президента.

Т ю р е м щ и к. Ага. Значит, не сажать, которые пишут?

Б у р г о м и с т р. Нет, отчего же. Сажай. Еще чего пишут?

Т ю р е м щ и к. Стыдно сказать. Президент — скотина. Его сын — мошенник... Президент *(хихикает басом)...* не смею повторить, как они выражаются. Однако больше всего пишут букву «Л».

Б у р г о м и с т р. Вот чудаки. Дался им этот Ланцелот. А о нем так и нет сведений?

Т ю р е м щ и к. Пропал.

Б у р г о м и с т р. Птиц допрашивал?

Т ю р е м щ и к. Ага.

Б у р г о м и с т р. Всех?

Т ю р е м щ и к. Ага. Вот орел мне какую отметину поставил. Клюнул в ухо.

Б у р г о м и с т р. Ну и что они говорят?

Т ю р е м щ и к. Говорят, не видали Ланцелота. Один попугай соглашается. Ты ему: видал? И он тебе: видал. Ты ему: Ланцелота? И он тебе: Ланцелота. Ну попугай известно что за птица.

Б у р г о м и с т р. А змеи?

Т ю р е м щ и к. Эти сами бы приползли, если бы что узнали. Это свои. Да еще родственники покойнику. Однако не ползут.

Б у р г о м и с т р. А рыбы?

Т ю р е м щ и к. Молчат.

Б у р г о м и с т р. Может, знают что-нибудь?

Т ю р е м щ и к. Нет. Ученые-рыбоводы смотрели им в глаза — подтверждают: ничего, мол, им не известно. Одним словом, Ланцелот, он же Георгий, он же Персей-проходимец, в каждой стране именуемый по-своему, до сих пор не обнаружен.

Б у р г о м и с т р. Ну и шут с ним.

Входит Г е н р и х.

Г е н р и х. Пришел отец счастливой невесты, господин архивариус Шарлемань.

Бургомистр. Ага! Ага! Его-то мне и надо. Проси.

Входит Шарлемань.

Ну, ступайте, тюремщик. Продолжайте работать. Я вами доволен.

Тюремщик. Мы стараемся.

Бургомистр. Старайтесь. Шарлемань, вы знакомы с тюремщиком?

Шарлемань. Очень мало, господин президент.

Бургомистр. Ну-ну. Ничего. Может быть, еще познакомитесь поближе.

Тюремщик. Взять?

Бургомистр. Ну вот, уже сразу и взять. Иди, иди пока. До свидания.

Тюремщик уходит.

Ну-с, Шарлемань, вы догадываетесь, конечно, зачем мы вас позвали? Всякие государственные заботы, хлопоты, то-се помешали мне забежать к вам лично. Но вы и Эльза знаете из приказов, расклеенных по городу, что сегодня ее свадьба.

Шарлемань. Да, мы это знаем, господин президент.

Бургомистр. Нам, государственным людям, некогда делать предложения с цветами, вздохами и так далее. Мы не предлагаем, а приказываем как ни в чем не бывало. Ха-ха! Это крайне удобно. Эльза счастлива?

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Ну вот еще... Конечно, счастлива. А вы?

Шарлемань. Я в отчаянии, господин президент...

Бургомистр. Какая неблагодарность! Я убил дракона...

Шарлемань. Простите меня, господин президент, но я не могу в это поверить.

Бургомистр. Можете!

Шарлемань. Честное слово, не могу.

Бургомистр. Можете, можете. Если даже я верю в это, то вы и подавно можете.

Шарлемань. Нет.

Генрих. Он просто не хочет.

Бургомистр. Но почему?

Генрих. Набивает цену.

Бургомистр. Ладно. Предлагаю вам должность первого моего помощника.

Шарлемань. Я не хочу.

Бургомистр. Глупости. Хотите.

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Не торгуйтесь, нам некогда. Казенная квартира возле парка, недалеко от рынка, в сто пятьдесят три комнаты, причем все окна выходят на юг. Сказочное жалованье. И кроме того, каждый раз, как вы идете на службу, вам выдаются подъемные, а когда идете домой, — отпускные. Соберетесь в гости — вам даются командировочные, а сидите дома — вам платятся квартирные. Вы будете почти так же богаты, как я. Все. Вы согласны.

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Чего же вы хотите?

Шарлемань. Мы одного хотим — не трогайте нас, господин президент.

Бургомистр. Вот славно — не трогайте! А раз мне хочется? И кроме того, с государственной точки зрения — это очень солидно. Победитель дракона женится на спасенной им девушке. Это так убедительно. Как вы не хотите понять?

Шарлемань. Зачем вы мучаете нас? Я научился думать, господин президент, это само по себе мучительно, а тут еще эта свадьба. Так ведь можно и с ума сойти.

Бургомистр. Нельзя, нельзя! Все эти психические заболевания — ерунда. Выдумки.

Ш а р л е м а н ь. Ах, боже мой! Как мы беспомощны! То, что город наш совсем-совсем такой же тихий и послушный, как прежде, — это так страшно.

Б у р г о м и с т р. Что за бред? Почему это страшно? Вы что̀ — решили бунтовать со своей дочкой?

Ш а р л е м а н ь. Нет. Мы гуляли с ней сегодня в лесу и обо всем так хорошо, так подробно переговорили. Завтра, как только ее не станет, я тоже умру.

Б у р г о м и с т р. Как это не станет? Что за глупости!

Ш а р л е м а н ь. Неужели вы думаете, что она переживет эту свадьбу?

Б у р г о м и с т р. Конечно. Это будет славный, веселый праздник. Другой бы радовался, что выдает дочку за богатого.

Г е н р и х. Да и он тоже радуется.

Ш а р л е м а н ь. Нет. Я пожилой, вежливый человек, мне трудно сказать вам это прямо в глаза. Но я все-таки скажу. Эта свадьба — большое несчастье для нас.

Г е н р и х. Какой утомительный способ торговаться.

Б у р г о м и с т р. Слушайте вы, любезный! Больше, чем предложено, не получите! Вы, очевидно, хотите пай в наших предприятиях? Не выйдет! То, что нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города. Проще говоря, в моих, и отчасти — Генриха. Это совершенно законно. Не дам из этих денег ни гроша!

Ш а р л е м а н ь. Разрешите мне уйти, господин президент.

Б у р г о м и с т р. Можете. Запомните только следующее. Первое: на свадьбе извольте быть веселы, жизнерадостны и остроумны. Второе: никаких смертей! Потрудитесь жить столько, сколько мне будет угодно. Передайте это вашей дочери. Третье: в дальнейшем называйте меня «ваше превосходительство». Видите этот список? Тут пятьдесят фамилий. Все ваши лучшие друзья. Если вы будете бунтовать, все пятьдесят заложников пропадут без вести. Ступайте. Стойте. Сейчас за вами

будет послан экипаж. Вы привезете дочку — и чтобы ни-ни! Поняли? Идите!

Шарлемань уходит.

Ну, все идет как по маслу.

Генрих. Что докладывал тюремщик?

Бургомистр. На небе ни облачка.

Генрих. А буква «Л»?

Бургомистр. Ах, мало ли букв писали они на стенках при драконе? Пусть пишут. Это им все-таки утешительно, а нам не вредит. Посмотри-ка, свободно это кресло?

Генрих. Ах, папа! *(Ощупывает кресло.)* Никого тут нет. Садись.

Бургомистр. Пожалуйста, не улыбайся. В своей шапке-невидимке он может пробраться всюду.

Генрих. Папа, ты не знаешь этого человека. Он до самого темени набит предрассудками. Из рыцарской вежливости, перед тем как войти в дом, он снимет свою шапку — и стража схватит его.

Бургомистр. За год характер у него мог испортиться. *(Садится.)* Ну, сыночек, ну, мой крошечный, а теперь поговорим о наших делишках. За тобой должок, мое солнышко!

Генрих. Какой, папочка?

Бургомистр. Ты подкупил трех моих лакеев, чтобы они следили за мной, читали мои бумаги и так далее. Верно?

Генрих. Ну что ты, папочка!

Бургомистр. Погоди, сынок, не перебивай. Я прибавил им пятьсот талеров из личных своих средств, чтобы они передавали тебе только то, что я разрешу. Следовательно, ты должен мне пятьсот талеров, мальчугашка.

Генрих. Нет, папа. Узнав об этом, я прибавил им шестьсот.

Бургомистр. А я, догадавшись, тысячу, поросеночек! Следовательно, сальдо получается в мою поль-

зу. И не прибавляй им, голубчик, больше. Они на таких окладах разъелись, развратились, одичали. Того и гляди, начнут на своих бросаться. Дальше. Необходимо будет распутать личного моего секретаря. Беднягу пришлось отправить в психиатрическую лечебницу.

Генрих. Неужели? Почему?

Бургомистр. Да мы с тобой подкупали и перекупали его столько раз в день, что он теперь никак не может сообразить, кому служит. Доносит мне на меня же. Интригует сам против себя, чтобы захватить собственное свое место. Парень честный, старательный, жалко смотреть, как он мучается. Зайдем к нему завтра в лечебницу и установим, на кого он работает, в конце концов. Ах ты мой сыночек! Ах ты мой славненький! На папино место ему захотелось.

Генрих. Ну что ты, папа!

Бургомистр. Ничего, мой малюсенький! Ничего. Дело житейское. Знаешь, что я хочу тебе предложить? Давай следить друг за другом попросту, по-родственному, как отец с сыном, безо всяких там посторонних. Денег сбережем сколько!

Генрих. Ах, папа, ну что такое деньги!

Бургомистр. И в самом деле. Умрешь, с собой не возьмешь...

Стук копыт и звон колокольчиков.

(Бросается к окну.) Приехала! Приехала наша красавица! Карета какая! Чудо! Украшена драконовой чешуей! А сама Эльза! Чудо из чудес. Вся в бархате. Нет, все-таки власть — вещь ничего себе... *(Шепотом.)* Допроси ее!

Генрих. Кого?

Бургомистр. Эльзу. Она так молчалива в последние дни. Не знает ли она, где этот... *(оглядывается)* Ланцелот. Допроси осторожно. А я послушаю тут за портьерой. *(Скрывается.)*

Входят Эльза и Шарлемань.

Г е н р и х. Эльза, приветствую тебя. Ты хорошеешь с каждым днем — это очень мило с твоей стороны. Президент переодевается. Он попросил принести свои извинения. Садись в это кресло, Эльза. *(Усаживает ее спиной к портьере, за которой скрывается бургомистр.)* А вы подождите в прихожей, Шарлемань.

Ш а р л е м а н ь уходит с поклоном.

Эльза, я рад, что президент натягивает на себя свои парадные украшения. Мне давно хочется поговорить с тобою наедине, по-дружески, с открытой душой. Почему ты все молчишь? А? Ты не хочешь отвечать? Я ведь по-своему привязан к тебе. Поговори со мной.

Э л ь з а. О чем?

Г е н р и х. О чем хочешь.

Э л ь з а. Я не знаю... Я ничего не хочу.

Г е н р и х. Не может быть. Ведь сегодня твоя свадьба... Ах, Эльза... Опять мне приходится уступать тебя. Но победитель дракона есть победитель. Я циник, я насмешник, но перед ним и я преклоняюсь. Ты не слушаешь меня?

Э л ь з а. Нет.

Г е н р и х. Ах, Эльза... Неужели я стал совсем чужим тебе? А ведь мы так дружили в детстве. Помнишь, как ты болела корью, а я бегал к тебе под окна, пока не заболел сам. И ты навещала меня и плакала, что я такой тихий и кроткий. Помнишь?

Э л ь з а. Да.

Г е н р и х. Неужели дети, которые так дружили, вдруг умерли? Неужели в тебе и во мне ничего от них не осталось? Давай поговорим, как в былые времена, как брат с сестрой.

Э л ь з а. Ну хорошо, давай поговорим.

Бургомистр выглядывает из-за портьеры и бесшумно аплодирует Генриху.

Ты хочешь знать, почему я все время молчу?

Бургомистр кивает головой.

Потому что я боюсь.

Г е н р и х. Кого?

Э л ь з а. Людей.

Г е н р и х. Вот как? Укажи, каких именно людей ты боишься. Мы их заточим в темницу, и тебе сразу станет легче.

Бургомистр достает записную книжку.

Ну, называй имена.

Э л ь з а. Нет, Генрих, это не поможет.

Г е н р и х. Поможет, уверяю тебя. Я это испытал на опыте. И сон делается лучше, и аппетит, и настроение.

Э л ь з а. Видишь ли... Я не знаю, как тебе объяснить... Я боюсь всех людей.

Г е н р и х. Ах, вот что... Понимаю. Очень хорошо понимаю. Все люди, и я в том числе, кажутся тебе жестокими. Верно? Ты, может быть, не поверишь мне, но... но я сам их боюсь. Я боюсь отца.

Бургомистр недоумевающе разводит руками.

Боюсь верных наших слуг. И я притворяюсь жестоким, чтобы они боялись меня. Ах, все мы запутались в своей собственной паутине. Говори, говори еще, я слушаю.

Бургомистр понимающе кивает.

Э л ь з а. Ну что же я еще могу сказать тебе... Сначала я сердилась, потом горевала, потом все мне стало безразлично. Я теперь так послушна, как никогда не была. Со мною можно делать все что угодно.

Бургомистр хихикает громко. Испуганно прячется за портьеру. Эльза оглядывается.

Кто это?

Г е н р и х. Не обращай внимания. Там готовятся к свадебному пиршеству. Бедная моя, дорогая сестренка. Как жалко, что исчез, бесследно исчез Ланцелот. Я только теперь понял его. Это удивительный человек. Мы все виноваты перед ним. Неужели нет надежды, что он вернется?

Бургомистр опять вылез из-за портьеры. Он — весь внимание.

Э л ь з а. Он… Он не вернется.

Г е н р и х. Не надо так думать. Мне почему-то кажется, что мы еще увидим его.

Э л ь з а. Нет.

Г е н р и х. Поверь мне!

Э л ь з а. Мне приятно, когда ты говоришь это, но… Нас никто не слышит?

Бургомистр приседает за спинкой кресла.

Г е н р и х. Конечно, никто, дорогая. Сегодня праздник. Все шпионы отдыхают.

Э л ь з а. Видишь ли… Я знаю, что с Ланцелотом.

Г е н р и х. Не надо, не говори, если тебе это мучительно.

Бургомистр грозит ему кулаком.

Э л ь з а. Нет, я так долго молчала, что сейчас мне хочется рассказать тебе все. Мне казалось, что никто, кроме меня, не поймет, как это грустно, — уж в таком городе я родилась. Но ты так внимательно слушаешь меня сегодня… Словом… Ровно год назад, когда кончился бой, кот побежал на дворцовую площадь. И он увидел: белый-белый как смерть Ланцелот стоит возле мертвых голов дракона. Он опирался на меч и улыбался, чтобы не огорчить кота. Кот бросился ко мне позвать меня на помощь. Но стража так старательно охраняла меня, что муха не могла пролететь в дом. Они прогнали кота.

Г е н р и х. Грубые солдаты!

Э л ь з а. Тогда он позвал знакомого своего осла. Уложив раненого ему на спину, он вывел осла глухими закоулками прочь из нашего города.

Г е н р и х. Но почему?

Э л ь з а. Ах, Ланцелот был так слаб, что люди могли бы убить его. И вот они отправились по тропинке в горы. Кот сидел возле раненого и слушал, бьется ли его сердце.

Г е н р и х. Оно билось, надеюсь?

Э л ь з а. Да, но только все глуше и глуше. И вот кот крикнул: «Стой!» И осел остановился. Уже наступила ночь. Они взобрались высоко-высоко в горы, и вокруг было так тихо, так холодно. «Поворачивай домой! — сказал кот. — Теперь люди уже не обидят его. Пусть Эльза простится с ним, а потом мы его похороним».

Г е н р и х. Он умер, бедный!

Э л ь з а. Умер, Генрих. Упрямый ослик сказал: поворачивать не согласен. И пошел дальше. А кот вернулся — ведь он так привязан к дому. Он вернулся, рассказал мне все, и теперь я никого не жду. Все кончено.

Б у р г о м и с т р. Ура! Все кончено! *(Пляшет, носится по комнате.)* Все кончено! Я — полный владыка над всеми! Теперь уж совсем некого бояться. Спасибо. Эльза! Вот это праздник! Кто осмелится сказать теперь, что это не я убил дракона? Ну, кто?

Э л ь з а. Он подслушивал?

Г е н р и х. Конечно.

Э л ь з а. И ты знал это?

Г е н р и х. Ах, Эльза, не изображай наивную девочку. Ты сегодня, слава богу, замуж выходишь!

Э л ь з а. Папа! Папа!

Вбегает Ш а р л е м а н ь.

Ш а р л е м а н ь. Что с тобою, моя маленькая? *(Хочет обнять ее.)*

Б у р г о м и с т р. Руки по швам! Стойте навытяжку перед моей невестой!

Ш а р л е м а н ь *(вытянувшись)*. Не надо, успокойся. Не плачь. Что ж поделаешь? Тут уж ничего не поделаешь. Что ж тут поделаешь?

Гремит музыка.

Б у р г о м и с т р *(подбегает к окну)*. Как славно! Как уютно! Гости приехали на свадьбу. Лошади в лентах! На оглоблях фонарики! Как прекрасно жить на свете и знать, что никакой дурак не может помешать этому.

Улыбайся же, Эльза. Секунда в секунду, в назначенный срок, сам президент вольного города заключит тебя в свои объятия.

Двери широко распахиваются.

Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогие гости.

Входят гости. Проходят парами мимо Эльзы и бургомистра. Говорят чинно, почти шепотом.

1-й горожанин. Поздравляем жениха и невесту. Все так радуются.

2-й горожанин. Дома украшены фонариками.

1-й горожанин. На улице светло как днем!

2-й горожанин. Все винные погреба полны народу.

Мальчик. Все дерутся и ругаются.

Гости. Тссс!

Садовник. Позвольте поднести вам колокольчики. Правда, они звенят немного печально, но это ничего. Утром они завянут и успокоятся.

1-я подруга Эльзы. Эльза, милая, постарайся быть веселой. А то я заплачу и испорчу ресницы, которые так удались мне сегодня.

2-я подруга. Ведь он все-таки лучше, чем дракон... У него есть руки, ноги, а чешуи нету. Ведь все-таки он хоть и президент, а человек. Завтра ты нам все расскажешь. Это будет так интересно!

3-я подруга. Ты сможешь делать людям так много добра! Вот, например, ты можешь попросить жениха, чтобы он уволил начальника моего папы. Тогда папа займет его место, будет получать вдвое больше жалованья, и мы будем так счастливы.

Бургомистр *(считает вполголоса гостей)*. Раз, два, три, четыре. *(Потом приборы.)* Раз, два, три... Так... Один гость как будто лишний... Ах, да это мальчик... Ну-ну, не реви. Ты будешь есть из одной тарелки с мамой. Все в сборе. Господа, прошу за стол. Мы быстро и скромно совершим обряд бракосочетания, а потом при-

ступим к свадебному пиру. Я достал рыбу, которая создана для того, чтобы ее ели. Она смеется от радости, когда ее варят, и сама сообщает повару, когда готова. А вот индюшка, начиненная собственными индюшатами. Это так уютно, так семейственно. А вот поросята, которые не только откармливались, но и воспитывались специально для нашего стола. Они умеют служить и подавать лапку, несмотря на то что они зажарены. Не визжи, мальчик, это совсем не страшно, а потешно. А вот вина, такие старые, что впали в детство и прыгают, как маленькие, в своих бутылках. А вот водка, очищенная до того, что графин кажется пустым. Позвольте, да он и в самом деле пустой. Это подлецы лакеи очистили его. Но это ничего, в буфете еще много графинов. Как приятно быть богатым, господа! Все уселись? Отлично. Постойте-постойте, не надо есть, сейчас мы обвенчаемся. Одну минутку! Эльза! Дай лапку!

Эльза протягивает руку бургомистру.

Плутовка! Шалунья! Какая теплая лапка! Мордочку выше! Улыбайся! Все готово, Генрих?

Г е н р и х. Так точно, господин президент.

Б у р г о м и с т р. Делай.

Г е н р и х. Я плохой оратор, господа, и боюсь, что буду говорить несколько сумбурно. Год назад самоуверенный проходимец вызвал на бой проклятого дракона. Специальная комиссия, созданная городским самоуправлением, установила следующее: покойный наглец только раздразнил покойное чудовище, неопасно ранив его. Тогда бывший наш бургомистр, а ныне президент вольного города, героически бросился на дракона и убил его, уже окончательно, совершив различные чудеса храбрости.

Аплодисменты.

Чертополох гнусного рабства был с корнем вырван из почвы нашей общественной нивы.

Аплодисменты.

Благодарный город постановил следующее: если мы проклятому чудовищу отдавали лучших наших девушек, то неужели мы откажем в этом простом и естественном праве нашему дорогому избавителю!

Аплодисменты.

Итак, чтобы подчеркнуть величие президента, с одной стороны, и послушание и преданность города, с другой стороны, я, как бургомистр, совершу сейчас обряд бракосочетания. Орган, свадебный гимн!

Гремит орган.

Писцы! Откройте книгу записей счастливых событий.

Входят писцы с огромными автоматическими перьями в руках.

Четыреста лет в эту книгу записывали имена бедных девушек, обреченных дракону. Четыреста страниц заполнены. И впервые на четыреста первой мы впишем имя счастливицы, которую возьмет в жены храбрец, уничтоживший чудовище.

Аплодисменты.

Жених, отвечай мне по чистой совести. Согласен ли ты взять в жены эту девушку?

Бургомистр. Для блага родного города я способен на все.

Аплодисменты.

Генрих. Записывайте, писцы! Осторожнее! Поставишь кляксу — заставлю слизать языком! Так! Ну вот и все. Ах, виноват! Осталась еще одна пустая формальность. Невеста! Ты, конечно, согласна стать женою господина президента вольного города?

Пауза.

Ну, отвечай-ка, девушка, согласна ли ты...

Эльза. Нет.

Генрих. Ну вот и хорошо. Пишите, писцы, — она согласна.

Э л ь з а. Не смейте писать!

Писцы отшатываются.

Г е н р и х. Эльза, не мешай нам работать.

Б у р г о м и с т р. Но, дорогой мой, она вовсе и не мешает. Если девушка говорит «нет», это значит «да». Пишите, писцы!

Э л ь з а. Нет! Я вырву этот лист из книги и растопчу его!

Б у р г о м и с т р. Прелестные девичьи колебания, слезы, грезы, то-се. Каждая девушка плачет на свой лад перед свадьбой, а потом бывает вполне удовлетворена. Мы сейчас подержим ее за ручки и сделаем все, что надо. Писцы...

Э л ь з а. Дайте мне сказать хоть одно слово! Пожалуйста!

Г е н р и х. Эльза!

Б у р г о м и с т р. Не кричи, сынок. Все идет как полагается. Невеста просит слова. Дадим ей слово и на этом закончим официальную часть. Ничего, ничего, пусть — здесь все свои.

Э л ь з а. Друзья мои, друзья! Зачем вы убиваете меня? Это странно, как во сне. Когда разбойник занес над тобою нож, ты еще можешь спастись. Разбойника убьют, или ты ускользнешь от него... Ну а если нож разбойника вдруг сам бросится на тебя? И веревка его поползет к тебе, как змея, чтобы связать по рукам и по ногам? Если даже занавеска с окна его, тихая занавесочка, вдруг тоже бросится на тебя, чтобы заткнуть тебе рот? Что вы все скажете тогда? Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники! Я не виню вас, вы сами этого не замечаете, но я умоляю вас — опомнитесь! Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Только превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня. Не убивайте меня! Очнитесь! Боже мой, какая тоска... Разорви-

те паутину, в которой вы все запутались. Неужели никто не вступится за меня?

М а л ь ч и к. Я бы вступился, но мама держит меня за руки.

Б у р г о м и с т р. Ну вот и все. Невеста закончила свое выступление. Жизнь идет по-прежнему, как ни в чем не бывало.

М а л ь ч и к. Мама!

Б у р г о м и с т р. Молчи, мой маленький. Будем веселиться как ни в чем не бывало. Довольно этой канцелярщины, Генрих. Напишите там: «Брак считается совершившимся» — и давайте кушать. Ужасно кушать хочется.

Г е н р и х. Пишите, писцы: «Брак считается совершившимся». Ну, живее! Задумались?

Писцы берутся за перья. Громкий стук в дверь. Писцы отшатываются.

Б у р г о м и с т р. Кто там?

Молчание.

Эй, вы, там! Кто бы вы ни были, завтра, завтра, в приемные часы, через секретаря. Мне некогда! Я тут женюсь!

Снова стук.

Не открывать дверей! Пишите, писцы!

Дверь распахивается сама собой. За дверью — никого.

Генрих, ко мне! Что это значит?

Г е н р и х. Ах, папа, обычная история. Невинные жалобы нашей девицы растревожили всех этих наивных обитателей рек, лесов, озер. Домовой прибежал с чердака, водяной вылез из колодца... Ну и пусть себе... Что они нам могут сделать. Они так же невидимы и бессильны, как так называемая совесть и тому подобное. Ну приснится нам два-три страшных сна — и все тут.

Б у р г о м и с т р. Нет, это он!

Г е н р и х. Кто?

Б у р г о м и с т р. Ланцелот. Он в шапке-невидимке. Он стоит возле. Он слушает, что мы говорим. И его меч висит над моей головой.

Г е н р и х. Дорогой папаша! Если вы не придете в себя, то я возьму власть в свои руки.

Б у р г о м и с т р. Музыка! Играй! Дорогие гости! Простите эту невольную заминку, но я так боюсь сквозняков. Сквозняк открыл двери — и все тут. Эльза, успокойся, крошка! Я объявляю брак состоявшимся с последующим утверждением. Что это? Кто там бежит?

Вбегает перепуганный л а к е й.

Л а к е й. Берите обратно! Берите обратно!

Б у р г о м и с т р. Что брать обратно?

Л а к е й. Берите обратно ваши проклятые деньги! Я больше не служу у вас!

Б у р г о м и с т р. Почему?

Л а к е й. Он убьет меня за все мои подлости. *(Убегает.)*

Б у р г о м и с т р. Кто убьет его? А? Генрих?

Вбегает второй л а к е й.

2-й л а к е й. Он уже идет по коридору! Я поклонился ему в пояс, а он мне не ответил! Он теперь и не глядит на людей. Ох, будет нам за все! Ох, будет! *(Убегает.)*

Б у р г о м и с т р. Генрих!

Г е н р и х. Держитесь как ни в чем не бывало. Что бы ни случилось. Это спасет нас.

Появляется третий л а к е й, пятясь задом. Кричит в пространство.

3-й л а к е й. Я докажу! Моя жена может подтвердить! Я всегда осуждал ихнее поведение! Я брал с них деньги только на нервной почве. Я свидетельство принесу! *(Исчезает.)*

Б у р г о м и с т р. Смотри!

Г е н р и х. Как ни в чем не бывало! Ради бога, как ни в чем не бывало!

Входит Л а н ц е л о т.

Б у р г о м и с т р. А, здравствуйте, вот кого не ждали. Но тем не менее — добро пожаловать. Приборов не хватает... но ничего. Вы будете есть из глубокой тарелки, а я из мелкой. Я бы приказал принести, но лакеи, дурачки, разбежались... А мы тут венчаемся, так сказать, хе-хе-хе, дело, так сказать, наше личное, интимное. Так уютно... Знакомьтесь, пожалуйста. Где же гости? Ах, они уронили что-то и ищут это под столом. Вот сын мой, Генрих. Вы, кажется, встречались. Он такой молодой, а уже бургомистр. Сильно выдвинулся после того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит. Что же вы? Входите, пожалуйста.

Г е н р и х. Почему вы молчите?

Б у р г о м и с т р. И в самом деле, что же вы? Как доехали? Что слышно? Не хотите ли отдохнуть с дороги? Стража вас проводит.

Л а н ц е л о т. Здравствуй, Эльза!

Э л ь з а. Ланцелот! *(Подбегает к нему.)* Сядь, пожалуйста, сядь. Войди. Это в самом деле ты?

Л а н ц е л о т. Да, Эльза.

Э л ь з а. И руки у тебя теплы. И волосы чуть подросли, пока мы не виделись. Или мне это кажется? А плащ все тот же. Ланцелот! *(Усаживает его за маленький стол, стоящий в центре.)* Выпей вина. Или нет, ничего не бери у них. Ты отдохни, и мы уйдем. Папа! Он пришел, папа! Совсем как в тот вечер. Как раз тогда, когда мы с тобой опять думали, что нам только одно и осталось — взять да умереть тихонько. Ланцелот!

Л а н ц е л о т. Значит, ты меня любишь по-прежнему?

Э л ь з а. Папа, слышишь? Мы столько раз мечтали, что он войдет и спросит: Эльза, ты меня любишь по-прежнему? А я отвечу: да, Ланцелот! А потом спрошу: где ты был так долго?

Л а н ц е л о т. Далеко-далеко, в Черных горах.

Э л ь з а. Ты сильно болел?

Л а н ц е л о т. Да, Эльза. Ведь быть смертельно раненным — это очень, очень опасно.

Э л ь з а. Кто ухаживал за тобой?

Л а н ц е л о т. Жена одного дровосека. Добрая, милая женщина. Только она обижалась, что я в бреду все время называл ее — Эльза.

Э л ь з а. Значит, и ты без меня тосковал?

Л а н ц е л о т. Тосковал.

Э л ь з а. А я как убивалась! Меня мучили тут.

Б у р г о м и с т р. Кто? Не может быть! Почему же вы не пожаловались нам! Мы приняли бы меры!

Л а н ц е л о т. Я знаю все, Эльза.

Э л ь з а. Знаешь?

Л а н ц е л о т. Да.

Э л ь з а. Откуда?

Л а н ц е л о т. В Черных горах, недалеко от хижины дровосека, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, жалобная книга, исписанная почти до конца. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежним, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Записаны, записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно.

Генрих и бургомистр на цыпочках направляются к двери.

Э л ь з а. И ты прочел там о нас?

Л а н ц е л о т. Да, Эльза. Эй, вы, там! Убийцы! Ни с места!

Б у р г о м и с т р. Ну почему же так резко?

Л а н ц е л о т. Потому что я не тот, что год назад. Я освободил вас, а вы что сделали?

Б у р г о м и с т р. Ах, боже мой! Если мною недовольны, я уйду в отставку.

Л а н ц е л о т. Никуда вы не уйдете!

Г е н р и х. Совершенно правильно. Как он тут без вас вел себя — это уму непостижимо. Я могу вам представить полный список его преступлений, которые еще

не попали в жалобную книгу, а только намечены к исполнению.

Л а н ц е л о т. Замолчи!

Г е н р и х. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Л а н ц е л о т. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Г е н р и х. Уйдем, папа. Он ругается.

Л а н ц е л о т. Нет, ты не уйдешь. Я уже месяц как вернулся, Эльза.

Э л ь з а. И не зашел ко мне!

Л а н ц е л о т. Зашел, но в шапке-невидимке, рано утром. Я тихо поцеловал тебя, так, чтобы ты не проснулась. И пошел бродить по городу. Страшную жизнь увидел я. Читать было тяжело, а своими глазами увидеть — еще хуже. Эй вы, Миллер!

Первый горожанин поднимается из-под стола.

Я видел, как вы плакали от восторга, когда кричали бургомистру: «Слава тебе, победитель дракона!»

1-й г о р о ж а н и н. Это верно. Плакал. Но я не притворялся, господин Ланцелот.

Л а н ц е л о т. Но ведь вы знали, что дракона убил не он.

1-й г о р о ж а н и н. Дома знал… а на параде… *(Разводит руками.)*

Л а н ц е л о т. Садовник!

Садовник поднимается из-под стола.

Вы учили львиный зев кричать: «Ура президенту!»?

С а д о в н и к. Учил.

Л а н ц е л о т. И научили?

С а д о в н и к. Да. Только, покричав, львиный зев каждый раз показывал мне язык. Я думал, что добуду деньги на новые опыты… но…

Л а н ц е л о т. Фридрихсен!

Второй горожанин вылезает из-под стола.

Бургомистр, рассердившись на вас, посадил вашего единственного сына в подземелье?

2-й горожанин. Да. Мальчик и так все кашляет, а в подземелье сырость!

Ланцелот. И вы подарили после того бургомистру трубку с надписью: «Твой навеки»?

2-й горожанин. А как еще я мог смягчить его сердце?

Ланцелот. Что мне делать с вами?

Бургомистр. Плюнуть на них. Эта работа не для вас. Мы с Генрихом прекрасно управимся с ними. Это будет лучшее наказание для этих людишек. Берите под руку Эльзу и оставьте нас жить по-своему. Это будет так гуманно, так демократично.

Ланцелот. Не могу. Войдите, друзья!

Входят ткачи, кузнец, шляпочных и шапочных дел мастер, музыкальных дел мастер.

И вы меня очень огорчили. Я думал, что вы справитесь с ними без меня. Почему вы послушались и пошли в тюрьму? Ведь вас так много!

Ткачи. Они не дали нам опомниться.

Ланцелот. Возьмите этих людей. Бургомистра и президента.

Ткачи *(берут бургомистра и президента)*. Идем!

Кузнец. Я сам проверил решетки. Крепкие. Идем!

Шапочных дел мастер. Вот вам дурацкие колпаки! Я делал прекрасные шляпы, но вы в тюрьме ожесточили меня. Идем!

Музыкальных дел мастер. Я в своей камере вылепил скрипку из черного хлеба и сплел из паутины струны. Невесело играет моя скрипка и тихо, но вы сами в этом виноваты. Идите под нашу музыку туда, откуда нет возврата.

Генрих. Но это ерунда, это неправильно, так не бывает. Бродяга, нищий, непрактичный человек — и вдруг...

Т к а ч и. Идем!

Б у р г о м и с т р. Я протестую, это негуманно!

Т к а ч и. Идем!

Мрачная, простая, едва слышная музыка. Г е н р и х а и б у р г о м и с т р а уводят.

Л а н ц е л о т. Эльза, я не тот, что был прежде. Видишь?

Э л ь з а. Да. Но я люблю тебя еще больше.

Л а н ц е л о т. Нам нельзя будет уйти...

Э л ь з а. Ничего. Ведь и дома бывает очень весело.

Л а н ц е л о т. Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона.

М а л ь ч и к. А нам будет больно?

Л а н ц е л о т. Тебе нет.

1-й г о р о ж а н и н. А нам?

Л а н ц е л о т. С вами придется повозиться.

С а д о в н и к. Но будьте терпеливы, господин Ланцелот. Умоляю вас — будьте терпеливы. Прививайте. Разводите костры — тепло помогает росту. Сорную траву удаляйте осторожно, чтобы не повредить здоровые корни. Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, может быть, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода.

1-я п о д р у г а. И пусть сегодня свадьба все-таки состоится.

2-я п о д р у г а. Потому что от радости люди тоже хорошеют.

Л а н ц е л о т. Верно! Эй, музыка!

Гремит музыка.

Эльза, дай руку. Я люблю всех вас, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то все будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!

Занавес

1943

ОДНА НОЧЬ

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марфа Васильевна.
Даша — ее дочь.
Сережа — ее сын.
Иваненков Павел Васильевич — управхоз.
Лагутин Захар Иванович — монтер.
Архангельская Елена Осиповна — командир санзвена.
Ольга Петровна — домашняя хозяйка.
Оля.
Нюся.
Шурик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Восемь часов вечера. Контора домохозяйства № 263, просторная, высокая, со сводчатыми потолками. По конторе из угла в угол шагает, бормоча что-то, монтер домохозяйства, старик в круглых очках, с аккуратно подстриженной бородкой, Захар Иванович Лагутин. Радиорупор на стене передает непрерывно отчетливый, ровный стук метронома: тик-так, тик-так!

Лагутин *(внезапно останавливаясь)*. Эх, праздничка, праздничка хочется. Ох, сестрица, братцы золотые, дорогие, как мне праздничка хочется! Чтоб лег я веселый, а встал легкий! Праздника, праздника, праздника бы мне!

Звонит телефон.

Слушаю! Контора домохозяйства № 263. Управхоз вышел. Говорит монтер Лагутин. Потому управхоз не пришел на совещание, что дворника хоронил. А кому еще одинокого дворника хоронить? Человек умер на посту, шел в милицию, а попал под артобстрел. Ладно. Хорошо. Передам. *(Вешает трубку.)* Собрания, совещания, совещания, собрания... *(Обращается к репродуктору)*. Тик-так, тик-так! Что ты отсчитываешь? Скажи ты мне — что? Сколько нам жить осталось до наглой смерти или сколько до конца войны? Тик-так, тик-так!..

Вопли за дверью: «Составлю на вас акт, дьяволы!»

Вот и управхоз идет...

Распахивается дверь. Быстро входит высокий человек в старой солдатской шинели, в барашковой шапке с ушами. Это управхоз Иваненков.

И в а н е н к о в. Вы у меня дождетесь, трепачи проклятые! Шутки шутят в условиях осажденного города!

Л а г у т и н. Чего ты расстраиваешься?

И в а н е н к о в. Да как же мне не расстраиваться? Этот чертов Шурик стоит в темном коридоре и подымает панику.

Л а г у т и н. Каким манером?

И в а н е н к о в. Воздушную тревогу изображает, паразит. У-у-у! У-у-у! До того похоже, что даже я поверил, из квартиры выскочил. Уже пятнадцать лет парню, а он все шутит! Девчонки хохочут, а он старается, воет. Ну, тут я им показал, по всем лестницам от меня бежали черти.

Л а г у т и н. Скучают ребята.

И в а н е н к о в. Молчи! Ты что жуешь?

Л а г у т и н. Да нет, это я так, бормочу.

И в а н е н к о в. Займи сухарик, я отдам.

Л а г у т и н. Нет у меня, Паша, сухариков. Я ведь, Паша, ничего не запас.

И в а н е н к о в. И я не запас. Управхозу нельзя запасать. Сегодня одна гражданочка в булочной научила, как обращаться с соевыми бобами. Надо их, Захар, сырыми поджарить, пока не зарумянятся, а потом уже в воду. Тут только они, проклятые, разварятся.

Л а г у т и н. Пробовал?

И в а н е н к о в. Нет.

Л а г у т и н. Почему?

И в а н е н к о в. Бобов нету.

Л а г у т и н. В квартире двадцать восьмой домработница живет, Зина. Ее тетки сосед в штабе работает. Он говорит, еще только одну декаду нам терпеть. А потом непременно пойдут эшелоны с продовольствием. Со всех концов Союза пригнали к нам, Паша, муку белую, крупчатку, сахар, гречку, пшено, рис, масло и животное и растительное, какого только твоя душа пожелает. Разобьют кольцо, откроется дорога и хлынет к нам, Паша, питание. Ты что пишешь?

Иваненков. Приказ.

Лагутин. Опять?

Иваненков. Надо, надо приказывать, Захар, надо, надо!

Лагутин. Дергаешь ты народ.

Иваненков. А его надо дергать, надо, надо! Не понимает народ, что живет в условиях осажденного города. Буду составлять акт на каждого, кто числится в резерве группы самозащиты, а сам во время сигнала воздушной тревоги сидит себе дома.

Лагутин. Я допускаю, что народ иногда норовит отдохнуть не вовремя, но ты, Паша, погляди на него любовно.

Иваненков. Ну и что это нам даст?

Лагутин. Это много даст! Народ держится, Павел Васильевич, и конца не видно этому запасу терпения. Есть ли на земле место серьезнее нашего города? И артобстрел, и бомбежки, и кольцо тебя душит, Паша… А как народ ведет себя? Ты посмотри любовно на это зрелище. Тут музыки нет, блеска не видно, угрюмый шагает перед нами парад, но все-таки довольно величественный. Надо бы, Паша, похвалить и приласкать жильцов каждого домохозяйства, каждой квартиры, каждой комнатки.

Иваненков. Ты его приласкай, а он тебя по морде сапогом.

Лагутин. Возможно. Народ у нас необходительный, это факт. Но…

Иваненков. Постой! Они опять хохочут! Слышишь?

Лагутин. Ребята веселятся.

Иваненков. Сейчас им покажу, как хохотать! Они у меня станут грустными, проклятые!

Дверь распахивается. В комнату вбегает Шурик, не по возрасту длинный, узкоплечий подросток.

Ты опять, Шурик? А?

Ш у р и к. Мы, дядя Паша, диверсанта поймали.

За дверью хохот.

И в а н е н к о в. Видал? Вот поди приласкай такого! Пятнадцать лет парню, а он все шутит!

Ш у р и к. Дядя Паша!..

И в а н е н к о в. Я тебе не дядя!

Ш у р и к *(очень мягко)*. Дядечка, послушайте, если человек ходит по коридорам и расспрашивает, где тут управхоз сидит, то что нам делать? Мы его, дядечка, взяли. Она послушалась, идет.

И в а н е н к о в. Кто она?

Ш у р и к. Диверсант.

За дверью хохот.

И в а н е н к о в. Пошел вон из конторы.

Ш у р и к. Дядечка, вы посмотрите сами. Нюся, Оля, ведите ее.

И в а н е н к о в. Ну, берегись, Шурик. Если это опять шуточки, то я тебя убью и отвечать не буду!

Н ю с я и О л я вводят, хихикая, суровую пожилую женщину. Это М а р ф а.

Ну? В чем дело? Кто вы такая?

М а р ф а. Приезжая.

И в а н е н к о в. Кто, кто?

М а р ф а. Я же тебе ответила. Подвинь стул, мальчик. Видишь, кажется, усталый человек перед тобой. *(Усаживается.)*

И в а н е н к о в. Когда приехали?

М а р ф а. Только что.

И в а н е н к о в. Когда, когда?

М а р ф а. Да ты, отец, кажется, оглох. Я отвечаю тебе: только что.

И в а н е н к о в. К нам только что не приезжают.

М а р ф а. Отчего же это?

И в а н е н к о в. К нам проезда нет!

М а р ф а. А я вот приехала.

И в а н е н к о в. Откуда?

М а р ф а. Из Ореховца.

И в а н е н к о в. Ореховец по ту сторону от нас.

М а р ф а. Это мне, отец, лучше, чем тебе, известно.

И в а н е н к о в. Документы!

М а р ф а. А я у тебя прописываться не собираюсь. Не таращи на меня глаза. Я сама у нас в городе была квартальным уполномоченным, меня не испугаешь.

И в а н е н к о в. А раз была, так должна ты меня понимать.

М а р ф а. Я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю. Ты управхозом недавно, и в тебе как гвоздик сидит. Пришел к тебе человек. Шел через фронты — значит, не пустяк погнал его из дому. А ты сразу начинаешь кричать, глаза лупить.

И в а н е н к о в. Теперь каждое домохозяйство — объект. Понимаешь ты — объект! А я начальник объекта. Отвечай мне, кто ты такая, или пойдешь сейчас же в милицию.

М а р ф а. Вы, мужики, хуже детей. Только бы ему изображать, только бы ему искажаться! На! Вот документы. *(Роется в боковых карманах шубы.)* Спросил бы меня сразу, спокойно, кто такая, откуда, что тебе тут нужно — и все бы прояснилось. Нет, надо кричать, на спор вызывать, когда человек расстроен. Читай.

Иваненков читает сосредоточенно документы.

Ш у р и к. Тетя, скажите что-нибудь по-немецки.

Нюся и Оля хохочут.

М а р ф а. Эх, ребята, ребята... Тебя как зовут?

Н ю с я. Нюся.

М а р ф а. На племянницу мою ты похожа. Такая же была беленькая да веселенькая, а потом, бедная, воровочкой стала. Уж так ей не хотелось, уж так она плакала, а пришлось.

Н ю с я. А почему?

М а р ф а. В такую компанию попала...

Н ю с я. У нас компания хорошая.

М а р ф а. Я не к тому. Я так просто вспомнила.

Ш у р и к. Тетя, а вас Гитлер лично послал или...

О л я. Довольно, идиот. Сказал раз и хватит.

Н ю с я. Никогда остановиться не может.

М а р ф а. Эх, ребята, ребята. Вы, девушки, уже совсем невесты, этот Шурик уже ростом с каланчу, от детей оторвались, но к взрослым еще не пристали. Скучаете, а?

О л я. Не знаю.

М а р ф а. В каком классе?

О л я. Мы в восьмом, а этот в седьмом.

М а р ф а. Большие уже. *(Иваненкову.)* Ну! Выучил наизусть.

И в а н е н к о в. Стой. Стой. Так. Так, значит, Марфа Васильевна. Из города Ореховец? Кем выдан паспорт?

М а р ф а. Вторым отделением милиции, начальник паспортного стола Глебов. Нечего допрашивать меня. Лучше ты мне скажи, живет ли у вас в доме Васильева Дарья?

И в а н е н к о в. Я не могу тебе давать справок о жильцах.

М а р ф а. Почему?

И в а н е н к о в. Не такое время.

М а р ф а. Ну вы кто-нибудь скажите — Васильевой не знаете? А? Дарья.

Л а г у т и н. Не знаю, тетка. Я бы тебе сказал, честное слово.

М а р ф а. Нет, этого не может быть. Что же, я напрасно иду две недели! Ты! Управхоз! Скажи только — да или нет. Живет — не живет? Ведь если спрашиваю — значит, нужно. Ну, чего ты боишься? Ты в меня вглядись, вот она я вся! Своя же!

И в а н е н к о в. Никаких справок не дам.

М а р ф а. Дашь!

И в а н е н к о в. Не дам!

М а р ф а. Я с генералом говорила на фронте, дурак ты!

И в а н е н к о в. Тетка, тетка!

М а р ф а. Он мне все разъяснил! Он приказал меня через озеро по льду переправить. Мне капитан по компасу путь показал и дал мне с собою компас — вот он. Бойцы со мною как с сестрой или с матерью родной разговаривали, а ты в самом конце пути ставишь мне препятствия! Черт!

И в а н е н к о в. Не повышай голоса, гражданка!

М а р ф а. Да как же мне не повышать голоса? Добралась сюда, а тут дороги никто не показывает, справок не дает, косятся на тебя. Что за город!

И в а н е н к о в. Осажденный город, тетка.

М а р ф а. У тебя дети есть?

И в а н е н к о в. Это дело мое.

М а р ф а. Дарья Васильева мне дочка — понимаешь ты? Но не только в этом дело. Если я ее сейчас, сегодня не найду, такая беда может произойти, что подкосит она меня.

Н ю с я. Дайте ей справку, а, дядя Паша.

И в а н е н к о в. Васильева Дарья у нас не проживает.

М а р ф а. Проверь!

И в а н е н к о в. Я своих жильцов знаю.

М а р ф а. Она только восьмой день как переехала к вам! Ее прежний дом разбило. Все жильцы этого дома ордера получили к вам сюда. Если ее тут нет, тогда где же она? Ну?

И в а н е н к о в. Не могу тебе сказать.

Л а г у т и н. А где жила ваша дочь?

М а р ф а. Лавров переулок, дом шесть, квартира восемь.

Л а г у т и н. Действительно, должна она быть тут. Посмотри списки, Паша.

И в а н е н к о в. Я и так знаю, что Дарья Васильева у нас не проживает.

М а р ф а. Двадцать четыре года ей. Старшая моя дочь. Не заставляй ты меня терять время! Мне ее нужно,

нужно сегодня найти! Я знаю, что она жива: в том доме жертв не было. Где она?

Распахивается дверь, и в комнату заглядывает Ольга Петровна.

Ольга Петровна. У кого пятый крупяной талон не вырезан — ой, мамочки мои, холод какой, — тот может ноги получить. Ой-ой-ой, замерзла. Из ног можно студень делать. Бррр...

Шурик *(очень мягко)*. Из чьих же это ног, тетя Оля? Из ваших?

Девочки хохочут.

Ольга Петровна. Из телячьих, хулиган, а не из моих. По Пятому крупяному телячьи ноги дают. Не ноги, а копытца с верхушкой. По рабочей и детской — кило, а остальным — семьсот пятьдесят. Черный Вал взяли мы. Тетка, продаешь что-нибудь? Дуранды нет?

Марфа. Нет.

Ольга Петровна. А может, хряпа есть?

Лагутин. Зайдите, пожалуйста, сюда, Ольга Петровна, не студите контору.

Ольга Петровна. Некогда, некогда. Посидите за меня еще только пять минуточек, Захар Иванович, я только домой сбегаю. Что же ты меняешь, тетя?

Марфа. Ничего у меня нет.

Ольга Петровна. Как нет? Ты же у меня выменяла позавчера носочки на вермишель?

Марфа. Оставьте вы меня, гражданочка, и без вас тошно.

Ольга Петровна. Так, значит, не у тебя я вермишель брала? Откуда же мне твое лицо знакомо? В девятом номере жиличка пропала. Четвертый день нет ее. Сейчас она мне в очереди заявляла. Старуха из девятого. Сообщаю, мол, вам как ответственной дежурной.

Иваненков. Ольга Петровна, или туда или сюда! Сквозит!

О л ь г а П е т р о в н а. Сейчас я приду. Только домой отнесу хлеб и ножки. Мамочки! Я вспомнила, вам была телефонограмма, товарищ Иваненков. Срочная.

И в а н е н к о в. Спасибо! Ответственная дежурная группы ПВО в гастроном отправляется, а...

О л ь г а П е т р о в н а. Не в гастроном я. Только в булочную. В гастроном-то я так, мимоходом, забежала. Меня Захар Иванович заменял.

Л а г у т и н. Вы мне про телефонограмму ничего не заявляли.

О л ь г а П е т р о в н а. Разве? Вон она там, товарищ Иваненков, под книжкой. Строгий выговор вам, если вы в девять часов не придете в райсовет. Вы успеете. Еще без четверти девять. Далеко ли тут?

И в а н е н к о в *(читает телефонограмму)*. Не в девять, а в девятнадцать часов мне было приказано явиться!

О л ь г а П е т р о в н а. Разве?

И в а н е н к о в. Ответственная дежурная! Вы мне ответите! К семи часам вызывали человека, а она по магазинам гуляет! Что мне делать теперь, а?

Л а г у т и н. Я забыл, Паша. Они звонили еще раз. Я сказал, что ты на кладбище, дворника хоронишь. А они приказали: когда бы ни вернулся, чтобы все равно срочно шел в райсовет. Немедленно.

И в а н е н к о в. И тебе спасибо, старый черт! *(Шурику.)* Пошел вон отсюда!

Ш у р и к. Дядя Паша, ведь я ее не принимал.

И в а н е н к о в. Кого ее?

Ш у р и к. Телефонограмму.

Нюся и Оля хохочут.

И в а н е н к о в. Вон отсюда. Контора домохозяйства не для шуток! Мне ваше хихиканье вымотало всю душу. Вон! Дежурная, займите свое место.

О л ь г а П е т р о в н а. Подожди! Дай отнести...

Иваненков. Не буду ждать! Вернусь — составлю акт на всех! Демоны! Вон отсюда!

Шурик, Оля, Нюся с хохотом убегают.

Займите ваше место, Ольга Петровна! Я приказываю!

Лагутин. Давайте я отнесу покупки.

Иваненков. Тут тревога с минуты на минуту начнется, а они телефонограммы забывают! Разве я успею теперь в райсовет до тревоги? *(Бежит к двери.)*

Марфа. Стой! В список, в список взгляни! Убежал, сатана.

Лагутин. А вы попросите, гражданка, у ответственной дежурной, чтобы она взглянула. Ольга Петровна, займитесь ими.

Ольга Петровна. Вот сейчас раскутаюсь... Захар Иванович, вы там возле печки положите их... На гвоздик авосечку повесьте... Спасибо, Захар Иванович.

Лагутин уходит.

Сейчас крючочек расстегну... Вот. А теперь платочек я развяжу. Так. А теперь сниму его. Готово. А теперь бумажечки разложу. Ага. Сейчас креслице подвинем. Вот и подвинула. А теперь сядем. Села. Ну, гражданочка, чего вы хотели?

Марфа. Мне нужен список жильцов, переехавших к вам из разрушенного дома.

Ольга Петровна. Ох, видела я этот дом, милая, видела. Сейчас ключик от стола найдем... В самую середину дома угодило... Вот он ключик, на месте. А где от чердачков ключи? Вот они... Пост номер один. Пост номер два, пост номер три. А вот ключик от поста наблюдения. Все. Если вам список новых жильцов нужен, то вы бы, гражданочка, к управхозу обратились.

Марфа. Хоть ты меня не мучай. Пойми, я спешу, спешу! Вон в радио часы стучат. Меня каждый стук как

иголкой ударяет! Может быть, этот самый миг отсчитан, на который я опоздала... Взгляни в список жильцов, помоги.

Ольга Петровна. А что у тебя случилось?

Марфа. Сын сбежал.

Ольга Петровна. Сын?

Марфа. Да. Взгляни в список, нет ли у вас тут Дарьи Васильевой.

Ольга Петровна. К ней сбежал?

Марфа. Даша — это дочь моя. А сын Сережа. С нею, с Дашей, с сестрой, он дружен был. Она старше его на семь лет, и как родился Сережа, она, Даша, с ним как с куклой возилась. Вырастила со мной вместе. Он так к нея привязался, что просто удивительно. Мальчишка грубый, неласковый, ум у него мальчишеский. Еще нет семнадцати лет ему. С Дашей он разговаривал, а со мной, родной матерью, у него один разговор был: «Отстань», да «Брось», да «Ну вас» — и сбежал.

Ольга Петровна. Куда?

Марфа. На фронт. Я думала, он со школою на трудовых работах, а он воевать ушел.

Ольга Петровна. Воевать?

Марфа. В ополчение его не брали по возрасту. Тогда что он сделал! Взял документы!

Ольга Петровна. У кого?

Марфа. У учителя Соколовского. Молодой был у них учитель истории, двадцати трех лет. А Сережа мой рослый. Можно дать ему столько. Взял он учителя документы, они вместе на трудовых работах, в одном бараке жили. И ушел. Там пока разобрались, куда он ушел, да зачем — его и след простыл. Только две недели назад узнала я чудом, что под фамилией Соколовский поступил он в школу минометчиков.

Ольга Петровна. Вы подумайте!

Марфа. Я привычная. Я всегда к беде готова. Но она, окаянная, так пути подберет, каждый раз с такой особенной стороны подойдет, с какой и не ждешь ее.

О л ь г а П е т р о в н а. Это надо же!

М а р ф а. У меня муж на фронте. Ушел тоже в ополчение, а теперь в летучей ремонтной бригаде танки чинит. Миша и Ваня, старшие сыновья, один в артиллерии лейтенант, другой в инженерных войсках. Дочка в вашем городе на военном заводе. Сережа из всех моих детей самый неладный, самый трудный.

О л ь г а П е т р о в н а. Смотрите, пожалуйста!

М а р ф а. Не могу я его отдать. *(Стучит кулаком по столу.)* Не желаю! Был у меня полный дом! Хороший дом, веселый, терпеливый. Первого — впятером провожали, а последнего — вдвоем. Я говорю: «Ну, Сергей, только ты теперь со мной остался». Молчит. И на трудработы молча уехал.

О л ь г а П е т р о в н а. Это надо же!

М а р ф а. Я одна стала жить в доме, ко всем бедам готовая. А кругом вещи мужа и детей. Легко ли это? То Мишина рубашка мне под руку попадется, то Ванин нож перочинный, то Дашин кушачок. Хожу, креплюсь, дела себе придумываю. Писем жду. И вот нате вам! Сережа, дурак нескладный, такую штуку учинил. Не отдам его! Не желаю! Пошла я через все фронты, чтобы забрать его обратно из школы.

О л ь г а П е т р о в н а. А он не идет?

М а р ф а. Школу не могу найти! Перевели ее в новое помещение. А куда — не говорят. У них сегодня выпуск! Уедет он — как его искать! Помоги, сделай милость! Даша должна знать, где его школа!

О л ь г а П е т р о в н а. Да, господи, пожалуйста. Сейчас мы столик отопрем. Вот и отперли. Сейчас мы списочек разыщем. Вот и разыскали.

М а р ф а. Васильева, Дарья Степановна, смотри скорей.

О л ь г а П е т р о в н а. Сейчас, сейчас... *(Смотрит список.)* Как хочешь, тетя, можешь обижаться, но нет здесь такой.

М а р ф а. Нет?

Ольга Петровна. Вот слушай сама. Сизых А. И., преп. музыки, 1896 года рождения. Преп. — преподаватель, значит. А может, преподавательница. По такой фамилии разве поймешь! Барский С. Н., военный прокурор, 1908 года рождения.

Глухой, но явственный удар.

Вот и артобстрел начался.... Краммер А. И., юрисконсульт, 1889 года рождения. Краммер М. М., иждивенка, 1917 года рождения,— на молоденькой женился, это надо же! Кузикова Л. П., пенсионерка, 1874 года рождения. Вот сколько разного народа, без вещей, без крова! Воромыкин Э. Э. Что за имя Э. Э.? Эраст Эрастович, наверное. Служащий, 1898 года рождения.

Глухой удар.

Кучеренко В. И., артист, 1870 года рождения. Смотрите-ка! Семьдесят один год, а он все артист. Красовская Д. С., 1918 года рождения.

Марфа. Она!

Ольга Петровна. Как, то есть, она?

Марфа. Она, она. Я-то и не подумала. Записалась она с ним, значит...

Ольга Петровна. С кем?

Марфа. С Колей Красовским. Я не вмешивалась. Но рада все-таки. Записались. Это лучше. Инженер. Тоже из Ореховца. Стой, дай-ка я платок сниму, даже в жар меня ударило. Нашла дочку, а она замужем... Вот, говорила я, что она здесь!

Ольга Петровна. А может быть, это не она?

Марфа. Как же, она! Должность — чертежница?

Ольга Петровна. Да. Написано — чертежник.

Марфа. Она. Спасибо, дежурная. В какой она квартире?

Ольга Петровна. Сейчас скажем. А он то, муж-то, почему к нам не переехал?

Марфа. А правда, он-то где? Ну, сейчас узнаем... Назови мне квартиру.

Ольга Петровна *(вскрикивает)*. Ой!

Марфа. Что такое?

Ольга Петровна. Она в девятой квартире прописана.

Марфа. Ну и что здесь худого?

Ольга Петровна. А у них жиличка пропала... четвертый день нет ее.

Марфа. Как туда пройти?

Ольга Петровна. Постой... Там две жилички прописаны. Ей-богу, две. Кузикова Л. П., пенсионерка, там же прописана. Она пропала, наверное, она. Ей-богу! Зачем молодой пропадать! *(Снимает трубку.)* Сиди, я сейчас к ним позвоню. *(Набирает номер.)* У них телефон не сняли — там хозяин врач-психиатр, такой ходовой человек. Кто со мной говорит? Какая Лидия Павловна? Ах, Кузикова? Пенсионерка? Из конторы домохозяйства спрашивают. Это надо же. А скажите, у вас Красовская там живет? Это надо же! *(Вешает трубку.)* Она, мать... Действительно четвертый день не приходит домой дочка твоя.

Тяжелый удар. Значительно ближе.

Вот проклятые, за свое взялись, проклятые. И так каждый день, каждый день...

Марфа. Адреса ее служебного нет в списке?

Ольга Петровна. Нету.

Марфа. Конечно, нету. Номерной засекреченный завод...

Входит управхоз Иваненков. Он очень весел.

Иваненков. Ну, мамаша, дождались меня, мамаша? Что смотрите невесело? Надо бодро держаться!

Ольга Петровна. Дочка ее у нас проживала.

Иваненков. Нет. Дарьи Васильевой у нас нет и не было.

Ольга Петровна. Замуж она тут вышла. Красовская ее фамилия теперь.

И в а н е н к о в. Д. С.? Дарья Степановна? Что же ты мне сразу не сказала! Эх, мамаша, мамаша!

О л ь г а П е т р о в н а. Вот пропала она.

И в а н е н к о в. Кто?

О л ь г а П е т р о в н а. Красовская.

И в а н е н к о в. Почему же это она пропала?

О л ь г а П е т р о в н а. Четвертый день домой не возвращается.

И в а н е н к о в. Так и должно быть. Я знал, что она пару дней домой не вернется.

М а р ф а. Знал?

И в а н е н к о в. Знал.

М а р ф а. Откуда?

И в а н е н к о в. Она сама меня информировала. И оставила мне телефон заводской на тот случай, если спрашивать ее будут. Только не тебя она, мамаша, ждала, а мужа.

М а р ф а. Колю?

И в а н е н к о в. Сейчас посмотрим. *(Достает записную книжку.)* Да. Красовский, Николай Семенович.

М а р ф а. Красовский.

И в а н е н к о в. Пусть будет Красовский.

М а р ф а. Где он?

И в а н е н к о в. На фронте, испытывает пулеметы, которые делают у них в цеху. А у дочки твоей срочное задание. Днем и ночью находится она на заводе. Телефон их заводской засекречен. Однако мне как начальнику объекта она оставила номерок. Раз мать приехала, да еще через фронты, значит, следует позвонить?

М а р ф а. Позвони.

И в а н е н к о в. А ну, пропустите меня, Ольга Петровна. *(Набирает номер.)* Сейчас мы ее удивим. Дарью Степановну. Занято. Ну, понятно! Такой завод. Повеселели, мамаша?

М а р ф а. Да.

И в а н е н к о в. Эх, мамаша. И я повеселел. Радость у меня.

О л ь г а П е т р о в н а. Достали что-нибудь?

Иваненков. Нет, тети мои дорогие, ничего я не доставал. Нет мне времени по магазинам бегать. А сказали мне сегодня в райсовете, что будет о нашем доме завтра в газете подвал.

Ольга Петровна. Ой! Боже мой! Как так подвал?

Иваненков. Самая нижняя на газетной странице статья. Называется подвал. Я сам было испугался: о вас, говорят, подвал будет. За что подвал? Чем мы хуже других? Ну тут посмеялись, объяснили мне. Хвалить нас будут!

Ольга Петровна. Смотрите пожалуйста!

Иваненков *(набирает номер)*. Опять занято! Говорит кто-то. Докладывает или запрашивает. Идут дела! Терпи, мамаша.

Глухой удар.

Людоеды стараются, а мы живем, живем. *(Кричит.)* Захар! А Захар! Куда ты пропал, старый черт?

Ольга Петровна. А за что нас хвалят, товарищ Иваненков?

Иваненков. Сейчас! Надо Захара позвать. Надо позвать связистов, окаянного Шурика с Нюсей и Олей. Надо командира санзвена и всех пожарных собрать, обо всех о них говорится в статье. Также и о вас, Ольга Петровна.

Ольга Петровна. Это надо же! Обо мне!

Иваненков. Мне показывали оттиск статьи. Нет ли, товарищ Иваненков, в фамилиях ошибки? Нет. Все правильно!

Ольга Петровна. Это, наверное, хвалят нас за то, как мы зажигательные гасили.

Иваненков. Ох, умело написано! Неплохо написано, гладенько, аккуратненько! Как налетели стервятники... сейчас, сейчас вспомню. Как город ощетинился... и так далее. Завтра прочтете. *(Кричит.)* Захар!

Входит Лагутин.

Л а г у т и н. Вот я, Паша. Зачем кричать?

И в а н е н к о в. Где пропадал, герой?

Л а г у т и н. Во дворе стоял.

И в а н е н к о в. Что делал?

Л а г у т и н. В небо глядел.

И в а н е н к о в. Чего искал?

Л а г у т и н. Сегодня опять ужасная погода, Паша.

И в а н е н к о в. Разве? Я спешил, бежал — не заметил.

Л а г у т и н. Страшная погода, Паша. Ни облачка нету на небе. Стоит над городом полная луна и освещает нас без пощады...

И в а н е н к о в. Ничего, ничего, ничего! Бодрей, бодрей надо, Захар!

Л а г у т и н. Ладно. Иваненков. Вот, товарищ Васильева, рекомендую тебе — героический старик.

Л а г у т и н. Отчего ты веселый такой?

И в а н е н к о в. Сейчас узнаешь. Он, товарищ Васильева, едва загудит сирена, сразу восходит на самый верх крыши и становится там на посту наблюдения, как богатырь. Вокруг осколки от зениток по железу стучат, очень слышно, как свистят окаянные фугаски, но монтер домохозяйства, Захар Иванович Лагутин, бородкой вперед, дышит себе, рассуждает, только вот курить пробует на посту, хотя это строго запрещено.

Л а г у т и н. Любишь, ты, Паша, поговорить.

И в а н е н к о в. А что, плохо разве? Мне Суков, начальник жилуправления, заявил вчера: из тебя бы оратор хороший вышел, Иваненков, будь ты проклят. *(Набирает номер.)* Ну, наконец соединили. Дочка нашлась у тети, Захар Иванович!

Л а г у т и н. Ну! Вот спасибо! Хоть на чужую радость порадуюсь...

И в а н е н к о в. И тебя могу порадовать: завтра о нашем доме в газете будет подвал. Хвалят.

Л а г у т и н. За что?

Иваненков. А двадцать семь зажигательных бомб кто погасил? Пушкин? Алло! Это откуда? А с вами говорит управхоз домохозяйства 263. Позовите чертежницу Дарью Степановну Красовскую. Скажите — важное дело. Что вы? А? Наш телефон — ве, шесть, ноль, девять, пятнадцать. Ве. Шесть. Ноль. Девять. Пятнадцать. Вот. Спасибо. *(Вешает трубку.)* Мамаша, мамаша! Не надо бледнеть! Все в порядке.

Марфа. Где она?

Иваненков. Сейчас побежит за ней курьер, и минут через пять позвонит дочка к вам сама!

Лагутин. Это хорошо. Давно никакого праздничка не видел! У нас, товарищ Васильева, день ползет за днем, день за днем. Терпишь, терпишь и до того иной раз радости захочется...

Ольга Петровна. Я на каждый звонок бегу бегом двери открывать. Все мне кажется: вдруг войдет человек и скажет: «Ольга Петровна, вот вам мешок муки». *(Смеется.)* Так и стоит передо мной этот мешок, как живой.

Иваненков. Ничего, ничего. Бодрей, бодрей, бодрей!

Лагутин. В квартире двадцать восемь домработница Зина живет. Ее родственник в штабе работает. Он в курсе всех дел. Он говорит, дней пять осталось нам терпеть. А потом со всех концов нашего Союза хлынет к нам все, чего только душа пожелает, и письма от близких людей, и сами близкие, и белая мука, и счастье...

Телефонный звонок.

Марфа. Она!

Иваненков. Спокойно, мамаша! Дай сначала мне... Алло! Да, это я у телефона. Как вы говорите? Не понимаю вас! Утра? Тогда где же она? Ага. Ну, ладно. *(Медленно вешает трубку.)*

Марфа. Говори все!

И в а н е н к о в. Да ничего особенного, мамаша, нет.

М а р ф а. Говори!

И в а н е н к о в. Она еще утром с завода ушла. Взяла бюллетень. Нездоровилось ей… И вот не пришла.

М а р ф а. Где мне искать ее?

Л а г у т и н. Нет нам праздника.

М а р ф а. Опять ударило, где не ждешь. Куда мне теперь идти?

И в а н е н к о в. Боюсь сказать.

М а р ф а. Пойду по больницам.

И в а н е н к о в. Сейчас не дадут они никаких справок.

М а р ф а. Дадут…

И в а н е н к о в. Нет, товарищ Васильева, когда я дворника нашего искал, то научился этим порядкам. Завтра утречком…

М а р ф а. Нельзя мне ждать до утра.

Стук метронома замолкает внезапно.

Почему часы остановились?

Унылый механический вой.

И в а н е н к о в. По местам, товарищи, по местам, по местам! Садитесь, товарищ Васильева, все равно сейчас вас по улицам не пропустят.

Г о л о с п о р а д и о. Прослушайте чрезвычайное сообщение Штаба противовоздушной обороны города. Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Унылый механический вой.

О л ь г а П е т р о в н а. Опять, проклятые, за свое, проклятые! И так каждый день, каждый день!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора домохозяйства № 263. Два часа ночи. Воздушная тревога продолжается. Метроном все стучит, но только вдвое быстрее, лихорадочно. У печки сидят Нюся и Оля. Входит лениво, не спеша Шурик.

Шурик. Как может она стоять так неподвижно?

Нюся. Кто?

Шурик. Васильева. Приезжая, которая ищет дочку.

Оля. А где она?

Шурик. На углу. То бродила, бродила, а теперь стоит на улице.

Нюся. Сейчас ровно два. Это значит уже четыре с половиной часа тревога.

Оля. Да. А она все на ногах.

Нюся. Ждет свою дочку.

Шурик. Что бы придумать такое, а?

Нюся. Например?

Шурик. Управхоз посты сейчас обходит. Проволоку бы найти. У меня есть от антенны провод. Протянуть бы, чтобы Иваненков шлепнулся.

Оля. Осел.

Нюся. Я думала, он о тетке приезжей беспокоится. Хочет придумать, как ее утешить, а у него только одно на уме.

Нюся. Читал, читал! Мы знаем, что ты много читаешь. А из меня ничего не выйдет.

Шурик. Почему это вдруг?

Нюся. А что из меня может выйти? Все слоняюсь из угла в угол или бегаю по лестницам.

Оля. Мы сами не знали, как мы хорошо жили.

Звонит телефон.

Нюся. Шурик, подойди.

Шурик. Только что я согрелся.

Нюся. Подойди, я боюсь.

Шурик. Чего?

Н ю с я. А вдруг опять никто не ответит?

Ш у р и к. Скажите пожалуйста, какой ужас. *(Подходит к телефону.)* Вас слушают. А? Громче?

Н ю с я. Не отвечает?

Ш у р и к. Алло! Алло!

О л я. Опять кто-то шепчет, или плачет?

Ш у р и к. Ничего не могу понять.

О л я. Повесь скорее трубку.

Шурик вешает трубку.

Н ю с я. Четвертый раз кто-то звонит и плачет тихонечко. Кто это?

О л я. Ночью что угодно полезет в голову.

Ш у р и к. Покойнички звонят?

О л я. Замолчи!

Н ю с я. Слушайте! А вдруг это кто-нибудь из нашего дома сошел с ума. Шепчет у трубки, шепчет, плачет, плачет, а потом приползет тихонько в контору.

О л я. Не надо, Нюся.

Н ю с я. Приползет тихо, да как подымется вот там возле шкафа!

О л я. Не надо.

Ш у р и к. Ах, страсти какие!

О л я. А ноги подобрал! Ну, Нюся? Что же замолчала? Нюся, говори. Я люблю, когда страшное рассказывают, Нюся!

Н ю с я. Не хочу я больше рассказывать.

О л я. Почему? Жалко тебе, что ли?

Н ю с я. Сама же ты говорила — не надо.

О л я. Это я просто так, от удовольствия. Рассказывай! Так приятно.

Н ю с я. И без страшных рассказов страшно.

О л я. Не страшно, а тоскливо.

Н ю с я. Все равно.

Ш у р и к. Я видел во сне, что спускаюсь по лестнице. И пробежал я мимо выхода на улицу. Но остановиться не могу. А лестница не кончается, уходит все глубже и

глубже под землю. Я бегу, дверей кругом никаких нет… *(Тихо.)* Вот, думаю, чтоб ты издохла, окаянная лестница.

О л я. А потом что?

Ш у р и к. Проснулся.

О л я. Плохой сон. Тебе грустно, Шурик?

Ш у р и к. Не!

О л я. Шурик, ты все-таки обалдуй, хоть и читал много.

Ш у р и к. А почему?

О л я. Ты как-то не все понимаешь.

Ш у р и к. Например?

О л я. Не знаю. Вот сегодня на Съезжинской разбило дом.

Ш у р и к. Ну и что?

О л я. Там сидели, может быть, так же возле печки ребята. А где они теперь?

Ш у р и к. Брось!

О л я. Нет, ты не все понимаешь!

Ш у р и к. Зачем ты хочешь, чтобы человек скулил? У меня пострашнее в жизни бывали дела, да я молчал.

О л я. Нет, ты не все понимаешь.

Ш у р и к. Все понимать — это значит с ума сойти.

Н ю с я. Ну, ладно. Надоели вы мне. Никто ничего не понимает, кроме меня. Оля, давай в мячик играть. *(Достает из кармана шубы мячик.)*

О л я. Откуда он у тебя?

Н ю с я. Искала сегодня в комоде чулки. Смотрю, лежит, в папиросную бумагу завернутый, старый приятель. Я чуть не заплакала, так все припомнилось: школа, садик.

О л я. В садике зенитки стоят.

Н ю с я. Мне бабушка подарила этот мячик, когда я во второй класс перешла. А потом сама его и припрятала. Она ужасно свои подарки любит. Сыграем в трешки?

О л я. Давай, все равно.

Весь дальнейший диалог идет на игре в мяч.

Н ю с я *(бросает мяч)*. Оля, тебе грустно?

О л я *(отбивая мяч)*. Грустно.

Н ю с я. Оля, ты бедняжка?

О л я. Бедняжка.

Н ю с я. А где Валя Карпова?

О л я. В Иркутске.

Н ю с я. А где Мая Горленко?

О л я *(отбивая мяч головой)*. В Ташкенте.

Н ю с я. А где Вася Мельников?

О л я. Не пишет.

Н ю с я. А где Маша Голдина?

О л я. Пропала.

Н ю с я. А мы их увидим?

О л я *(бросая мяч через плечо)*. Не знаю.

Н ю с я. Тебе умереть хочется?

О л я. Ни капельки.

Н ю с я. А бомбы это знают?

О л я. Им все равно.

Н ю с я. А чего тебе, Оля, хочется?

О л я. К маме на ручки. *(Ревет, роняя мяч.)* Дура, чего ты меня расстраиваешь!

Н ю с я. Ну, Оля, ну, Олечка, ну не надо. Ты сядь, сядь. Ну хочешь, я тебе что-нибудь страшное расскажу? А? Слушай. Слушаешь? Ну, вот и хорошо. Вот, значит, Олечка, сошел с ума один жилец из нашего дома. Ладно. Сошел он с ума и думает: дай-ка я всех в доме загублю, чтобы они меня боялись. Он не в квартире сошел с ума, а на службе. В учреждении. Ползет сумасшедший к дому, и такое у него, Олечка, нетерпение. Он даже воет. Пальцы ломает.

О л я. Ой, не надо.

Н ю с я. Такое нетерпение! Сейчас я, думает, со всеми вами расправлюсь! А они, ты знаешь, страшно сильные, сумасшедшие-то. И от нетерпения звонит он из всех телефонов по дороге. Звонит, а сказать ничего не может, только шепчет: береги-и-и-тесь, ваш ко-о-о-нец иде-ет!

О л я. Ой, не надо!

Н ю с я. Береги-и-и-тесь, ваш ко-о-о-нец иде-е-ет! Хорошо! И вот дополз он до нашего дома. Так.

Дверь с грохотом распахивается, и кто-то закутанный пробует войти, но не может и тихо опускается на пол на пороге комнаты. Девочки замерли в ужасе.

Ш у р и к. Кто это? Вам кого нужно?

О л я. Нюся.

Н ю с я. Это женщина.

Закутанная женщина поднимается медленно. Опускает платок. Молодое, очень бледное лицо. Глаза полузакрыты.

Ж е н щ и н а. Ребята, помогите.

Н ю с я. Что такое с вами?

Ж е н щ и н а. Заболела. Помогите до квартиры дойти. *(Опускается на стул.)*

О л я. А что такое с вами? Где вы живете?

Ж е н щ и н а. Не могу вспомнить.

Н ю с я. Вы из нашего дома?

Ж е н щ и н а. Не знаю. Ой, как у меня сердце колотится. Слышите? Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук!

О л я. Это радио стучит.

Ж е н щ и н а. Нет, это от температуры.

Н ю с я. Гражданка, гражданка! Она в обмороке... Держите ее! Она упадет сейчас! Шурик! Беги найди управхоза и кого-нибудь из санзвена!

Ш у р и к убегает.

Смотри, какая голова у нее горячая!

О л я. А пальцы как лед.

Н ю с я. Ты ее не знаешь?

О л я. Нет, по-моему, не знаю. А вдруг это она, которую ждет мать.

Н ю с я. А вдруг она умирает?

О л я. Гражданка, гражданка!

Н ю с я. Держи крепко. Бежит кто-то!

Ш у р и к вбегает.

Ш у р и к. Не хотят верить мне. Идите вы.

О л я. Кто не хочет верить?

Ш у р и к. Никто. Думают, я разыгрываю.

О л я. Допрыгался! Тут женщина умирает, а он не может объяснить.

Ш у р и к. Я объяснял!

О л я. Смотри, я пульс не могу найти! Честное слово, не могу найти... Нет, вот он. Но все равно ей очень плохо, дурак ты...

Ш у р и к. А я-то чем виноват?

Распахивается дверь. Входит начальница санзвена Е л е н а О с и п о в н а А р х а н г е л ь с к а я. Через плечо — санитарная сумка.

А р х а н г е л ь с к а я. Ну? Где она? Ах, так Соколов не соврал!

Ш у р и к. Буду я врать...

А р х а н г е л ь с к а я. Тише! Без грубостей. Помогите мне, Антипова и Лаврова. Так. Платок снимите. Соколов! Возле стенки складная койка. Быстро, без глупостей, возьми ее. Живо. Поставь там направо. Здесь теплее, чем в санпункте. Мы уложим ее здесь. Антипова! Возьми в сумочке нашатырный спирт. Не то! Ты суешь мне нашатырно-анисовые, корова. Тихо! Без грубостей! Гражданка! Гражданка!

Ж е н щ и н а *(медленно поднимая голову)*. Который час?

О л я. Половина третьего.

Ж е н щ и н а. Мне три часа до смены.

А р х а н г е л ь с к а я. Встаньте, милая. Встаньте, голубушка. Идите. Вот так. Антипова, Лаврова, берите ее под руки. Так. Вот сюда. Соколов, дай платок ее. Сверни. Аккуратно сверни. Положи ей под голову вместо подушки. Как ты кладешь, косолапый! Ноги ей уложите! Вы! Ладно. Ну что, ну что, милая?

Ж е н щ и н а. Который час?

А р х а н г е л ь с к а я. Рано, рано еще! Лежите! Соколов. Вот тебе ключ. Беги ко мне на квартиру. Открой. В передней стоят ширмы. Понял?

Ш у р и к. Конечно.

А р х а н г е л ь с к а я. Без дерзостей. Возьми и принеси сюда. Только скорей!

Ш у р и к. Одна нога здесь, другая там.

А р х а н г е л ь с к а я. Это не острота, а ослота. Ты не остришь, а ослишь.

Ш у р и к убегает.

Антипова! Возьми тот столик. Осторожно, аккуратно.

О л я. Я осторожно.

А р х а н г е л ь с к а я. По лестнице они летают как птички, а тут — как медведи.

О л я. Мы стараемся, Елена Осиповна.

А р х а н г е л ь с к а я. Не ори! Давай сюда... Так... Графин с письменного стола, Лаврова. Ставь на столик. Не греми. Хорошо!

Входит О л ь г а П е т р о в н а.

О л ь г а П е т р о в н а. Ну вот, я все посты обошла с Иваненковым...

А р х а н г е л ь с к а я. Тссс!

О л ь г а П е т р о в н а *(понизив голос)*. Теперь отдохнуть сяду. Вот и села. А почему надо тише, Елена Осиповна?

А р х а н г е л ь с к а я. Здесь больная.

О л ь г а П е т р о в н а. Кто заболел?

А р х а н г е л ь с к а я. Сначала надо привести человека в чувство, Ольга Петровна, а потом анкеты заполнять.

О л ь г а П е т р о в н а. Я думала, это кто-нибудь из знакомых.

А р х а н г е л ь с к а я. Тише, говорите!

О л ь г а П е т р о в н а *(тихо)*. Я думала, это кто-нибудь из знакомых.

А р х а н г е л ь с к а я. Нет.

Вбегает Ш у р и к с ширмой.

Почему так долго, Соколов?

Ш у р и к. Домработница ваша не давала ширму. Говорит: этак она все перетащит в санзвено.

А р х а н г е л ь с к а я. Ставь сюда ширму. Вот. Готово.

Ш у р и к. Как вы наладили все скоро! Прямо как госпиталь.

А р х а н г е л ь с к а я. Без подхалимства, пожалуйста. Такой мальчик — и уже подхалим.

Ш у р и к. А зачем мне перед вами подхалимничать?

А р х а н г е л ь с к а я. Без хамства, пожалуйста! Тихо! Не беспокой больную. Выпейте, милая, это.

Ж е н щ и н а. Который час?

А р х а н г е л ь с к а я. Выпейте, выпейте и лежите себе... *(Выходит из-за ширмы.)* Над чем вы смеетесь, Ольга Петровна?

О л ь г а П е т р о в н а. Я не смеюсь, Елена Осиповна! Я улыбаюсь.

А р х а н г е л ь с к а я. Не ощущаю разницы.

О л ь г а П е т р о в н а. А это время для меня самое лучшее, Елена Осиповна! За день набегаешься, настрадаешься, надрожишься, растревожишься, и вот ночью, слава богу, на голову находит туман.

А р х а н г е л ь с к а я. Какой туман?

О л ь г а П е т р о в н а. Сон. Все мне чудится, чудится...

А р х а н г е л ь с к а я. Галлюцинация?

О л ь г а П е т р о в н а. Нет, зачем. Просто сон. Вот, например, чудится мне, будто там за дверью ждет сестренка меня. Маша. Молоденькая, как прежде. И пойдем мы с нею сейчас на речку, в купальню.

А р х а н г е л ь с к а я. На речке сейчас лед, лед, Ольга Петровна. Учтите — лед!

О л ь г а П е т р о в н а. А мне чудится мирное время, лето, дорожка через рощу, пирожки...

Быстро входит И в а н е н к о в.

И в а н е н к о в. Опять где-то кружит подлец. Кружит над городом.

А р х а н г е л ь с к а я. Будьте любезны не шуметь.

И в а н е н к о в. А что такое?

А р х а н г е л ь с к а я. Здесь больная.

И в а н е н к о в. Знаете, кого стукнуло в начале тревоги, когда наш дом качало? Алексей Алексеевича!

О л ь г а П е т р о в н а. Кто это?

И в а н е н к о в. Управхоз домохозяйства двести шестьдесят. Вы его помните, он прибегал у меня керосин занимать для летучих мышей. Такой оратор, такой активист был, бедняга. По квартплате на первом месте был он.

О л ь г а П е т р о в н а. И вот убило его?

И в а н е н к о в. Нет, жив. А от дома одни кирпичи остались... Только прошлым летом провел Алексей образцовый капитальный ремонт. Сколько сил, сколько риску, сколько догадки, сколько души положил. Его даже премировать думали. А теперь лежит весь дом грудой. А управхоз возле стоит, за голову держится. Я ему говорю: бодрей, бодрей, Алеша, а он ни слова.

О л ь г а П е т р о в н а. Вы подумайте!

И в а н е н к о в. Жалко дом!

А р х а н г е л ь с к а я. Людей жалко!

И в а н е н к о в. Жертв немного.

Н ю с я. Товарищ Иваненков!

И в а н е н к о в. В чем дело?

О л я. Мы хотели вас спросить.

И в а н е н к о в. Ну?

О л я *(указывая на ширму)*. Там не дочка ее?

И в а н е н к о в. Чья? Ах, этой, Марфы Васильевой. *(Заглядывает.)* Не пойму, темно. Это вы, Дарья Степановна?

Ш у р и к. Она, по-моему, не дышит.

А р х а н г е л ь с к а я. Соколов, пошел вон отсюда. Ольга Петровна, позвоните в неотложную помощь!

О л ь г а П е т р о в н а. Елена Осиповна, извиняюсь, тревога, не ответят.

И в а н е н к о в. А черт тебя побери совсем! Она это, Дарья Степановна! Молчит... Шурик, беги за Марфой. Только осторожней, мягко ей скажи, дьявол!

Ш у р и к. Я боюсь.

А р х а н г е л ь с к а я. Соколов!

Ш у р и к убегает.

И в а н е н к о в. Начальник санзвена! Что у вас за лицо! Докладывайте прямо, умирает она, или как это понимать?

А р х а н г е л ь с к а я. Прочь! Все прочь из-за ширмы! Что я, терапевт? Почему именно я должна за все отвечать? Бутылки собирать — санзвено! Беседы проводить — санзвено! Акт составлять — санзвено! У больной пульс, как ниточка!

Ш у р и к вбегает.

Ш у р и к. Она идет сюда.

И в а н е н к о в. Сказал ей?

Ш у р и к. Нет.

И в а н е н к о в. Как нет?

Ш у р и к. Ее Лагутин уговорил отдохнуть. Ведет в контору. Раз она все равно идет сюда, вы ей сами и скажите.

А р х а н г е л ь с к а я. Балда.

О л ь г а П е т р о в н а. Тише, тише, вот она.

Входят Л а г у т и н и М а р ф а.

Л а г у т и н. Здесь, Васильева, вам будет спокойно, уютно. Видите, печка горит, люди собрались, сочувствующие вам. А на улице жутко, одиноко. Садитесь.

М а р ф а. Да, я сяду. Ну, Ольга Петровна, не дождалась я дочки. Все глаза проглядела, сколько раз ошибалась. Вот вижу — она, она! Ее походка, ее платочек. Брошусь навстречу, а мне пропуск протягивают, думают — я дежурная. Проверяю. Что это вы на меня глядите так? Может, я щеки отморозила?

О л я. Нет! Нет!

М а р ф а. Ширма! Зачем тут поставили ширмы? Что вы там прячете?

А р х а н г е л ь с к а я. Будьте любезны, успокойтесь, я вам моментально все объясню. Ничего нет особенного, только будьте спокойны. Я сама так измучена, что не могу брать на себя лишнюю нагрузку.

Больная внезапно садится на койке.

Н ю с я. Ой! Ой! Она встает, встает! Гражданка, ваша мама здесь!

М а р ф а. Даша! *(Бежит за ширмы. Обнимает дочь.)*

Д а ш а. Кто это? Кто вы?

М а р ф а. Это, я, Дашенька.

Д а ш а. Кто?

М а р ф а. Это я! Мама!

Д а ш а. Мне холодно, мама!

М а р ф а. Сейчас, сейчас укрою, родная. *(Снимает шубу, укрывает дочь.)*

Д а ш а. Спасибо. Мама, у меня дела плохи. Так лихорадит, так лихорадит, сердце стучит, стучит на весь город — слышишь? Или это весь город так лихорадит? У города так сердце стучит?

А р х а н г е л ь с к а я. Не разговаривайте. Лежите спокойно. Лаврова, дай стул. Не реви, коровища! Стул сюда! Садитесь, товарищ Васильева. У девочки вашей был обморок глубокий, пульс почти не прослушивался, руки ледяные, и я не терапевт в конце концов, черт меня побери! Не толпитесь! Товарищ Иваненков! Лагутин! Выйдите вон. Сядьте там за столом. Соколов!

Ш у р и к. Вот Соколов.

А р х а н г е л ь с к а я. Не осли! Беги ко мне домой, возьми резиновый мешок для льда, набей снегом и назад. Живо!

Ш у р и к. Есть живо!

А р х а н г е л ь с к а я. Не хами.

Ш у р и к убегает.

У нее температура, вероятно, больше сорока, я положу ей лед на голову.

М а р ф а. Лежи, Дашенька, лежи тихо.

А р х а н г е л ь с к а я. Я буду тут же. Если что, позовите меня. *(Выходит из-за ширмы, идет к столу.)*

О л ь г а П е т р о в н а. Лучше ей?

А р х а н г е л ь с к а я. Тише!

О л ь г а П е т р о в н а (*шепотом*). Извиняюсь, Елена Осиповна. Ей получше?

А р х а н г е л ь с к а я. А я почем знаю?

И в а н е н к о в. Может быть, в квартиру ее отнести?

А р х а н г е л ь с к а я. Не проявляйте инициативу там, где вас не спрашивают.

И в а н е н к о в. Да ведь я...

А р х а н г е л ь с к а я. Тише!

И в а н е н к о в. Ну и характер!

А р х а н г е л ь с к а я. Тише!

Тихо разговаривают за столом.

Д а ш а. Я дома?

М а р ф а. Дома, милая.

Д а ш а. А ты?

М а р ф а. А я с тобой.

Д а ш а. А Коля?

М а р ф а. А он придет сейчас.

Д а ш а. А Сережа?

М а р ф а. А за Сережей я пришла. Ты, милая, успокойся, отдышись. А потом скажи, где же он, Сережа, наш?

Д а ш а. Он уехал.

М а р ф а. Уехал?

Д а ш а. Давно.

М а р ф а. Как давно? Ведь у них выпуск сегодня.

Д а ш а. Да. Днем. В три часа. Три часа — это, мамочка, очень давно было. Я с тех пор столько пережила! Я домой ползла.

М а р ф а. Как ползла?

Д а ш а. Мамочка, я так себя жалела, так жалела! Утром чувствую — голова болит. Начальник приказал мне идти в медпункт. А там сказали, что у меня тридцать девять и пять... Идите, говорят, домой. А я к Сереже, через весь город, пешком. Выбежал Сережа ко мне...

М а р ф а. Какой он? А? Даша?

Д а ш а. Веселый. А потом увидел меня, испугался и говорит: давай сейчас попрощаемся. Иди домой и ложись. У нас выпуск в три, а вечером нас отправляют. Или завтра утром? А? Он сказал завтра утром.

М а р ф а. Я побегу в школу.

Д а ш а. Мамочка, не уходи. Я умру без тебя. Вышла я — и вот целый день иду... Заблудилась. Не помню ничего. А потом стало мне себя жалко, так жалко, так жалко! Как увижу автомат, так и звоню сюда, в контору, чтобы Коля вышел мне навстречу, помог. А сказать ничего не могу. Плачу у трубки. Ты не уйдешь?

М а р ф а. Лежи, лежи спокойно.

Д а ш а. Дай мне руку. Мамочка! Как же ты попала сюда? Мама!

М а р ф а. Тише, тише, дочка.

Д а ш а. Мама, откуда ты? Или мне это снится?

М а р ф а. Нет, моя родная, не снится.

Д а ш а. Ты на самолете?

М а р ф а. Нет, нет, родная. Я потом тебе все расскажу. Тихо, тихо!

Влетает Ш у р и к с пузырем для льда.

А р х а н г е л ь с к а я. Почему так долго?

Ш у р и к. Ваша домработница совершенно ненормальная старуха.

А р х а н г е л ь с к а я. Выбирай выражения, обалдуй.

Ш у р и к. Она мне чуть рукав не оторвала.

А р х а н г е л ь с к а я. Не ври.

Ш у р и к. Такой подняла крик! «Не отдам пузырь! Она скоро рояль в свое санзвено отнесет!» Хорошо, что

я увидел пузырь на полке в ванной и схватил... Ваша ненормальная вцепилась в меня, но я вырвался.

Архангельская. Нахал! *(Улыбаясь.)* Что значит мальчишка! Довел дело до конца, молодец!

Шурик. Раз это нужно, я...

Архангельская. Без хвастовства! Не зазнавайся! Антипова, Лаврова, Соколов! Отправляйтесь отсюда. Сядьте там за дверью и никого не пускайте в контору. Скажите — здесь тяжелобольная.

Иваненков. Шурик, пойди в квартиру сороковую и девятнадцатую. Скажи, чтобы отправлялись, кто у них там в резерве, на чердак. Наших пожарных надо сменить!

Шурик. Пожарные не сменятся.

Иваненков. То есть, как это не сменятся?

Шурик. Не уйдут. У них там весело. Домработница Лянгертов танцевала так, что снизу пришли просить ее отдохнуть, а то штукатурка валится. А теперь все пожарники и Тамара Петровна сидят и поют.

Иваненков. Ладно. Делай что сказано. Иди, иди!

Нюся, Оля, Шурик уходят. Архангельская кладет мешок со снегом на лоб больной.

Архангельская. Вот так, милая. Так будет вам легче. Так, так.

Даша. Спасибо.

Архангельская. Она ровнее стала дышать. Ничего. Ничего. Все обойдется.

Марфа. Доченька, лучше тебе?

Даша. Гораздо лучше. Совсем хорошо.

Архангельская. Ну вот и ладно. *(Подходит на цыпочках к столу.)* Тише!

Марфа. Дашенька, а где помещается Сережина школа?

Даша. Ох, мамочка, далеко!

М а р ф а. Голубчик мой, доченька моя, тут за тобой посмотрят. Видишь, какая заботливая женщина начальница санзвена. Распорядительная такая, отгородила тебя, устроила, как в комнате, крошечка. Позволь мне уйти!

Д а ш а. А куда, мамочка?

М а р ф а. Сережу из школы взять.

Д а ш а. Ведь его не отдадут.

М а р ф а. Отдадут.

Д а ш а. Нет, мамочка.

М а р ф а. У меня все бумаги с собой. Там все сказано: и про документы, и про все. Дашенька, дочка моя родная! Ты разумная, и старшие братья у тебя самостоятельные мальчики. А Сережа на фронте пропадет… Надо же мне хоть кого-нибудь себе оставить!

Д а ш а. Ты, мамочка, минуточку только помолчи. У меня от каждого твоего слова как гвоздики вонзаются в голову.

М а р ф а. Хорошо, хорошо.

Д а ш а. Минуточку только.

М а р ф а. Молчу, родная, молчу.

И в а н е н к о в. Ох как спина болит!

А р х а н г е л ь с к а я. Продуло. Прострел.

И в а н е н к о в. Нет. Это я после могилы окаянной не могу согнуться.

А р х а н г е л ь с к а я. Вы в могиле лежали?

И в а н е н к о в. Стоял. Сегодня на кладбище. Нет, товарищи, на свете народа хуже могильщиков. Давай ему, грабителю, сто грамм хлеба, иначе он не желает мерзлую землю рыть.

О л ь г а П е т р о в н а. Вы подумайте!

И в а н е н к о в. А разве я мог бросить Михаила без погребения? Такой был дворник, какого во всем районе нет. Мало ли мы с ним пережили? Ну и схватил я лом.

О л ь г а П е т р о в н а. Ох, мамочки!

И в а н е н к о в. И давай землю рубить. Только когда по пояс уже стоял в могиле, нашлись люди, незнакомые, пришедшие своих близких похоронить. Один дядя моих

лет, седоватый, другой совсем молодой парень. Взяли они молча лопаты и помогли.

О л ь г а П е т р о в н а. Есть все-таки сочувствующие люди!

И в а н е н к о в. А зарывать могильщики явились. Торопятся как на пожар. Племянница Михаила плачет, прощается с покойником, а могильщик ей: «Гражданка, или плакать, или дело делать».

О л ь г а П е т р о в н а. Боже мой! Боже мой! Когда же все это кончится!

А р х а н г е л ь с к а я. Не распускайтесь, пожалуйста! И без этих проклятых вопросов тошно.

Л а г у т и н. Тише! Слышите?

В наступившей тишине явственно слышно жужжание фашистского самолета.

И в а н е н к о в. Опять над нами кружится, людоед чертов.

О л ь г а П е т р о в н а. Почему зенитки молчат?

А р х а н г е л ь с к а я. Чтобы не обнаружить себя.

Л а г у т и н. Ненавижу дураков.

А р х а н г е л ь с к а я. О ком это вы изволите говорить?

Л а г у т и н. О нем. О фашисте. Ох, если бы это летала над нами смерть на бледном коне! Страшно это, но красиво! Ох, если бы это чудовище носилось над городом, змей холоднокровный, дикий,— нет, дурак мальчишка над нами висит аккуратный, застегнутый, подтянутый. Что ты изменишь в ходе войны, если, скажем, сейчас Ольгу Петровну разорвешь? О, как это страшно и глупо! Страшно и глупо!

И в а н е н к о в. Ого! Над нашим домом разворачивается. Как бы не сбросил. А ну потише!

Жужжание самолета слышится явственнее.

Д а ш а. Мамочка, ты знаешь, что я замуж вышла?

М а р ф а. Знаю.

Д а ш а *(смеется)*. Ох, мамочка, как я ему долго крутила голову. Он ждал, ждал, терпел, терпел, а добился все-таки своего. А я рада.

М а р ф а. Тише, девочка, тише. Отдохни, а потом мне с тобой поговорить надо.

Д а ш а. Я отдыхаю. Дело так было, мамочка. Мы пошли с ним в кино. И возле самой уже кассы я говорю ему: «До свидания, Коля!» — «Что? Почему?» — «Не хочется мне в кино с вами, — отвечаю. — Скучно». А он мне: «Я всю неделю этого вечера ждал, Даша». А я отвечаю: «А у меня другие планы на сегодняшний вечер». И ушла. И так мне тоскливо стало. И вышла я из дому через час. Иду мимо его квартиры. Он ведь в самом первом этаже жил, мамочка. И заглянула к нему в окно. Сидит он такой бледный, лицо невеселое, задумчивое... И все пошло на лад с этого вечера. *(Смеется.)* Мамочка, ты даже представить себе не можешь, какой это особенный человек. Его все любят. И уважают его на работе как! Позвонишь на завод. Там спросят сначала неприветливо: «Вам кого?» А когда узнают, что Колю, сразу ласково отвечают: «Пожалуйста, пожалуйста».

М а р ф а. В чем же я виновата, в чем я виновата, не могу понять! Нет, я чего-то не сделала, я куда-то опоздала!

Д а ш а. Ты о чем, мамочка?

М а р ф а. О том, что, если дело плохо, это, значит, я в чем-то виновата.

Д а ш а. Не надо, мамочка, так говорить. От таких слов у меня опять в голове все мешается.

М а р ф а. Дашенька моя дорогая, прости, что я тебя мучаю. Скажи мне только два слова. Улицу да номер дома. Адрес мне дай Сережиной школы. Слышишь? Даша! Дашенька! Ты спишь? Или тебе худо опять?

Очень явственный вой мотора.

И в а н е н к о в *(встает)*. Ох, паразит чертов!

Вбегает Ш у р и к.

Ш у р и к. Дядя Паша! Через канал напротив он целую кассету зажигательных бросил!

Л а г у т и н. Надо мне опять на крышу идти.

Ш у р и к. Так все и осветилось. Как днем.

И в а н е н к о в. Резерв на чердаки отправился?

Ш у р и к. Сейчас все выползли.

И в а н е н к о в. Идем!

Ш у р и к, Л а г у т и н и И в а н е н к о в уходят.

А р х а н г е л ь с к а я. Ну и домик у нас! С одной стороны, музей, с другой — два госпиталя! Все время над нами кружат. *(Надевает через плечо санитарную сумку, идет за ширму.)* Ну, как больная?

М а р ф а. Не могу понять.

А р х а н г е л ь с к а я. Мне надо на пост к воротам. Я вернусь при первой возможности. *(Уходит.)*

О л ь г а П е т р о в н а. Уснула дочка? Вы усните тоже.

М а р ф а. Как я могу уснуть? Что ты говоришь, опомнись!

О л ь г а П е т р о в н а. Я вот что скажу вам, товарищ Васильева, вашей дочке я утром гомеопата приведу. Побегу за ним еще до света, и он придет. Он такой отзывчивый, прямо святой, если его только не разбомбило. Даст он две-три крупиночки — и готово дело. Он одной девушке, совсем убогая была, так помог, что мать ему руки целовала. Ты успокойся, товарищ Васильева! Гомеопатия — это расчудесное дело. До свидания, голубка. *(Уходит.)*

М а р ф а. Дашенька! Даша! Дочка! Дочь!

Д а ш а. Что, мамочка?

М а р ф а. Заговорила, слава тебе, господи!

Д а ш а. Я, мамочка, умираю.

М а р ф а. Даша! Доченька!

Д а ш а. Умираю. Некогда мне. У нас такое срочное задание на заводе, а ничего все-таки не поделаешь. Придется мне умереть, не уходи!

М а р ф а. Я за докторшей.

Д а ш а. Ничему она теперь не может помочь. Не уходи.

М а р ф а. Доктора надо найти.

Д а ш а. Я хорошо себя буду вести, только не оставляй меня одну. Сядь здесь, как сидела.

М а р ф а. Но ведь надо же, милая, сделать что-нибудь, помочь тебе.

Д а ш а. Мне уже нельзя помочь. Нет, нет, не хмурься. Слушай, что я тебе скажу. Сядь, вот так. Доктора тебе не найти. А начальница санзвена... Взгляни: нет ее?

М а р ф а. Нет, дочка, никого. Мы одни с тобой.

Д а ш а *(понизив голос)*. А начальница санзвена мало что понимает. Она ведь только курсы ГСО прошла. Она, мамочка, музыкантша. Слышишь?

М а р ф а. Да.

Д а ш а. Пианистка. От этого у нее и характер сердитый такой.

М а р ф а. Ты молчи, тебе трудно говорить.

Д а ш а. Что ты, мамочка, наоборот, очень легко. Слова сами так и прыгают... О чем я? Ах, да... Она пианистка, а играть ей совсем некогда теперь. Она, мамочка, вся ушла в работу по санзвену, по дому. Когда фугаска тут рядом разорвалась, она знаешь что схватила и вынесла из квартиры?

М а р ф а. Не, знаю, милая.

Д а ш а. Домработница ее рассказывала. Ну, угадай, что она спасала?

М а р ф а. Не берусь.

Д а ш а. Список дежурств по группе ПВО. *(Смеется.)* Она эти списки сама всегда составляет. Она очень горячая в работе, только такой деспот! Ее все боятся. Но разве она меня спасет!

М а р ф а. Тихо, тихо, милая.

Д а ш а. Но болеть все-таки приятно. Знаешь, почему? Есть совсем не хочется.

М а р ф а. Я, голубка, тебе и Сереже сало несла и сухарей.

Д а ш а. Спасибо, мамочка.

М а р ф а. Но только я их отдала.

Д а ш а. Расскажи, кому?

М а р ф а. Партизану. Фининспектор Дзержинского района он был, а теперь вот сражается...

Д а ш а. Ну, мамочка, говори, пожалуйста, говори.

М а р ф а. Ну что же говорить-то. Встретились мы с ним в лесу. Шел он, милая, после глубокой разведки, идти еще долго... А он ослабел. Не могла я на это смотреть. Накормила его.

Д а ш а. Он обрадовался?

М а р ф а. Да.

Д а ш а. Ну, а как все-таки? Что он говорил?

М а р ф а. Стоим мы в чаще. Кругом так тихо, так тихо, как в мирное время. А он все объясняет, все объясняет, какая я мол, сознательная женщина. Я хотела сначала только половину ему отдать. А потом подумала: Сережа в школе, Дашенька на военном заводе... Их там кормят... Я, девочка, уставши была, заплакала, и все ему в сумку положила, все запасы. Когда он еще к своим-то доберется?

Д а ш а. Ты у нас добрая. Как хорошо, что ты пришла! Ну, говори. Говори еще.

М а р ф а. А потом пошла дальше. Иду, о вас думаю. Всю дорогу я о вас думала: что вы мне скажете, что я вам скажу. И, как всегда, вышло не так, как ждешь.

Д а ш а. Ну, говори, говори!

М а р ф а. Что же говорить-то мне, дочка?

Д а ш а. Что-нибудь интересное. Отвлекай меня, отвлекай. А то я опять вспомню. У меня, мамочка, в Лавровом переулке все вещи погибли. Я на прошлой неделе блузку сама себе сшила; шила — устала. И теперь у меня все перемешивается... блузка на кнопочках и...

М а р ф а. Молчи, молчи, родная.

Д а ш а. Тогда ты говори, скорей, скорей отвлекай меня! Я знаю, у тебя нас четверо детей, но ты сегодня одной мной займись, мной. Говори! Скорей!

М а р ф а. Шла я шла, шла я, шла, орудия гудят, спи, моя хорошая, пулеметы стучат, раненых ведут, а я все шагаю. Встретится патруль, сведет меня в штаб, я все там толковенько объясню, кто я, куда и зачем — и шагаю дальше. Спи, моя родная, мама с тобою. Нельзя так говорить: четверо детей. Надо так говорить: три единственных сына, одна-единственная дочка. Спи, моя единственная, спи. Иду я через озеро, а сама думаю: далеко-далеко, за лесами, за горами мои детки живут, они маму не ждут, а она к ним бежит. Даша, моя родная, дыши поглубже. Иду я через озеро, сумерки все темней, я на компас смотрю, как меня капитан научил, а компас светится. Далеко-далеко, по компасу на юго-востоке, пожар горит, ракета взлетит и растает, взлетит и растает, а я все иду, иду. Спи, моя хорошая. Дашенька! Спишь? Лед кругом, лед, а я шагаю, ко всему готовая. Все беды — сестры, все унылые, все тоскливые, а мы их прогоним, крошечка, прогоним. И немец сбежит, и голод забудется, и дома встанут, и поля оживут, и дети народятся — все будет славно, только ты дыши, дыши, маленькая. Зачем так неслышно лежать, маму пугать? Даша? Даша?

Вбегает О л ь г а П е т р о в н а.

О л ь г а П е т р о в н а. Вот я и прибежала. Он там, негодяй, зачем-то осветительные ракеты сбросил. Сейчас, наверное, бомбить начнет. Светло как днем! А я стану сейчас у печечки. Вот и стала. Погреюсь — и на пост. А то он, подлец, до утра не отпустит. Ведь неудобно будет уйти, когда он, подлец, уже начнет бомбить. А у меня так пальцы зашлись, в особенности мизинчики... Товарищ Васильева? Вы что там, уснули?

М а р ф а. Она не дышит.

О л ь г а П е т р о в н а. Кто не дышит, почему не дышит? Разве это можно не дышать?

М а р ф а. Не дышит она. Дочка моя.

Ольга Петровна *(мечется)*. Как же так? Это я не знаю, как назвать! *(Кричит.)* Шурик! Шурик!

Входит Шурик.

Шурик. Вот он, Шурик!

Ольга Петровна. Беги бегом за Еленой Осиповной. Больной плохо!

Шурик исчезает.

Товарищ Васильева! Это у нее, наверное, опять глубокий обморок. Я бы сама посмотрела, да не смею. Ты держись. Ты крепче держись! И вот что скажу тебе в утешение: всем очень туго приходится! В какую квартиру ни зайди — везде проклятый фашист дел наделал. Моя дочка где? Отрезана. А внучка пяти лет осталась у меня. Она спрашивает: бабушка, это правда или это мне приснилось, что вы когда-то меня уговаривали кушать? Тает моя внучка. Это красиво? У меня от этого весь день мысли так и прыгают, так и прыгают. А я держусь. Вот на пост пойду сейчас. Ты держись! Держись, как все.

Быстро входят Архангельская и Лагутин. Пробуют войти и Оля, Шурик, Нюся.

Архангельская. Соколов, назад! Не входить! Никого не пускать! Закрыть двери!

Ребята исчезают.

Что случилось?

Ольга Петровна. Извиняюсь, товарищ Архангельская, больной очень худо.

Архангельская. Без паники! Больная! Больная, вы меня слышите? А? Уйдите все! И вы, мать, уйдите. Дайте мне спокойно рассмотреть, в чем дело. Прочь, прочь! Пошевеливайтесь!

Все, кроме Архангельской, выходят из-за ширмы.

Ольга Петровна. Идем, голубка, идем. Ничего! Она быстрая. Она разом все там уладит, уладит. Слышишь? Товарищ Васильева!

М а р ф а. Да.

Л а г у т и н. Марфа, Марфа! Ты верь! Еще денек-другой подождем — и разлетится кольцо, и хлынут к нам лучшие люди всей страны, станут нас хвалить, восхищаться. Подойдут к управхозу Иваненкову. Это ничего, скажут они, Паша, что ты крикун, грубиян. И к товарищу Архангельской подойдут: это ничего, что вы всё расстраивались да людей одергивали. Вы сил не жалели, смерти не боялись. И вы, дети, не горюйте. Сейчас мы вами займемся. Вы весело держались, не верили, что умрете. Все вы, товарищи, такие будни перенесли, без всякого праздника, что мы вас... мы вам... Архангельская выходит из-за ширмы.

М а р ф а. Можно к ней?

А р х а н г е л ь с к а я. Не знаю.

Марфа бежит за ширмы. Опускается на колени возле койки.

Ну что? Чего вы, Ольга Петровна, глядите на меня? У бедняги пульс не прощупывается.

О л ь г а П е т р о в н а. Ну, это уж я не знаю, как назвать.

А р х а н г е л ь с к а я. Дыхания я не могу уловить.

О л ь г а П е т р о в н а. Это надо же!

А р х а н г е л ь с к а я. Что я могу сделать? Чем я могу помочь? Я не Бог!

М а р ф а. Не сдавайся, дорогая, очнись, дорогая, я с тобой! Во мне силы много! Пусть наша жизнь на куски разорвалась — я все соберу, все сошью. Я не отдам тебя, не отдам. Очнись, доченька, не сдавайся, доченька! Я тут! Я тут!

Очень явственный вой самолета.

А р х а н г е л ь с к а я. Опять летаешь? Летай, летай! За все ответишь, за все ответишь, за все ответишь, дьявол!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Контора домохозяйства № 263. Около восьми часов утра. Воздушная тревога продолжается. Д а ш а неподвижно лежит на койке за ширмами. М а р ф а сидит возле согнувшись. Но вот она вздрагивает. Встает. Выходит из-за ширмы. Идет покачиваясь, глаза закрыты.

М а р ф а. Сейчас затоплю, сейчас затоплю, милые. Миша! Ваня! Сережа! Вставайте, пора. Дашенька, опоздаешь в техникум, голубка. *(Натыкается на стол. Широко открывает глаза.)* Что же это такое? Я в пути, что ли? *(Оглядывается.)* Ни Миши, ни Вани, ни Сережи, ни Даши. Старик! А старик! Я одна? Степан! *(Закрывает лицо руками.)* Погоди, погоди, не падай, Марфа! А Марфа! Стой, не качайся. Ровненько стой. У тебя дела много. Кто его за тебя переделает? Всю жизнь ты шла. И опять шагай... *(Делает несколько шагов вперед.)* Ой, вот я где. А мне шоссе чудилось, кусты... *(Взглядывает на часы.)* Девятого пять минут. Что вы говорите? *(Трет руками лицо.)* Да проснись же ты, безумная!

Ш у р и к. Здравствуйте, товарищ Васильева.

М а р ф а. Отбой был?

Ш у р и к. Два раза был отбой, но минут через пятнадцать опять начиналась тревога.

М а р ф а. Уже утро?

Ш у р и к. Да. Только на дворе темно еще совсем. Звезды видно.

М а р ф а. Небо чистое?

Ш у р и к. Чистое. Опять, значит, ночь мы спать не будем.

М а р ф а. А подруги твои где?

Ш у р и к. Боятся войти. Меня послали.

М а р ф а. Погоди минуточку. Постой. Я вчера пришла. Так. Потом Даша заболела. Так. А что с ней? Погоди. Мне надо проснуться, да страшно.

Ш у р и к. А вы подождите немного. Елена Осиповна придет. Она за бабами погналась, сейчас освободится.

М а р ф а. Что ты говоришь? Погналась? Зачем?

Ш у р и к. Тут рядом набережную ремонтировали. Бревна лежат. Их Елена Осиповна отбивает у треста для нашего бомбоубежища. Крепление поставить. И вдруг мы видим, пришли какие-то тетки и начинают эти бревна пилить на дрова. Бумажку показывают, что их трест послал. Мы к Елене Осиповне. А Елена Осиповна этих теток так погнала, что они побежали со своими бумажками. А она за ними. Потеха!

М а р ф а. Так... Значит, уже утро. Хорошо...

Вбегает О л ь г а П е т р о в н а. В руках тарелка, чистая салфетка, ложка.

О л ь г а П е т р о в н а. Проснулась, милая? На вот... я тебе принесла.

М а р ф а. Что это?

О л ь г а П е т р о в н а. Я, милая, на еду теперь очень строгая. Ужасно, прямо тиран. Не для себя, для внучки берегу, с ума схожу над каждым куском. Но ты, родная, бери.

М а р ф а. Не нужно.

О л ь г а П е т р о в н а. Садись. Это студень. Скушай, сделай мне одолжение. *(Накрывает на стол)*. Я, товарищ Васильева, очень добра была, гостей любила, разговоры. Кино прямо обожала, если в хорошей компании. Там на экране стреляют, геройствуют, а мы сидим, «Театральную» карамель кушаем и любуемся... Восьмой ряд мой любимый был. Или первый ряд балкона. Вот видишь, я тебе салфеточку постелила чистенькую. Вот это ложечка. А в тарелочке студень. В начале тревоги сбегала, варить его поставила, в середине сняла да за форточку, а к концу тревоги он, голубчик, застыл. Кушай.

М а р ф а. Не могу.

О л ь г а П е т р о в н а. Не стесняйся, родная. Я и горчицу захватила и перец. Перец, родная, два рубля пакетик. А вот и уксус в скляночке. Порадуй меня. Из ножек студень. Я пробовала, его есть можно. Никому бы не дала, а ты, товарищ Васильева, теперь мне как старая

знакомая. Впрочем, что я говорю. Старые знакомые иногда такие стервы бывают. Ты мне ближе. Ты как сестра. За одну ночь я к тебе привязалась, Марфа. Ты не обижайся, что я все говорю. Это потому, что я спросить тебя не смею. Как дочка?

М а р ф а. Что... Дочка!!! *(Кричит.)* Даша! Даша!

Д а ш а. Что, мамочка?

Марфа бежит к дочери. Обнимает ее.

О л ь г а П е т р о в н а *(Шурику)*. Вот видишь, хулиган. Жива она!

Ш у р и к. Чего вы ругаетесь?

О л ь г а П е т р о в н а. То-то! Знал бы, сколько взрослым людям приходится терпеть, так ты бы с нами... Уходи, чего ты тут вертишься!

Ш у р и к. А ну вас!

О л ь г а П е т р о в н а. Уходи, уходи!

Д а ш а. Мамочка, помоги мне, голубчик, встать... *(Садится.)* Ой, какая ты, мамочка, черная!

М а р ф а. Обветрило лицо.

Д а ш а. Я совсем здорова, только слабость сильная.

М а р ф а. Я думала, ты умираешь...

Д а ш а. Прости, голубчик, я тебя измучила. Будь я одна — лежала бы тихонечко, а раз мама здесь — и начала жаловаться, чтобы ты меня жалела. *(Встает.)*

О л ь г а П е т р о в н а. Лежите, лежите!

Д а ш а. Нет, ничего.

Выходит из-за ширмы, Марфа ведет дочь.

Опять ты меня, мамочка, ходить учишь.

О л ь г а П е т р о в н а. Присаживайтесь, присаживайтесь, вот тут, вот тут. И кушайте, пожалуйста, кушайте.

Д а ш а. Нет, спасибо.

О л ь г а П е т р о в н а. Покорнейше прошу вас, кушайте, пока тревога. Ведь едва отбой зазвучит, мне надо посуду помыть и скорей, скорей в магазин, очередь занять. И ты, Марфа, кушай. *(Достает из кармана шубы*

ложку, завернутую в белоснежную салфетку.) Я, признаться, две ложки захватила, да одну не посмела достать сразу. Не знала, как вы, Дашенька... Живы ли... Мы выйдем. А вы поговорите, покушайте. Идем, хулиган, идем миленький, не надо людям мешать, они стесняются. Ну вот, все слава богу, все и славненько...

Быстро уходит, уводит Ш у р и к а.

М а р ф а. Дашенька, я побегу сейчас в Сережину школу. Дай мне, солнышко, адрес его.

Д а ш а. Ты, мамочка, не убивайся только... поздно уже.

М а р ф а. Уехали?

Д а ш а. Вчера в десять... мамочка, знаешь что? Ты покушай... Нельзя иначе...

М а р ф а. Я целый день не ела вчера.

Д а ш а. Я тоже.

Едят.

М а р ф а. Пойду на фронт. Ты наверное знаешь, что он вчера уехал? Ты говорила — может быть, утром уезжают они.

Д а ш а. Нет, мамочка, я наверное знаю. Комиссар сказал... Это я в бреду путала. Я сейчас помню.

М а р ф а. Значит, он сражается уже, наверно, дурачок.

Д а ш а. Наверное, мамочка.

М а р ф а. А мы сидим да едим.

Д а ш а. Теперь, мамочка, еда — очень серьезное дело.

М а р ф а. Такой нескладный, такой странный мальчик.

Д а ш а. Нет.

М а р ф а. Как нет... Без присмотра пропадет. Обидчивый мальчик. Мучить его будут.

Д а ш а. В школе его очень уважали.

М а р ф а. Пойду следом. Ты знаешь, что он по чужим документам убежал?

Д а ш а. Да.

М а р ф а. Нет, не могу. У меня это дело со всех сторон обдумано. Я от войны не прячусь. И все, что могла, отдала. Сама умереть согласна — пусть только укажут мне место, где я могу с пользой умереть. Но он, не обижайся, Дашенька, любимчик мой был. Младший ведь. Уснет он, а я гляжу да плачу. Жалко мне, что он такой большой вырос, такой непонятный. Чего он все помалкивает? О чем с товарищами говорит вполголоса? Почему озабоченный бродит? Отчего мне не скажет, разве я не посочувствовала бы? Я без него не могу, как хочешь. Пойду.

Д а ш а. Я знаю, мамочка, ты найдешь его... Но только...

М а р ф а. Не заступайся! Не надо, милая, отговаривать меня.

Звучит фанфара.

Д а ш а. Отбой.

М а р ф а. Путь свободен, значит, для меня... Голос по радио. Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги!

Фанфары.

Д а ш а. Ты бы хоть отдохнула денек, мамочка!

М а р ф а. Прости, не могу. Ты за меня не беспокойся, я сама знаю. У меня сил много. Я пойду и вернусь. Пригожусь вам всем еще не раз, Дашенька. *(Целует ее.)*

Д а ш а. Мы выйдем вместе.

М а р ф а. Куда ты?

Д а ш а. На завод.

М а р ф а. У тебя бюллетень!

По радио снова спокойно и мерно начинает стучать метроном.

Д а ш а. Мамочка, если бы ты знала, какая у нас сейчас работа. Самая спешная, самая серьезная.

М а р ф а. Ты не дойдешь до завода.

Д а ш а. Дойду, ведь я твоя дочь.

Быстро входит А р х а н г е л ь с к а я.

А р х а н г е л ь с к а я. Руку! Да не пять пальцев, а пульс... Да... Ровный. Пусть только война кончится — пойду на медицинский факультет. У меня сил хватит, черт побери, и на две профессии. Я очень рада. Вы на ногах.

М а р ф а. Спасибо вам.

А р х а н г е л ь с к а я. В санитарной сумке у меня есть и сульфидин, и диуретин, и стрептоцид. Все добыла. Вы зачем встали? Сидите!

Д а ш а. Мне идти надо на завод.

А р х а н г е л ь с к а я. Я запрещаю вам! Черт меня побери! Раз в сто лет видишь результат своей работы, а вы меня хотите лишить этой радости. Я требую, чтобы вы шли ко мне. У меня тепло. Мама ваша посидит возле. Я сбегаю к военному прокурору насчет этих проклятых бревен, вернусь и на рояле вам поиграю... Не хотите?

Д а ш а. Товарищ Архангельская! Вы так горячо работаете в доме. А у меня своя работа. Раз уж я встала на ноги, так уж позвольте вы мне на завод пойти... Иначе невозможно.

А р х а н г е л ь с к а я. Ладно.

М а р ф а. Ну, дочка, в путь...

Вбегают Н ю с я, О л я, Ш у р и к.

О л я. Товарищ Васильева, ваш сын здесь был!

М а р ф а. Кто?

Н ю с я. Сын ваш.

М а р ф а. Где же он? Где?

Ш у р и к. Ушел.

М а р ф а. Почему?

Н ю с я. Мы сами не знаем. Он искал девятую квартиру. Мы проводили. Слышим, он спрашивает-то товарищ Красовскую. Я, говорит, брат ее.

О л я. Тогда мы ему все рассказали.

Н ю с я. Он и говорит: мама здесь? И вдруг повернулся и сбежал по лестнице. И ушел!

М а р ф а. Куда?

Ш у р и к. Прямо по каналу. Быстро пошел.

М а р ф а. От меня убегает... В чем же я виновата? Я ведь для него все... Даша! Зачем? Что же это такое?

Д а ш а. Он, мамочка, не по злобе.

М а р ф а. Я понимаю. Но ведь я столько времени шла, думала, что я ему скажу, что он мне скажет... Верните его...

Ш у р и к. Сейчас.

М а р ф а. Постой, не надо.

Ш у р и к. Мне нетрудно.

М а р ф а. Нет, нет, не надо!

Дверь распахивается. На пороге останавливается высокий, очень крепкий молодой п а р е н ь в в о е н н о й ф о р м е.

Сережа!

С е р е ж а *(хмуро)*. Здравствуй!

М а р ф а. Ну, входи! входи!

А р х а н г е л ь с к а я. Ребята! Вы нужны мне. Марш, марш, марш, ребята.

Быстро уходит. Ш у р и к, О л я, Н ю с я следом.

М а р ф а. Сережа, я ведь за тобой пришла.

С е р е ж а. Да брось, мама.

М а р ф а. Сереженька, подумай... Я теперь одна... Погоди. Как нарочно, в голове только шум, когда все решается... Смотри, вот я руку поранила, когда дома забор чинила. Помочь некому. Не в этом дело... Не в этом! Я сама справлюсь. Опустело очень в квартире теперь, вот в чем горе. Прошу тебя, идем домой.

С е р е ж а. Да оставь, мама.

М а р ф а. Ты мальчик совсем. Мальчуган. Ты не знаешь, за что взялся...

С е р е ж а. Да ну еще...

М а р ф а. У тебя и слов-то настоящих нет… А там машины, хуже всяких зверей… Там такое дело делается, серьезнее которого нет на свете… Я видела!

С е р е ж а. Да брось, мама.

М а р ф а. Погоди… Я сейчас соберусь с мыслями и скажу все… Постой, постой. Помолчи.

Г о л о с п о р а д и о. Внимание! Говорит городская трансляционная сеть. Слушайте концерт. В программе марши советских композиторов. Исполняет оркестр радиокомитета под управлением дирижера Иванова.

М а р ф а. Сережа!

По радио гремит марш.

Всю ночь, пока не задремала я тут возле Дашиной койки, всю ночь думала я: вдруг сегодня война кончится? Не кончилась она. Сынок! Не оставляй меня!

С е р е ж а. Перестань, мама!

М а р ф а. Неужели для матери родной нет у тебя других слов? Брось, да оставь, да перестань — только и всего?

Сережа молчит.

Д а ш а. Сережа!

С е р е ж а. Ну что, ну что вы от меня хотите, товарищи? Ну, не умею я разговаривать, не умею! Мама, ты думаешь, я не рад был тебя увидеть? Очень рад! Когда узнал, что ты здесь, я было убежал, но вернулся. Ты только не плачь!

М а р ф а. Не буду.

С е р е ж а. Не плачь, пожалуйста. Я так и знал, что стану перед тобою столбом, дурак дураком, грубияном… Такой уж у меня характер, вот Даша знает. Но все-таки вот я пришел, мама. Не умею я говорить, ну как бы это сказать… О чувствах я не умею говорить. Мы грубоватые ребята. Вся наша компания такая. Но раз я вернулся повидаться с тобой — я все скажу… Мама, ты слушаешь?

М а р ф а. Говори, сынок.

С е р е ж а. Мама, ты потерпи. Я должен был уйти воевать. Я не могу дома оставаться, не могу. Когда у Валабуевых сына ранили, мне стыдно было мимо их сада пройти, в глаза им взглянуть... Когда Петька Флигельман уезжал на фронт, я не пошел на станцию его провожать... Ты пойми, мама. Я сам не знал, что мне делать... О чем ни услышу — мне кажется, это я во всем виноват, потому что дома сижу...

М а р ф а. Ох, сынок, сынок!

С е р е ж а. Поехали мы окопы рыть. Хорошо. Роем. И вот вечером видим: выходит из лесу старик с маленькой девочкой на руках. Он через фронт бежал с внучкой от фашистов. Он говорит, а девочка молчит, смотрит на нас, не понимает, за что это ее вдруг стали так терзать. Жила, жила — и вот ни отца у нее, ни матери, никого... Ну, словом, чего уж тут говорить! Ночью взял я документы у Бориса Ефремыча и ушел. Я знал, мама, что на серьезное дело решился. Но не могу я иначе поступить. Если не разбить фашистов, то это будет не жизнь, а скотство... Ты будь спокойна, я не пропаду. Я парень здоровый. И подраться я не дурак. Ты потерпи, я должен идти.

Д а ш а. Вот видишь, мама? Разве я с ним не говорила? Ничего тут не поделаешь. Как видно, мама, все нам надо отдать, тогда мы опять заживем вместе, еще лучше, чем жили.

Г о ло с. Верно, верно, дочка!

М а р ф а. Кто это?

Из-за печки выходит Л а г у т и н.

Л а г у т и н. Простите... Уснул я тут за печкой. Музыка разбудила меня. Хочу я вам сказать, да не смею... Слова у меня старинные, книжные. Марфа! Ты слушаешь меня?

М а р ф а. Слушаю.

Л а г у т и н. Марфа. Иные люди на мир глядят так, будто он им раб или слуга. Погибнут они позорною смертью. Другие же болеют за мир душою — их будет

царствие во веки веков. Верую — не напрасно мучаемся мы все, у кого совесть есть. Будет, будет праздник! Новый мир народится. Простите, ночь не спал, сам не знаю, что бормочу... Но будет, будет праздник! Пусть не сегодня, не завтра, но разорвется кольцо, но нет врагу спасенья! Он уже умер! Умер!

Вбегает Ольга Петровна.

Ольга Петровна. А я уже за хлебом отстояла, сейчас на всякий случай в гастроном побегу постою. Ах! Да ведь это и есть твой сын, Марфа? Здравствуйте, Сергей Степанович!

Сережа. Здравствуйте.

Ольга Петровна. Да какие же вы рослые, да какие же вы славные. Уходите с мамой? Нет? Сразу видно, что нет. Уезжаете сражаться за нас? Сразу видно. А мы дома останемся скучать.

Глухой удар.

Вот и артобстрел начался. Поговорила бы я с вами, да в очередь нужно. *(Собирает посуду.)* Внучка у меня возле бомбоубежища бегает, воздухом дышит, ждет, пока бабушка с охоты придет... До свидания, Марфа, голубушка, сестрица. До свидания, дочка. До свидания, сынок. *(Убегает.)*

Вопль за сценой: «Составлю на вас акт, дьяволы!»

Лагутин. Вот и управхоз идет.

Вбегает Иваненков.

Иваненков. Гады чертовы! Паразиты! Сложили в бомбоубежище печку из старых кирпичей, теперь там не продохнуть. Захар, ты монтер или кто?

Лагутин. Монтер.

Иваненков. А если монтер, то должен о лимитах помнить. На дворе уже светло, у него все лампочки горят. *(Открывает занавесы на окнах. Гасит электричество.)* Ну, мамаша, говорят, к тебе сын пришел?

М а р ф а. Да, вот он стоит.

Голос Архангельской за сценой: «Товарищ Иваненков!»

И в а н е н к о в. Эх, поговорил бы я с вами, да надо шагать лес отбивать. Когда едете на фронт, товарищ?

С е р е ж а. Сейчас.

М а р ф а. Сейчас?

И в а н е н к о в. Эх, поговорил бы я с тобой! Я ведь сам старый партизан. После Гражданской двух ребер не имею. Помню, наступали мы…

Входит А р х а н г е л ь с к а я.

А р х а н г е л ь с к а я. Товарищ Иваненков, вам известно, что такое — время?

И в а н е н к о в. Иду, иду.

А р х а н г е л ь с к а я. До свидания, товарищ Васильева. Дочку нашли, сына нашли. Какие у вас планы?

М а р ф а. Останусь здесь.

А р х а н г е л ь с к а я. Отлично. *(Даше.)* Дайте пульс! *(Считает.)*

И в а н е н к о в *(Марфе, понизив голос)*. Поди-ка сюда, мать. Могу тебе открыться. Ты человек свой. У нас декабрь на дворе? Так. Но и в январе, а возможно, что и дальше сурово будет идти жизнь в условиях осажденного города. У тебя есть обратный пропуск через фронт. Иди домой в Ореховец. Зачем тебе надрываться?

М а р ф а. Мне и тут найдется дело.

А р х а н г е л ь с к а я. Что вы говорите?

М а р ф а. Говорю, мне и здесь найдется дело.

А р х а н г е л ь с к а я. Правильно. Приспособим.

И в а н е н к о в. Где будешь жить, товарищ Васильева?

Д а ш а. У меня, у меня.

Тогда сегодня же сдай документы для временной прописки, согласно приказу Комитета обороны города.

А р х а н г е л ь с к а я. Живите тут, товарищ Васильева! Мы рады вам… У нас коллектив неплохой. Не все, конечно, жильцы хороши, но суровые условия, в общем,

как-то их изменили... А может быть, и не изменили, а просто они теперь заслуживают более мягкого отношения, если их, конечно, подтягивать.

Глухой удар значительно ближе. Звякнули стекла.

Идем.

Иваненков. Идем, товарищ Архангельская, идем под боевой марш. Ой, худо сейчас будет заву планового отдела треста!

Архангельская. Без зубоскальства, пожалуйста! До свидания.

Иваненков. Бодрей, бодрей, братцы!

Уходят.

Марфа. Тебе когда отправляться, сынок?

Сережа. Начальник за мной заедет на машине.

Марфа. Скоро?

Сережа. С минуты на минуту.

Вбегают Шурик, Нюся, Оля.

Нюся. Товарищ Васильева, простите!

Шурик. Нам надо уходить. Мы хотели вам сказать что-то.

Оля. Нам говорил сейчас Иваненков, что вы остаетесь у нас жить.

Марфа. Остаюсь, да.

Нюся. Товарищ Васильева! Мы всю ночь подслушивали тут под дверью, как разговаривали вы со своей дочкой. Мы на тот случай, если надо будет сбегать куда-нибудь ночью.

Оля. И вот мы пришли сказать: знакомых у вас-тут мало. Если что нужно, говорите прямо нам. Считайте, что мы свои.

Нюся. Мы говорили ночью: кое-кто в наше время одичал от страху, на своих бросается, а кое-кто поумнел.

Шурик. Короче говоря, если будет какая-нибудь работка — пожалуйста, прямо к нам. В очередь или куда-

нибудь сбегать. Крикните: «Шурик!», а я вам сразу: «Вот он Шурик!»

Н ю с я. А сейчас мы в школу идем.

О л я. Ходят слухи, что сегодня будут занятия.

Ш у р и к. И завтрак горячий в школе дадут.

Н ю с я. Замолчи, идиот! До свидания, товарищ Васильева!

Ш у р и к. До свидания, до свидания все, Даша.

Уходят. Музыка обрывается. Метроном снова начинает стучать неторопливо, мерно.

М а р ф а. Начальник за тобой сюда зайдет?

С е р е ж а. Нет. С переулка даст сигнал автомобильным гудком.

М а р ф а. Присядем перед отъездом.

Все садятся.

Ну что же, сынок! Отпускаю тебя, как отпустила старших братьев. Вернись здоров. *(Достает из сумки сверток.)* Здесь свитер. Теплое белье. Только не могла я его чужой фамилией метить! Всюду метку поставила: Сергей Васильев. Грустно мне, что ты уходишь на такое серьезное дело под чужим именем, как будто украдкой.

С е р е ж а. Я под своей фамилией еду на фронт.

М а р ф а. Под своей?

С е р е ж а. Ага. Во всем признался в школе. Буза была. В Москву писали. Только сегодня ночью пришел ответ. Поэтому и задержался я.

М а р ф а. Простили?

С е р е ж а. Разрешили как отличнику учебы.

Пауза. Неясный шум за сценой.

М а р ф а. Это не тебя вызывают?

С е р е ж а. Нет, не такой гудок.

Д а ш а. Мама, а в квартире у нас кто?

М а р ф а. Павловна, старуха. Она за всем присмотрит.

С е р е ж а. Цыган скучал без меня?

М а р ф а. Целыми ночами выл. Ничего, сынок, ничего. У меня сил много. Все будет славно. Все соберемся.

Д а ш а. Ты пиши каждый день.

С е р е ж а. Ладно.

Пауза.

М а р ф а. Вот и разойдемся в разные стороны. Сережа на фронт, Даша на работу, а я по дому хлопотать, чтобы легче была жизнь.

Л а г у т и н. Ничего. Ничего, Марфа. Будет, будет праздник. Доживем мы до радости. А если не доживем, умрем — пусть забудут, пусть простят неумелость, нескладность, суетность нашу. А пусть приласкают, пусть похвалят за силу, за терпение, за веру, за твердость, за верность.

Занавес

ДВА КЛЕНА

Сказка в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василиса-работница.

Федор,
Егорушка,
Иванушка. — её сыновья.

Баба-яга.

Медведь.

Котофей Иванович.

Шарик.

Мыши.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Два молодых клена стоят рядышком на лесной поляне. Тихий ясный день. Но вот проносится ветерок, и правый клен вздрагивает, словно проснувшись. Макушка его клонится к левому деревцу. Раздается шорох, шепот, и клен говорит по-человечески.

П е р в ы й к л е н. Братец, братец Федя! Ветерок подул. Проснись!

В т о р о й к л е н. Тише, тише, Егорушка, я маму во сне вижу.

Е г о р у ш к а. Спроси, ищет нас мама?

Ф е д о р. Говорит, ищет.

Е г о р у ш к а. Спроси, простила нас мама за то, что мы из дому убежали?

Ф е д о р. Говорит, простила.

Е г о р у ш к а. Спроси, знает ли она, что Баба-яга превратила нас в клены?

Ф е д о р. Говорит: ну что ж, мало ли что в дороге случается.

Е г о р у ш к а. Спроси, долго ли нам тут еще томиться?

Ф е д о р. Мама, мама! Долго нам тут еще томиться? Мама! Пропала! Я проснулся. Здравствуй, братец.

Е г о р у ш к а. Здравствуй. Не плачь, ты не маленький.

Ф е д о р. Я не плачу. Это роса.

Е г о р у ш к а. В такой ясный день разве можно плакать? Каждая травка радуется, каждая ветка, и ты радуйся.

Ф е д о р. Я радуюсь. Я верю: вот-вот придет наша мама, и мы услышим ее зов: Фед-о-о-ор! Его-о-о-рушка!

Г о л о с. Фед-о-о-ор! Его-о-о-орушка!

Е г о р у ш к а. Эхо?

Ф е д о р. Что ты, что ты! Забыл, как хитра Баба-яга? Никто нас с тобой не слышит: ни люди, ни птицы, ни звери, ни вода, ни ветер, ни трава, ни деревья, ни само эхо.

Г о л о с. Егорушка-а-а-а! Феденька-а-а!

Ф е д о р. Молчи, не отвечай, это Баба-яга нас дразнит, хочет до слез довести. Она под любой голос подделывается.

Г о л о с *(совсем близко)*. Егорушка, сынок! Феденька, родной! Это мама вас по всему свету ищет, а найти не может.

Ф е д о р. Она! Баба-яга как ни ловка, а не может звать нас так ласково. Мама, мама! Вот мы тут стоим, ветками машем!

Е г о р у ш к а. Листьями шелестим.

Ф е д о р. Мама! Мама!

Е г о р у ш к а. Уходит!

Ф е д о р. Нет, стоит, оглядывается. Не может она уйти.

Е г о р у ш к а. Повернула! К нам, к нам спешит!

На поляну выходит высокая крепкая ж е н щ и н а л е т с о р о к а, за плечами мешок, на поясе — меч. Это Василиса-работница.

Ф е д о р. Мама, мама! Да какая же ты печальная!

Е г о р у ш к а. А волосы-то серебряные.

Ф е д о р. А глаза-то добрые.

Е г о р у ш к а. А у пояса отцовский меч.

В а с и л и с а. Дети мои, дети, бедные мои мальчики. Два года я шла без отдыха, а сейчас так и тянет отдохнуть, будто я вас уже и нашла.

Ф е д о р. Мы тут, мама!

Е г о р у ш к а. Мама, не уходи!

В а с и л и с а. Клены шумят так ласково, так утешительно, что я и в самом деле отдохну. *(Снимает мешок,*

садится на камень.) Кто это там по лесу бродит среди лета в шубе? Эй, живая душа, отзовись!

Ф е д о р. Мама, не надо!

Е г о р у ш к а. Это Бабы-яги цепной медведь.

В а с и л и с а. Ау, живая душа! Поди-ка сюда.

М е д в е д ь с ревом выбегает на поляну.

М е д в е д ь. Кто меня, зверя лютого, зовет? Ох, натворю сейчас бед, небу жарко станет. *(Видит Василису, останавливается как вкопанный.)* Ох, беда какая! Зачем ты, сирота, пришла? Я только тем и утешаюсь, что никто сюда не забредает, никого грызть, кусать не приходится. Мне это не по душе, я, сирота, добрый.

В а с и л и с а. Ну а добрый, так и не трогай меня.

М е д в е д ь. Никак нельзя. Я с тем к Бабе-яге нанялся.

В а с и л и с а. Как же тебя, беднягу, угораздило?

М е д в е д ь. По простоте. Собака и кот жили-жили у хозяина, да и состарились. Дело житейское, со всяким может случиться. А хозяин их возьми да и рассчитай. Гляжу — бродят, есть просят. Что тут делать? Кормил, кормил, да разве на троих напасешься? Взял у Бабы-яги пуд пшена в долг. А она меня за это в кабалу на год, в цепные медведи.

В а с и л и с а. А где же цепь-то?

М е д в е д ь. Срываюсь все. Уж больно я силен.

В а с и л и с а. И долго тебе еще служить?

М е д в е д ь. Третий год на исходе, а она все не отпускает. Как придет время расчет брать, она меня запутает, со счету собьет — я служи опять. Прямо беда!

В а с и л и с а. Бедный Михайло Потапыч!

М е д в е д ь. Не жалей ты меня, а жалей себя, сироту. *(Ревет.)* Пропадешь ни за грош! Я-то не трону, Баба-яга погубит.

В а с и л и с а. Не плачь, Мишенька. Я тебя медом угощу.

М е д в е д ь. Не надо. Разве меня утешишь, когда я так загоревал. А какой мед у тебя?

В а с и л и с а *(достает из мешка горшок)*. Гляди!

М е д в е д ь. Липовый. Ну давай, может, мне и в самом деле полегчает. Да ты его весь давай, все равно тебе, сироте, пропадать.

В а с и л и с а. Нельзя, Мишенька. Сыновьям несу гостинец.

М е д в е д ь. А где ж они у тебя?

В а с и л и с а. Пропали, Михайло Потапыч.

М е д в е д ь. Ох, горе какое! Да как же это? Да почему же это? Да когда же это?

В а с и л и с а. Ты кушай да слушай, а я расскажу тебе все по порядку. Муж мой был воин, Данила-богатырь. Ты о Змее Горыныче слыхал?

М е д в е д ь. Как не слыхать! Он деда моего, мимолетом, для смеха, взял да и опалил огнем.

В а с и л и с а. А мой Данила-богатырь Змея Горыныча убил, да и сам в том бою голову сложил. Стали мы жить вчетвером: я да три сына — Федор, Егорушка, Иванушка. Исполнилось Федору тринадцать лет, и пошел он стадо встречать. А козел у нас был строгий, что твой дикий. Встал он на дыбки — и на Федю. А Федя его за рога — да и оземь. Возвращается сын домой: так и так, мама, я — богатырь. Я ему: опомнись, мальчик! Какой же ты богатырь — ни силы, ни умения, ни грамотности. Злодей твои годы считать не станет, а только порадуется твоей слабости. Коня без моей помощи ты подковать не сумеешь. Выедешь на распутье, а там камень, а на камне надпись — что ждет путника на тех путях. Богатырь должен на всем скаку, не слезая с коня, прочесть надпись и выбрать правильный путь. И здесь ты, сынок, ошибешься. Погоди! Придет твое время — сама тебя отпущу. Молчит. И ночью сбежал.

М е д в е д ь. Ох! Куда?

В а с и л и с а. Со злодеями сражаться, за обиженных заступаться.

М е д в е д ь. Это славно.

В а с и л и с а. Чего уж лучше. Да только наутро принесли прохожие его меч. Перевязь перетерлась, а богатырь и не заметил. А через три дня и конь богатырский прискакал. Обидел его хозяин. Не чистил, не купал, овса не засыпал.

Ф е д о р. Я, мама, только об одном думал: как бы с кем подраться.

В а с и л и с а. А сын так и не вернулся домой.

М е д в е д ь. Ох!

В а с и л и с а. Прошло три года — исполнилось Егорушке тринадцать лет. И напал на него бык. А Егорушка его за нос — да и на цепь. Приходит ко мне: так и так, мама, я — богатырь. А ночью сбежал. А через сорок дней прибежал домой его конь. Стремена звенят, а в седле никого. Глянул на меня конь, заплакал и грянулся на землю. И дух из него вон.

Е г о р у ш к а. Он видел, что со мной сталось.

В а с и л и с а. Как тут быть? Оставила я хозяйство на Иванушку, хоть ему только десять лет, и отправилась на поиски.

М е д в е д ь. И давно ты медвежат своих ищешь?

В а с и л и с а. Третий год на исходе.

М е д в е д ь. Ох, горе, горе! Встретишь и не узнаешь.

В а с и л и с а. Узнаю. Кто из дому без толку сбежал — не растет и не умнеет. Им все по тринадцати лет.

Ф е д о р. Это верно, мама.

Е г о р у ш к а. Мы с Федором теперь ровесники.

В а с и л и с а. И привели меня поиски в этот темный лес. Не слыхал ли ты, Мишенька, где мои детки?

М е д в е д ь. Молчи, не расспрашивай, а то, как тот конь, я грянусь оземь и помру с горя. Мне тебя жалко, а помочь не могу.

Ф е д о р. Это верно.

Е г о р у ш к а. Он и не видал, как мы превратилися в клены.

В а с и л и с а. Что ж, придется Бабу-ягу расспросить. Веди меня к ней!

М е д в е д ь. Ее дома нет. Раньше вечера не вернется.

В а с и л и с а. А где ее дом?

М е д в е д ь. А ее дом — избушка на курьих ножках, сегодня здесь, а когда и там. Известно, куры. Им бы только бродить да в земле копаться.

В а с и л и с а. Пойдем поищем избушку. Не там ли мои мальчики спрятаны?

М е д в е д ь. А зачем искать? Сама придет. Цып, цып, цып!

Шум, треск, кудахтанье. Из чащи выходит избушка. На каждом ее углу по две курьих ножки. Василиса подходит к избе.

В а с и л и с а. Смело живете, не опасаетесь. На двери замка нет?

М е д в е д ь. Нет. Баба-яга на курьи ножки надеется. Они чужого забрыкают.

В а с и л и с а. Строгие?

Подходит к избе. Курьи ножки брыкаются.

А что, если к ним с лаской подойти?

М е д в е д ь. Попробуй. Они этого отроду не видывали.

В а с и л и с а. Куры мои, курочки, двору вы украшение, а хозяевам утешение. Слушайте, какую песенку я про вас сложила. *(Поет.)*

Ой вы, курочки мои,
Куры рябенькие!
Кто ни глянет —
Смирно станет,
Залюбуется.

Не орлицы ли,
Не жар-птицы ли,
Не царицы ли заморские
В курятнике живут?

Очи кругленькие,
Крылья крепенькие,
Когда по двору идут,
Словно по морю плывут.

Расступайся, народ:
Куры вышли из ворот,
Наши куры-государыни,
Хохлатушки!

Под песню эту курьи ножки сначала переминаются, а потом пускаются в пляс. Кончив петь, Василиса подходит к избушке. Ножки стоят смирно.

Вот так-то лучше!

Распахивается дверь. За дверью в кресле сидит Б а б а - я г а.

М е д в е д ь. Баба-яга! Откуда ты взялась, злодейка?

Б а б а - я г а. Молчать, а то проглочу! Цепному псу полагается радоваться, увидевши хозяйку, а ты ругаешься. *(Прыгает на землю. Избе.)* Ступай прочь!

Изба уходит.

Здравствуй, Василиса-работница. Давно тебя жду.

В а с и л и с а. Ждешь?

Б а б а - я г а. Давно жду. Я очень ловко приспособилась ловить вас, людишек. Я, Баба-яга, умница, ласточка, касаточка, старушка-вострушка!

В а с и л и с а. А ты себя, видно, любишь?

Б а б а - я г а. Мало сказать — люблю, я в себе, голубке, души не чаю. Тем и сильна. Вы, людишки, любите друг дружку, а я, ненаглядная, только себя самое. У вас тысячи забот — о друзьях да близких, а я только о себе, лапушке, и беспокоюсь. Вот и беру верх. *(Смотрится в зеркало.)* Золото мое! Чего тебе, старушке-попрыгушке, хочется? Чайку или водицы? Пожалуй что водицы. Из колодца или из болотца? Пожалуй, из болотца, она тиной пахнет. Василиса, беги на болотце, принеси воды ведерко.

В а с и л и с а. Я тебе не слуга.

Б а б а - я г а. Послужишь мне, послужишь! Я очень хорошо умею ловить вас, людишек. Поймаешь одного человечка на крючок — сейчас же и другие следом потянутся. На выручку. Брат за братом, мать за сыном, друг за другом. Ты, говорят, на все руки мастерица?

В а с и л и с а. Пока трех сыновей вырастила — всему научилась.

Б а б а - я г а. Такую работницу мне и надо. Хочешь ребят своих спасти и домой увести — поступай ко мне на службу. Служи мне, пока я тебя не похвалю. А похвалю — забирай ты своих детенышей, да и ступай на все четыре стороны.

М е д в е д ь. Не нанимайся! От нее доброго слова не дождешься. Она только себя и хвалит.

Б а б а - я г а. Молчи, ты не понимаешь меня!

М е д в е д ь. Очень хорошо понимаю.

Б а б а - я г а. Нет! Меня тот понимает, кто мною восхищается. Отвечай, Василиса, — согласна? Делай, что приказано, старайся, и если я хоть единый разик работу твою похвалю, ха-ха, то вольная воля твоим сыновьям. Вот я что придумала, мушка-веселушка.

В а с и л и с а. Работа меня от всех бед спасала. Возьмусь! Авось и похвалишь, не удержишься. Но только покажи мне сыновей. Тут ли они. Не обманываешь ли.

Б а б а - я г а. Показать не покажу. Уж очень они у меня надежно заперты. А услышать ты их услышишь. По моему велению, по моему хотению, поговорите сыновья с матерью. *(Дует изо всех сил.)*

Клены шелестят.

Ф е д о р. Мама, мама, не оставляй нас!

Е г о р у ш к а. Мама, хоть мы и большие, а плохо нам, как маленьким.

В а с и л и с а. Федор, Егорушка! Где вы?

Б а б а - я г а. Молчать, не отвечать! Поговорили — и довольно.

Перестает дуть. Клены умолкают.

Василиса, остаешься?

В а с и л и с а. Остаюсь!

Б а б а - я г а. Этого-то мне и надо. Прощай, служанка! Некогда мне дома сидеть, с бабами разговаривать. Меня в тысячи мест ждут. Того ограбь, того побей, того накажи ни за что ни про что! Всем я, злодеечка, нужна! Прощай!

В а с и л и с а. Прощай, Баба-яга!

Б а б а - я г а исчезает с шумом и свистом и тотчас же появляется как из-под земли.

Б а б а - я г а. Ты тут дом прибери без меня так, чтобы любо-дорого было смотреть.

В а с и л и с а. Будь покойна, приберу.

Б а б а - я г а. Прощай, Василиса! *(С шумом и свистом исчезает и тотчас же появляется.)* Мало я тебе дала работы. Избалуешься. Я тут за триста лет зарыла в трехстах местах, да и забыла, триста кладов. Ты их все найди, сочти, да гляди у меня, чтобы и грошик не пропал. Прощай!

В а с и л и с а. Прощай, Баба-яга!

Б а б а - я г а исчезает и тотчас же возвращается.

Б а б а - я г а. Мало я тебе работы дала. Разленишься. Хранились у меня в амбаре триста пудов ржи да триста пшеницы. Мыши прогрызли метки, рожь и пшеница перемешались. Ты их разбери да на муку перемели. Чтобы к моему возвращению была я, мушка, и золотом и хлебом богата. Тогда я тебя и похвалю. Прощай.

В а с и л и с а. Прощай, Баба-яга! Когда ждать тебя домой?

Б а б а - я г а. А завтра к вечеру. Ха-ха-ха!

М е д в е д ь. Да разве она успеет все дела переделать? Совести у тебя нет!

Баба-яга. Правильно, Миша, и нет, и не было. Ха-ха-ха! *(С шумом, свистом, пламенем и дымом исчезает.)*

Медведь. Полетела... Вон верхушки деревьев гнутся. Что ж делать-то будем? Плакать?

Василиса. Кот и собака, которых ты приютил, помогут. Идем к ним.

Медведь. Зачем идти, они сами придут. *(Зовет.)* Шарик, Шарик! Ко мне бегом! Дело есть! Шарик! И вы, Котофей Иванович, пожалуйте сюда. С котом вежливо приходится разговаривать, а то заупрямится. Что такое кис-кис-кис, даже и не понимает.

Василиса. Какой строгий!

Медведь. Шарик! Где ты? Котофей Иванович! Пожалуйте сюда.

Вбегает Шарик, пожилой, но крупный и сильный пес, взъерошенный, в репьях. Носится по поляне кругами.

Шарик. Кто за кустом шуршит? Не смей на нашей земле шуршать! Эй, ты, синица! Не смей на Михаила Потапыча глядеть! Он мой хозяин. А это кто за пнем? Не сметь по нашей поляне ползать!

Медведь. Поди сюда, Шарик, дело есть.

Шарик. Нельзя, Михайло Потапыч. Должен я хоть немножко посторожить, таков обычай. Гау, гау, гау! Ну, вот и все. Здравствуй, хозяин! Как ты хорош, не наглядеться! Как ты пригож, не налюбоваться! Р-р-р-р! А это кто? Р-р-р!

Медведь. Хорошая женщина, Василиса-работница.

Шарик. Р-р-р-р! Прости, хорошая женщина, что рычу, а иначе нельзя, обычай таков. Р-р-р-р! Ну, вот и все. Здравствуй, Василиса-работница.

Василиса. Здравствуй, Шарик.

Медведь. Что Василиса-работница прикажет, то и делай.

Шарик. Слушаю, Михайло Потапыч.

Василиса. Зарыла Баба-яга в трехстах местах триста кладов. Если я их найду, Баба-яга вернет мне моих сыновей. Помоги нам, у тебя чутье посильней нашего.

Ш а р и к. Это славно! Охота не охота, а похоже. Носом в землю и по лесу. Гау, гау!

В а с и л и с а. Погоди, погоди, на поиски мы ночью пойдем, а пока ты броди да сторожи. Как бы не вернулась Баба-яга, не помешала работать.

Ш а р и к. И это славно.

В а с и л и с а. А где же Котофей Иванович?

Г о л о с. А я уже давно тут за дубом стою.

В а с и л и с а. Что же ты к нам не идешь?

Г о л о с. Разумный кот, перед тем как войти, три раза оглянется.

Из-за дерева появляется не спеша большой пушистый к о т.

В а с и л и с а. Хорош. Да ты, никак, сибирский?

К о т о ф е й И в а н о в и ч. Это как сказать...

В а с и л и с а. Кот Баюн, великан и сказочник, тебе не родственник?

К о т о ф е й. А что?

В а с и л и с а. Да ничего, просто так.

К о т о ф е й. Прадедушка.

В а с и л и с а. Значит, ты мастер и мышей ловить, и сказки говорить?

К о т о ф е й. А что?

В а с и л и с а. Да ничего, так просто.

К о т о ф е й. Мастер.

В а с и л и с а. А не можешь ли ты со всего леса мышей в амбар согнать?

К о т о ф е й. Не могу!

М е д в е д ь. Котофей Иванович! Хорошо ли человеку отказывать?

К о т о ф е й. Разумный кот только с третьего раза слушается, таков наш обычай. Не загоню я мышей в амбар, не загоню, а впрочем, будь по-твоему.

В а с и л и с а. А как сгонишь ты мышей в амбар, прикажи им рожь от пшеницы отобрать. Ладно?

К о т о ф е й. Нет, не ладно, не ладно. Ну, так уж и быть, ладно.

В а с и л и с а. А пока они разбирают, рассказывай им сказки, да посмешней, чтобы они всё хохотали, а зерно не грызли.

К о т о ф е й. Мышам сказки рассказывать? Ну, это уж нет! Это уж ни за что! А впрочем, ладно, так уж и быть.

В а с и л и с а. Мы этим ночью займемся, а пока слушай, не шныряет ли вокруг Баба-яга.

К о т о ф е й. Слушать могу. От этого мы, коты, никогда не отказываемся.

В а с и л и с а. Оставлю вас обоих тут полными хозяевами, а мы с Михаилом Потапычем поедем лес для ветряной мельницы валить. Цып, цып, цып!

Входит изба на курьих ножках.

Садись, Михайло Потапыч!

Усаживаются рядышком в избе.

Кыш вперед!

Изба уносится прочь галопом, увозит Василису и медведя.

Ш а р и к. Воу, воу! Возьмите и меня с собой.

К о т о ф е й. На место!

Ш а р и к. До чего ж я не люблю, когда меня хозяева не берут, просто жить не хочется!

К о т о ф е й. На место!

Ш а р и к. Не кричи на меня! Ты не человек!

К о т о ф е й. Слышал, я за хозяина остаюсь!

Ш а р и к. И я тоже, и я тоже!

К о т о ф е й. Хорош хозяин, чуть не убежал, бросивши дела.

Ш а р и к. Так ведь не убежал все-таки. Остался! Ладно уж, не смотри на меня так сердито, — до чего же я не люблю, когда на меня друзья сердятся! Котофей Иванович, дай лапку!

К о т о ф е й. Отойди, любезный, от тебя псиной пахнет.

Ш а р и к. Это к дождю.

К о т о ф е й. Какой там дождь, вылизываться надо!

Ш а р и к. Нет у нас такого обычая — вылизываться по сто раз в день. Я...

К о т о ф е й. Тише! Идет кто-то!

Ш а р и к. С какой стороны?

К о т о ф е й. Из лесу.

Ш а р и к *(принюхивается)*. Человек идет. Что-то уж больно он грозен!

К о т о ф е й. Кричит, ногами топает.

Ш а р и к. Придется его укусить.

К о т о ф е й. Сначала разглядим, что это за чудище. А ну, прячься в кусты!

Скрываются.
Веселый голос поет во всю силу:

Я Иван-великан!
Я Иван-великан!

На поляну выходит м а л ь ч и к лет тринадцати, небольшого роста. Продолжает петь.

М а л ь ч и к

Я Иванушка,
Великанушка!
Я путем-дорогою
Никого не трогаю,
Не буяню, не свищу,
Все я матушку ищу.
Со мной она простилася —
Домой не воротилася,
Ушла моя родимая
В леса непроходимые!
Я Иван-великан,
Я Иван-великан,
Я Иванище,
Великанище!

Е г о р у ш к а *(полушепотом)*. Иванушка, беги прочь, а то деревцем станешь!

Ф е д о р *(полушепотом)*. Не услышит! Ветер очень слаб. А и услышит, так не поймет.

И в а н у ш к а. Кто в кустах шевелится, выходи.

Ш а р и к *(из кустов)*. Р-р-р!

И в а н у ш к а *(радостно)*. Собака! Вот счастье-то! Поди сюда, песик! Тебя как зовут?

Ш а р и к. Р-р-р! Шарик!

И в а н у ш к а. Да ты покажись, не бойся! Я так рад, что ты и не поверишь. Целый месяц по такой глуши иду, что никого, кроме волков, и не встречал. А с волками не разговоришься. Как увидят, так в сторону.

К о т о ф е й. Зимой они с тобой поговорили бы.

И в а н у ш к а. Еще и зимы ждать! Котик! Покажись! Я вижу, как у тебя в кустах глаза горят. Вот радость-то! Шарик, Шарик! Сюда!

Ш а р и к *(выходит из кустов)*. Ах, Иванушка, Иванушка, зачем ты увязался без спросу за своей матушкой! Выдерут тебя!

И в а н у ш к а. Что ты, что ты! Богатырей не дерут, а я теперь богатырь.

К о т о ф е й. Это кто же тебе сказал?

И в а н у ш к а. Я сам догадался!

К о т о ф е й. Богатыри словно бы ростом покрупнее.

И в а н у ш к а. Не в росте сила, а в храбрости. Жил я, жил и вдруг вижу: того я не боюсь, сего не боюсь — значит, стал богатырем.

К о т о ф е й выходит из кустов.

Ох ты, какой красавец!

Ш а р и к. А я? А я?

И в а н у ш к а *(коту)*. Дай-ка я тебя поглажу.

Ш а р и к. А меня, а меня?

И в а н у ш к а. И тебя тоже. Котик-красавец! Шарик-умница! Не встречалась ли вам моя мама? Зовут ее Василиса-работница. Что же ты, котик, перестал мурлыкать?

К о т о ф е й. Меня зовут Котофей Иванович.

И в а н у ш к а. Что ты, Котофей Иванович, так на меня смотришь?

К о т о ф е й. Не знаю, сказать или не говорить?

И в а н у ш к а. Скажите, миленькие, родные! Вы не поверите, как я без нее соскучился!

Ш а р и к. Придется сказать.

К о т о ф е й. Здесь твоя мама, Иванушка.

И в а н у ш к а. Ой! *(Прячется в кусты.)*

К о т о ф е й. Вот так богатырь! От мамы родной прячется!

Ш а р и к. А говорил: соскучился...

И в а н у ш к а *(выглядывая из кустов)*. Конечно, соскучился! Но ведь она приказала мне дома сидеть. А я не послушался. Увидит она меня — и огорчится. Нет, нет, я ей не покажусь!

К о т о ф е й. А зачем же прибежал?

И в а н у ш к а. Чтобы хоть из-за угла на нее взглянуть, голос ее услышать. Буду я, друзья, держаться возле да потихоньку, потихоньку совершу подвиг, помогу маме своей. Ну, тут она, конечно, и простит меня за все. Где же моя мама?

Ш а р и к. Поехала с нашим ненаглядным хозяином, Михайло Потапычем, лес валить для ветряной мельницы. Чует мое сердце, вернутся скоро.

И в а н у ш к а. А зачем мельница маме?

К о т о ф е й. Баба-яга задала ей такую работку, что замяукаешь. Успеет Василиса-работница все дела в срок переделать — освободит Баба-яга твоих братьев, Федора да Егорушку.

И в а н у ш к а. И они здесь? Вот радость-то!

К о т о ф е й. Погоди радоваться. Запрятала Баба-яга братьев твоих так, что и я не слышу их, и Шарик не чует!

И в а н у ш к а. Найдем!

Ш а р и к. Найти-то найдем, да не сразу. А пока утешил бы ты свою маму, показался бы ей.

К о т о ф е й. А то попадешь ты тут без присмотра в беду.

И в а н у ш к а. Что ты, что ты, я богатырь!

Ш а р и к. Так-то оно так, а все-таки...

И в а н у ш к а. Нет, нет, друзья. У мамы и своих забот вон сколько, а тут еще: здравствуйте, Иванушка пришел! Не говорите ей! Слышите? Послушайтесь меня.

Ш а р и к. Да уж, видно, придется послушаться. Ты хоть и маленький, а все же человек.

Грохот.

К о т о ф е й. Привезли они лес. У поляны сгрузили.

И в а н у ш к а. Бегу! (*Скрывается.*)

Входят В а с и л и с а и м е д в е д ь.

М е д в е д ь. Ох, братцы вы мои, это работа так работа! Это не то, что на цепи сидеть да на прохожих рычать. Славно! Весело! Подите поглядите, сколько мы лесу привезли.

В а с и л и с а. Некогда! Беги ты, Мишенька, на перекресток трех дорог к кузнецу Кузьме Кузьмичу. Слыхал о таком?

М е д в е д ь. Человек известный. Он всем богатырям коней подковывает, шлемы, панцири чинит.

В а с и л и с а. Беги к нему, попроси гвоздей пуд. Да две пилы, да четыре рубанка, да четыре молотка. Скажи, для какого дела, — он не откажет.

М е д в е д ь. Бегу! (*Исчезает.*)

В а с и л и с а. А я пока прилягу. Всю ночь работать придется без отдыха.

К о т о ф е й. Спи спокойно. А мы тебя посторожим. (*Скрывается в чаще.*)

В а с и л и с а. Клены шелестят так ласково, так успокоительно, что глаза сами собой закрываются. (*Закрывает глаза.*)

Постепенно темнеет. Издали-издали слышно, как перекликаются сторожа.

Ш а р и к. Гау, гау! Слу-у-у-шай!

Котофей. Мяу, мяу, погля-ядывай!

Иванушка выходит из кустов. Поет тихо-тихо, и братья присоединяются к нему.

Иванушка.

Баю матушку мою,
Баю-баюшки-баю!
Ты, бывало,
Баю-бай,
Нам певала
Баю-бай.

Федор и Егорушка.

Мы теперь тебе втроем
Ту же песенку поем.

Все втроем

Баю-баюшки-баю,
Баю матушку мою!
Ты ночами
Не спала,
Вслед за нами
Шла и шла.
Все спешила ради нас,
Ножки била ради нас,
Ручки натрудила,
Сердце повредила.
Ради нас, твоих детей,
Поправляйся поскорей,
Силы набирайся,
Спи, не просыпайся,
Баю матушку мою,
Баю-баюшки-баю.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия. Поляна преобразилась до неузнаваемости. Проложены дорожки, усыпанные песком. Выросла ветряная мельница, весело машет крыльями. Возле мельницы деревянный навес. Под ним мешки с мукой и зерном. Рядом второй навес. Под ним мешки с золотом. Котофей похаживает возле мешков с зерном.

Котофей. Разбирайте, разбирайте зерно, мышки мои славные. Всего только полмешочка и осталось.

Тоненькие голоса. Разбираем, разбираем, стараемся. Только ты, хозяин, рассказывай, а то у нас зубки чешутся, как бы мы мешки не погрызли.

Котофей. Ну, слушайте, мышки-норушки, котам самые первые подружки.

Тоненький смех.

Жили-были три мышки, одна рыженькая, другая беленькая, а третья полосатенькая.

Тоненький смех.

И до того они были дружны, что даже кот их боялся. Подстережет он беленькую, а его рыженькая за лапку, а полосатенькая за усы.

Смех.

Погонится он за полосатенькой — его беленькая за хвост, а рыженькая за ушко.

Смех.

Что тут делать? Думал кот, думал и позвал двух своих родных братьев. Позвал он их... Чего вы не смеетесь?

Тоненькие голоса. А нам не до смеху.

Котофей. Мало ли что! Смейтесь, а то худо будет.

Мыши смеются принужденно.

Позвал кот двух братьев и говорит: так и так, братцы, обижают меня мыши. Помогите. Сам я рыжий и схвачу

рыженькую мышку, ты, белый, хватай беленькую, а ты, полосатый, полосатенькую. Вот мы с обидчицами и разделаемся. Смейтесь!

Принужденный смех.

Подслушали котов три мышки-подружки и загрустили. Что тут делать, как тут быть? И придумали. Забрались они в печку, в золе вывалялись и стали все трое серенькими.

Мыши смеются радостно.

Выбежали они прямо на трех братьев, а те уши развесили, не знают, которую хватать.

Хохот.

С тех пор стали все мыши серенькими.

Хохот.

А коты хватают всех мышей без разбора.

Хохот обрывается.

Смейтесь!

Тоненькие голоса. А мы, хозяин, всю работу кончили, отпусти нас. В норках мышата без родителей соскучились.

Котофей. А ну, дайте взглянуть на вашу работу. Да не бойтесь, не трону, не пищите. *(Подходит к мешкам.)* И в самом деле постарались. Все славно, ступайте. Целый год за это ни одной мыши не обижу.

Тоненькие голоса. Спасибо, хозяин, спасибо, Котофей Иванович.

Котофей. Бегите!

Тоненькие голоса. Прощайте, Котофей Иванович. Прощай. Ха-ха-ха! Полосатенькая — за хвост, а рыженькая за лапку. Ха-ха-ха! Беленькая — за ушко, а полосатенькая — за нос. Ха-ха-ха!

Затихают вдали.

К о т о ф е й. Ох! Триста тридцать три сказки рассказал, умаялся.

Усаживается под деревом, вылизывается тщательно. Выбегает м е д в е д ь, он весь в муке, словно мельник. За ним Ш а р и к.

М е д в е д ь. Ну, как там последние мешки?

Котофей не отвечает.

Ш а р и к. Да не спрашивай ты его. Когда он умывается, то ничего не слышит. *(Подбегает к мешкам.)* Готовы, несем. *(Помогает медведю взвалить оба мешка на спину.)*

М е д в е д ь. Солнце еще вон как высоко стоит, а мы работу кончаем. Вот радость-то!

Убегает. Шарик за ним. Не добежав, возвращается к коту. Не дойдя до кота, бежит к мельнице. Наконец останавливается в отчаянии.

Ш а р и к. Идем на мельницу.

К о т о ф е й. Не пойду!

Ш а р и к. Что ты со мной делаешь, злодей! Сижу на мельнице — за тебя душа болит. Бегу сюда — за хозяина беспокоюсь. Пожалей ты мое бедное сердце! Порадуй меня, пойдем. Держитесь все вместе, рядышком, а я вас буду сторожить.

К о т о ф е й. Нельзя!

Ш а р и к. Почему же нельзя-то?

К о т о ф е й. Я сижу, лапки лижу, а ушки-то у меня на макушке. Что-то мне все слышится.

Ш а р и к. Гау, гау! Она?

К о т о ф е й. Она не она, а только крадется сюда кто-то.

Ш а р и к. Гау, гау! Тревога!

К о т о ф е й. Тихо! Не мешай работе, ступай на мельницу. Надо будет — замяукаю.

Ш а р и к. Р-р-р-р! Пусть только приползет, я ее за костяную ногу — раз! Меня костями не удивишь! *(Уходит.)*

Кот перестает вылизываться, застывает с одной поднятой лапкой. Прислушивается. Шорох в кустах, они качаются. Кот прячется за дерево. Спиной к зрителям, пятясь из-за кустов, появляется И в а н у ш к а. Он тянет за собой накрытый стол.

К о т о ф е й. Да это, никак, Иванушка!

И в а н у ш к а. Ага. Это я, богатырь!

К о т о ф е й. Что ты приволок?

И в а н у ш к а. Рыбы наловил, грибов набрал, печку сложил и обед сварил.

К о т о ф е й. Вот за это я тебя хвалю.

И в а н у ш к а. Еще бы не похвалить. Всю ночь наши работали, проголодались небось, выйдут, а тут им накрытый стол.

К о т о ф е й. Как бы не догадалась матушка, что это твоя работа.

И в а н у ш к а. Никогда ей не догадаться. Когда она уходила, я и щей сварить не умел, а теперь, что ни прикажи, все приготовлю.

К о т о ф е й. А ну-ка, дай взглянуть, что у тебя настряпано.

И в а н у ш к а. Гляди.

Оборачивается к коту, и тот, взвизгнув, прыгает от него чуть ли не на сажень. И есть отчего. Волосы у Иванушки взъерошены, лицо вымазано сажей и глиной. Чудище, а не мальчик.

Ты что?

К о т о ф е й. Погляди на себя.

И в а н у ш к а. Некогда.

К о т о ф е й. Ты с ног до головы перемазался! Вылижись!

И в а н у ш к а. Вымажешься тут. Печка дымит, дрова гореть не хотят. Я их до того раздувал, что щеки чуть не лопнули.

К о т о ф е й *(у стола)*. Ты рыбу чем ловил? Лапками?

И в а н у ш к а. Что ты, что ты! На удочку. Мы, богатыри, из дому никогда не выходим с пустыми карманами. Гляди, чего-чего у меня только в карманах нет! Вот лески. Вот крючки. Вот свисток. Вот орехи. Вот кремень и огниво. Вот праща.

К о т о ф е й. Убери! Я эти пращи видеть не могу. Из них вечно в котов стреляют.

Иванушка. Кто стреляет-то? Мальчишки, а я небось богатырь.

Котофей. Ну все-таки...

Иванушка. Не бойся, я этого и в детстве никогда не делал. Ты, смотри, не проговорись маме, что это я обед приготовил.

Котофей. А что я ей скажу?

Иванушка. Придумай сказочку какую-нибудь, ты на это мастер.

Котофей. Да уж, видно, придется. А ты пойди на речку, умойся.

Иванушка. Потом, потом. Я хочу поглядеть, как мама будет обеду радоваться.

Котофей. Ну, тогда прячься! Жернова замолчали. Помол окончен! Идут они!

Иванушка. Бегу! *(Скрывается.)*

Тотчас же появляется медведь с мешками, сопровождаемый радостно прыгающим Шариком.

Медведь. Готово! Ай да мы! Теперь осталось только избушку прибрать, а до вечера еще во как далеко. Вот радость-то. Ноги сами ходят, сами пляшут, не удержаться! (*Пляшет и поет.*)

Эх вы, лапки мои,
Косолапенькие,
Они носят молодца,
Что воробушка!

Отчего я не лечу?
Оттого, что не хочу!
Не скачу, а плаваю,
Выступаю павою!

Эх вы, дочки мои,
Вы цветочки мои,
Я над вами ветерочком,
Ноготочки мои!

Я взлетаю, что пушок,
Выше неба на вершок!
Ай да лапки мои,
Косолапенькие!

(Делает прыжок, едва не налетает на стол.) Батюшки мои, это что за чудеса?

Ш а р и к. Стол накрытый!

М е д в е д ь. А на столе грибки белые! И рыбка жареная! И кто это ее жарил, время терял, когда она, матушка, и сырая хороша! Хозяйка, хозяйка, сюда, у нас тут чудеса творятся.

Появляется В а с и л и с а - р а б о т н и ц а.

Хозяюшка, взгляни. Стол накрытый, а на столе обед.

Василиса подходит к столу.

В а с и л и с а. И в самом деле — чудеса! И как раз ко времени. Котофей Иванович! Какой это добрый человек о нас позаботился? Что ты молчишь-то? Ведь ты сторожил — должен знать. Уж не проспал ли ты?

К о т о ф е й. Иди, хозяюшка, к столу и кушай смело. Видал я того, кто о нас позаботился. Он и сейчас далеко не ушел, на нашу радость любуется.

Ш а р и к. Так это Ива...

Котофей бьет Шарика незаметно лапкой. Иванушка в кустах хватается за голову.

В а с и л и с а *(Шарику)*. Как ты говоришь? Ива?

Ш а р и к. Я...

К о т о ф е й. Он верно говорит. Приготовил нам обед добрейший волшебник Ивамур Мурмураевич.

Иванушка успокаивается.

В а с и л и с а. Никогда о таком не слыхала.

М е д в е д ь *(с набитым ртом)*. Да ты ешь, матушка, ешь. Ешь скорее, а то тебе ничего не останется. Навалитесь миром! И вы ешьте, дружки.

Ш а р и к. Со стола?

М е д в е д ь. Ешь, не спрашивай.

Ш а р и к. А не выдерут?

М е д в е д ь. Сегодня не выдерут ради праздника.

В а с и л и с а *(у стола)*. Что же это за волшебник такой Ивамур Мурмураевич? Никогда о таком и не слыхивала.

К о т о ф е й. Мур, мур, хозяюшка! Есть волшебники старые, всем известные, а есть и молодые. А Ивамур Мурмураевич совсем котеночек.

В а с и л и с а. А каков же он собою?

К о т о ф е й. Страшен. Одна щека черная, другая белая, нос дымчатый. Лапки пятнистые. Ходить не может.

М е д в е д ь. Не может?

К о т о ф е й. Нет. Все бегает да прыгает. И до того силен! Забор, скажем, сто лет стоит, а он раз-два — и расшатал.

М е д в е д ь. Когти есть?

К о т о ф е й. Есть, только он их отдельно носит. В кармане. Он этими когтями рыбку ловит.

М е д в е д ь. Летать умеет?

К о т о ф е й. При случае. Разбежится, споткнется и полетит. Весел. Смел. Только мыться боится, зато плавать любит. Совсем посинеет, а из воды его клещами не вытянешь. Но если уж кого любит, то любит. Видела бы ты, хозяюшка, как он на твою работу любовался, каждое твое словечко ловил. Уж очень он добрый волшебник.

В а с и л и с а. Для волшебника готовит-то он не больно хорошо. Которая рыба перепечена, а которая недопечена.

К о т о ф е й. Котенок еще.

В а с и л и с а *(встает из-за стола)*. Ну, Ивамур Мурмураевич, коли слышишь ты меня, спасибо тебе, дружок, за угощение. И скажу тебе я вот еще что. Коли ты котенок, не уходи ты от своей мамы далеко, дружок, а если и попадешь в беду, зови ее, она прибежит. Дети мои, дети, слышите вы меня?

Ф е д о р. Слышим, матушка!

Е г о р у ш к а. Мы потому молчали, чтобы каждое дыханьице ветра тебе помогало!

Ф е д о р. Чтобы веселее он мельничные крылья вертел.

В а с и л и с а. Дети мои, дети! Как проснулась я — так сразу за работу, и поговорить с вами не пришлось. Все верчусь, все бегаю — вечная мамина судьба. Вы уж не обижайтесь. Если я поворчу на вас, уставши, не сердитесь. Я бы вас повеселила, я бы вас рассмешила и песенку спела бы, да все некогда — вечная мамина беда. А вот как заработаю я вам полную свободу да пойдем мы, взявшись за руки, домой, тут-то мы и наговоримся вволю. Я вызволю вас! Верьте! Ничего не бойтесь!

Е г о р у ш к а. Мама, мама!

Ф е д о р. Да неужели мы можем обидеться?

Е г о р у ш к а. Мы на тебя любуемся.

В а с и л и с а. У нас все готово, дети, осталось только избушку на курьих ножках прибрать. Это мы быстро. Котофей Иванович! Шарик! Бежим на речку и избушку туда погоним.

М е д в е д ь. А я?

В а с и л и с а. А ты оставайся тут сторожем. Только не спи!

М е д в е д ь. Что ты, что ты! Сейчас не зима.

В а с и л и с а. Берите, друзья, мыло, мочалки, щетки, метелки — и за мной.

Уходят. На сцене медведь.

М е д в е д ь. Как можно спать? Сурки — те, правда, мастера спать, хомяки. Совы — те тоже днем спят. А медведи *(зевает)* никогда. Правда, всю ночь я этого... как его *(зевает)* — работал. А потом поел плотно, ох, плотно. Так и тянет прилечь. Песню, что ли, спеть? *(Напевает.)* Спи, мой Мишенька, косолапенький, и косматенький, и хорошенький... Не ту песню завел. Почуди-

лось мне, что я у мамы в берлоге, а она этого... того... как его... *(Засыпает.)*

Вбегает Ивануш ка.

Ивануш ка. Ну, так я и знал! Чуяло мое сердце. Пошел было на речку помыться, возле мамы покрутиться, да вспомнил, что я со стола не убрал. Прибегаю, а тут сторож спит. Михайло Потапыч! Вставай!

Медведь не двигается.

Грабят!

Медведь храпит.

Ну что тут делать? Пощекотать его?

Щекочет. Медведь хихикает тоненьким голоском, но не просыпается.

Спит. Придется за водой сбегать да облить его... *(Бежит к лесу.)* Нет, нельзя мне уходить! Крадется кто-то!

Баба-яга на цыпочках выходит из лесу.

Баба-яга! (*Прячется в кустах.*)

Баба-яга. Ах я, бедное дитя, круглая сироточка, что же мне делать-то? Никак, мне и в самом деле попалась служанка поворотливая, заботливая, работящая. Вот беда так беда! Кого же я, душенька, бранить буду, кого куском хлеба попрекать? Неужели мне, жабе зелененькой, придется собственную свою служанку хвалить? Да ни за что! Мне, гадючке, это вредно. Хорошо, я, лисичка, догадалась раньше сро́ка домой приползти. Я сейчас все поверну по-своему. Медведь уснул, теперь его и пушками не разбудишь. Украду я сама у себя мешочек золота, да и взыщу с нее потом!

Идет к мешкам. Иванушка прыгает из кустов ей наперерез. Баба-яга отшатывается в ужасе.

Это еще что за чудище? Триста лет в лесу живу, а подобных не видывала. Ты кто такой?

Ивануш ка. Я волшебник, котенок Ивамур Мурмураевич.

Б а б а - я г а. Волшебник?

И в а н у ш к а. Ага!

Баба-яга делает к Иванушке шаг. Он выхватывает из кармана свисток.

Не подходи! *(Свистит оглушительно.)*

Б а б а - я г а. Перестань! Оглушил...

И в а н у ш к а. А ты не смей близко подходить. Мы, волшебники, этого терпеть не можем.

Б а б а - я г а. Вот навязалось чудище на мою голову. На вид мальчик, а не боится Бабы-яги. На вид слаб, а свистит, как богатырь. И страшен, хоть не гляди! Эй ты, Ивамур! А чем ты можешь доказать, что ты волшебник?

И в а н у ш к а. А ты попробуй от меня уйти, и я тебя назад заверну.

Б а б а - я г а. Ты меня? Назад? Да никогда.

И в а н у ш к а. Иди, иди, не оглядывайся.

Баба-яга идет Иванушка достает из кармана леску с крючком и грузилом, размахивается, швыряет Бабе-яге вслед, крючок впивается ей в хвост платья. Тянет Бабу-ягу к себе. Та мечется.

Не уйдешь! Сом и тот не ушел, где уж тебе, Бабе-яге. *(То отпуская, то притягивая, заставляет Бабу-ягу приблизиться к себе. Снимает ее с крючка, отскакивает в сторону.)* Видала?

Б а б а - я г а. А так ты можешь? *(Щелкает пальцами, сыплются искры.)*

И в а н у ш к а. Сделай милость. *(Выхватывает из кармана кремень и огниво. Ударяет. Искры сыплются ярче, чем у Бабы-яги.)*

Б а б а - я г а. Видишь, вон шишка на сосне?

И в а н у ш к а. Вижу.

Б а б а - я г а. Ф-ф-ф-у! *(Дует, шишка валится на землю.)* Видал?

И в а н у ш к а. Гляди вон на ту шишку. Вон, вон на ту! Выше! Еще выше! *(Достает из кармана пращу, размахивается, швыряет камень, шишка валится.)* Видала?

Б а б а - я г а. Ох, не серди меня, я тебя пополам разгрызу.

И в а н у ш к а. Где тебе, зубы поломаешь!

Б а б а - я г а. Я? Гляди! *(Хватает с земли камень.)* Видишь — камень. *(Разгрызает его пополам.)* Видал? Камень разгрызла, а тебя и подавно.

И в а н у ш к а. А теперь смотри, что я сделаю. *(Берет с земли камень и подменяет его орехом. Разгрызает орех и съедает.)* Видала? И разгрыз и съел, а уж тебя и подавно.

Б а б а - я г а. Ну что же это такое! Никогда этого со мной не бывало. Уж сколько лет все передо мной дрожат, а этот Ивамур только посмеивается. Неужели я у себя дома больше не хозяйка? Нет, шалишь, меня не перехитришь! Ну, прощай, Ивамур Мурмураевич, — твой верх. *(Исчезает.)*

И в а н у ш к а *(хохочет)*. Вот славно-то! «Умываться надо, умываться» — вот тебе и надо! Разве я напугал бы Бабу-ягу умытым? «Карманы не набивай, карманы не набивай» — вот тебе и не набивай. Разве я справился бы с ней без своих крючков да свистков?

Баба-яга неслышно вырастает позади Иванушки.

Вот тебе — мальчик, мальчик. А я оказался сильнее даже, чем медведь. Он уснул, а я один на один справился с Бабой-ягой.

Б а б а - я г а. А она, птичка, тут как тут. *(Хватает Иванушку.)*

И в а н у ш к а. Мама! Мама! Мама!

Вбегает В а с и л и с а - р а б о т н и ц а.

В а с и л и с а. Я здесь, сынок! Отпусти, Баба-яга, моего мальчика.

Б а б а - я г а. Ишь чего захотела! Да когда же это я добычу из рук выпускала!

В а с и л и с а. Отпусти, говорят! *(Выхватывает меч и взмахивает над головой Бабы-яги.)* Узнаешь этот меч? Он Змею Горынычу голову отсек — и тебя, злодейку, прикончит.

Б а б а - я г а *(выпускает Иванушку, выхватывает из складок платья свой меч, кривой и черный)*. Я, умница, больше люблю в спину бить, но при случае и лицом к лицу могу сразиться!

Сражаются так, что искры летят из мечей. Василиса-работница выбивает меч из рук Бабы-яги.

Не убивай меня, иначе не найти тебе сыновей.

В а с и л и с а. Говори, где мои мальчики!

Б а б а - я г а. Умру, а не скажу! Я до того упряма, что и себя, бедняжечку, не пожалею.

Василиса опускает меч.

Вот так-то лучше. Когда похвалю, тогда скажу. Сама посуди: можно ли хвалить служанку, которая на хозяйку руку подняла?

В а с и л и с а. Как же ты можешь меня не похвалить: я все, что велено, то и сделала.

Б а б а - я г а. Нет, нет, нет такого закона — дерзких служанок хвалить. Подумаешь, муки намолола. Это любой мельник может. Эй вы, мешки, ступайте в амбар!

Мешки с мукой убегают, как живые.

Подумаешь, клады вырыла. Да с этим делом любой землекоп справится. Эй, золото, иди к себе под землю!

Мешки с золотом проваливаются под землю.

Нет, нет, не заслужила ты похвалы. Я тебе другую работу дам. Сделаешь — похвалю.

В а с и л и с а. Говори какую!

Б а б а - я г а. Подумать надо. Готовься! Скоро приду, прикажу. *(Исчезает.)*

И в а н у ш к а. Мамочка!

В а с и л и с а. Иванушка!

Обнимаются. К о т о ф е й И в а н о в и ч и Ш а р и к появляются из чащи.

Ш а р и к. Ну, радуйтесь, радуйтесь, а мы посторожим.

И в а н у ш к а. Мама, мамочка, я три года терпел, а потом вдруг затосковал, ну просто — богатырски. И отправился я тебя искать. Ты не сердишься?

В а с и л и с а. Котофей Иванович, Шарик, принесите ушат горячей воды и щетку, которая покрепче.

К о т о ф е й и Ш а р и к убегают.

И в а н у ш к а. Это я, мама, только сегодня так вымазался, а то я умывался каждый день, надо не надо. И прибирал весь дом. Подметал, как ты приказывала. Не сгребал сор под шкафы и сундуки, а все как полагается. И когда уходил — прибрал и полы вымыл.

В а с и л и с а. Скучал, говоришь?

И в а н у ш к а. Да, особенно в сумерки. И в день рождения. В день рождения встану, бывало, сам себя поздравлю, но ведь этого человеку мало, правда, мама? Ну, испеку себе пирог с малиной, а все скучно.

В а с и л и с а. Не болел?

И в а н у ш к а. Один раз болел, уж очень у меня пирог не допекся, а я весь его съел с горя. А больше не болел ни разу.

Вбегают К о т о ф е й и Ш а р и к, приносят ушат с горячей водой и щетку.

В а с и л и с а. Поставьте здесь за кустом. Идем, сынок, я тебя умою.

И в а н у ш к а. Я сам!

В а с и л и с а. Нет уж, сынок! Идем.

И в а н у ш к а *(за кустами)*. Ой, мама, горячо. Ну, ничего, я потерплю, мы, богатыри… ой… и не то переносим. Ай, вода в уши попала.

В а с и л и с а. Нет, нет, сынок, это тебе кажется.

И в а н у ш к а. Мамочка, шея у меня чистая.

В а с и л и с а. Нет, сынок, это тебе кажется.

Ш а р и к. Бедный щеночек.

К о т о ф е й. Нет, счастливый. Я до сих пор помню, как меня матушка вылизывала, выкусывала.

В а с и л и с а. Ну, вот и все.

Выводит из-за кустов Иванушку, сияющего чистотой.

Вот теперь я вижу, какой ты у меня. Стой ровненько, на плече рубашка разорвалась, я зашью.

И в а н у ш к а. Это Баба-яга.

В а с и л и с а достает иголку и нитку. Зашивает.

В а с и л и с а. Не вертись, а то уколю.

И в а н у ш к а. Это я от радости верчусь, мама. Подумай: три года обо мне никто не заботился, а теперь вдруг ты зашиваешь на мне рубашку. Стежочки такие мелкие. *(Глядит на свое плечо.)*

В а с и л и с а. Не коси глазами, а то так и останутся.

И в а н у ш к а. Я не кошу мама, я только смотрю. У меня всегда зашитое место выгибается лодочкой, а у тебя как ровненько получается! Мама, ты сердишься на меня?

В а с и л и с а. И надо бы, да уж очень я тебе рада.

И в а н у ш к а. А почему же ты такая сердитая?

В а с и л и с а. Вот всегда вы, дети, так ошибаетесь. Не сердитая. Озабочена. Братья-то твои у Бабы-яги в руках. Думала я, что похвалит она меня, не удержится, а дело-то вон как обернулось.

И в а н у ш к а. Мама!

В а с и л и с а. Все ты хочешь сам, все хочешь один, а мы победим, если будем дружно со злодеями сражаться, за обиженных заступаться. Ты мальчик храбрый, разумный, держись около, помогай мне. А как вырастешь — я тебя сама отпущу.

М е д в е д ь *(вскакивая)*. Караул, ограбили! Ни муки, ни золота. Помогите! Да как же это, да почему же это? Я ни на миг единый глаз не сомкнул, а вон что получилось.

В а с и л и с а. Не горюй, Михайло Потапыч. Никто нас не ограбил. Это Баба-яга вернулась да и прибрала свое добро.

Медведь. Почему же я ее не видел?

Василиса. Вздремнул часок.

Медведь. Это, значит, мне приснилось, что я не сплю!

Котофей. Тише! Баба-яга сюда бежит.

Входит Баба-яга.

Баба-яга. Придумала я тебе работу.

Василиса. Говори.

Баба-яга. Найди, где твои дети спрятаны! Найдешь — похвалю, не найдешь — пеняй на себя. Может быть, я тебя и накажу. Очень от тебя беспокойства много. Я, богачка, с тобой, служанкой, на мечах билась. Подумай только, до чего ты меня довела! Чего смеешься, мальчишка? Смотри, превращу тебя в камень.

Медведь. Не превратишь. Для этого надо смирно стоять, а он тебя не боится.

Баба-яга. Молчи, косолапый холоп, а не то худо будет.

Медведь. Не кричи на меня, я тебе больше не слуга.

Баба-яга. Ладно, с тобой я еще рассчитаюсь. Отвечай, Василиса, берешься найти своих сыновей?

Василиса. Берусь.

Баба-яга. Даю тебе сроку, пока солнце не зайдет.

Медведь. Что ты, что ты! Солнышко вот-вот скроется.

Баба-яга. А мне этого только и надо! Ну, Василиса, раз, два, три — ищи, а как найдешь — позови меня. *(Исчезает.)*

Василиса. Ищите, ищите все. А я подумаю, как мне узнать, они это или мне почудилось.

Все бродят, ищут. Василиса стоит задумавшись.

Егорушка. Иванушка, мы здесь.

Федор. Кыс! Кыс! Кыс! Котофей!

Егорушка. Шарик, Шарик! На, на, на!

Ф е д о р. Сюда, сюда!

Е г о р у ш к а. Нет, нет! Миша, вверх погляди.

Вдруг издали доносятся голоса: «Мама! Ау! Мама, сюда скорее, мы тут, возле черного болота».

М е д в е д ь. Бежим!

Е г о р у ш к а. Не верь, мама!

Ф е д о р. Это Баба-яга кричит.

Е г о р у ш к а. Она под любой голос подделывается.

М е д в е д ь. Чего же ты, хозяюшка! Солнце зайдет! Скорей к болоту.

В а с и л и с а. Погоди, Мишенька, дай послушаем еще.

Голоса издали: «Мама! Родная! Мы тут, в глубоком овраге под старой березой».

Ш а р и к. Воу, воу! Это правда, есть такой овраг!

Голос издали, отчаянно: «Мама, скорее! Баба-яга к нам крадется с мечом в руках».

В а с и л и с а. Бежим! *(Идет быстро к чаще. Оборачивается.)* Так я и знала. Вот они где. Баба-яга! Нашла я своих деток.

Баба-яга вырастает как из-под земли.

Б а б а - я г а. Где они?

В а с и л и с а *(показывает на клены)*. Гляди: что это?

Листья кленов покрылись слезами, сверкающими под лучами заходящего солнца.

Что это, спрашиваю я тебя?

Б а б а - я г а. Чего тут спрашивать-то? Клены.

В а с и л и с а. А плачут они почему?

Б а б а - я г а. Роса.

В а с и л и с а. Нет, Баба-яга, не обманешь ты меня. Сейчас увидим, что это за роса. *(Подходит к деревцам.)* Что вы, мальчики, что вы! Я еще вчера в шелесте вашем почуяла родные голоса, на сердце у меня стало спокой-

нее. Неужели вы думали, что я поверила Бабе-яге? Я нарочно пошла от вас прочь, чтобы вы заплакали, а теперь вернулась. Ну, довольно, довольно, Егорушка, Федор, поплакали, помогли маме — и будет. Не маленькие. Богатыри — и вдруг плачут. Тут мама, она не оставит, не уйдет, не даст в обиду. Гляди, Баба-яга! Слезы высохли. Вот мои дети!

Б а б а - я г а. Ладно, угадала.

М е д в е д ь. Ах ты! Ох ты! Сколько раз я мимо ходил, сколько раз спину о них чесал — и ни о чем не догадывался. Простите, мальчики, меня, медведя!

В а с и л и с а. Ну что же, Баба-яга, я жду.

Б а б а - я г а. Чего ждать-то?

В а с и л и с а. Освободи моих сыновей.

Б а б а - я г а. Смотрите, что выдумала! Оживлять их еще! Они деревянные куда смирнее, уж такие послушные, из дому шагу не ступят, слова не скажут дерзкого!

И в а н у ш к а. Ах ты, обманщица!

Б а б а - я г а. Спасибо на добром слове, сынок. Конечно, обманщица. Нет, Василиса, нет, рано обрадовалась. Да где же это видано, чтобы добрые люди над нами, разбойничками, верх брали? Я, змейка, всегда людей на кривой обойду. Нет, Василиса, сослужи мне еще одну службу, тогда я, может быть, и освобожу мальчишек.

В а с и л и с а. Говори какую!

Б а б а - я г а. Куда спешить-то! Утро вечера мудренее, завтра скажу. *(Исчезает.)*

В а с и л и с а. Ну, друзья, раскладывайте костер, будем мальчиков моих охранять, чтобы их, беззащитных, Баба-яга не обидела. Но только не спать!

М е д в е д ь. Нет, нет, не спать, как это можно!

В а с и л и с а. Песни будем петь.

К о т о ф е й. Сказки рассказывать.

И в а н у ш к а. Летняя ночь короткая, она быстро пролетит.

Собирают хворост, разводят костер. Василиса поет.

В а с и л и с а.

Федя, Федя, не горюй,
Егорушка, не скучай,
Ваша мама пришла,
Она меду принесла,
Чистые рубашки,
Новые сапожки.
Я умою сыновей,
Чтобы стали побелей,
Накормлю я сыновей,
Чтобы стали здоровей,
Я обую сыновей,
Чтоб шагали веселей.
Я дорогою иду,
Я Иванушку веду,
Я на Федора гляжу,
Его за руку держу.
На Егора я гляжу,
Его за пояс держу.
Сыновей веду домой!
Сыновья мои со мной!
Федя, Федя, не горюй,
Егорушка, не скучай!
Ваша мама пришла,
Счастье детям принесла.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация первого действия. Время близится к рассвету. Горит костер. В а с и л и с а стоит возле кленов, поглядывает на них озабоченно.

В а с и л и с а. Ребята, ребята, что вы дрожите-то? Беду почуяли? Или ветер вас растревожил? Отвечайте, отвечайте смело! Авось я и пойму.

Е г о р у ш к а. Мама, мама, слышишь, как лес шумит?

Ф е д о р. И все деревья одно говорят.

Е г о р у ш к а. «Братцы клены, бедные ребята!»

Ф е д о р. «Береги-и-и-тесь! Береги-и-и-тесь!»

Е г о р у ш к а. «Выползла Баба-яга из своей избушки!»

Ф е д о р. «А в руках у нее то, что деревцу страшнее всего».

Е г о р у ш к а. «Топор да пила, пила да топор».

В а с и л и с а. Слов ваших не разобрала, но одно поняла: страшно вам, дети. Ничего, бедняги, ничего. Перед рассветом мне и то жутко. Темно, холодно, над болотами туман ползет. Но вы потерпите. Солнце вот-вот проснется. Правду говорю. Оно свое дело помнит. А Баба-яга у нас под присмотром. Друзья пошли разведать, не затеяла ли чего злодейка.

Вбегает м е д в е д ь.

М е д в е д ь. Баба-яга пропала!

В а с и л и с а. Как пропала?

М е д в е д ь. Выползла она из избушки, а у нее в руках... Не буду при Федоре и Егорушке говорить — что. Вышла она. Мы за ней. А она прыг — и вдруг растаяла, как облачко, вместе с пилой и топором. И все. Я скорее сюда, тебе в помощь. А Шарик за нею. Для пса все равно — видно ее или не видно, растаяла она или нет. Шарик по горячим следам летит. Не отстанет. Он...

Вбегает Ш а р и к.

Ш а р и к. Хозяйка, хозяйка, выдери меня, вот я и прут принес!

М е д в е д ь. А что ты натворил, такой-сякой?

Ш а р и к. След потерял! Вывела меня Баба-яга к болотам, по воде туда, по воде сюда — и пропала. Но ничего! Котофей уселся на берегу, замер, как неживой, прислушивается. Он ее, как мышь, подстережет. А я скорей сюда, чтобы ты меня, хозяйка, наказала.

В а с и л и с а. Я не сержусь. У Бабы-яги что — шапка-невидимка есть?

М е д в е д ь. Есть. Старенькая, рваненькая, по скупости новую купить жалеет. Однако в сумерки работает шапка ничего. Ты, хозяйка, не думай! Шапка не шапка, но от Котофея Ивановича старухе никуда не уйти!

К о т о ф е й И в а н о в и ч неслышно появляется у ног Василисы.

К о т о ф е й И в а н о в и ч. Ушла Баба-яга.

М е д в е д ь. Ушла?

К о т о ф е й. Ничего не поделаешь, ушла.

В а с и л и с а. А где Иванушка?

К о т о ф е й. Это я тебе потом скажу!

М е д в е д ь. Что же делать-то? Плакать?

К о т о ф е й. Зачем плакать?

М е д в е д ь. А что же нам, бедненьким, осталось?

К о т о ф е й. Сказки рассказывать.

М е д в е д ь. Не поможет нам сказка!

К о т о ф е й. Кто так говорит, ничего в этом деле не понимает. Василиса-работница! Хозяюшка! Прикажи им сесть в кружок, а я в серединке.

В а с и л и с а. Сделайте, как он просит.

К о т о ф е й. И ты, хозяюшка, садись.

Все усаживаются вокруг кленов. Котофей в середине.

Слушайте меня во все уши, сказка моя неспроста сказывается. Жил да был дровосек.

М е д в е д ь. У нас? В нашем лесу?

К о т о ф е й. В соседнем.

М е д в е д ь. А того я не видал, только слыхал о нем. Это такой черняненький?

К о т о ф е й. Зачем ты меня перебиваешь, зачем спрашиваешь?

М е д в е д ь. После того как я упустил Бабу-ягу, мне кажется, что все на меня сердятся. Я понять хочу, разговариваешь ты со мной или нет.

К о т о ф е й. Я тоже Бабу-ягу упустил.

М е д в е д ь. На тебя ворчать не будут, побоятся. А я, сирота, простой.

К о т о ф е й. Ладно, ладно, не сердимся мы на тебя, только слушай и не перебивай. Жил да был дровосек, уж такой добрый, все отдаст, о чем ни попроси. Вот однажды зимой приходит он из лесу без шапки. Жена спрашивает: «Где шапка, где шапка?» — «Одному бедному старику отдал, уж очень он, убогий, замерз». — «Ну что ж, — отвечает жена, — старому-то шапка нужнее». Только она это слово вымолвила, под самой дверью: динь-динь, топ-топ, скрип-скрип! И тоненький голосок зовет, кричит: «Откройте, откройте, пустите погреться!» Открыл дровосек дверь — что за чудеса! За порогом кони ростом с котят, стоять не хотят, серебряными подковками постукивают, золотыми колокольчиками позвякивают. И ввозят они в избу на медных полозьях дровосекову шапку. А в шапке мальчик не более моей лапки, да такой славный, да такой веселый! «Ты кто такой?» — «А я ваш сын Лутонюшка, послан вам за вашу доброту!» Вот радость-то!

Ш а р и к *(вскакивает)*. Гау, гау, гау!

К о т о ф е й. Ищи, ищи, ищи!

Ш а р и к. Баба-яга крадется.

К о т о ф е й. А ну, ну, ну, ищи, ищи, ищи!

Ш а р и к. Нет! Ошибся.

К о т о ф е й. А ошибся, так не мешай! Стали они жить да поживать, дровосек, да его жена, да сын их Лутонюшка. Работал мальчик — на диво. Он на своих конях и чугуны из печи таскал, и за мышами гонялся, а весной все грядки вскопал. Выковал он себе косу по росту — овец стричь. Ходит по овцам, как по лугам, чик-чик, жвык-жвык — шерсть так и летит. И побежала по всем лесам о Лутонюшке слава. И призадумалась их соседка злодейка-чародейка: «Ах, ох, как бы мне этого Лутонюшку к рукам прибрать. Работает, как большой, а ест, как маленький». Взвилась она под небеса и опустилась в Лутонины леса. «Эй, дровосек, отдавай сына!» — «Не от-

дам!» — «Отдавай, говорят!» — «Не отдам!» — «Убью!» И только она это слово вымолвила, вылетает ей прямо под ноги Лутонюшка на своем боевом коне. Захохотала злодейка-чародейка, замахнулась мечом — раз! — и мимо. Лутонюшка мал, да увертлив. Целый день рубился он со злодейкой, и ни разу она его не задела, все он ее колол копьем. А как стемнело, забрался Лутонюшка на дерево, а с дерева злодейке на шлем. Хотела она сшибить Лутонюшку, да как стукнет сама себя по лбу. И села на землю. И ползком домой. С тех пор носа не смеет она показать в Лутонины леса.

Медведь. А как звали эту злодейку-чародейку? Что-то я в наших лесах такую не припомню.

Котофей. А звали ее — Баба-яга!

Баба-яга *(она невидима)*. Врешь!

Иванушка вырастает возле того места, откуда раздался голос, подпрыгивает, хватает с воздуха что-то. Сразу Баба-яга обнаруживается перед зрителем. Иванушка пляшет с шапкою-невидимкою в руках. Баба-яга бросается на него.

Василиса. Надень шапку-невидимку, сынок!

Иванушка пробует надеть шапку. Но Баба-яга успевает ее схватить. Некоторое время каждый тянет ее к себе. Но вот ветхая шапка разрывается пополам, и противники едва не падают на землю. Подоспевшая к месту столкновения Василиса-работница успевает подобрать топор и пилу, которые Баба-яга уронила, сражаясь за шапку.

Баба-яга. Безобразие какое у меня в хозяйстве творится! Прислуга, вместо того чтобы спать, сидит да хозяйкины косточки перебирает. Я до этого Лутонюшки еще доберусь! Всем вам, добрякам, худо будет, конец пришел моему терпению! *(Уходит.)*

Иванушка. Ха-ха-ха! Видишь, мама, как славно мы с Котофеем Ивановичем придумали. Ушли мы с озера, а Баба-яга за нами. А Котофей стал сказку рассказывать. А я лежу за кустами, не дышу. А Котофей рассказывает. А я все не дышу. И тут она ка-ак проговорится! И я — прыг! Все вышло как по писаному! Конечно, обидно, что я не догадался шапку-невидимку надеть. Она и дома

пригодилась бы в прятки играть! Но все же сегодня я помог тебе больше, чем вчера. Правда, мама?

Василиса. Правда, сынок.

Солнце всходит. Первые лучи его падают на поляну.

Видишь, Феденька, видишь, Егорушка, как я обещала, так и вышло. Солнце проснулось, туман уполз, светло стало. Весело. Что притихли, дети? Скажите хоть слово!

Федор. Мама, если бы ты знала, как трудно мальчику в такое утро на одном месте стоять!

Егорушка. Если бы ты знала, мама, как трудно мальчику, когда за него сражаются, за него работают, а он стоит как вкопанный.

Василиса. Не грустите, не грустите, дети, недолго вам ждать осталось!

За сценой сердитый голос Бабы-яги: «Кыш! Куда! Вот сварю из вас куриную похлебку, так поумнеете!» Выезжает избушка на курьих ножках. Баба-яга сидит развалясь, в кресле за открытой дверью.

Баба-яга. Шагайте веселей. Курьи ножки, а плетутся, как черепашьи. Тпру!

Избушка на курьих ножках останавливается.

Ох, устала!

Медведь. Чего тебе уставать-то! Чужим трудом живешь.

Баба-яга. Ох, что он говорит! Ты думаешь, это легко чужим трудом жить? Думаешь, это сахар ничего не делать? Я еще девочкой-ягой была, в школу бегала, а уж покоя и на часик не знала. Ваш брат работничек вытвердит, бывало, все уроки, да и спит себе, а я, бедная малютка-яга, с боку на бок ворочаюсь, все думаю, как бы мне, милочке, завтра, ничего не зная, извернуться да вывернуться. И всю жизнь так-то. Вы, работники простые, работаете да песенки поете, а я надрываюсь, чтобы, ничего не делая, жить по-царски. И приходится мне, бедной, и по болотам скакать, и мечом махать, только бы люди на меня работали. Ну, Василиса, что тебе приказать?

В а с и л и с а. Решай, Баба-яга.

Б а б а - я г а. Думала я, думала — и придумала. Дам я тебе работу полегче, чтобы бранить тебя было попроще. Гляди на мою избушку. В окно ко мне не влезть. Такие решетки, что и я даже не выломаю. Бревна до того крепкие, что никаким топором и щепочки не отколоть. А замка нет. Сделай мне на дверь замок, может быть, я тебя и похвалю. Берешься?

В а с и л и с а. Берусь.

Б а б а - я г а. Делай, а я пока на себя в зеркало полюбуюсь. *(Смотрится в зеркало.)* У, ты, шалунья моя единственная. У-тю-тю-тю! Сто ей в головуску, кросецке, плисло! Замоцек ей сделай! У-тю-тю-тю!

В а с и л и с а. А ну-ка, Мишенька, согни мне этот прут железный пополам.

М е д в е д ь. Готово.

В а с и л и с а. А ты, Иванушка, обстругай мне эту дощечку.

И в а н у ш к а. Сейчас, мама.

В а с и л и с а. А ты, Котофей Иванович, обточи это колечко.

К о т о ф е й. Давай, хозяйка.

В а с и л и с а. А ты, Шарик, посторожи, чтобы не ушла Баба-яга.

Б а б а - я г а. А я никуда и не собираюсь нынче. Мне и дома хорошо. Работают… Смотрите-ка! Никогда я этого не видала. Всегда, бывало, на готовенькое прихожу. Как называется ящичек, что у Ивашки в руках?

В а с и л и с а. Рубанок.

Б а б а - я г а. А зачем он эти белые ленточки делает? На продажу?

В а с и л и с а. Это стружка.

М е д в е д ь. Да не притворяйся ты, Баба-яга! Видел я, как ты топором да пилой орудуешь!

Б а б а - я г а. Срубить да свалить я, конечно, могу. Это дело благородное. А строить — нет, шалишь. Это

уж вы для меня старайтесь. А что это за палочка у тебя в руках?

В а с и л и с а. Напильник.

Б а б а - я г а. Подумать только! Ах, бедные, бедные людишки! И зачем это вы работаете!

В а с и л и с а. Скоро увидишь зачем.

Б а б а - я г а. Надеешься детишек спасти?

В а с и л и с а. Надеюсь.

Б а б а - я г а. Любишь своих сыновей?

В а с и л и с а. А конечно, люблю.

Б а б а - я г а. А которого больше?

В а с и л и с а. А того, которому я нынче нужнее. Заболеет Федор — он мой любимый сын, пока не поправится. Иванушка в беду попадет — он мне всех дороже Поняла?

М е д в е д ь. Что ты, матушка, где ей!

Б а б а - я г а. А вот и поняла. Наука нехитрая. Одного я только понять не могу, как детишки не прискучили тебе, пока маленькими были да пищали с утра до вечера без толку. Я, красавица, давно бы таких — раз, да и за окошко!

В а с и л и с а. Вот и видно, что ты Баба-яга, а не человек. Разве малые дети без толку пищат? Это они маму свою зовут, просят по-своему: мама, помоги! А как поможешь им, тут они и улыбнутся. А матери только этого и надо.

Б а б а - я г а. А как подросли твои крикуны да стали чуть поумнее — разве не замучили они тебя своеволием, не обидели непослушанием? Ты к ним — любя, а они от тебя — грубя. Я бы таких сразу из дому выгнала!

В а с и л и с а. Вот и видно, что ты Баба-яга, а не человек. Разве они нарочно грубят? Просто у них добрые слова на донышке лежат, а дурные на самом верху. Тут надо терпение иметь. Готово! Вставлен замок в двери.

Б а б а - я г а. Что-то больно скоро. Непрочный небось!

В а с и л и с а. Погоди браниться, испробуй сначала. *(Закрывает дверь.)*

Замок защелкивается со звоном. Баба-яга остается в избе.

Красиво звонит замок?

Б а б а - я г а. Нет, некрасиво! Что? Поймала? Нашла дурочку? Похвалила я тебя?

В а с и л и с а. Похвалишь, не удержишься!

Б а б а - я г а. Ха-ха-ха!

В а с и л и с а. Чем смеяться — попробуй-ка дверь открыть.

Б а б а - я г а *(дергает дверь)*. Ах ты дерзкая! Ты заперла меня?

В а с и л и с а. Заперла, Баба-яга. Хорош мой замок?

Б а б а - я г а. Плох!

В а с и л и с а. А плох, так попробуй выйди.

Вся изба дрожит. Баба-яга воет. Голова ее показывается в окне.

Б а б а - я г а. Василиса! Открой! Я приказываю!

В а с и л и с а. Хорош мой замок?

Б а б а - я г а. Все равно не похвалю!

В а с и л и с а. Ну, тогда и сиди в избе. Не шуми, не стучи. От бревен и щепочки не отколоть, так они крепки.

Б а б а - я г а. Курьи ножки! Затопчите дерзкую!

Курьи ножки переминаются, а с места не двигаются.

Вперед!

Курьи ножки не двигаются.

М е д в е д ь. Не послушаются они тебя.

Б а б а - я г а. Это еще почему?

М е д в е д ь. Сколько они тебе лет служили — доброго слова ни разу не слышали. А Василиса-работница и поговорила с ними как с людьми, и песенку им спела.

Б а б а - я г а. Василиса, если ты меня не выпустишь, такая беда может случиться, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

В а с и л и с а. Что же это за беда?

Б а б а - я г а. Я с горя заболею.

М е д в е д ь. Не верь, не заболеет.

Б а б а - я г а. Василиса, ты пойми, все равно я тебя погублю. Меня, злодейку, нельзя, ну просто никак невозможно победить! Мой будет верх.

В а с и л и с а. Никогда! Ты за всю свою жизнь ящичка простого не сколотила, корзинки не сплела, травинки не вырастила, сказочки не придумала, песенки не спела, а все ломала, да била, да отнимала. Где же тебе, неумелой, с нами справиться?

Б а б а - я г а. Эй, Людоед Людоедыч! Беги сюда бегом! Нас, злодеев, обижают! Помоги!

М е д в е д ь. Придет он, как же! Ты с ним из-за двух копеек поссорилась и прогнала из наших лесов. Из людоедов тут одни комары остались, а они не больно страшны.

Б а б а - я г а. Ведьма, а ведьма! Беги сюда бегом, подружка! Спаси!

М е д в е д ь. И с ней ты поссорилась из-за гроша.

Б а б а - я г а. Говори, Василиса, чего ты хочешь?

В а с и л и с а. Освободи моих сыновей.

Б а б а - я г а. Ни за что! Не добьешься! Вот так и будут они стоять друг против друга до скончания веков. Я тебя не послушаюсь!

В а с и л и с а. Послушаешься!

Б а б а - я г а. Ни за что!

В а с и л и с а. Курьи ножки! Несите ее в болото, туда, где поглубже.

Курьи ножки идут послушно.

Б а б а - я г а. Куда вы, куда вы! Вы и сами там погибнете.

К у р ь и   н о ж к и. Мы-то выкарабкаемся, мы цапастенькие.

Б а б а - я г а. Василиса, верни их!

В а с и л и с а. Цып, цып, цып!

Избушка возвращается.

Б а б а - я г а. Василиса, давай мириться.

В а с и л и с а. Освободи моих детей.

Б а б а - я г а. Подойди ко мне поближе, я тебе что-то скажу.

В а с и л и с а. Говори при всех.

Б а б а - я г а. Стыдно.

В а с и л и с а. Ничего, говори.

Б а б а - я г а. Освободить-то я их… этого… не умею.

В а с и л и с а. Не лги.

Б а б а - я г а. Клянусь своим драгоценным здоровьем! Это не я их в клены обратила, а ведьма, моя подручная. Она получала у меня алтын с человека.

Ф е д о р. Это правда, мама.

Е г о р у ш к а. Возле нее какая-то старушка вертелась с ореховой палочкой.

В а с и л и с а. Курьи ножки, в болото!

Б а б а - я г а. Стой, стой! Освободить я их не могу, а как сделать это — знаю.

В а с и л и с а. Говори!

Б а б а - я г а. Иди ты все время на восток, не сворачивая. Все пряменько, пряменько, пряменько — поняла? Попадется болото — ничего, шагай через болото. К морю выйдешь — плыви через море, только не сворачивая, а то заплутаешься. А как выйдешь на берег, по правую руку увидишь ты лес втрое выше нашего, и листья там не зеленые, а белые, седые — уж больно тот лес стар. А посреди леса увидишь ты холм, весь он белой травою порос, а в том холме — пещера. А посреди пещеры — белый камень. Отвалишь ты камень, а под ним колодец. А вода в том колодце — кипит, бурлит, словно кипяток, и сама собою светится. Принеси той воды кружечку, покропи клены, и они тотчас же оживут. Вот и все. Фу, устала. Никогда в жизни столько не говорила о других, все, бывало, о себе, о птичке-малышке.

В а с и л и с а. А сколько туда ходу?

Б а б а - я г а. Не менее году.

Федор и Егорушка вскрикивают горестно.

В а с и л и с а. Обманываешь ты!

М е д в е д ь. Нет, не обманывает. Вот радость-то! *(Хохочет.)* Вот горе-то! *(Плачет.)*

В а с и л и с а. Что с тобой?

М е д в е д ь. Успокоюсь — расскажу.

Б а б а - я г а. Иди, иди, Василиса. Не теряй времени.

В а с и л и с а. Мы и тебя захватим.

Б а б а - я г а. Избушка на курьих ножках через чащу не проберется. А выпускать меня — как можно! Ускользну! Нет, уж придется вам одним шагать. Год туда — год обратно, а за два года мало ли что может приключиться. Может, все еще по-моему повернется! Иди, иди, чего ждать-то!

В а с и л и с а. Постой, дай с друзьями посоветоваться. *(Отходит в сторону со всеми своими друзьями.)* Что с тобой, Миша, делается? Почему ты то смеешься, то плачешь?

М е д в е д ь. Ха-ха-ха! Ох-ох-ох! Вот оно, наше спасение, тут, возле, а не ухватишь.

В а с и л и с а. Почему?

М е д в е д ь. Василиса, родимая, слушай. Сейчас я, ха-ха, расскажу, ох-ох, все по порядку. Помнишь, я говорил тебе, что моего деда Змей Горыныч просто так, для смеху, взял да и опалил огнем.

В а с и л и с а. Помню, Мишенька.

М е д в е д ь. Когда приключилась у нас эта беда, отец мой, Потап Михайлович, кубарем в пещеру. К живой воде. И домой со всех ног. Мы тогда недалеко от пещеры этой жили. Ха-ха-ха, ох-ох-ох!

И в а н у ш к а. Да рассказывай ты, не томи душу!

М е д в е д ь. Возвращается он с ведром живой воды. Горе, горе! Лежит старик и не дышит. Вокруг родня плачет. Лес насупился, как осенью. Обрызгали деда жи-

вой водой — что за чудеса: шерсть опаленная закурчавилась, как новая, старое сердце забилось, как молодое, встал дед и чихнул, а весь лес ему: на здоровье. Ха-ха-ха! Ой-ой-ой!

Ш а р и к. Да не плачь ты, хозяин, а то и я завою.

В а с и л и с а. Рассказывай дальше.

М е д в е д ь. И остался у меня с тех пор целый кувшин живой воды. Ха-ха-ха!

В а с и л и с а. Где же кувшин-то?

М е д в е д ь. В сундучке моем, ха-ха-ха!

В а с и л и с а. А сундучок где?

М е д в е д ь. У Бабы-яги в избушке. Она его под печкой держит. Чтобы я не уволился без спросу. Ох-ох-ох!

В а с и л и с а. Придется отпереть замок-то!

К о т о ф е й. Нельзя! Ускользнет мышка наша из своей мышеловки. Мы иначе сделаем. Я прыгну тихонько на крышу, да по трубе печной в избу. Да и добуду все, что требуется.

М е д в е д ь. Почует она!

Ш а р и к. Ничего. Я ее раздразню, и она ничего не услышит.

Кот исчезает. Шарик бежит к избе.

Баба-яга! Ты хвастала, будто по-собачьи понимаешь?

Б а б а - я г а. А конечно, понимаю. Для того чтобы ссориться, нет лучшего языка, чем собачий. А я, мушка, люблю ссориться!

Ш а р и к. Гау, гау, гау! Скажи, что это значит?

Б а б а - я г а. А это значит: сюда, охотник, белка на сосне.

Ш а р и к. Смотри, и вправду понимает. А это? *(Лает.)*

Б а б а - я г а. Поди сюда, я тебе хвост оторву.

Ш а р и к. А это? *(Лает.)*

Б а б а - я г а. Ах ты дерзкий пес!

Ш а р и к. Не поняла?

Б а б а - я г а. Ты посмел мне сказать, что я любого голубя добрее? Так вот же тебе за это! *(Лает.)*

Шарик отвечает ей тем же. Некоторое время они лают яростно друг на друга, как псы, которые вот-вот подерутся.

(Внезапно обрывает лай.) Караул, грабят! *(Исчезает.)*

В избе мяуканье, фырканье, вопли, потом полная тишина.

Ш а р и к. Воу, воу! Погиб наш котик! Воу!

И в а н у ш к а. Мне надо было бы полезть.

М е д в е д ь. Да разве ты в трубу пробрался бы? Это я, окаянный, во всем виноват. Зачем я живую воду в сундучке держал?

Ф е д о р. А мы-то стоим и с места двинуться не можем.

Ш а р и к. Воу, воу! Уж так я ругал ее обидно, ангелом называл — и то не помогло. Воу, воу!

В а с и л и с а. Да погодите, может быть, он еще и жив и здоров. Кс-кс-кс.

Молчание.

И в а н у ш к а. Бедный котик!

В а с и л и с а. Постойте, погодите! Я забыла, что он даже и не понимает, что такое «кс-кс-кс». Кот строгий. Котофей Иванович!

Голос с крыши: «Мур?»

М е д в е д ь. Жив!

Ш а р и к. Что же ты не идешь, сердце мне надрываешь?

К о т о ф е й *(издали)*. Вылизываюсь. В саже вымазался.

М е д в е д ь. А мы думали, что ты погиб.

К о т о ф е й *(издали)*. Нет, она меня было цапнула за хвост, да я отбился. *(Прыгает с крыши, в лапах большой кувшин.)*

В а с и л и с а. Этот кувшин, Миша?

М е д в е д ь. Он самый!

Б а б а - я г а *(в окно)*. Выдохлась вода, выдохлась, выдохлась!

Е г о р у ш к а. Мама!

В а с и л и с а. А ну-ка, отойдите в сторонку, друзья.

Все отходят в сторону. Василиса подходит к кленам. Кувшин тщательно перевязан и закупорен круглым дубовым бруском. Когда Василиса вынимает брусок, из кувшина поднимается синее пламя.

Б а б а - я г а. Горе какое, не выдохлась.

Василиса брызжет живой водой на клены. И тотчас же они исчезают в синеватом тумане. Глухо-глухо, как из-под земли, звучит музыка. Но вот она становится все явственнее, все веселее. Туман рассеивается. Клены исчезли. На поляне стоят два мальчика одного роста, они похожи друг на друга и на Иванушку. Они оглядываются растерянно, как будто только что проснулись, и вдруг замечают Василису. Они вскрикивают: «Мама!»

В а с и л и с а *(обнимает их)*. Мальчики мои, мальчики!

К о т о ф е й. Радуйтесь, радуйтесь, теперь вас никто не посмеет тронуть.

Е г о р у ш к а. Иванушка!

Ф е д о р. Братец! *(Обнимает брата.)*

В а с и л и с а. Дети мои, дети! Какими пропали, такими и нашлись! И на денек старше не стали!

Ф е д о р. Мама, мы больше не будем.

Е г о р у ш к а. Мы теперь будем расти не по дням, а по часам!

Ф е д о р. Мама, идем, идем. Мы столько стояли на этой поляне…

Е г о р у ш к а. Что ноги больше стоять не хотят. Прощайте, деревья-друзья, не обижайтесь, нам домой пора.

Д е р е в ь я *(шелестят негромко, но явственно)*. Прощайте, прощайте, братцы клены! Не обижайте нас! Не забывайте, что мы живые. Не разучитесь говорить по-нашему, когда домой вернетесь.

Ф е д о р. Никогда не разучимся!

Б а б а - я г а. Кончится ли это безобразие! Стоят и радуются у меня на глазах! Знаете, кажется, что я терпеть

не могу, когда люди радуются. Отпустите меня сейчас же!

Василиса. Никогда! Мы пойдем домой и тебя захватим. И дома всем миром решим, что с тобой делать.

Баба-яга. Отпусти, я тебе все свое золото отдам!

Василиса. Не отпущу! Давайте руки, друзья.

Все подают друг другу руки.

Вперед! Курьи ножки, за мной!

Идут, избушка — следом.

Котофей. Вот и сказке нашей конец, а кто нас понял, тот молодец!

Занавес

1953

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Сказка в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяин.
Хозяйка.
Медведь.
Король.
Принцесса.
Министр-администратор.
Первый министр.
Придворная дама.
Оринтия.
Аманда.
Трактирщик.
Охотник.
Ученик охотника.
Палач.

ПРОЛОГ

Перед занавесом появляется человек, который говорит зрителям негромко и задумчиво:

— «Обыкновенное чудо» — какое странное название! Если чудо — значит, необыкновенное! А если обыкновенное — следовательно, не чудо.

Разгадка в том, что у нас речь пойдет о любви. Юноша и девушка влюбляются друг в друга — что обыкновенно. Ссорятся — что тоже не редкость. Едва не умирают от любви. И наконец сила их чувства доходит до такой высоты, что начинает творить настоящие чудеса, — что и удивительно, и обыкновенно.

О любви можно и говорить, и петь песни, а мы расскажем о ней сказку.

В сказке очень удобно укладываются рядом обыкновенное и чудесное и легко понимаются, если смотреть на сказку как на сказку. Как в детстве. Не искать в ней скрытого смысла. Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь.

Среди действующих лиц нашей сказки, более близких к «обыкновенному», узнаете вы людей, которых приходится встречать достаточно часто. Например, король. Вы легко угадаете в нем обыкновенного квартирного деспота, хилого тирана, ловко умеющего объяснять свои бесчинства соображениями принципиальными. Или дистрофией сердечной мышцы. Или психастенией. А то и наследственностью. В сказке сделан он королем, что-

бы черты его характера дошли до своего естественного предела. Узнаете вы и министра-администратора, лихого снабженца. И заслуженного деятеля охоты. И некоторых других.

Но герои сказки, более близкие к «чуду», лишены бытовых черт сегодняшнего дня. Таковы и волшебник, и его жена, и принцесса, и медведь.

Как уживаются столь разные люди в одной сказке? А очень просто. Как в жизни.

И начинается наша сказка просто. Один волшебник женился, остепенился и занялся хозяйством. Но как ты волшебника ни корми — его все тянет к чудесам, превращениям и удивительным приключениям. И вот ввязался он в любовную историю тех самых молодых людей, о которых говорил я вначале. И все запуталось, перепуталось — и наконец распуталось так неожиданно, что сам волшебник, привыкший к чудесам, и тот всплеснул руками от удивления.

Горем все окончилось для влюбленных или счастьем — узнаете вы в самом конце сказки. *(Исчезает.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Усадьба в Карпатских горах. Большая комната, сияющая чистотой. На очаге — ослепительно сверкающий медный кофейник. Бородатый человек, огромного роста, широкоплечий, подметает комнату и разговаривает сам с собой во весь голос. Это хозяин усадьбы.

Хозяин. Вот так! Вот славно! Работаю и работаю, как подобает хозяину, всякий глянет и похвалит, все у меня, как у людей. Не пою, не пляшу, не кувыркаюсь, как дикий зверь. Нельзя хозяину отличной усадьбы в горах реветь зубром, нет, нет! Работаю безо всяких вольностей… Ах! *(Прислушивается, закрывает лицо руками.)* Она идет! Она! Она! Ее шаги… Пятнадцать лет я женат, а влюблен до сих пор в жену свою, как мальчик, честное слово, так! Идет! Она! *(Хихикает застенчиво.)* Вот

пустяки какие, сердце бьется так, что даже больно... Здравствуй, жена!

Входит х о з я й к а, еще молодая, очень привлекательная женщина.

Здравствуй, жена, здравствуй! Давно ли мы расстались, часик всего назад, а рад я тебе, будто мы год не виделись, вот как я тебя люблю... *(Пугается.)* Что с тобой? Кто тебя посмел обидеть?

Х о з я й к а. Ты.

Х о з я и н. Да не может быть! Ах я грубиян! Бедная женщина, грустная такая стоит, головой качает... Вот беда-то! Что же я, окаянный, наделал?

Х о з я й к а. Подумай.

Х о з я и н. Да уж где тут думать... Говори, не томи...

Х о з я й к а. Что ты натворил нынче утром в курятнике?

Х о з я и н *(хохочет)*. Так ведь это я любя!

Х о з я й к а. Спасибо тебе за такую любовь. Открываю курятник, и вдруг — здравствуйте! У всех моих цыплят по четыре лапки...

Х о з я и н. Ну что ж тут обидного?

Х о з я й к а. А у курицы усы, как у солдата.

Х о з я и н. Ха-ха-ха!

Х о з я й к а. Кто обещал исправиться? Кто обещал жить, как все?

Х о з я и н. Ну дорогая, ну милая, ну прости меня! Что уж тут поделаешь... Ведь все-таки я волшебник!

Х о з я й к а. Мало ли что!

Х о з я и н. Утро было веселое, небо ясное, прямо силы девать некуда, так хорошо. Захотелось пошалить...

Х о з я й к а. Ну и сделал бы что-нибудь полезное для хозяйства. Вон песок привезли дорожки посыпать. Взял бы да превратил его в сахар.

Х о з я и н. Ну какая же это шалость!

Х о з я й к а. Или те камни, что сложены возле амбара, превратил бы в сыр.

Х о з я и н. Не смешно!

Х о з я й к а. Ну что мне с тобой делать? Бьюсь, бьюсь, а ты все тот же дикий охотник, горный волшебник, безумный бородач!

Х о з я и н. Я стараюсь!

Х о з я й к а. Так все идет славно, как у людей, и вдруг хлоп — гром, молния, чудеса, превращения, сказки, легенды там всякие... Бедняжка... *(Целует его.)* Ну, иди, родной!

Х о з я и н. Куда?

Х о з я й к а. В курятник.

Х о з я и н. Зачем?

Х о з я й к а. Исправь то, что там натворил.

Х о з я и н. Не могу!

Х о з я й к а. Ну пожалуйста!

Х о з я и н. Не могу. Ты ведь сама знаешь, как повелось на свете. Иногда пошалишь — а потом все исправишь. А иной раз щелк — и нет пути назад! Уж я этих цыплят и волшебной палочкой колотил, и вихрем их завивал, и семь раз ударил молнией — все напрасно! Значит, уж тут сделанного не поправишь.

Х о з я й к а. Ну что ж, ничего не поделаешь... Курицу я каждый день буду брить, а от цыплят отворачиваться. Ну а теперь перейдем к самому главному. Кого ты ждешь?

Х о з я и н. Никого.

Х о з я й к а. Посмотри мне в глаза.

Х о з я и н. Смотрю.

Х о з я й к а. Говори правду, что будет? Каких гостей нам сегодня принимать? Людей? Или привидения зайдут поиграть с тобой в кости? Да не бойся, говори. Если у нас появится призрак молодой монахини, то я даже рада буду. Она обещала захватить с того света выкройку кофточки с широкими рукавами, какие носили триста лет назад. Этот фасон опять в моде. Придет монашка?

Х о з я и н. Нет.

Х о з я й к а. Жаль. Так никого не будет? Нет? Неужели ты думаешь, что от жены можно скрыть правду? Ты себя скорей обманешь, чем меня. Вон, вон уши горят, из глаз искры сыплются…

Х о з я и н. Неправда! Где?

Х о з я й к а. Вон, вон они! Так и сверкают. Да ты не робей, ты признавайся! Ну? Разом!

Х о з я и н. Ладно! Будут, будут у нас гости сегодня. Ты уж прости меня, я стараюсь. Домоседом стал. Но… Но просит душа чего-нибудь этакого… волшебного. Не обижайся!

Х о з я й к а. Я знала, за кого иду замуж.

Х о з я и н. Будут, будут гости! Вот, вот сейчас, сейчас!

Х о з я й к а. Поправь воротник скорее. Одерни рукава!

Х о з я и н *(хохочет)*. Слышишь, слышишь? Едет.

Приближающийся топот копыт.

Это он, это он!

Х о з я й к а. Кто?

Х о з я и н. Тот самый юноша, из-за которого и начнутся у нас удивительные события. Вот радость-то! Вот приятно!

Х о з я й к а. Это юноша как юноша?

Х о з я и н. Да, да!

Х о з я й к а. Вот и хорошо, у меня как раз кофе вскипел.

Стук в дверь.

Х о з я и н. Войди, войди, давно ждем! Очень рад!

Входит ю н о ш а. Одет изящно. Скромен, прост, задумчив. Молча кланяется хозяевам.

(Обнимает его.) Здравствуй, здравствуй, сынок!

Х о з я й к а. Садитесь к столу, пожалуйста, выпейте кофе, пожалуйста. Как вас зовут, сынок?

Ю н о ш а. Медведь.

Х о з я й к а. Как вы говорите?

Ю н о ш а. Медведь.

Х о з я й к а. Какое неподходящее прозвище!

Ю н о ш а. Это вовсе не прозвище. Я и в самом деле медведь.

Х о з я й к а. Нет, что вы... Почему? Вы двигаетесь так ловко, говорите так мягко.

Ю н о ш а. Видите ли... Меня семь лет назад превратил в человека ваш муж. И сделал он это прекрасно. Он у вас великолепный волшебник У него золотые руки, хозяйка.

Х о з я и н. Спасибо, сынок! *(Пожимает Медведю руку.)*

Х о з я й к а. Это правда?

Х о з я и н. Так ведь это когда было! Дорогая! Семь лет назад!

Х о з я й к а. А почему ты мне сразу не признался в этом?

Х о з я и н. Забыл! Просто-напросто забыл, и все тут! Шел, понимаешь, по лесу, вижу: молодой медведь. Подросток еще. Голова лобастая, глаза умные. Разговорились мы, слово за слово, понравился он мне. Сорвал я ореховую веточку, сделал из нее волшебную палочку — раз, два, три — и этого... Ну чего тут сердиться, не понимаю. Погода была хорошая, небо ясное...

Х о з я й к а. Замолчи! Терпеть не могу, когда для собственной забавы мучают животных. Слона заставляют танцевать в кисейной юбочке, соловья сажают в клетку, тигра учат качаться на качелях. Тебе трудно, сынок?

М е д в е д ь. Да, хозяйка! Быть настоящим человеком — очень нелегко.

Х о з я й к а. Бедный мальчик! *(Мужу.)* Чего ты хохочешь, бессердечный?

Х о з я и н. Радуюсь! Любуюсь на свою работу. Человек из мертвого камня сделает статую — и гордится потом, если работа удалась. А поди-ка из живого сделай еще более живое. Вот это работа!

Хозяйка. Какая там работа! Шалости и больше ничего. Ах, прости, сынок, он скрыл от меня, кто ты такой, и я подала сахару к кофе.

Медведь. Это очень любезно с вашей стороны! Почему вы просите прощения?

Хозяйка. Но вы должны любить мед…

Медведь. Нет, я видеть его не могу! Он будит во мне воспоминания.

Хозяйка. Сейчас же, сейчас же преврати его в медведя, если ты меня любишь! Отпусти его на свободу!

Хозяин. Дорогая, дорогая, все будет отлично! Он для того и приехал к нам в гости, чтобы снова стать медведем.

Хозяйка. Правда? Ну, я очень рада. Ты здесь будешь его превращать? Мне выйти из комнаты?

Медведь. Не спешите, дорогая хозяйка. Увы, это случится не так скоро. Я стану вновь медведем только тогда, когда в меня влюбится принцесса и поцелует меня.

Хозяйка. Когда, когда? Повтори-ка!

Медведь. Когда какая-нибудь первая попавшаяся принцесса меня полюбит и поцелует — я разом превращусь в медведя и убегу в родные мои горы.

Хозяйка. Боже мой, как это грустно!

Хозяин. Вот здравствуйте! Опять не угодил… Почему?

Хозяйка. А о принцессе-то вы и не подумали?

Хозяин. Пустяки! Влюбляться полезно.

Хозяйка. Бедная влюбленная девушка поцелует юношу, а он вдруг превратится в дикого зверя?

Хозяин. Дело житейское, жена.

Хозяйка. Но ведь он потом убежит в лес!

Хозяин. И это бывает.

Хозяйка. Сынок, сынок, ты бросишь влюбленную девушку?

Медведь. Увидев, что я медведь, она меня сразу разлюбит, хозяйка.

Х о з я й к а. Что ты знаешь о любви, мальчуган! *(Отводит мужа в сторону. Тихо.)* Я не хочу пугать мальчика, но опасную, опасную игру затеял ты, муж! Землетрясениями ты сбивал масло, молниями приколачивал гвозди, ураган таскал нам из города мебель, посуду, зеркала, перламутровые пуговицы. Я ко всему приучена, но теперь я боюсь.

Х о з я и н. Чего?

Х о з я й к а. Ураган, землетрясение, молнии — все это пустяки. Нам с людьми придется дело иметь. Да еще с молодыми. Да еще с влюбленными! Я чувствую, непременно, непременно случится то, чего мы совсем не ждем!

Х о з я и н. Ну а что может случиться? Принцесса в него не влюбится? Глупости! Смотри, какой он славный…

Х о з я й к а. А если…

Гремят трубы.

Х о з я и н. Поздно тут рассуждать, дорогая. Я сделал так, что один из королей, проезжающих по большой дороге, вдруг ужасно захотел свернуть к нам в усадьбу!

Гремят трубы.

И вот он едет сюда со свитой, министрами и принцессой, своей единственной дочкой. Беги, сынок! Мы их сами примем. Когда будет нужно, я позову тебя.

М е д в е д ь убегает.

Х о з я й к а. И тебе не стыдно будет смотреть в глаза королю?

Х о з я и н. Ни капельки! Я королей, откровенно говоря, терпеть не могу!

Х о з я й к а. Все-таки гость!

Х о з я и н. Да ну его! У него в свите едет палач, а в багаже везут плаху.

Х о з я й к а. Может, сплетни просто?

Х о з я и н. Увидишь. Сейчас войдет грубиян, хам, начнет безобразничать, распоряжаться, требовать.

Х о з я й к а. А вдруг нет! Ведь пропадем со стыда!

Х о з я и н. Увидишь!

Стук в дверь.

Можно!

Входит к о р о л ь.

К о р о л ь. Здравствуйте, любезные! Я король, дорогие мои.

Х о з я и н. Добрый день, ваше величество.

К о р о л ь. Мне, сам не знаю почему, ужасно понравилась ваша усадьба. Едем по дороге, а меня так и тянет свернуть в горы, подняться к вам. Разрешите нам, пожалуйста, погостить у вас несколько дней!

Х о з я и н. Боже мой... Ай-ай-ай!

К о р о л ь. Что с вами?

Х о з я и н. Я думал, вы не такой. Не вежливый, не мягкий. А впрочем, это неважно! Чего-нибудь придумаем. Я всегда рад гостям.

К о р о л ь. Но мы беспокойные гости!

Х о з я и н. Да это черт с ним! Дело не в этом... Садитесь, пожалуйста!

К о р о л ь. Вы мне нравитесь, хозяин. *(Усаживается.)*

Х о з я и н. Фу ты черт!

К о р о л ь. И поэтому я объясню вам, почему мы беспокойные гости. Можно?

Х о з я и н. Прошу вас, пожалуйста!

К о р о л ь. Я страшный человек!

Х о з я и н *(радостно)*. Ну да?

К о р о л ь. Очень страшный. Я тиран!

Х о з я и н. Ха-ха-ха!

К о р о л ь. Деспот. А кроме того, я коварен, злопамятен, капризен.

Х о з я и н. Вот видишь? Что я тебе говорил, жена?

К о р о л ь. И самое обидное, что не я в этом виноват...

Х о з я и н. А кто же?

К о р о л ь. Предки. Прадеды, прабабки, внучатые дяди, тети разные, праотцы и праматери. Они вели себя при жизни как свиньи, а мне приходится отвечать. Паразиты они, вот что я вам скажу, простите невольную резкость выражения. Я по натуре добряк, умница, люблю музыку, рыбную ловлю, кошек. И вдруг такого натворю, что хоть плачь.

Х о з я и н. А удержаться никак невозможно?

К о р о л ь. Куда там! Я вместе с фамильными драгоценностями унаследовал все подлые фамильные черты. Представляете удовольствие? Сделаешь гадость — все ворчат, и никто не хочет понять, что это тетя виновата.

Х о з я и н. Вы подумайте! *(Хохочет.)* С ума сойти! *(Хохочет.)*

К о р о л ь. Э, да вы тоже весельчак!

Х о з я и н. Просто удержу нет, король.

К о р о л ь. Вот это славно! *(Достает из сумки, висящей у него через плечо, пузатую плетеную флягу.)* Хозяйка, три бокала!

Х о з я й к а. Извольте, государь!

К о р о л ь. Это драгоценное, трехсотлетнее королевское вино. Нет, нет, не обижайте меня. Давайте отпразднуем нашу встречу. *(Разливает вино.)* Цвет, цвет какой! Костюм бы сделать такого цвета — все другие короли лопнули бы от зависти! Ну, со свиданьицем! Пейте до дна!

Х о з я и н. Не пей, жена.

К о р о л ь. То есть как это «не пей»?

Х о з я и н. А очень просто!

К о р о л ь. Обидеть хотите?

Х о з я и н. Не в том дело...

К о р о л ь. Обидеть? Гостя? *(Хватается за шпагу.)*

Х о з я и н. Тише, тише, ты! Не дома.

К о р о л ь. Ты учить меня вздумал?! Да я только глазом моргну — и нет тебя. Мне плевать, дома я или не дома. Министры спишутся, я выражу сожаление. А ты так и останешься в сырой земле на веки веков. Дома, не дома... Наглец! Еще улыбается... Пей!

Х о з я и н. Не стану!

К о р о л ь. Почему?

Х о з я и н. Да потому, что вино-то отравленное, король!

К о р о л ь. Какое, какое?

Х о з я и н. Отравленное, отравленное!

К о р о л ь. Подумайте, что выдумал!

Х о з я и н. Пей ты первый! Пей, пей! *(Хохочет.)* То-то, брат! *(Бросает в очаг все три бокала.)*

К о р о л ь. Ну это уж глупо! Не хотел пить — я вылил бы зелье обратно в бутылку. Вещь в дороге необходимая! Легко ли на чужбине достать яду?

Х о з я й к а. Стыдно, стыдно, ваше величество!

К о р о л ь. Не я виноват!

Х о з я й к а. А кто?

К о р о л ь. Дядя! Он так же вот разговорится, бывало, с кем придется, наплетет о себе с три короба, а потом ему делается стыдно. И у него душа была тонкая, деликатная, легко уязвимая. И чтобы потом не мучиться, он, бывало, возьмет да и отравит собеседника.

Х о з я и н. Подлец!

К о р о л ь. Скотина форменная! Оставил наследство, негодяй!

Х о з я и н. Значит, дядя виноват?

К о р о л ь. Дядя, дядя, дядя! Нечего улыбаться! Я человек начитанный, совестливый. Другой свалил бы вину за свои подлости на товарищей, на начальство, на соседей, на жену. А я валю на предков, как на покойников. Им все равно, а мне полегче.

Х о з я и н. А..

К о р о л ь. Молчи! Знаю, что ты скажешь! Отвечать самому, не сваливая вину на ближних, за все свои подлости

и глупости — выше человеческих сил! Я не гений какой-нибудь. Просто король, какими пруд пруди. Ну и довольно об этом! Все стало ясно. Вы меня знаете, я — вас: можно не притворяться, не ломаться. Чего же вы хмуритесь? Остались живы-здоровы, ну и слава богу... Чего там...

Хозяйка. Скажите, пожалуйста, король, а принцесса тоже...

Король *(очень мягко)*. Ах, нет, нет, что вы! Она совсем другая.

Хозяйка. Вот горе-то какое!

Король. Не правда ли? Она очень добрая у меня. И славная. Ей трудно приходится...

Хозяйка. Мать жива?

Король. Умерла, когда принцессе было всего семь минут от роду. Уж вы не обижайте мою дочку.

Хозяйка. Король!

Король. Ах, я перестаю быть королем, когда вижу ее или думаю о ней. Друзья, друзья мои, какое счастье, что я так люблю только родную дочь! Чужой человек веревки из меня вил бы, и я скончался бы от этого. В бозе почил бы... Да... Так-то вот.

Хозяин *(достает из кармана яблоко)*. Скушайте яблочко!

Король. Спасибо, не хочется.

Хозяин. Хорошее. Не ядовитое!

Король. Да я знаю. Вот что, друзья мои. Мне захотелось рассказать вам обо всех моих заботах и горестях. А раз уж захотелось — конец! Не удержаться. Я расскажу! А? Можно?

Хозяин. Ну о чем тут спрашивать? Сядь, жена. Поуютней. Поближе к очагу. Вот и я сел. Так вам удобно? Воды принести? Не закрыть ли окна?

Король. Нет, нет, спасибо.

Хозяин. Мы слушаем, ваше величество! Рассказывайте!

Король. Спасибо. Вы знаете, друзья мои, где расположена моя страна?

Хозяин. Знаю.

Король. Где?

Хозяин. За тридевять земель.

Король. Совершенно верно. И вот сейчас вы узнаете, почему мы поехали путешествовать и забрались так далеко. Она причиною этому.

Хозяин. Принцесса?

Король. Да! Она. Дело в том, друзья мои, что принцессе еще и пяти лет не было, когда я заметил, что она совсем не похожа на королевскую дочь. Сначала я ужаснулся. Даже заподозрил в измене свою бедную покойную жену. Стал выяснять, выспрашивать — и забросил следствие на полдороге. Испугался. Я успел так сильно привязаться к девочке! Мне стало даже нравиться, что она такая необыкновенная. Придешь в детскую — и вдруг, стыдно сказать, делаешься симпатичным. Хе-хе. Прямо хоть от престола отказывайся... Это все между нами, господа!

Хозяин. Ну еще бы! Конечно!

Король. До смешного доходило. Подписываешь, бывало, кому-нибудь там смертный приговор и хохочешь, вспоминая ее смешные шалости и словечки. Потеха, верно?

Хозяин. Да нет, почему же!

Король. Ну вот. Так мы и жили. Девочка умнеет, подрастает. Что сделал бы на моем месте настоящий добрый отец? Приучил бы дочь постепенно к житейской грубости, жестокости, коварству. А я, эгоист проклятый, так привык отдыхать возле нее душою, что стал, напротив того, охранять бедняжку от всего, что могло бы ее испортить. Подлость, верно?

Хозяин. Да нет, отчего же!

Король. Подлость, подлость! Согнал во дворец лучших людей со всего королевства. Приставил их к дочке. За стенкой такое делается, что самому бывает жутко. Знаете небось, что такое королевский дворец?

Хозяин. Ух!

К о р о л ь. Вот то-то и есть! За стеной люди давят друг друга, режут родных братьев, сестер душат... Словом, идет повседневная, будничная жизнь. А войдешь на половину принцессы — там музыка, разговоры о хороших людях, о поэзии, вечный праздник. Ну и рухнула эта стена из-за чистого пустяка. Помню как сейчас — дело было в субботу. Сижу я, работаю, проверяю донесения министров друг на дружку. Дочка сидит возле, вышивает мне шарф к именинам... Все тихо, мирно, птички поют. Вдруг церемониймейстер входит, докладывает: тетя приехала. Герцогиня. А я ее терпеть не мог. Визгливая баба. Я и говорю церемониймейстеру: скажи ей, что меня дома нет. Пустяк?

Х о з я и н. Пустяк.

К о р о л ь. Это для нас с вами пустяк, потому что мы люди как люди. А бедная дочь моя, которую я вырастил как бы в теплице, упала в обморок!

Х о з я и н. Ну да?

К о р о л ь. Честное слово. Ее, видите ли, поразило, что папа, ее папа может сказать неправду. Стала она скучать, задумываться, томиться, а я растерялся. Во мне вдруг проснулся дед с материнской стороны. Он был неженка. Он так боялся боли, что при малейшем несчастье замирал, ничего не предпринимал, а все надеялся на лучшее. Когда при нем душили его любимую жену, он стоял возле да уговаривал: потерпи, может быть, все обойдется! А когда ее хоронили, он шел за гробом да посвистывал. А потом упал да умер. Хорош мальчик?

Х о з я и н. Куда уж лучше.

К о р о л ь. Вовремя проснулась наследственность? Понимаете, какая получилась трагедия? Принцесса бродит по дворцу, думает, глядит, слушает, а я сижу на троне сложа ручки да посвистываю. Принцесса вот-вот узнает обо мне такое, что убьет ее насмерть, а я беспомощно улыбаюсь. Но однажды ночью я вдруг очнулся. Вскочил. Приказал запрягать коней — и на рассвете мы уже мчались по дороге, милостиво отвечая на низкие поклоны наших любезных подданных.

Х о з я й к а. Боже мой, как все это грустно!

К о р о л ь. У соседей мы не задерживались. Известно, что за сплетники соседи. Мы мчались все дальше и дальше, пока не добрались до Карпатских гор, где о нас никто никогда ничего и не слыхивал. Воздух тут чистый, горный. Разрешите погостить у вас, пока мы не построим замок со всеми удобствами, садом, темницей и площадками для игр...

Х о з я й к а. Боюсь, что...

Х о з я и н. Не бойся, пожалуйста! Прошу! Умоляю! Мне все это так нравится! Ну милая, ну дорогая! Идем, идем, ваше величество, я покажу вам комнаты.

К о р о л ь. Благодарю вас!

Х о з я и н *(пропускает короля вперед)*. Пожалуйста, сюда, ваше величество! Осторожней, здесь ступенька. Вот так. *(Оборачивается к жене. Шепотом.)* Дай ты мне хоть один денек пошалить! Влюбляться полезно! Не умрет, господи боже мой! *(Убегает.)*

Х о з я й к а. Ну уж нет! Пошалить! Разве такая девушка перенесет, когда милый и ласковый юноша на ее глазах превратится в дикого зверя! Опытной женщине — и то стало бы жутко. Не позволю! Уговорю этого бедного медведя потерпеть еще немного, поискать другую принцессу, похуже. Вон, кстати, и конь его стоит нерасседланный, фыркает в овес — значит, сыт и отдохнул. Садись верхом да скачи за горы! Потом вернешься! *(Зовет.)* Сынок! Сынок! Где ты? *(Уходит.)*

Голос ее слышен за сценой: «Где же ты! Сынок!»
Вбегает М е д в е д ь.

М е д в е д ь. Здесь я.

Х о з я й к а *(за сценой)*. Выйди ко мне в садик!

М е д в е д ь. Бегу!

Распахивает дверь. За дверью девушка с букетом в руках.

Простите, я, кажется, толкнул вас, милая девушка?

Девушка роняет цветы. Медведь поднимает их.

Что с вами? Неужели я напугал вас?

Девушка. Нет. Я только немножко растерялась. Видите ли, меня до сих пор никто не называл просто: милая девушка.

Медведь. Я не хотел обидеть вас!

Девушка. Да ведь я вовсе и не обиделась!

Медведь. Ну, слава богу! Моя беда в том, что я ужасно правдив. Если я вижу, что девушка милая, то так прямо и говорю ей об этом.

Голос хозяйки. Сынок, сынок, я тебя жду!

Девушка. Это вас зовут?

Медведь. Меня.

Девушка. Вы сын владельца этого дома?

Медведь. Нет, я сирота.

Девушка. Я тоже. То есть отец мой жив, а мать умерла, когда мне было всего семь минут от роду.

Медведь. Но у вас, наверное, много друзей?

Девушка. Почему вы думаете?

Медведь. Не знаю... Мне кажется, что все должны вас любить.

Девушка. За что же?

Медведь. Очень уж вы нежная. Правда... Скажите, когда вы прячете лицо свое в цветы — это значит, что вы рассердились?

Девушка. Нет.

Медведь. Тогда я вам еще вот что скажу: вы красивы. Вы так красивы! Очень. Удивительно. Ужасно.

Голос хозяйки. Сынок, сынок, где же ты?

Медведь. Не уходите, пожалуйста!

Девушка. Но ведь вас зовут.

Медведь. Да. Зовут. И вот что я еще скажу вам. Вы мне очень понравились. Ужасно. Сразу.

Девушка хохочет.

Я смешной?

Девушка. Нет. Но... что же мне еще делать? Я не знаю. Ведь со мною так никто не разговаривал...

М е д в е д ь. Я очень этому рад. Боже мой, что же это я делаю? Вы, наверное, устали с дороги, проголодались, а я все болтаю да болтаю. Садитесь, пожалуйста. Вот молоко. Парное. Пейте! Ну же! С хлебом, с хлебом!

Девушка повинуется. Она пьет молоко и ест хлеб, не сводя глаз с Медведя.

Д е в у ш к а. Скажите, пожалуйста, вы не волшебник?

М е д в е д ь. Нет, что вы!

Д е в у ш к а. А почему же тогда я так слушаюсь вас? Я очень сытно позавтракала всего пять минут назад — и вот опять пью молоко, да еще с хлебом. Вы честное слово не волшебник?

М е д в е д ь. Честное слово.

Д е в у ш к а. А почему же, когда вы говорили… что я… понравилась вам, то.. я почувствовала какую-то странную слабость в плечах и в руках и… Простите, что я у вас об этом спрашиваю, но кого же мне еще спросить? Мы так вдруг подружились! Верно?

М е д в е д ь. Да, да!

Д е в у ш к а. Ничего не понимаю… Сегодня праздник?

М е д в е д ь. Не знаю. Да. Праздник.

Д е в у ш к а. Я так и знала.

М е д в е д ь. А скажите, пожалуйста, кто вы? Вы состоите в свите короля?

Д е в у ш к а. Нет.

М е д в е д ь. Ах, понимаю! Вы из свиты принцессы?

Д е в у ш к а. А вдруг я и есть сама принцесса?

М е д в е д ь. Нет, нет, не шутите со мной так жестоко!

Д е в у ш к а. Что с вами? Вы вдруг так побледнели! Что я такое сказала?

М е д в е д ь. Нет, нет, вы не принцесса. Нет! Я долго бродил по свету и видел множество принцесс — вы на них совсем не похожи!

Д е в у ш к а. Но...

М е д в е д ь. Нет, нет, не мучайте меня. Говорите о чем хотите, только не об этом.

Д е в у ш к а. Хорошо. Вы.. Вы говорите, что много бродили по свету?

М е д в е д ь. Да. Я все учился да учился, и в Сорбонне, и в Лейдене, и в Праге. Мне казалось, что человеку жить очень трудно, и я совсем загрустил. И тогда я стал учиться.

Д е в у ш к а. Ну и как?

М е д в е д ь. Не помогло.

Д е в у ш к а. Вы грустите по-прежнему?

М е д в е д ь. Не все время, но грущу.

Д е в у ш к а. Как странно! А мне-то казалось, что вы такой спокойный, радостный, простой!

М е д в е д ь. Это оттого, что я здоров, как медведь. Что с вами? Почему вы вдруг покраснели?

Д е в у ш к а. Сама не знаю. Ведь я так изменилась за последние пять минут, что совсем не знаю себя. Сейчас попробую понять, в чем тут дело. Я... я испугалась!

М е д в е д ь. Чего?

Д е в у ш к а. Вы сказали, что вы здоровы, как медведь. Медведь... Шутка сказать. А я так беззащитна с этой своей волшебной покорностью. Вы не обидите меня?

М е д в е д ь. Дайте мне руку.

Девушка повинуется. Медведь становится на одно колено. Целует ей руку.

Пусть меня гром убьет, если я когда-нибудь обижу вас. Куда вы пойдете — туда и я пойду, когда вы умрете — тогда и я умру.

Гремят трубы.

Д е в у ш к а. Боже мой! Я совсем забыла о них. Свита добралась наконец до места. *(Подходит к окну)* Какие вчерашние, домашние лица! Давайте спрячемся от них!

М е д в е д ь. Да, да!

Д е в у ш к а. Бежим на речку!

Убегают, взявшись за руки. Тотчас же в комнату входит х о з я й к а. Она улыбается сквозь слезы.

Х о з я й к а. Ах, боже мой, боже мой! Я слышала, стоя здесь под окном, весь их разговор от слова и до слова. А войти и разлучить их не посмела. Почему? Почему я и плачу и радуюсь, как дура? Ведь я понимаю, что ничем хорошим это кончиться не может, а на душе праздник. Ну вот и налетел ураган, любовь пришла. Бедные дети, счастливые дети!

Робкий стук в дверь.

Войдите!

Входит очень тихий, небрежно одетый ч е л о в е к с узелком в руках.

Ч е л о в е к. Здравствуйте, хозяюшка! Простите, что я врываюсь к вам. Может быть, я помешал? Может быть, мне уйти?

Х о з я й к а. Нет, нет, что вы! Садитесь, пожалуйста!

Ч е л о в е к. Можно положить узелок?

Х о з я й к а. Конечно, прошу вас!

Ч е л о в е к. Вы очень добры. Ах, какой славный, удобный очаг! И ручка для вертела! И крючок для чайника!

Х о з я й к а. Вы королевский повар?

Ч е л о в е к. Нет, хозяюшка, я первый министр короля.

Х о з я й к а. Кто, кто?

М и н и с т р. Первый министр его величества.

Х о з я й к а. Ах, простите...

М и н и с т р. Ничего, я не сержусь... Когда-то все угадывали с первого взгляда, что я министр. Я был сияющий, величественный такой. Знатоки утверждали, что трудно понять, кто держится важнее и достойнее — я или королевские кошки. А теперь... Сами видите...

Х о з я й к а. Что же довело вас до такого состояния?

М и н и с т р. Дорога, хозяюшка.

Х о з я й к а. Дорога?

М и н и с т р. В силу некоторых причин, мы, группа придворных, были вырваны из привычной обстановки и отправлены в чужие страны. Это само по себе мучительно, а тут еще этот тиран.

Х о з я й к а. Король?

М и н и с т р. Что вы, что вы! К его величеству мы давно привыкли. Тиран — это министр-администратор.

Х о з я й к а. Но если вы первый министр, то он ваш подчиненный? Как же он может быть вашим тираном?

М и н и с т р. Он забрал такую силу, что мы все дрожим перед ним.

Х о з я й к а. Как же это удалось ему?

М и н и с т р. Он единственный из всех нас умеет путешествовать. Он умеет достать лошадей на почтовой станции, добыть карету, накормить нас. Правда, все это он делает плохо, но мы и вовсе ничего такого не можем. Не говорите ему, что я жаловался, а то он меня оставит без сладкого.

Х о з я й к а. А почему вы не пожалуетесь королю?

М и н и с т р. Ах, короля он так хорошо... как это говорится на деловом языке... обслуживает и снабжает, что государь ничего не хочет слышать.

Входят две ф р е й л и н ы и п р и д в о р н а я д а м а.

Д а м а *(говорит мягко, негромко, произносит каждое слово с аристократической отчетливостью)*. Черт его знает, когда это кончится! Мы тут запаршивеем к свиньям, пока этот ядовитый гад соблаговолит дать нам мыла. Здравствуйте, хозяйка, простите, что мы без стука. Мы в дороге одичали, как чертова мать.

М и н и с т р. Да, вот она, дорога! Мужчины делаются тихими от ужаса, а женщины — грозными. Позвольте представить вам красу и гордость королевской свиты — первую кавалерственную даму.

Д а м а. Боже мой, как давно не слышала я подобных слов! *(Делает реверанс.)* Очень рада, черт побери.

(Представляет хозяйке.) Фрейлины принцессы — Оринтия и Аманда.

Фрейлины приседают.

Простите, хозяйка, но я вне себя! Его окаянное превосходительство министр-администратор не дал нам сегодня пудры, духов кельккфлер и глицеринового мыла, смягчающего кожу и предохраняющего от обветривания. Я убеждена, что он продал все это туземцам. Поверите ли, когда мы выезжали из столицы, у него была всего только жалкая картонка из-под шляпы, в которой лежал бутерброд и его жалкие кальсоны. *(Министру.)* Не вздрагивайте, мой дорогой, то ли мы видели в дороге! Повторяю: кальсоны. А теперь у наглеца тридцать три ларца и двадцать два чемодана, не считая того, что он отправил домой с оказией.

О р и н т и я. И самое ужасное, что говорить мы теперь можем только о завтраках, обедах и ужинах.

А м а н д а. А разве для этого покинули мы родной дворец?

Д а м а. Скотина не хочет понять, что главное в нашем путешествии — тонкие чувства: чувства принцессы, чувства короля. Мы были взяты в свиту, как женщины деликатные, чувствительные, милые. Я готова страдать. Не спать ночами. Умереть даже согласна, чтобы помочь принцессе. Но зачем терпеть лишние, никому не нужные, унизительные мучения из-за потерявшего стыд верблюда?

Х о з я й к а. Не угодно ли вам умыться с дороги, сударыни?

Д а м а. Мыла нет у нас!

Х о з я й к а. Я вам дам все, что требуется, и сколько угодно горячей воды.

Д а м а. Вы святая! *(Целует хозяйку.)* Мыться! Вспомнить оседлую жизнь! Какое счастье!

Х о з я й к а. Идемте, идемте, я провожу вас. Присядьте, сударь! Я сейчас вернусь и угощу вас кофе.

Уходит с придворной дамой и фрейлинами. Министр садится у очага. Входит министр-администратор. Первый министр вскакивает.

Министр *(робко)*. Здравствуйте!

Администратор. А?

Министр. Я сказал: здравствуйте!

Администратор. Виделись!

Министр. Ах, почему, почему вы так невежливы со мной?

Администратор. Я не сказал вам ни одного нехорошего слова. *(Достает из кармана записную книжку и углубляется в какие-то вычисления.)*

Министр. Простите... Где наши чемоданы?

Администратор. Вот народец! Все о себе, все только о себе!

Министр. Но я...

Администратор. Будете мешать — оставлю без завтрака.

Министр. Да нет, я ничего. Я так просто... Я сам пойду поищу его... чемоданчик-то. Боже мой, когда же все это кончится! *(Уходит.)*

Администратор *(бормочет, углубившись в книжку)*. Два фунта придворным, а четыре в уме... Три фунта королю, а полтора в уме. Фунт принцессе, а полфунта в уме. Итого в уме шесть фунтиков! За одно утро! Молодец. Умница.

Входит хозяйка. Администратор подмигивает ей.

Ровно в полночь!

Хозяйка. Что в полночь?

Администратор. Приходите к амбару. Мне ухаживать некогда. Вы привлекательны, я привлекателен — чего же тут время терять? В полночь. У амбара. Жду. Не пожалеете.

Хозяйка. Как вы смеете!

Администратор. Да, дорогая моя, — смею. Я и на принцессу, ха-ха, поглядываю многозначительно, но

дурочка пока что ничего такого не понимает. Я своего не пропущу!

Хозяйка. Вы сумасшедший?

Администратор. Что вы, напротив! Я так нормален, что сам удивляюсь.

Хозяйка. Ну, значит, вы просто негодяй.

Администратор. Ах, дорогая, а кто хорош? Весь мир таков, что стесняться нечего. Сегодня, например, вижу: летит бабочка. Головка крошечная, безмозглая. Крыльями — бяк, бяк — дура дурой! Это зрелище на меня так подействовало, что я взял да украл у короля двести золотых. Чего тут стесняться, когда весь мир создан совершенно не на мой вкус. Береза — тупица, дуб — осел. Речка — идиотка. Облака — кретины. Люди — мошенники. Все! Даже грудные младенцы только об одном мечтают, как бы пожрать да поспать. Да ну его! Чего там, в самом деле? Придете?

Хозяйка. И не подумаю. Да еще мужу пожалуюсь, и он превратит вас в крысу.

Администратор. Позвольте, он волшебник?

Хозяйка. Да.

Администратор. Предупреждать надо! В таком случае — забудьте о моем наглом предложении. *(Скороговоркой.)* Считаю его безобразной ошибкой. Я крайне подлый человек. Раскаиваюсь, раскаиваюсь, прошу дать возможность загладить. Всё. Где же, однако, эти проклятые придворные!

Хозяйка. За что вы их так ненавидите?

Администратор. Сам не знаю. Но чем больше я на них наживаюсь, тем больше ненавижу.

Хозяйка. Вернувшись домой, они вам все припомнят.

Администратор. Глупости! Вернутся, умилятся, обрадуются, захлопочутся, всё забудут.

Трубит в трубу. Входят первый министр, придворная дама, фрейлины.

Где вы шляетесь, господа? Не могу же я бегать за каждым в отдельности. Ах! *(Придворной даме.)* Вы умылись?

Д а м а. Умылась, черт меня подери!

А д м и н и с т р а т о р. Предупреждаю: если вы будете умываться через мою голову, я снимаю с себя всякую ответственность. Должен быть известный порядок, господа. Тогда все делайте сами! Что такое, на самом деле...

М и н и с т р. Тише! Его величество идет сюда!

Входят к о р о л ь и х о з я и н. Придворные низко кланяются.

К о р о л ь. Честное слово, мне здесь очень нравится. Весь дом устроен так славно, с такой любовью, что взял бы да отнял! Хорошо все-таки, что я не у себя! Дома я не удержался бы и заточил бы вас в свинцовую башню на рыночной площади. Ужасное место! Днем жара, ночью холод. Узники до того мучаются, что даже тюремщики иногда плачут от жалости... Заточил бы я вас, а домик себе!

Х о з я и н *(хохочет)*. Вот изверг-то!

К о р о л ь. А вы как думали? Король — от темени до пят! Двенадцать поколений предков — и все изверги, один к одному! Сударыни, где моя дочь?

Д а м а. Ваше величество! Принцесса приказала нам отстать. Их высочеству угодно было собирать цветы на прелестной поляне возле шумного горного ручья в полном одиночестве.

К о р о л ь. Как осмелились вы бросить крошку одну! В траве могут быть змеи, от ручья дует!

Х о з я й к а. Нет, король, нет! Не бойтесь за нее. *(Указывает в окно.)* Вон она идет, живехонька, здоровехонька!

К о р о л ь *(бросается к окну)*. Правда! Да, да, верно, вон, вон идет дочка моя единственная. *(Хохочет.)* Засмеялась! *(Хмурится.)* А теперь задумалась... *(Сияет.)* А теперь улыбнулась. Да как нежно, как ласково! Что это за юноша с нею? Он ей нравится — значит, и мне тоже. Какого он происхождения?

Х о з я и н. Волшебного!

К о р о л ь. Прекрасно. Родители живы?

Х о з я и н. Умерли.

К о р о л ь. Великолепно! Братья, сестры есть?

Х о з я и н. Нету.

К о р о л ь. Лучше и быть не может. Я пожалую ему титул, состояние, и пусть он путешествует с нами. Не может он быть плохим человеком, если так понравился нам. Хозяйка, он славный юноша?

Х о з я й к а. Очень, но…

К о р о л ь. Никаких «но»! Сто лет человек не видел свою дочь радостной, а ему говорят «но»! Довольно, кончено! Я счастлив — и все тут! Буду сегодня кутить весело, добродушно, со всякими безобидными выходками, как мой двоюродный прадед, который утонул в аквариуме, пытаясь поймать зубами золотую рыбку. Откройте бочку вина! Две бочки! Три! Приготовьте тарелки — я их буду бить! Уберите хлеб из овина — я подожгу овин! И пошлите в город за стеклами и стекольщиком! Мы счастливы, мы веселы, все пойдет теперь, как в хорошем сне!

Входят п р и н ц е с с а и М е д в е д ь.

П р и н ц е с с а. Здравствуйте, господа! Придворные *(хором)*. Здравствуйте, ваше королевское высочество!

Медведь замирает в ужасе.

П р и н ц е с с а. Я, правда, видела уже вас всех сегодня, но мне кажется, что это было так давно! Господа, этот юноша — мой лучший друг.

К о р о л ь. Жалую ему титул принца!

Придворные низко кланяются Медведю, он озирается с ужасом.

П р и н ц е с с а. Спасибо, папа! Господа! В детстве я завидовала девочкам, у которых есть братья. Мне казалось, что это очень интересно, когда дома возле живет такое непохожее на нас, отчаянное, суровое и веселое

существо. И существо это любит вас, потому что вы ему родная сестра. А теперь я не жалею об этом. По-моему, он...

Берет Медведя за руку. Тот вздрагивает.

По-моему, он нравятся мне больше даже, чем родной брат. С братьями ссорятся, а с ним я, по-моему, никогда не могла бы поссориться. Он любит то, что я люблю, понимает меня, даже когда я говорю непонятно, и мне с ним очень легко. Я его тоже понимаю, как самое себя. Видите, какой он сердитый. *(Смеется.)* Знаете почему? Я скрыла от него, что я принцесса, он их терпеть не может. Мне хотелось, чтобы он увидал, как не похожа я на других принцесс. Дорогой мой, да ведь я их тоже терпеть не могу! Нет, нет, пожалуйста, не смотрите на меня с таким ужасом! Ну, прошу вас! Ведь это я! Вспомните! Не сердитесь! Не пугайте меня! Не надо! Ну, хотите — я поцелую вас?

М е д в е д ь *(с ужасом)*. Ни за что!

П р и н ц е с с а. Я не понимаю!

М е д в е д ь *(тихо, с отчаянием)*. Прощайте, навсегда прощайте! *(Убегает.)*

Пауза. Хозяйка плачет.

П р и н ц е с с а. Что я ему сделала? Он вернется?

Отчаянный топот копыт.

К о р о л ь *(у окна)*. Куда вы?! *(Выбегает.)*

Придворные и хозяин за ним. Принцесса бросается к хозяйке.

П р и н ц е с с а. Вы его назвали — сынок. Вы его знаете. Что я ему сделала?

Х о з я й к а. Ничего, родная. Ты ни в чем не виновата. Не качай головой, поверь мне!

П р и н ц е с с а. Нет, нет, я понимаю, все понимаю! Ему не понравилось, что я его взяла за руку при всех. Он так вздрогнул, когда я сделала это. И это... это еще...

Я говорила о братьях ужасно нелепо... Я сказала: интересно, когда возле живет непохожее существо... Существо... Это так по-книжному, так глупо. Или... или... Боже мой! Как я могла забыть самое позорное! Я сказала ему, что поцелую его, а он...

Входят король, хозяин, придворные.

Король. Он ускакал не оглядываясь на своем сумасшедшем коне, прямо без дороги, в горы.

Принцесса убегает.

Куда ты? Что ты! *(Мчится за нею следом.)*

Слышно, как щелкает ключ в замке. Король возвращается. Он неузнаваем.

Палач!

Палач показывается в окне.

Палач. Жду, государь.

Король. Приготовься!

Палач. Жду, государь!

Глухой барабанный бой.

Король. Господа придворные, молитесь! Принцесса заперлась в комнате и не пускает меня к себе. Вы все будете казнены!

Администратор. Король!

Король. Все! Эй, вы там. Песочные часы!

Входит королевский слуга. Ставит на стол большие песочные часы.

Помилую только того, кто, пока бежит песок в часах, объяснит мне все и научит, как помочь принцессе. Думайте, господа, думайте. Песок бежит быстро! Говорите по очереди, коротко и точно. Первый министр!

Министр. Государь, по крайнему моему разумению, старшие не должны вмешиваться в любовные дела детей, если это хорошие дети, конечно.

К о р о л ь. Вы умрете первым, ваше превосходительство! *(Придворной даме.)* Говорите, сударыня!

Д а м а. Много, много лет назад, государь, я стояла у окна, а юноша на черном коне мчался прочь от меня по горной дороге. Была тихая-тихая лунная ночь. Топот копыт все затихал и затихал вдали...

А д м и н и с т р а т о р. Да говори ты скорей, окаянная! Песок-то сыплется!

К о р о л ь. Не мешайте!

А д м и н и с т р а т о р. Ведь одна порция на всех. Нам что останется!

К о р о л ь. Продолжайте, сударыня.

Д а м а *(неторопливо, с торжеством глядя на администратора)*. От всей души благодарю вас, ваше королевское величество! Итак, была тихая-тихая лунная ночь. Топот копыт все затихал и затихал вдали и наконец умолк навеки... Ни разу с той поры не видела я бедного мальчика. И, как вы знаете, государь, я вышла замуж за другого — и вот жива, спокойна и верно служу вашему величеству.

К о р о л ь. А были вы счастливы после того, как он ускакал?

Д а м а. Ни одной минуты за всю мою жизнь!

К о р о л ь. Вы тоже сложите свою голову на плахе, сударыня!

Дама кланяется с достоинством.

(Администратору.) Докладывайте!

А д м и н и с т р а т о р. Самый лучший способ утешить принцессу — это выдать замуж за человека, доказавшего свою практичность, знание жизни, распорядительность и состоящего при короле.

К о р о л ь. Вы говорите о палаче?

А д м и н и с т р а т о р. Что вы, ваше величество! Я его с этой стороны и не знаю совсем...

К о р о л ь. Узнаете. Аманда!

А м а н д а. Король, мы помолились и готовы к смерти.

К о р о л ь. И вы не посоветуете, как нам быть?

О р и н т и я. Каждая девушка поступает по-своему в подобных случаях. Только сама принцесса может решить, что тут делать.

Распахивается дверь. П р и н ц е с с а появляется на пороге. Она в мужском платье, при шпаге, за поясом пистолеты.

Х о з я и н. Ха-ха-ха! Отличная девушка! Молодчина!

К о р о л ь. Дочка! Что ты? Зачем ты пугаешь меня? Куда ты собралась?

П р и н ц е с с а. Этого я никому не скажу. Оседлать коня!

К о р о л ь. Да, да, едем, едем!

А д м и н и с т р а т о р. Прекрасно! Палач, уйдите, пожалуйста, родной. Там вас покормят. Убрать песочные часы! Придворные, в кареты!

П р и н ц е с с а. Замолчите! *(Подходит к отцу.)* Я очень тебя люблю, отец, не сердись на меня, но я уезжаю одна.

К о р о л ь. Нет!

П р и н ц е с с а. Клянусь, что убью каждого, кто последует за мной! Запомните это все.

К о р о л ь. Даже я?

П р и н ц е с с а. У меня теперь своя жизнь. Никто ничего не понимает, никому я ничего не скажу больше. Я одна, одна, и хочу быть одна! Прощайте! *(Уходит.)*

Король стоит некоторое время неподвижно, ошеломленный. Топот копыт приводит его в себя. Он бросается к окну.

К о р о л ь. Скачет верхом! Без дороги! В горы! Она заблудится! Она простудится! Упадет с седла и запутается в стремени! За ней! Следом! Чего вы ждете?

А д м и н и с т р а т о р. Ваше величество! Принцесса изволила поклясться, что застрелит каждого, кто последует за ней!

К о р о л ь. Все равно! Я буду следить за ней издали. За камушками ползти. За кустами. В траве буду прятаться от родной дочери, но не брошу ее. За мной!

Выбегает. Придворные за ним.

Х о з я й к а. Ну? Ты доволен?

Х о з я и н. Очень!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Общая комната в трактире «Эмилия». Поздний вечер. Пылает огонь в камине. Светло. Уютно. Стены дрожат от отчаянных порывов ветра. За прилавком — т р а к т и р щ и к. Это маленький, быстрый, стройный, изящный в движениях человек

Т р а к т и р щ и к. Ну и погодка! Метель, буря, лавины, обвалы! Даже дикие козы испугались и прибежали ко мне во двор просить о помощи. Сколько лет живу здесь, на горной вершине, среди вечных снегов, а такого урагана не припомню. Хорошо, что трактир мой построен надежно, как хороший замок, кладовые полны, огонь пылает. Трактир «Эмилия»! Трактир «Эмилия»... Эмилия... Да, да... Проходят охотники, проезжают дровосеки, волокут волоком мачтовые сосны, странники бредут неведомо куда, неведомо откуда, и все они позвонят в колокол, постучат в дверь, зайдут отдохнуть, поговорить, посмеяться, пожаловаться. И каждый раз я, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдет сюда. Она уже седая теперь, наверное. Седая. Давно замужем... И все-таки я мечтаю хоть голос ее услышать. Эмилия, Эмилия...

Звонит колокол.

Боже мой!

Стучат в дверь. Трактирщик бросается открывать.

Войдите! Пожалуйста, войдите!

Входят король, министры, придворные. Все они закутаны с головы до ног, занесены снегом.

К огню, господа, к огню! Не плачьте, сударыни, прошу вас! Я понимаю, что трудно не обижаться, когда вас бьют по лицу, суют за шиворот снег, толкают в сугроб, но ведь буря это делает без всякой злобы, нечаянно. Буря только разыгралась — и все тут. Позвольте, я помогу вам. Вот так. Горячего вина, пожалуйста. Вот так!

Министр. Какое прекрасное вино!

Трактирщик. Благодарю вас! Я сам вырастил лозу, сам давил виноград, сам выдержал вино в своих подвалах и своими руками подаю его людям. Я все делаю сам. В молодости я ненавидел людей, но это так скучно! Ведь тогда ничего не хочется делать и тебя одолевают бесплодные, печальные мысли. И вот я стал служить людям и понемножку привязался к ним. Горячего молока, сударыни! Да, я служу людям и горжусь этим! Я считаю, что трактирщик выше, чем Александр Македонский. Тот людей убивал, а я их кормлю, веселю, прячу от непогоды. Конечно, я беру за это деньги, но и Македонский работал не бесплатно. Еще вина, пожалуйста! С кем имею честь говорить? Впрочем, как вам угодно. Я привык к тому, что странники скрывают свои имена.

Король. Трактирщик, я король.

Трактирщик. Добрый вечер, ваше величество!

Король. Добрый вечер. Я очень несчастен, трактирщик!

Трактирщик. Это случается, ваше величество.

Король. Врешь, я беспримерно несчастен! Во время этой проклятой бури мне было полегчало. А теперь вот я согрелся, ожил и все мои тревоги и горести ожили вместе со мной. Безобразие какое! Дайте мне еще вина!

Трактирщик. Сделайте одолжение!

Король. У меня дочка пропала!

Трактирщик. Ай-ай-ай!

К о р о л ь. Эти бездельники, эти дармоеды оставили ребенка без присмотра. Дочка влюбилась, поссорилась, переоделась мальчиком и скрылась. Она не забредала к вам?

Т р а к т и р щ и к. Увы, нет, государь!

К о р о л ь. Кто живет в трактире?

Т р а к т и р щ и к. Знаменитый охотник с двумя учениками.

К о р о л ь. Охотник? Позовите его! Он мог встретить мою дочку. Ведь охотники охотятся повсюду!

Т р а к т и р щ и к. Увы, государь, этот охотник теперь совсем не охотится.

К о р о л ь. А чем же он занимается?

Т р а к т и р щ и к. Борется за свою славу. Он добыл уже пятьдесят дипломов, подтверждающих, что он знаменит, и подстрелил шестьдесят хулителей своего таланта.

К о р о л ь. А здесь он что делает?

Т р а к т и р щ и к. Отдыхает! Бороться за свою славу — что может быть утомительнее?

К о р о л ь. Ну, тогда черт с ним. Эй, вы там, приговоренные к смерти! В путь!

Т р а к т и р щ и к. Куда вы, государь? Подумайте! Вы идете на верную гибель!

К о р о л ь. А вам-то что? Мне легче там, где лупят снегом по лицу и толкают в шею. Встать!

Придворные встают.

Т р а к т и р щ и к. Погодите, ваше величество! Не надо капризничать, не надо лезть назло судьбе к самому черту в лапы. Я понимаю, что когда приходит беда — трудно усидеть на месте...

К о р о л ь. Невозможно!

Т р а к т и р щ и к. А приходится иногда! В такую ночь никого вы не разыщете, а только сами пропадете без вести.

К о р о л ь. Ну и пусть!

Т р а к т и р щ и к. Нельзя же думать только о себе. Не мальчик, слава богу, отец семейства. Ну, ну, ну! Не надо гримасничать, кулаки сжимать, зубами скрипеть. Вы меня послушайте! Я дело говорю! Моя гостиница оборудована всем, что может принести пользу гостям. Слыхали вы, что люди научились теперь передавать мысли на расстояние?

К о р о л ь. Придворный ученый что-то пробовал мне рассказать об этом, да я уснул.

Т р а к т и р щ и к. И напрасно! Сейчас я расспрошу соседей о бедной принцессе, не выходя из этой комнаты.

К о р о л ь. Честное слово?

Т р а к т и р щ и к. Увидите. В пяти часах езды от нас — монастырь, где экономом работает мой лучший друг. Это самый любопытный монах на свете. Он знает все, что творится на сто верст вокруг. Сейчас я передам ему все, что требуется, и через несколько секунд получу ответ. Тише, тише, друзья мои, не шевелитесь, не вздыхайте так тяжело: мне надо сосредоточиться. Так. Передаю мысли на расстояние. «Ау! Ау! Гоп-гоп! Мужской монастырь, келья девять, отцу эконому. Отец эконом! Гоп-гоп! Ау! Горах заблудилась девушка мужском платье. Сообщи, где она. Целую. Трактирщик». Вот и все. Сударыни, не надо плакать. Я настраиваюсь на прием, а женские слезы расстраивают меня. Вот так. Благодарю вас. Тише. Перехожу на прием. «Трактир “Эмилия”. Трактирщику. Не знаю сожалению. Пришли монастырь две туши черных козлов». Все понятно! Отец эконом, к сожалению, не знает, где принцесса, и просит прислать для монастырской трапезы...

К о р о л ь. К черту трапезу! Спрашивайте других соседей!

Т р а к т и р щ и к. Увы, государь, уж если отец эконом ничего не знает, то все другие тем более.

К о р о л ь. Я сейчас проглочу мешок пороху, ударю себя по животу и разорвусь в клочья!

Т р а к т и р щ и к. Эти домашние средства никогда и ничему не помогают. *(Берет связку ключей.)* Я отведу вам самую большую комнату, государь!

К о р о л ь. Что я там буду делать?

Т р а к т и р щ и к. Ходить из угла в угол. А на рассвете мы вместе отправимся на поиски. Верно говорю. Вот вам ключ. И вы, господа, получайте ключи от своих комнат. Это самое разумное из всего, что можно сделать сегодня. Отдохнуть надо, друзья мои! Набраться сил! Берите свечи. Вот так. Пожалуйте за мной!

Уходит, сопровождаемый к о р о л е м и п р и д в о р н ы м и. Тотчас же в комнату входит у ч е н и к знаменитого охотника. Оглядевшись осторожно, он кричит перепелом. Ему отвечает чириканье скворца, и в комнату заглядывает о х о т н и к.

У ч е н и к. Идите смело! Никого тут нету!

О х о т н и к. Если это охотники приехали сюда, то я застрелю тебя, как зайца.

У ч е н и к. Да я-то здесь при чем? Господи!

О х о т н и к. Молчи! Куда ни поеду отдыхать — везде толкутся окаянные охотники. Ненавижу! Да еще тут же охотничьи жены обсуждают охотничьи дела вкривь и вкось! Тьфу! Дурак ты!

У ч е н и к. Господи! Да я-то тут при чем?

О х о т н и к. Заруби себе на носу: если эти приезжие — охотники, то мы уезжаем немедленно. Болван! Убить тебя мало!

У ч е н и к. Да что же это такое? Да за что же вы меня, начальник, мучаете! Да я...

О х о т н и к. Молчи! Молчи, когда старшие сердятся! Ты чего хочешь? Чтобы я, настоящий охотник, тратил заряды даром? Нет, брат! Я для того и держу учеников, чтобы моя брань задевала хоть кого-нибудь. Семьи у меня нет, терпи ты. Письма отправил?

У ч е н и к. Отнес еще до бури. И когда шел обратно, то...

О х о т н и к. Помолчи! Все отправил? И то, что в большом конверте? Начальнику охоты?

У ч е н и к. Все, все! И когда шел обратно, следы видел. И заячьи, и лисьи.

О х о т н и к. К черту следы! Есть мне время заниматься глупостями, когда там внизу глупцы и завистники роют мне яму.

У ч е н и к. А может, не роют?

О х о т н и к. Роют, знаю я их!

У ч е н и к. Ну и пусть. А мы настреляли бы дичи целую гору — вот когда нас боялись бы... Они нам яму, а мы им добычу, ну и вышло бы, что мы молодцы, а они подлецы. Настрелять бы...

О х о т н и к. Осел! Настрелять бы... Как начнут они там внизу обсуждать каждый мой выстрел — с ума сойдешь! Лису, мол, он убил, как в прошлом году, ничего не внес нового в дело охоты. А если, чего доброго, промахнешься! Я, который до сих пор бил без промаха? Молчи! Убью! *(Очень мягко.)* А где же мой новый ученик?

У ч е н и к. Чистит ружье.

О х о т н и к. Молодец!

У ч е н и к. Конечно! У вас кто новый, тот и молодец.

О х о т н и к. Ну и что? Во-первых, я его не знаю и могу ждать от него любых чудес. Во-вторых, он меня не знает и поэтому уважает без всяких оговорок и рассуждений. Не то, что ты!

Звонит колокол.

Батюшки мои! Приехал кто-то! В такую погоду! Честное слово, это какой-нибудь охотник. Нарочно вылез в бурю, чтобы потом хвастать...

Стук в дверь.

Открывай, дурак! Так бы и убил тебя!

У ч е н и к. Господи, да я-то здесь при чем?

Отпирает дверь. Входит М е д в е д ь, занесенный снегом, ошеломленный. Отряхивается, оглядывается.

М е д в е д ь. Куда это меня занесло?

О х о т н и к. Идите к огню, грейтесь.

М е д в е д ь. Благодарю. Это гостиница?

О х о т н и к. Да. Хозяин сейчас выйдет. Вы охотник?

М е д в е д ь. Что вы! Что вы!

О х о т н и к. Почему вы говорите с таким ужасом об этом?

М е д в е д ь. Я не люблю охотников.

О х о т н и к. А вы их знаете, молодой человек?

М е д в е д ь. Да, мы встречались.

О х о т н и к. Охотники — это самые достойные люди на земле! Это все честные, простые парни. Они любят свое дело. Они вязнут в болотах, взбираются на горные вершины, блуждают по такой чаще, где даже зверю приходится жутко. И делают они все это не из любви к наживе, не из честолюбия, нет, нет! Их ведет благородная страсть! Понял?

М е д в е д ь. Нет, не понял. Но умоляю вас, не будем спорить! Я не знал, что вы так любите охотников!

О х о т н и к. Кто, я? Я просто терпеть не могу, когда их ругают посторонние.

М е д в е д ь. Хорошо, я не буду их ругать. Мне не до этого.

О х о т н и к. Я сам охотник! Знаменитый!

М е д в е д ь. Мне очень жаль.

О х о т н и к. Не считая мелкой дичи, я подстрелил на своем веку пятьсот оленей, пятьсот коз, четыреста волков и девяносто девять медведей.

Медведь вскакивает.

Чего вы вскочили?

М е д в е д ь. Убивать медведей — все равно что детей убивать!

О х о т н и к. Хороши дети! Вы видели их когти?

М е д в е д ь. Да. Они много короче, чем охотничьи кинжалы.

О х о т н и к. А сила медвежья?

М е д в е д ь. Не надо было дразнить зверя.

О х о т н и к Я так возмущен, что просто слов нет, придется стрелять. *(Кричит.)* Эй! Мальчуган! Принеси сюда ружье! Живо! Сейчас я вас убью, молодой человек.

М е д в е д ь. Мне все равно.

О х о т н и к. Где же ты, мальчуган? Ружье, ружье мне.

Вбегает п р и н ц е с с а. В руках у нее ружье. Медведь вскакивает.

(Принцессе.) Гляди, ученик, и учись. Этот наглец и невежда сейчас будет убит. Не жалей его. Он не человек, так как ничего не понимает в искусстве. Подай мне ружье, мальчик. Что ты прижимаешь его к себе, как маленького ребенка?

Вбегает т р а к т и р щ и к.

Т р а к т и р щ и к. Что случилось? А, понимаю. Дай ему ружье, мальчик, не бойся. Пока господин знаменитый охотник отдыхал после обеда, я высыпал порох из всех зарядов. Я знаю привычки моего почтенного гостя!

О х о т н и к. Проклятье!

Т р а к т и р щ и к. Вовсе не проклятье, дорогой друг. Вы, старые скандалисты, в глубине души бываете довольны, когда вас хватают за руки.

О х о т н и к. Нахал!

Т р а к т и р щ и к. Ладно, ладно! Съешь лучше двойную порцию охотничьих сосисок.

О х о т н и к. Давай, черт с тобой. И охотничьей настойки двойную порцию.

Т р а к т и р щ и к. Вот так-то лучше.

О х о т н и к *(ученикам)*. Садитесь, мальчуганы. Завтра, когда погода станет потише, идем на охоту.

У ч е н и к. Ура!

О х о т н и к. В хлопотах и суете я забыл, какое это высокое, прекрасное искусство. Этот дурачок раззадорил меня.

Т р а к т и р щ и к. Тише ты! *(Отводит Медведя в дальний угол, усаживает за стол.)* Садитесь, пожалуйста, сударь. Что с вами? Вы нездоровы? Сейчас я вас вылечу. У меня прекрасная аптечка для проезжающих... У вас жар?

М е д в е д ь. Не знаю... *(Шепотом.)* Кто эта девушка?

Т р а к т и р щ и к. Все понятно... Вы сходите с ума от несчастной любви. Тут, к сожалению, лекарства бессильны.

М е д в е д ь. Кто эта девушка?

Т р а к т и р щ и к. Здесь ее нет, бедняга!

М е д в е д ь. Ну как же нет! Вон она шепчется с охотником.

Т р а к т и р щ и к. Это вам все чудится! Это вовсе не она, это он. Это просто ученик знаменитого охотника. Вы понимаете меня?

М е д в е д ь. Благодарю вас. Да.

О х о т н и к. Что вы там шепчетесь обо мне?

Т р а к т и р щ и к. И вовсе не о тебе.

О х о т н и к. Все равно! Терпеть не могу, когда на меня глазеют. Отнеси ужин ко мне в комнату. Ученики, за мной!

Трактирщик несет поднос с ужином. Охотник с учеником и принцессой идут следом. Медведь бросается за ними. Вдруг дверь распахивается, прежде чем Медведь успевает добежать до нее. На пороге п р и н ц е с с а. Некоторое время принцесса и Медведь молча смотрят друг на друга. Но вот принцесса обходит Медведя, идет к столу, за которым сидела, берет забытый там носовой платок и направляется к выходу, не глядя на Медведя.

М е д в е д ь. Простите... У вас нет сестры?

Принцесса отрицательно качает головой.

Посидите со мной немного. Пожалуйста! Дело в том, что вы удивительно похожи на девушку, которую мне необходимо забыть как можно скорее. Куда же вы?

П р и н ц е с с а. Не хочу напоминать то, что необходимо забыть.

М е д в е д ь. Боже мой! И голос ее!

П р и н ц е с с а. Вы бредите.

М е д в е д ь. Очень может быть. Я как в тумане.

П р и н ц е с с а. Отчего?

М е д в е д ь. Я ехал и ехал трое суток, без отдыха, без дороги. Поехал бы дальше, но мой конь заплакал, как ребенок, когда я хотел миновать эту гостиницу.

П р и н ц е с с а. Вы убили кого-нибудь?

М е д в е д ь. Нет, что вы!

П р и н ц е с с а. От кого же бежали вы, как преступник?

М е д в е д ь. От любви.

П р и н ц е с с а. Какая забавная история!

М е д в е д ь. Не смейтесь. Я знаю: молодые люди — жестокий народ. Ведь они еще ничего не успели пережить. Я сам был таким всего три дня назад. Но с тех пор поумнел. Вы были когда-нибудь влюблены?

П р и н ц е с с а. Не верю я в эти глупости.

М е д в е д ь. Я тоже не верил. А потом влюбился.

П р и н ц е с с а. В кого же это, позвольте узнать?

М е д в е д ь. В ту самую девушку, которая так похожа на вас.

П р и н ц е с с а. Смотрите пожалуйста.

М е д в е д ь. Умоляю вас, не улыбайтесь! Я очень серьезно влюбился!

П р и н ц е с с а. Да уж, от легкого увлечения так далеко не убежишь.

М е д в е д ь. Ах, вы не понимаете.. Я влюбился и был счастлив. Недолго, но зато как никогда в жизни. А потом...

П р и н ц е с с а. Ну?

М е д в е д ь. Потом я вдруг узнал об этой девушке нечто такое, что все перевернуло разом. И в довершение беды я вдруг увидел ясно, что и она влюбилась в меня тоже.

П р и н ц е с с а. Какой удар для влюбленного!

М е д в е д ь. В этом случае страшный удар! А еще страшнее, страшнее всего мне стало, когда она сказала, что поцелует меня.

П р и н ц е с с а. Глупая девчонка!

М е д в е д ь. Что?

П р и н ц е с с а. Презренная дура!

М е д в е д ь. Не смей так говорить о ней!

П р и н ц е с с а. Она этого стоит.

М е д в е д ь. Не тебе судить! Это прекрасная девушка. Простая и доверчивая, как... как... как я!

П р и н ц е с с а. Вы? Вы хитрец, хвастун и болтун.

М е д в е д ь. Я?

П р и н ц е с с а. Да! Первому встречному с худо скрытым торжеством рассказываете вы о своих победах.

М е д в е д ь. Так вот как ты понял меня?

П р и н ц е с с а. Да, именно так! Она глупа...

М е д в е д ь. Изволь говорить о ней почтительно!

П р и н ц е с с а. Она глупа, глупа, глупа!

М е д в е д ь. Довольно! Дерзких щенят наказывают! *(Выхватывает шпагу.)* Защищайся!

П р и н ц е с с а. К вашим услугам!

Сражаются ожесточенно.

Уже дважды я мог убить вас.

М е д в е д ь. А я, мальчуган, ищу смерти!

П р и н ц е с с а. Почему вы не умерли без посторонней помощи?

М е д в е д ь. Здоровье не позволяет.

Делает выпад. Сбивает шляпу с головы принцессы. Ее тяжелые косы падают почти до земли. Медведь роняет шпагу.

Принцесса! Вот счастье! Вот беда! Это вы! Вы! Зачем вы здесь?

П р и н ц е с с а. Три дня я гналась за вами. Только в бурю потеряла ваш след, встретила охотника и пошла к нему в ученики.

М е д в е д ь. Вы три дня гнались за мной?

П р и н ц е с с а. Да! Чтобы сказать, как вы мне безразличны. Знайте, что вы для меня все равно что... все равно что бабушка, да еще чужая! И я не собираюсь вас целовать! И не думала я вовсе влюбляться в вас. Прощайте! *(Уходит. Возвращается.)* Вы так обидели меня, что я все равно отомщу вам! Я докажу вам, как вы мне безразличны. Умру, а докажу! *(Уходит.)*

М е д в е д ь. Бежать, бежать скорее! Она сердилась и бранила меня, а я видел только ее губы и думал, думал об одном: вот сейчас я ее поцелую! Медведь проклятый! Бежать, бежать! А может быть, еще раз, всего только разик взглянуть на нее. Глаза у нее такие ясные! И она здесь, здесь, рядом, за стеной. Сделать несколько шагов и... *(Смеется.)* Подумать только — она в одном доме со мной! Вот счастье! Что я делаю! Я погублю ее и себя! Эй ты, зверь! Прочь отсюда! В путь!

Входит т р а к т и р щ и к.

Я уезжаю!

Т р а к т и р щ и к. Это невозможно.

М е д в е д ь. Я не боюсь урагана.

Т р а к т и р щ и к. Конечно, конечно! Но вы разве не слышите, как стало тихо?

М е д в е д ь. Верно. Почему это?

Т р а к т и р щ и к. Я попробовал сейчас выйти во двор взглянуть, не снесло ли крышу нового амбара, — и не мог.

М е д в е д ь. Не могли?

Т р а к т и р щ и к. Мы погребены под снегом. В последние полчаса не хлопья, а целые сугробы валились с неба. Мой старый друг, горный волшебник, женился и остепенился, а то я подумал бы, что это его шалости.

М е д в е д ь. Если уехать нельзя, то заприте меня!

Т р а к т и р щ и к. Запереть?

М е д в е д ь. Да, да, на ключ!

Т р а к т и р щ и к. Зачем?

М е д в е д ь. Мне нельзя встречаться с ней! Я ее люблю!

Т р а к т и р щ и к. Кого?

М е д в е д ь. Принцессу!

Т р а к т и р щ и к. Она здесь?

М е д в е д ь. Здесь. Она переоделась в мужское платье. Я сразу узнал ее, а вы мне не поверили.

Т р а к т и р щ и к. Так это и в самом деле была она?

М е д в е д ь. Она! Боже мой... Только теперь, когда не вижу ее, я начинаю понимать, как оскорбила она меня!

Т р а к т и р щ и к. Нет!

М е д в е д ь. Как нет? Вы слышали, что она мне тут наговорила?

Т р а к т и р щ и к. Не слышал, но это все равно. Я столько пережил, что все понимаю.

М е д в е д ь. С открытой душой, по-дружески я жаловался ей на свою горькую судьбу, а она подслушала меня, как предатель.

Т р а к т и р щ и к. Не понимаю. Она подслушала, как вы жаловались ей же?

М е д в е д ь. Ах, ведь тогда я думал, что говорю с юношей, похожим на нее! Так понять меня! Все кончено! Больше я не скажу ей ни слова! Этого простить нельзя! Когда путь будет свободен, я только один разик молча взгляну на нее и уеду. Заприте, заприте меня!

Т р а к т и р щ и к. Вот вам ключ. Ступайте. Вон ваша комната. Нет, нет, запирать я вас не стану. В дверях новенький замок, и мне будет жалко, если вы его сломаете. Спокойной ночи. Идите, идите же!

М е д в е д ь. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

Т р а к т и р щ и к. Спокойной ночи. Только не найти его тебе, нигде не найти тебе покоя. Запрись в монастырь — одиночество напомнит о ней. Открой трактир при дороге — каждый стук двери напомнит тебе о ней.

Входит п р и д в о р н а я д а м а.

Д а м а. Простите, но свеча у меня в комнате все время гаснет.

Т р а к т и р щ и к. Эмилия! Ведь это верно? Ведь вас зовут Эмилия?

Д а м а. Да, меня зовут так. Но, сударь…

Т р а к т и р щ и к. Эмилия!

Д а м а. Черт меня побери!

Т р а к т и р щ и к. Вы узнаете меня?

Д а м а. Эмиль…

Т р а к т и р щ и к. Так звали юношу, которого жестокая девушка заставила бежать за тридевять земель, в горы, в вечные снега.

Д а м а. Не смотрите на меня. Лицо обветрилось. Впрочем, к дьяволу все. Смотрите. Вот я какая. Смешно?

Т р а к т и р щ и к. Я вижу вас такой, как двадцать пять лет назад.

Д а м а. Проклятие!

Т р а к т и р щ и к. На самых многолюдных маскарадах я узнавал вас под любой маской.

Д а м а. Помню.

Т р а к т и р щ и к. Что мне маска, которую надело на вас время!

Д а м а. Но вы не сразу узнали меня!

Т р а к т и р щ и к. Вы были так закутаны. Не смейтесь!

Д а м а. Я разучилась плакать. Вы меня узнали, но вы не знаете меня. Я стала злобной. Особенно в последнее время. Трубки нет?

Т р а к т и р щ и к. Трубки?

Д а м а. Я курю в последнее время. Тайно. Матросский табак. Адское зелье. От этого табака свечка и гасла все время у меня в комнате. Я и пить пробовала. Не понравилось. Вот я какая теперь стала.

Т р а к т и р щ и к. Вы всегда были такой.

Д а м а. Я?

Т р а к т и р щ и к. Да. Всегда у вас был упрямый и гордый нрав. Теперь он сказывается по-новому — вот и вся разница. Замужем были?

Д а м а. Была.

Т р а к т и р щ и к. За кем?

Д а м а. Вы его не знали.

Т р а к т и р щ и к. Он здесь?

Д а м а. Умер.

Т р а к т и р щ и к. А я думал, что этот юный паж стал вашим супругом.

Д а м а. Он тоже умер.

Т р а к т и р щ и к. Вот как? Отчего?

Д а м а. Утонул, отправившись на поиски младшего сына, которого буря унесла в море. Юношу подобрал купеческий корабль, а отец утонул.

Т р а к т и р щ и к. Так. Значит, юный паж...

Д а м а. Стал седым ученым и умер, а вы все сердитесь на него.

Т р а к т и р щ и к. Вы целовались с ним на балконе!

Д а м а. А вы танцевали с дочкой генерала.

Т р а к т и р щ и к. Танцевать прилично!

Д а м а. Черт побери! Вы шептали ей что-то на ухо все время!

Т р а к т и р щ и к. Я шептал ей: раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три! Она все время сбивалась с такта.

Д а м а. Смешно!

Т р а к т и р щ и к. Ужасно смешно! До слез.

Д а м а. С чего вы взяли, что мы были бы счастливы, поженившись?

Т р а к т и р щ и к. А вы сомневаетесь в этом? Да? Что же вы молчите!

Д а м а. Вечной любви не бывает.

Т р а к т и р щ и к. У трактирной стойки я не то еще слышал о любви. А вам не подобает так говорить. Вы всегда были разумны и наблюдательны.

Д а м а. Ладно. Ну простите меня, окаянную, за то, что я целовалась с этим мальчишкой. Дайте руку.

Эмиль и Эмилия пожимают друг другу руки.

Ну, вот и все. Жизнь не начнешь с начала.

Т р а к т и р щ и к. Все равно. Я счастлив, что вижу вас.

Д а м а. Я тоже. Тем глупее. Ладно. Плакать я теперь разучилась. Только смеюсь или бранюсь. Поговорим о другом, если вам не угодно, чтобы я ругалась, как кучер, или ржала, как лошадь.

Т р а к т и р щ и к. Да, да. У нас есть о чем поговорить. У меня в доме двое влюбленных детей могут погибнуть без нашей помощи.

Д а м а. Кто эти бедняги?

Т р а к т и р щ и к. Принцесса и тот юноша, из-за которого она бежала из дому. Он приехал сюда вслед за вами.

Д а м а. Они встретились?

Т р а к т и р щ и к. Да. И успели поссориться.

Д а м а. Бей в барабаны!

Т р а к т и р щ и к. Что вы говорите?

Д а м а. Труби в трубы!

Т р а к т и р щ и к. В какие трубы?

Д а м а. Не обращайте внимания. Дворцовая привычка. Так у нас командуют в случае пожара, наводнения, урагана. Караул, в ружье! Надо что-то немедленно предпринять. Пойду доложу королю. Дети погибают! Шпаги вон! К бою готовь! В штыки! *(Убегает.)*

Т р а к т и р щ и к. Я все понял... Эмилия была замужем за дворцовым комендантом. Труби в трубы! Бей в барабаны! Шпаги вон! Курит. Чертыхается. Бедная, гордая, нежная Эмилия! Разве он понимал, на ком женат, проклятый грубиян, царство ему небесное!

Вбегают к о р о л ь, п е р в ы й м и н и с т р, м и н и с т р - а д м и н и с т р а т о р, ф р е й л и н ы, п р и д в о р н а я д а м а.

К о р о л ь. Вы ее видели?

Т р а к т и р щ и к. Да.

К о р о л ь. Бледна, худа, еле держится на ногах?

Т р а к т и р щ и к. Загорела, хорошо ест, бегает, как мальчик.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Молодец.

Т р а к т и р щ и к. Спасибо.

К о р о л ь. Не вы молодец, она молодец. Впрочем, все равно, пользуйтесь. И он здесь?

Т р а к т и р щ и к. Да.

К о р о л ь. Влюблен?

Т р а к т и р щ и к. Очень.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! То-то! Знай наших. Мучается?

Т р а к т и р щ и к. Ужасно.

К о р о л ь. Так ему и надо! Ха-ха-ха! Он мучается, а она жива, здорова, спокойна, весела...

Входит о х о т н и к, сопровождаемый у ч е н и к о м.

О х о т н и к. Дай капель!

Т р а к т и р щ и к. Каких?

О х о т н и к. Почем я знаю? Ученик мой заскучал.

Т р а к т и р щ и к. Этот?

У ч е н и к. Еще чего! Я умру — он и то не заметит.

О х о т н и к. Новенький мой заскучал, не ест, не пьет, невпопад отвечает.

К о р о л ь. Принцесса?

О х о т н и к. Кто, кто?

Т р а к т и р щ и к. Твой новенький — переодетая принцесса.

У ч е н и к. Волк тебя заешь! А я ее чуть не стукнул по шее!

О х о т н и к *(ученику)*. Негодяй! Болван! Мальчика от девочки не можешь отличить!

У ч е н и к. Вы тоже не отличили.

О х о т н и к. Есть мне время заниматься подобными пустяками!

К о р о л ь. Замолчи ты! Где принцесса?

О х о т н и к. Но, но, но, не ори, любезный! У меня работа тонкая, нервная. Я окриков не переношу. Пришибу тебя и отвечать не буду!

Т р а к т и р щ и к. Это король!

О х о т н и к. Ой! *(Кланяется низко.)* Простите, ваше величество.

К о р о л ь. Где моя дочь?

О х о т н и к. Их высочество изволят сидеть у очага в нашей комнате. Сидят они и глядят на уголья.

К о р о л ь. Проводите меня к ней!

О х о т н и к Рад служить, ваше величество! Сюда, пожалуйста, ваше величество. Я вас провожу, а вы мне диплом. Дескать, учил королевскую дочь благородному искусству охоты.

К о р о л ь. Ладно, потом.

О х о т н и к. Спасибо, ваше величество.

Уходят. Администратор затыкает уши.

А д м и н и с т р а т о р. Сейчас, сейчас мы услышим пальбу!

Т р а к т и р щ и к. Какую?

А д м и н и с т р а т о р. Принцесса дала слово, что застрелит каждого, кто последует за ней.

Д а м а. Она не станет стрелять в родного отца.

А д м и н и с т р а т о р. Знаю я людей! Для честного словца не пожалеют и отца.

Т р а к т и р щ и к. А я не догадался разрядить пистолеты учеников.

Д а м а. Бежим туда! Уговорим ее!

М и н и с т р. Тише! Государь возвращается. Он разгневан!

А д м и н и с т р а т о р. Опять начнет казнить! А я и так простужен! Нет работы вредней придворной.

Входят к о р о л ь и о х о т н и к.

К о р о л ь *(негромко и просто)*. Я в ужасном горе. Она сидит там у огня, тихая, несчастная. Одна — вы слышите? Одна! Ушла из дому, от забот моих ушла. И если я приведу целую армию и все королевское могущество отдам ей в руки — это ей не поможет. Как же это так? Что

же мне делать? Я ее растил, берег, а теперь вдруг не могу ей помочь. Она за тридевять земель от меня. Подите к ней. Расспросите ее. Может быть, мы ей можем помочь все-таки? Ступайте же!

А д м и н и с т р а т о р. Она стрелять будет, ваше величество!

К о р о л ь. Ну так что? Вы все равно приговорены к смерти. Боже мой! Зачем все так меняется в твоем мире? Где моя маленькая дочка? Страстная, оскорбленная девушка сидит у огня. Да, да, оскорбленная. Я вижу. Мало ли я их оскорблял на своем веку. Спросите, что он ей сделал? Как мне поступить с ним? Казнить? Это я могу. Поговорить с ним? Берусь! Ну! Ступайте же!

Т р а к т и р щ и к. Позвольте мне поговорить с принцессой, король.

К о р о л ь. Нельзя! Пусть к дочке пойдет кто-нибудь из своих.

Т р а к т и р щ и к. Именно свои влюбленным кажутся особенно чужими. Все переменилось, а свои остались такими, как были.

К о р о л ь. Я не подумал об этом. Вы совершенно правы. Тем не менее приказания своего не отменю.

Т р а к т и р щ и к. Почему?

К о р о л ь. Почему, почему. Самодур потому что. Во мне тетя родная проснулась, дура неисправимая. Шляпу мне!

Министр подает королю шляпу.

Бумаги мне.

Трактирщик подает королю бумагу.

Бросим жребий. Так. Так, готово. Тот, кто вынет бумажку с крестом, пойдет к принцессе.

Д а м а. Позвольте мне без всяких крестов поговорить с принцессой, ваше величество. Мне есть что сказать ей.

К о р о л ь. Не позволю! Мне попала вожжа под мантию! Я — король или не король? Жребий, жребий! Первый министр! Вы первый!

Министр тянет жребий, разворачивает бумажку.

М и н и с т р. Увы, государь!

А д м и н и с т р а т о р. Слава богу!

М и н и с т р. На бумаге нет креста!

А д м и н и с т р а т о р. Зачем же было кричать «увы», болван!

К о р о л ь. Тише! Ваша очередь, сударыня!

Д а м а. Мне идти, государь.

А д м и н и с т р а т о р. От всей души поздравляю! Царствия вам небесного!

К о р о л ь. А ну, покажите мне бумажку, сударыня! *(Выхватывает из рук придворной дамы ее жребий, рассматривает, качает головой.)* Вы врунья, сударыня! Вот упрямый народ! Так и норовят одурачить бедного своего повелителя! Следующий! *(Администратору.)* Тяните жребий, сударь. Куда! Куда вы лезете! Откройте глаза, любезный! Вот, вот она, шляпа, перед вами.

Администратор тянет жребий, смотрит.

А д м и н и с т р а т о р. Ха-ха-ха!

К о р о л ь. Что «ха-ха-ха»!

А д м и н и с т р а т о р. То есть я хотел сказать — увы! Вот честное слово, провалиться мне, я не вижу никакого креста. Ай-ай-ай, какая обида! Следующий!

К о р о л ь. Дайте мне ваш жребий!

А д м и н и с т р а т о р. Кого?

К о р о л ь. Бумажку! Живо! *(Заглядывает в бумажку.)* Нет креста?

А д м и н и с т р а т о р. Нет!

К о р о л ь. А это что?

А д м и н и с т р а т о р. Какой же это крест? Смешно, честное слово... Это скорее буква «х»!

К о р о л ь. Нет, любезный, это он и есть! Ступайте!

А д м и н и с т р а т о р. Люди, люди, опомнитесь! Что вы делаете? Мы бросили дела, забыли сан и звание, поскакали в горы по чертовым мостам, по козьим дорожкам. Что нас довело до этого?

Д а м а. Любовь!

А д м и н и с т р а т о р. Давайте, господа, говорить серьезно! Нет никакой любви на свете!

Т р а к т и р щ и к. Есть!

А д м и н и с т р а т о р. Уж вам-то стыдно притворяться! Человек коммерческий, имеете свое дело.

Т р а к т и р щ и к. И все же я берусь доказать, что любовь существует на свете!

А д м и н и с т р а т о р. Нет ее! Людям я не верю, я слишком хорошо их знаю, а сам ни разу не влюблялся. Следовательно, нет любви! Следовательно, меня посылают на смерть из-за выдумки, предрассудка, пустого места!

К о р о л ь. Не задерживайте меня, любезный. Не будьте эгоистом.

А д м и н и с т р а т о р. Ладно, ваше величество, я не буду, только послушайте меня. Когда контрабандист ползет через пропасть по жердочке или купец плывет в маленьком суденышке по Великому океану — это почтенно, это понятно. Люди деньги зарабатывают. А во имя чего, извините, мне голову терять? То, что вы называете любовью, — это немного неприлично, довольно смешно и очень приятно. При чем же тут смерть?

Д а м а. Замолчите, презренный!

А д м и н и с т р а т о р. Ваше величество, не велите ей ругаться! Нечего, сударыня, нечего смотреть на меня так, будто вы и в самом деле думаете то, что говорите. Нечего, нечего! Все люди свиньи, только одни в этом признаются, а другие ломаются. Не я презренный, не я злодей, а все эти благородные страдальцы, странствующие проповедники, бродячие певцы, нищие музыканты, площадные болтуны. Я весь на виду, всякому понятно, чего я хочу. С каждого понемножку — и я уже не сер-

жусь, веселею, успокаиваюсь, сижу себе да щелкаю на счетах. А эти раздуватели чувств, мучители душ человеческих — вот они воистину злодеи, убийцы непойманные. Это они лгут, будто совесть существует в природе, уверяют, что сострадание прекрасно, восхваляют верность, учат доблести и толкают на смерть обманутых дурачков! Это они выдумали любовь. Нет ее! Поверьте солидному, состоятельному мужчине!

К о р о л ь. А почему принцесса страдает?

А д м и н и с т р а т о р. По молодости лет, ваше величество!

К о р о л ь. Ладно. Сказал последнее слово приговоренного и хватит. Все равно не помилую! Ступай! Ни слова! Застрелю!

А д м и н и с т р а т о р уходит, пошатываясь.

Экий дьявол! И зачем только я слушал его? Он разбудил во мне тетю, которую каждый мог убедить в чем угодно. Бедняжка была восемнадцать раз замужем, не считая легких увлечений. А ну как и в самом деле нет никакой любви на свете? Может быть, у принцессы просто ангина или бронхит, а я мучаюсь.

Д а м а. Ваше величество...

К о р о л ь. Помолчите, сударыня! Вы женщина почтенная, верующая. Спросим молодежь. Аманда! Вы верите в любовь?

А м а н д а. Нет, ваше величество!

К о р о л ь. Вот видите! А почему?

А м а н д а. Я была влюблена в одного человека, и он оказался таким чудовищем, что я перестала верить в любовь. Я влюбляюсь теперь во всех кому не лень. Все равно!

К о р о л ь. Вот видите! А вы что скажете о любви, Оринтия?

О р и н т и я. Все, что вам угодно, кроме правды, ваше величество.

К о р о л ь. Почему?

О р и н т и я. Говорить о любви правду так страшно и так трудно, что я разучилась это делать раз и навсегда. Я говорю о любви то, чего от меня ждут.

К о р о л ь. Вы мне скажите только одно — есть любовь на свете?

О р и н т и я. Есть, ваше величество, если вам угодно. Я сама столько раз влюблялась!

К о р о л ь. А может, нет ее?

О р и н т и я. Нет ее, если вам угодно, государь! Есть легкое, веселое безумие, которое всегда кончается пустяками.

Выстрел.

К о р о л ь. Вот вам и пустяки!

О х о т н и к. Царствие ему небесное!

У ч е н и к. А может, он... она... они — промахнулись?

О х о т н и к. Наглец! Моя ученица — и вдруг...

У ч е н и к. Долго ли училась-то!

О х о т н и к. О ком говоришь! При ком говоришь! Очнись!

К о р о л ь. Тише вы! Не мешайте мне! Я радуюсь! Ха-ха-ха! Наконец-то, наконец вырвалась дочка моя из той проклятой теплицы, в которой я, старый дурак, ее вырастил. Теперь она поступает, как все нормальные люди: у нее неприятности — и вот она палит в кого попало. *(Всхлипывает.)* Растет дочка. Эй, трактирщик! Приберите там в коридоре!

Входит а д м и н и с т р а т о р. В руках у него дымящийся пистолет.

У ч е н и к. Промахнулась! Ха-ха-ха!

К о р о л ь. Это что такое? Почему вы живы, нахал?

А д м и н и с т р а т о р. Потому что это я стрелял, государь.

К о р о л ь. Вы?

А д м и н и с т р а т о р. Да, вот представьте себе.

К о р о л ь. В кого?

А д м и н и с т р а т о р. В кого, в кого… В принцессу! Она жива, жива, не пугайтесь!

К о р о л ь. Эй, вы там! Плаху, палача и рюмку водки. Водку мне, остальное ему. Живо!

А д м и н и с т р а т о р. Не торопитесь, любезный!

К о р о л ь. Кому это ты говоришь?

Входит М е д в е д ь. Останавливается в дверях.

А д м и н и с т р а т о р. Вам, папаша, говорю. Не торопитесь! Принцесса — моя невеста.

П р и д в о р н а я д а м а. Бей в барабаны, труби в трубы, караул, в ружье!

П е р в ы й м и н и с т р. Он сошел с ума?

Т р а к т и р щ и к. О, если бы!

К о р о л ь. Рассказывай толком, а то убью!

А д м и н и с т р а т о р. Расскажу с удовольствием. Люблю рассказывать о делах, которые удались. Да вы садитесь, господа, чего там в самом деле, я разрешаю. Не хотите — как хотите. Ну вот, значит… Пошел я, как вы настаивали, к девушке… Пошел, значит. Хорошо. Приоткрываю дверь, а сам думаю: ох, убьет… Умирать хочется, как любому из присутствующих. Ну вот. А она обернулась на скрип двери и вскочила. Я, сами понимаете, ахнул. Выхватил, естественно, пистолет из кармана. И, как поступил бы на моем месте любой из присутствующих, выпалил из пистолета в девушку. А она и не заметила. Взяла меня за руку и говорит: я думала, думала, сидя тут у огня, да и поклялась выйти замуж за первого встречного. Ха-ха! Видите, как мне везет, как ловко вышло, что я промахнулся. Ай да я!

П р и д в о р н а я д а м а. Бедный ребенок!

А д м и н и с т р а т о р. Не перебивать! Я спрашиваю: значит, я ваш жених теперь? А она отвечает: что же делать, если вы подвернулись под руку. Гляжу — губки дрожат, пальчики вздрагивают, в глазах чувства, на шейке жилка бьется, то-се, пятое, десятое… *(Захлебывается.)* Ох ты, ух ты!

Трактирщик подает водку королю. Администратор выхватывает рюмку, выпивает одним глотком.

Ура! Обнял я ее, следовательно, чмокнул в самые губки.

М е д в е д ь. Замолчи, убью!

А д м и н и с т р а т о р. Нечего, нечего. Убивали меня уже сегодня — и что вышло? На чем я остановился-то? Ах, да... Поцеловались мы, значит...

М е д в е д ь. Замолчи!

А д м и н и с т р а т о р. Король! Распорядитесь, чтобы меня не перебивали! Неужели трудно? Поцеловались мы, а потом она говорит: ступайте, доложите обо всем папе, а я пока переоденусь девочкой. А я ей на это: разрешите помочь застегнуть то, другое, зашнуровать, затянуть, хе-хе... А она мне, кокетка такая, отвечает: вон отсюда! А я ей на это: до скорого свидания, ваше высочество, канашка, курочка. Ха-ха-ха!

К о р о л ь. Черт знает что... Эй, вы... Свита... Поищите там чего-нибудь в аптечке... Я потерял сознание, остались одни чувства... Тонкие... Едва определимые... То ли мне хочется музыки и цветов, то ли зарезать когонибудь. Чувствую, чувствую смутно-смутно — случилось что-то неладное, а взглянуть в лицо действительности нечем...

Входит п р и н ц е с с а. Бросается к отцу.

П р и н ц е с с а *(отчаянно)*. Папа! Папа! *(Замечает Медведя. Спокойно.)* Добрый вечер, папа. А я замуж выхожу.

К о р о л ь. За кого, дочка?

П р и н ц е с с а *(указывает на администратора кивком головы)*. Вот за этого. Подите сюда! Дайте мне руку.

А д м и н и с т р а т о р. С наслаждением! Хе-хе...

П р и н ц е с с а. Не смейте хихикать, а то я застрелю вас!

К о р о л ь. Молодец! Вот это по-нашему!

П р и н ц е с с а. Свадьбу я назначаю через час.

К о р о л ь. Через час? Отлично! Свадьба — во всяком случае радостное и веселое событие, а там видно будет. Хорошо! Что, в самом деле… Дочь нашлась, все живы, здоровы, вина вдоволь. Распаковать багаж! Надеть праздничные наряды! Зажечь все свечи! Потом разберемся!

М е д в е д ь. Стойте!

К о р о л ь. Что такое? Ну, ну, ну! Говорите же!

М е д в е д ь *(обращается к Оринтии и Аманде, которые стоят обнявшись)*. Я прошу вашей руки. Будьте моей женой. Взгляните на меня — я молод, здоров, прост. Я добрый человек и никогда вас не обижу. Будьте моей женой!

П р и н ц е с с а. Не отвечайте ему!

М е д в е д ь. Ах, вот как! Вам можно, а мне нет!

П р и н ц е с с а. Я поклялась выйти замуж за первого встречного.

М е д в е д ь. Я тоже.

П р и н ц е с с а. Я… Впрочем, довольно, довольно, мне все равно! *(Идет к выходу.)* Дамы! За мной! Вы поможете мне надеть подвенечное платье.

К о р о л ь. Кавалеры, за мной! Вы мне поможете заказать свадебный ужин. Трактирщик, это и вас касается.

Т р а к т и р щ и к. Ладно, ваше величество, ступайте, я вас догоню. *(Придворной даме, шепотом.)* Под любым предлогом заставьте принцессу вернуться сюда, в эту комнату.

П р и д в о р н а я д а м а. Силой приволоку, разрази меня нечистый!

Все уходят, кроме Медведя и фрейлин, которые все стоят, обнявшись, у стены.

М е д в е д ь *(фрейлинам)*. Будьте моей женой!

А м а н д а. Сударь, сударь! Кому из нас вы делаете предложение?

О р и н т и я. Ведь нас двое.

М е д в е д ь. Простите, я не заметил.

Вбегает трактирщик.

Т р а к т и р щ и к. Назад, иначе вы погибнете! Подходить слишком близко к влюбленным, когда они ссорятся, смертельно опасно! Бегите, пока не поздно!

М е д в е д ь. Не уходите!

Т р а к т и р щ и к. Замолчи, свяжу! Неужели вам не жалко этих бедных девушек?

М е д в е д ь. Меня не жалели, и я не хочу никого жалеть!

Т р а к т и р щ и к. Слышите? Скорее, скорее прочь!

О р и н т и я и А м а н д а уходят, оглядываясь.

Слушай, ты! Дурачок! Опомнись, прошу тебя, будь добр! Несколько разумных ласковых слов — и вот вы снова счастливы. Понял? Скажи ей: слушайте, принцесса, так, мол, и так, я виноват, простите, не губите, я больше не буду, я нечаянно. А потом возьми да и поцелуй ее.

М е д в е д ь. Ни за что!

Т р а к т и р щ и к. Не упрямься! Поцелуй, да только покрепче!

М е д в е д ь. Нет!

Т р а к т и р щ и к. Не теряй времени! До свадьбы осталось всего сорок пять минут. Вы едва успеете помириться. Скорее. Опомнись! Я слышу шаги, это Эмилия ведет сюда принцессу. Ну же! Выше голову!

Распахивается дверь, и в комнату входит п р и д в о р н а я д а м а в роскошном наряде. Ее сопровождают л а к е и с зажженными канделябрами.

П р и д в о р н а я д а м а. Поздравляю вас, господа, с большой радостью!

Т р а к т и р щ и к. Слышишь, сынок?

П р и д в о р н а я д а м а. Пришел конец всем нашим горестям и злоключениям.

Т р а к т и р щ и к. Молодец, Эмилия!

П р и д в о р н а я д а м а. Согласно приказу принцессы, ее бракосочетание с господином министром, которое должно было состояться через сорок пять минут...

Т р а к т и р щ и к. Умница! Ну, ну?

П р и д в о р н а я д а м а. Состоится немедленно!

Т р а к т и р щ и к. Эмилия! Опомнитесь! Это несчастье, а вы улыбаетесь!

П р и д в о р н а я д а м а. Таков приказ. Не трогайте меня, я при исполнении служебных обязанностей, будь я проклята! *(Сияя.)* Пожалуйста, ваше величество, все готово. *(Трактирщику.)* Ну что я могла сделать! Она упряма, как, как... как мы с вами когда-то!

Входит к о р о л ь в горностаевой мантии и в короне. Он ведет за руку п р и н ц е с с у в подвенечном платье. Далее следует м и н и с т р - а д м и н и с т р а т о р. На всех его пальцах сверкают бриллиантовые кольца. Следом за ним — п р и д в о р н ы е в праздничных нарядах.

К о р о л ь. Ну что ж. Сейчас начнем венчать. *(Смотрит на Медведя с надеждой.)* Честное слово, сейчас начну. Без шуток. Раз! Два! Три! *(Вздыхает.)* Начинаю! *(Торжественно.)* Как почетный святой, почетный великомученик, почетный папа римский нашего королевства приступаю к совершению таинства брака. Жених и невеста! Дайте друг другу руки!

М е д в е д ь. Нет!

К о р о л ь. Что «нет»? Ну же, ну! Говорите, не стесняйтесь!

М е д в е д ь. Уйдите все отсюда! Мне поговорить с ней надо! Уходите же!

А д м и н и с т р а т о р *(выступая вперед)*. Ах ты наглец!

Медведь отталкивает его с такой силой, что министр-администратор летит в дверь.

П р и д в о р н а я д а м а. Ура! Простите, ваше величество...

К о р о л ь. Пожалуйста! Я сам рад. Отец все-таки.

М е д в е д ь. Уйдите, умоляю! Оставьте нас одних!

Т р а к т и р щ и к. Ваше величество, а ваше величество! Пойдемте! Неудобно...

К о р о л ь. Ну вот еще! Мне тоже небось хочется узнать, чем кончится их разговор!

Придворная дама. Государь!

Король. Отстаньте! А впрочем, ладно. Я ведь могу подслушивать у замочной скважины. *(Бежит на цыпочках.)* Пойдемте, пойдемте, господа! Неудобно!

Все убегают за ним, кроме принцессы и Медведя.

Медведь. Принцесса, сейчас я признаюсь во всем. На беду мы встретились, на беду полюбили друг друга. Я… я… Если вы поцелуете меня — я превращусь в медведя.

Принцесса закрывает лицо руками.

Я сам не рад! Это не я, это волшебник… Ему бы все шалить, а мы, бедные, вон как запутались. Поэтому я и бежал. Ведь я поклялся, что скорее умру, чем обижу вас. Простите! Это не я! Это он… Простите!

Принцесса. Вы, вы — и вдруг превратитесь в медведя?

Медведь. Да.

Принцесса. Как только я вас поцелую?

Медведь. Да.

Принцесса. Вы, вы молча будете бродить взад-вперед по комнатам, как по клетке? Никогда не поговорите со мною по-человечески? А если я уж очень надоем вам своими разговорами — вы зарычите на меня, как зверь? Неужели так уныло кончатся все безумные радости и горести последних дней?

Медведь. Да.

Принцесса. Папа! Папа!

Вбегает король, сопровождаемый всей свитой.

Папа — он…

Король. Да, да, я подслушал. Вот жалость-то какая!

Принцесса. Уедем, уедем поскорее!

Король. Дочка, дочка… Со мною происходит нечто ужасное… Доброе что-то — такой страх! — что-то доброе проснулось в моей душе. Давай подумаем — может быть, не стоит его прогонять. А? Живут же другие — и

ничего! Подумаешь — медведь... Не хорек все-таки... Мы бы его причесывали, приручали. Он бы нам бы иногда плясал бы...

Принцесса. Нет! Я его слишком люблю для этого.

Медведь делает шаг вперед и останавливается, опустив голову: «Прощай, навсегда прощай!» *(Убегает.)*

Все, кроме Медведя, — за нею. Вдруг начинает играть музыка. Окна распахиваются сами собой. Восходит солнце. Снега и в помине нет. На горных склонах выросла трава, качаются цветы. С хохотом врывается хозяин. За ним, улыбаясь, спешит хозяйка. Она взглядывает на Медведя и сразу перестает улыбаться.

Хозяин *(вопит)*. Поздравляю! Поздравляю! Совет да любовь!

Хозяйка. Замолчи, дурачок...

Хозяин. Почему — дурачок?

Хозяйка. Не то кричишь. Тут не свадьба, а горе...

Хозяин. Что? Как? Не может быть! Я привел их в эту уютную гостиницу да завалил сугробами все входы и выходы. Я радовался своей выдумке, так радовался, что вечный снег и тот растаял и горные склоны зазеленели под солнышком. Ты не поцеловал ее?

Медведь. Но ведь...

Хозяин. Трус!

Печальная музыка. На зеленую траву, на цветы падает снег. Опустив голову, ни на кого не глядя, проходит через комнату принцесса под руку с королем. За ними вся свита. Все это шествие проходит за окнами под падающим снегом. Выбегает трактирщик с чемоданом. Он потряхивает связкой ключей.

Трактирщик. Господа, господа, гостиница закрывается. Я уезжаю, господа!

Хозяин. Ладно! Давай мне ключи, я сам все запру.

Трактирщик. Вот спасибо! Поторопи охотника. Он там укладывает свои дипломы.

Хозяин. Ладно.

Т р а к т и р щ и к *(Медведю)*. Слушай, бедный мальчик-хозяин. Ступай, я сам с ним поговорю. Поторопись, опоздаешь, отстанешь!

Т р а к т и р щ и к. Боже избави! *(Убегает.)*

Х о з я и н. Ты! Держи ответ! Как ты посмел не поцеловать ее?

М е д в е д ь. Но ведь вы знаете, чем это кончилось бы!

Х о з я и н. Нет, не знаю! Ты не любил девушку!

М е д в е д ь. Неправда!

Х о з я и н. Не любил, иначе волшебная сила безрассудства охватила бы тебя. Кто смеет рассуждать или предсказывать, когда высокие чувства овладевают человеком? Нищие, безоружные люди сбрасывают королей с престола из любви к ближнему Из любви к родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются на небо и ныряют в самый ад — из любви к истине. Землю перестраивают из любви к прекрасному. А ты что сделал из любви к девушке?

М е д в е д ь. Я отказался от нее.

Х о з я и н. Великолепный поступок А ты знаешь, что всего только раз в жизни выпадает влюбленным день, когда все им удается. И ты прозевал свое счастье. Прощай. Я больше не буду тебе помогать. Нет! Мешать начну тебе изо всех сил. До чего довел... Я, весельчак и шалун, заговорил из-за тебя как проповедник. Пойдем, жена, закрывать ставни.

Х о з я й к а. Идем, дурачок.

Стук закрываемых ставен. Входят о х о т н и к и его у ч е н и к. В руках у них огромные папки.

М е д в е д ь. Хотите убить сотого медведя?

О х о т н и к. Медведя? Сотого?

М е д в е д ь. Да, да! Рано или поздно — я разыщу принцессу, поцелую ее и превращусь в медведя... И тут вы...

О х о т н и к. Понимаю! Ново. Заманчиво. Но мне, право, неловко пользоваться вашей любезностью…

М е д в е д ь. Ничего, не стесняйтесь.

О х о т н и к. А как посмотрит на это ее королевское высочество?

М е д в е д ь. Обрадуется!

О х о т н и к. Ну что же… Искусство требует жертв. Я согласен.

М е д в е д ь. Спасибо, друг! Идем!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сад, уступами спускающийся к морю. Кипарисы, пальмы, пышная зелень, цветы. Широкая терраса, на перилах которой сидит т р а к т и р щ и к. Он одет по-летнему, в белом с головы до ног, посвежевший, помолодевший.

Т р а к т и р щ и к. Ау! Ау-у-у! Гоп, гоп! Монастырь, а монастырь! Отзовись! Отец эконом, где же ты? У меня новости есть! Слышишь? Новости! Неужели и это не заставит тебя насторожить уши? Неужели ты совсем разучился обмениваться мыслями на расстоянии? Целый год я вызываю тебя — и все напрасно. Отец эконом! Ау-у-у! Гоп, гоп! *(Вскакивает.)* Ура! Гоп, гоп! Здравствуй, старик! Ну, наконец-то! Да не ори ты так, ушам больно! Мало ли что! Я тоже обрадовался, да не ору же. Что? Нет уж, сначала ты выкладывай все, старый сплетник, а потом я расскажу, что пережили мы за этот год. Да, да. Все новости расскажу, ничего не пропущу, не беспокойся. Ну ладно уж, перестань охать да причитать, переходи к делу. Так, так, понимаю. А ты что? А настоятель что? А она что? Ха-ха-ха! Вот шустрая бабенка! Понимаю. Ну а как там гостиница моя? Работает? Да ну? Как, как, повторика. *(Всхлипывает и сморкается).* Приятно. Трогательно. Погоди, дай запишу. Тут нам угрожают разные беды и

неприятности, так что полезно запастись утешительными новостями. Ну? Как говорят люди? Без него гостиница как тело без души? Это без меня, то есть? Спасибо, старый козел, порадовал ты меня. Ну а еще что? В остальном, говоришь, все как было? Все по-прежнему? Вот чудеса-то!

Меня там нет, а все идет по-прежнему! Подумать только! Ну ладно, теперь я примусь рассказывать. Сначала о себе. Я страдаю невыносимо. Ну сам посуди, вернулся я на родину. Так? Все вокруг прекрасно. Верно? Все цветет да радуется, как и в дни моей молодости, только я уже совсем не тот! Погубил я свое счастье, прозевал. Вот ужас, правда? Почему я говорю об этом так весело? Ну все-таки дома... Я, не глядя на мои невыносимые страдания, все-таки прибавился в весе на пять кило. Ничего не поделаешь. Живу. И кроме того, страдания страданиями, а все-таки женился же я. На ней, на ней. На Э! Э! Э! Чего тут не понимать! Э! А не называю имя ее полностью, потому что, женившись, я остался почтительным влюбленным. Не могу я орать на весь мир имя, священное для меня. Нечего ржать, демон, ты ничего не понимаешь в любви, ты монах. Чего? Ну какая же это любовь, старый бесстыдник! Вот то-то и есть. А? Как принцесса? Ох, брат, плохо. Грустно, брат. Расхворалась у нас принцесса. От того расхворалась, во что ты, козел, не веришь. Вот то-то и есть, что от любви. Доктор говорит, что принцесса может умереть, да мы не хотим верить. Это было бы уж слишком несправедливо. Да не пришел он сюда, не пришел, понимаешь. Охотник пришел, а медведь пропадает неведомо где. По всей видимости, принц-администратор не пропускает его к нам всеми неправдами, какие есть на земле. Да, представь себе, администратор теперь принц, и силен, как бес. Деньги, брат. Он до того разбогател, что просто страх. Что хочет, то и делает. Волшебник не волшебник, а вроде того.

Ну, довольно о нем. Противно. Охотник-то? Нет, не охотится. Книжку пытается написать по теории охоты. Когда выйдет книжка? Неизвестно. Он отрывки пока печатает, а потом перестреливается с товарищами по профессии из-за каждой запятой. Заведует у нас королевской охотой. Женился, между прочим. На фрейлине принцессы, Аманде. Девочка у них родилась. Назвали Мушка. А ученик охотника женился на Оринтии. У них мальчик. Назвали Мишень. Вот, брат. Принцесса страдает, болеет, а жизнь идет своим чередом. Что ты говоришь? Рыба тут дешевле, чем у вас, а говядина в одной цене. Что? Овощи, брат, такие, которые тебе и не снились. Тыквы сдают небогатым семьям под дачи. Дачники и живут в тыкве, и питаются ею. И благодаря этому дача, чем дольше в ней живешь, тем становится просторнее. Вот, брат. Пробовали и арбузы сдавать, но в них жить сыровато. Ну, прощай, брат. Принцесса идет. Грустно, брат. Прощай, брат. Завтра в это время слушай меня. Ох-ох-ох, дела-делишки...

Входит п р и н ц е с с а.

Здравствуйте, принцесса!

П р и н ц е с с а. Здравствуйте, дорогой мой друг! Мы еще не виделись? А мне-то казалось, что я уже говорила вам, что сегодня умру.

Т р а к т и р щ и к. Не может этого быть! Вы не умрете!

П р и н ц е с с а. Я и рада бы, но все так сложилось, что другого выхода не найти. Мне и дышать трудно, и глядеть — вот как я устала. Я никому этого не показываю, потому что привыкла с детства не плакать, когда ушибусь, но ведь вы свой, верно?

Т р а к т и р щ и к. Я не хочу вам верить.

П р и н ц е с с а. А придется все-таки! Как умирают без хлеба, без воды, без воздуха, так и я умираю от того, что нет мне счастья, да и все тут.

Трактирщик. Вы ошибаетесь!

Принцесса. Нет! Как человек вдруг понимает, что влюблен, так же сразу он угадывает, когда смерть приходит за ним.

Трактирщик. Принцесса, не надо, пожалуйста!

Принцесса. Я знаю, что это грустно, но еще грустнее вам будет, если я оставлю вас не попрощавшись. Сейчас я напишу письма, уложу вещи, а вы пока соберите друзей здесь, на террасе. А я потом выйду и попрощаюсь с вами. Хорошо? *(Уходит.)*

Трактирщик. Вот горе-то, вот беда. Нет, нет, я не верю, что это может случиться! Она такая славная, такая нежная, никому ничего худого не сделала! Друзья, друзья мои! Скорее! Сюда! Принцесса зовет! Друзья, друзья мои!

Входят хозяин и хозяйка.

Вы! Вот счастье-то, вот радость! И вы услышали меня?

Хозяин. Услышали, услышали!

Трактирщик. Вы были возле?

Хозяйка. Нет, мы сидели дома на крылечке. Но муж мой вдруг вскочил, закричал: «Пора, зовут», схватил меня на руки, взвился под облака, а оттуда вниз, прямо к вам. Здравствуйте, Эмиль!

Трактирщик. Здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои! Вы знаете, что у нас тут творится! Помогите нам. Администратор стал принцем и не пускает медведя к бедной принцессе.

Хозяйка. Ах, это совсем не администратор.

Трактирщик. А кто же?

Хозяйка. Мы.

Трактирщик. Не верю! Вы клевещете на себя!

Хозяин. Замолчи! Как ты смеешь причитать, ужасаться, надеяться на хороший конец там, где уже нет, нет пути назад. Избаловался! Изнежился! Раскис тут под пальмами. Женился и думает теперь, что все в мире

должно идти ровненько да гладенько. Да, да! Это я не пускаю мальчишку сюда. Я!

Трактирщик. А зачем?

Хозяин. А затем, чтобы принцесса спокойно и с достоинством встретила свой конец.

Трактирщик. Ох!

Хозяин. Не охай!

Трактирщик. А что, если чудом...

Хозяин. Я когда-нибудь учил тебя управлять гостиницей или сохранять верность в любви? Нет? Ну и ты не смей говорить мне о чудесах. Чудеса подчинены таким же законам, как и все другие явления природы. Нет такой силы на свете, которая может помочь бедным детям. Ты чего хочешь? Чтобы он на наших глазах превратился в медведя и охотник застрелил бы его? Крик, безумие, безобразие вместо печального и тихого конца? Этого ты хочешь?

Трактирщик. Нет.

Хозяин. Ну и не будем об этом говорить.

Трактирщик. А если все-таки мальчик проберется сюда...

Хозяин. Ну уж нет! Самые тихие речки по моей просьбе выходят из берегов и преграждают ему путь, едва он подходит к броду. Горы, уж на что домоседы, но и те, скрипя камнями и шумя лесами, сходят с места, становятся на его дороге. Я уже не говорю об ураганах. Эти рады сбить человека с пути. Но это еще не все. Как ни было мне противно, но приказал я злым волшебникам делать ему зло. Только убивать его не разрешил.

Хозяйка. И вредить его здоровью.

Хозяин. А все остальное — позволил. И вот огромные лягушки опрокидывают его коня, выскочив из засады. Комары жалят его.

Хозяйка. Только не малярийные.

Хозяин. Но зато огромные, как пчелы. И его мучают сны до того страшные, что только такие здоровяки, как наш медведь, могут их досмотреть до конца, не

проснувшись. Злые волшебники стараются изо всех сил, ведь они подчинены нам, добрым. Нет, нет! Все будет хорошо, все кончится печально. Зови, зови друзей прощаться с принцессой.

Трактирщик. Друзья, друзья мои!

Появляются Эмилия, первый министр, Оринтия, Аманда, ученик охотника.

Друзья мои…

Эмилия. Не надо, не говори, мы все слышали.

Хозяин. А где же охотник?

Ученик. Пошел к доктору за успокоительными каплями. Боится заболеть от беспокойства.

Эмилия. Это смешно, но я не в силах смеяться. Когда теряешь одного из друзей, то остальным на время прощаешь все… *(Всхлипывает.)*

Хозяин. Сударыня, сударыня! Будем держаться как взрослые люди. И в трагических концах есть свое величие.

Эмилия. Какое?

Хозяин. Они заставляют задуматься оставшихся в живых.

Эмилия. Что же тут величественного? Стыдно убивать героев для того, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных. Терпеть я этого не могу. Поговорим о другом.

Хозяин. Да, да, давайте. Где же бедняга король? Плачет небось!

Эмилия. В карты играет, старый попрыгун!

Первый министр. Сударыня, не надо браниться! Это я виноват во всем. Министр обязан докладывать государю всю правду, а я боялся огорчить его величество. Надо, надо открыть королю глаза!

Эмилия. Он и так все великолепно видит.

Первый министр. Нет, нет, не видит. Это принц-администратор плох, а король — просто прелесть что такое. Я дал себе клятву, что при первой же встрече

открою государю глаза. И король спасет свою дочь, а следовательно, и всех нас!

Эмилия. А если не спасет?

Первый министр. Тогда и я взбунтуюсь, черт возьми!

Эмилия. Король идет сюда. Действуйте. Я и над вами не в силах смеяться, господин первый министр.

Входит король. Он очень весел.

Король. Здравствуйте, здравствуйте! Какое прекрасное утро. Как дела, как принцесса? Впрочем, не надо мне отвечать, я и так понимаю, что все обстоит благополучно.

Первый министр. Ваше величество...

Король. До свидания, до свидания!

Первый министр. Ваше величество, выслушайте меня.

Король. Я спать хочу.

Первый министр. Коли вы не спасете свою дочь, то кто ее спасет? Вашу родную, вашу единственную дочь! Поглядите, что делается у нас! Мошенник, наглый деляга без сердца и разума захватил власть в королевстве. Все, все служит теперь одному — разбойничьему его кошельку. Всюду, всюду бродят его приказчики и таскают с места на место тюки с товарами, ни на что не глядя. Они врезываются в похоронные процессии, останавливают свадьбы, валят с ног детишек, толкают стариков. Прикажите прогнать принца-администратора — и принцессе легче станет дышать, и страшная свадьба не будет больше грозить бедняжке. Ваше величество!..

Король. Ничего, ничего я не могу сделать!

Первый министр. Почему?

Король. Потому что я вырождаюсь, дурак ты этакий! Книжки надо читать и не требовать от короля того, что он не в силах сделать. Принцесса умрет? Ну и пусть. Едва я увижу, что этот ужас в самом деле грозит мне, как покончу самоубийством. У меня и яд давно приготов-

лен. Я недавно попробовал это зелье на одном карточном партнере. Прелесть что такое. Тот помер и не заметил. Чего же кричать-то? Чего беспокоиться обо мне?

Эмилия. Мы не о вас беспокоимся, а о принцессе.

Король. Вы не беспокоитесь о своем короле?

Первый министр. Да, ваше превосходительство.

Король. Ох! Как вы меня назвали?

Первый министр. Ваше превосходительство.

Король. Меня, величайшего из королей, обозвали генеральским титулом? Да ведь это бунт!

Первый министр. Да! Я взбунтовался. Вы, вы, вы вовсе не величайший из королей, а просто выдающийся, да и только.

Король. Ох!

Первый министр. Съел? Ха-ха, я пойду еще дальше. Слухи о вашей святости преувеличены, да, да! Вы вовсе не по заслугам именуетесь почетным святым. Вы простой аскет!

Король. Ой!

Первый министр. Подвижник!

Король. Ай!

Первый министр. Отшельник, но отнюдь не святой.

Король. Воды!

Эмилия. Не давайте ему воды, пусть слушает правду!

Первый министр. Почетный папа римский? Ха-ха! Вы не папа римский, не папа, поняли? Не папа, да и все тут!

Король. Ну, это уж слишком! Палач!

Эмилия. Он не придет, он работает в газете министра-администратора. Пишет стихи.

Король. Министр, министр-администратор! Сюда! Обижают!

Входит министр-администратор. Он держится теперь необыкновенно солидно. Говорит не спеша, вещает.

А д м и н и с т р а т о р. Но почему? Отчего? Кто смеет обижать нашего славного, нашего рубаху-парня, как я его называю, нашего королька?

К о р о л ь. Они ругают меня, велят, чтобы я вас прогнал!

А д м и н и с т р а т о р. Какие гнусные интриги, как я это называю.

К о р о л ь. Они меня пугают.

А д м и н и с т р а т о р. Чем?

К о р о л ь. Говорят, что принцесса умрет.

А д м и н и с т р а т о р. Отчего?

К о р о л ь. От любви, что ли.

А д м и н и с т р а т о р. Это, я бы сказал, вздор. Бред, как я это называю. Наш общий врач, мой и королька, вчера только осматривал принцессу и докладывал мне о состоянии ее здоровья. Никаких болезней, приключающихся от любви, у принцессы не обнаружено. Это первое. А во-вторых, от любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю, и вполне излечимые, если их не запустить, конечно. При чем же тут смерть?

К о р о л ь. Вот видите! Я же вам говорил. Доктору лучше знать, в опасности принцесса или нет.

А д м и н и с т р а т о р. Доктор своей головой поручился мне, что принцесса вот-вот поправится. У нее просто предсвадебная лихорадка, как я это называю.

Вбегает о х о т н и к.

О х о т н и к. Несчастье, несчастье! Доктор сбежал!

К о р о л ь. Почему?

А д м и н и с т р а т о р. Вы лжете!

О х о т н и к. Эй, ты! Я люблю министров, но только вежливых! Запамятовал? Я человек искусства, а не простой народ! Я стреляю без промаха!

А д м и н и с т р а т о р. Виноват, заработался.

К о р о л ь. Рассказывайте, рассказывайте, господин охотник! Прошу вас!

О х о т н и к. Слушаюсь, ваше величество. Прихожу я к доктору за успокоительными каплями — и вдруг вижу: комнаты отперты, ящики открыты, шкафы пусты, а на столе записка. Вот она!

К о р о л ь. Не смейте показывать ее мне! Я не желаю! Я боюсь! Что это такое? Палача отняли, жандармов отняли, пугают. Свиньи вы, а не верноподданные. Не смейте ходить за мною! Не слушаю, не слушаю, не слушаю! *(Убегает, заткнув уши.)*

А д м и н и с т р а т о р. Постарел королек...

Э м и л и я. С вами постареешь.

А д м и н и с т р а т о р. Прекратим болтовню, как я это называю. Покажите, пожалуйста, записку, господин охотник.

Э м и л и я. Прочтите ее нам всем вслух, господин охотник.

О х о т н и к. Извольте, она очень проста. *(Читает.)* «Спасти принцессу может только чудо. Вы ее уморили, а винить будете меня. А доктор — тоже человек, у него свои слабости, он жить хочет. Прощайте. Доктор».

А д м и н и с т р а т о р. Черт побери, как это некстати. Доктора, доктора! Верните его сейчас же и свалите на него все! Живо! *(Убегает.)*

П р и н ц е с с а появляется на террасе. Она одета по-дорожному.

П р и н ц е с с а. Нет, нет, не вставайте, не трогайтесь с места, друзья мои! И вы тут, друг мой волшебник, и вы. Как славно! Какой особенный день! Мне все так удается сегодня. Вещи, которые я считала пропавшими, находятся вдруг сами собой. Волосы послушно укладываются, когда я причесываюсь. А если я начинаю вспоминать прошлое, то ко мне приходят только радостные воспоминания. Жизнь улыбается мне на прощание. Вам сказали, что я сегодня умру?

Х о з я й к а. Ох!

П р и н ц е с с а. Да, да, это гораздо страшнее, чем я думала. Смерть-то, оказывается, груба. Да еще и грязна.

Она приходит с целым мешком отвратительных инструментов, похожих на докторские. Там у нее лежат необточенные серые каменные молотки для ударов, ржавые крючки для разрыва сердца и еще более безобразные приспособления, о которых не хочется говорить.

Э м и л и я. Откуда вы это знаете, принцесса?

П р и н ц е с с а. Смерть подошла так близко, что мне видно все. И довольно об этом. Друзья мои, будьте со мною еще добрее, чем всегда. Не думайте о своем горе, а постарайтесь скрасить последние мои минуты.

Э м и л ь. Приказывайте, принцесса! Мы всё сделаем.

П р и н ц е с с а. Говорите со мною как ни в чем не бывало. Шутите, улыбайтесь. Рассказывайте, что хотите. Только бы я не думала о том, что случится скоро со мной. Оринтия, Аманда, вы счастливы замужем?

А м а н д а. Не так, как мы думали, но счастливы.

П р и н ц е с с а. Все время?

О р и н т и я. Довольно часто.

П р и н ц е с с а. Вы хорошие жены?

О х о т н и к. Очень! Другие охотники просто лопаются от зависти.

П р и н ц е с с а. Нет, пусть жены ответят сами. Вы хорошие жены?

А м а н д а. Не знаю, принцесса. Думаю, что ничего себе. Но только я так страшно люблю своего мужа и ребенка...

О р и н т и я. И я тоже.

А м а н д а. Что мне бывает иной раз трудно, невозможно сохранить разум.

О р и н т и я. И мне тоже.

А м а н д а. Давно ли удивлялись мы глупости, нерасчетливости, бесстыдной откровенности, с которой законные жены устраивают сцены своим мужьям...

О р и н т и я. И вот теперь грешим тем же самым.

П р и н ц е с с а. Счастливицы! Сколько надо пережить, перечувствовать, чтобы так измениться! А я все

тосковала, да и только. Жизнь, жизнь… Кто это? *(Вглядывается в глубину сада.)*

Эмилия. Что вы, принцесса! Там никого нет.

Принцесса. Шаги, шаги! Слышите?

Охотник. Это… она?

Принцесса. Нет, это он, это он!

Входит Медведь. Общее движение.

Вы… Вы ко мне?

Медведь. Да. Здравствуйте! Почему вы плачете?

Принцесса. От радости. Друзья мои… Где же они все?

Медведь. Едва я вошел, как они вышли на цыпочках.

Принцесса. Ну вот и хорошо. У меня теперь есть тайна, которую я не могла бы поведать даже самым близким людям. Только вам. Вот она: я люблю вас. Да, да! Правда, правда! Так люблю, что все прощу вам. Вам все можно. Вы хотите превратиться в медведя — хорошо. Пусть. Только не уходите. Я не могу больше пропадать тут одна. Почему вы так давно не приходили? Нет, нет, не отвечайте мне, не надо, я не спрашиваю. Если вы не приходили, значит, не могли. Я не упрекаю вас — видите, какая я стала смирная. Только не оставляйте меня.

Медведь. Нет, нет.

Принцесса. За мною смерть приходила сегодня.

Медведь. Нет!

Принцесса. Правда, правда. Но я ее не боюсь. Я просто рассказываю вам новости. Каждый раз, как только случалось что-нибудь печальное или просто примечательное, я думала: он придет — и я расскажу ему. Почему вы не шли так долго!

Медведь. Нет, нет, я шел. Все время шел. Я думал только об одном: как приду к вам и скажу: «Не сердитесь. Вот я. Я не мог иначе! Я пришел». *(Обнимает принцессу.)* Не сердитесь! Я пришел!

П р и н ц е с с а. Ну вот и хорошо. Я так счастлива, что не верю ни в смерть, ни в горе. Особенно сейчас, когда ты подошел так близко ко мне. Никто никогда не подходил ко мне так близко. И не обнимал меня. Ты обнимаешь меня так, как будто имеешь на это право. Мне это нравится, очень нравится. Вот сейчас и я тебя обниму. И никто не посмеет тронуть тебя. Пойдем, пойдем, я покажу тебе мою комнату, где я столько плакала, балкон, с которого я смотрела, не идешь ли ты, сто книг о медведях. Пойдем, пойдем.

Уходят, и тотчас же входит х о з я й к а.

Х о з я й к а. Боже мой, что делать, что делать мне, бедной! Я слышала, стоя здесь за деревом, каждое их слово и плакала, будто я на похоронах. Да так оно и есть! Бедные дети, бедные дети! Что может быть печальнее! Жених и невеста, которым не стать мужем и женой.

Входит х о з я и н.

Как грустно, правда?

Х о з я и н. Правда.

Х о з я й к а. Я люблю тебя, я не сержусь, но зачем, зачем затеял ты все это!

Х о з я и н. Таким уж я на свет уродился. Не могу не затевать, дорогая моя, милая моя. Мне захотелось поговорить с тобой о любви. Но я волшебник. И я взял и собрал людей и перетасовал их, и все они стали жить так, чтобы ты смеялась и плакала. Вот как я тебя люблю. Одни, правда, работали лучше, другие хуже, но я уже успел привыкнуть к ним. Не зачеркивать же! Не слова — люди. Вот, например, Эмиль и Эмилия. Я надеялся, что они будут помогать молодым, помня свои минувшие горести. А они взяли да и обвенчались. Взяли да и обвенчались! Ха-ха-ха! Молодцы! Не вычеркивать же мне их за это. Взяли да и обвенчались, дурачки, ха-ха-ха! Взяли да и обвенчались!

Садится рядом с женой. Обнимает ее за плечи. Говорит, тихонько покачивая ее, как бы убаюкивая.

Взяли да и обвенчались, дурачки такие. И пусть, и пусть! Спи, родная моя, и пусть себе. Я, на свою беду, бессмертен. Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки. А пока — ты со мной, и я с тобой. С ума можно сойти от счастья. Ты со мной. Я с тобой. Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец. Слава безумцам, которые живут себе, как будто они бессмертны, — смерть иной раз отступает от них. Отступает, ха-ха-ха! А вдруг ты и не умрешь, а превратишься в плющ, да и обовьешься вокруг меня, дурака. Ха-ха-ха! *(Плачет.)* А я, дурак, обращусь в дуб. Честное слово. С меня это станется. Вот никто и не умрет из нас, и все кончится благополучно. Ха-ха-ха! А ты сердишься. А ты ворчишь на меня. А я вон что придумал. Спи. Проснешься — смотришь, и уже пришло завтра. А все горести были вчера. Спи. Спи, родная.

Входит о х о т н и к. В руках у него ружье. Входят его у ч е н и к, О р и н т и я, А м а н д а, Э м и л ь, Э м и л и я.

Горюете, друзья?

Э м и л ь. Да.

Х о з я и н. Садитесь. Будем горевать вместе.

Э м и л и я. Ах, как мне хотелось бы попасть в те удивительные страны, о которых рассказывают в романах. Небо там серое, часто идут дожди, ветер воет в трубах. И там вовсе нет этого окаянного слова «вдруг». Там одно вытекает из другого. Там люди, приходя в незнакомый дом, встречают именно то, чего ждали, и, возвращаясь, находят свой дом неизменившимся, и еще ропщут на это, неблагодарные. Необыкновенные события случаются там так редко, что люди не узнают их, когда они приходят все-таки наконец. Сама смерть там выглядит понятной. Особенно смерть чужих людей. И нет там ни волшебников, ни чудес. Юноши, поцеловав девушку, не превращаются в медведя, а если и превращаются, то никто не придает этому значения. Удивительный мир,

счастливый мир... Впрочем, простите меня за то, что я строю фантастические замки.

Хозяин. Да, да, не надо, не надо! Давайте принимать жизнь такой, как она есть. Дождики дождиками, но бывают и чудеса, и удивительные превращения, и утешительные сны. Да, да, утешительные сны. Спите, спите, друзья мои. Спите. Пусть все кругом спят, а влюбленные прощаются друг с другом.

Первый министр. Удобно ли это?

Хозяин. Разумеется.

Первый министр. Обязанности придворного...

Хозяин. Окончились. На свете нет никого, кроме двух детей. Они прощаются друг с другом и никого не видят вокруг. Пусть так и будет. Спите, спите, друзья мои. Спите. Проснетесь — смотришь, уже и пришло завтра, а все горести были вчера. Спите. *(Охотнику.)* А ты что не спишь?

Охотник. Слово дал. Я... Тише! Спугнешь медведя!

Входит принцесса. За ней Медведь.

Медведь. Почему ты вдруг убежала от меня?

Принцесса. Мне стало страшно.

Медведь. Страшно? Не надо, пойдем обратно. Пойдем к тебе.

Принцесса. Смотри: все вдруг уснули. И часовые на башнях. И отец на троне. И министр-администратор возле замочной скважины. Сейчас полдень, а вокруг тихо, как в полночь. Почему?

Медведь. Потому что я люблю тебя. Пойдем к тебе.

Принцесса. Мы вдруг остались одни на свете. Подожди, не обижай меня.

Медведь. Хорошо.

Принцесса. Нет, нет, не сердись. *(Обнимает Медведя.)* Пусть будет, как ты хочешь. Боже мой, какое

счастье, что я так решила. А я, дурочка, и не догадывалась, как это хорошо. Пусть будет, как ты хочешь. *(Обнимает и целует его.)*

Полный мрак. Удар грома. Музыка. Вспыхивает свет. Принцесса и Медведь, взявшись за руки, глядят друг на друга.

Х о з я и н. Глядите! Чудо, чудо! Он остался человеком!

Отдаленный, очень печальный, постепенно замирающий звук бубенчиков.

Ха-ха-ха! Слышите? Смерть уезжает на своей белой лошаденке, удирает несолоно хлебавши! Чудо, чудо! Принцесса поцеловала его — и он остался человеком, и смерть отступила от счастливых влюбленных.

О х о т н и к. Но я видел, видел, как он превратился в медведя!

Х о з я и н. Ну, может быть, на несколько секунд, — со всяким это может случиться в подобных обстоятельствах. А потом что? Гляди: это человек, человек идет по дорожке со своей невестой и разговаривает с ней тихонько. Любовь так переплавила его, что не стать ему больше медведем. Просто прелесть, что я за дурак. Ха-ха-ха! Нет уж, извини, жена, но я сейчас же, сейчас же начну творить чудеса, чтобы не лопнуть от избытка сил. Раз! Вот вам гирлянды из живых цветов! Два! Вот вам гирлянды из живых котят! Не сердись, жена! Видишь: они тоже радуются и играют. Котенок ангорский, котенок сиамский и котенок сибирский, а кувыркаются, как родные братья, по случаю праздника! Славно!

Х о з я й к а. Так-то оно так, но уж лучше бы сделал ты что-нибудь полезное для влюбленных. Ну, например, превратил бы администратора в крысу.

Х о з я и н. Сделай одолжение! *(Взмахивает руками.)*

Свист, дым, скрежет, писк.

Готово! Слышишь, как он злится и пищит в подполье? Еще что прикажешь?

Х о з я й к а. Хорошо бы и короля... подальше бы. Вот это был бы подарок. Избавиться от такого тестя!

Х о з я и н. Какой он тесть! Он...

Х о з я й к а. Не сплетничай в праздник! Грех! Преврати, родной, короля в птичку. И не страшно, и вреда от него не будет.

Х о з я и н. Сделай одолжение! В какую?

Х о з я й к а. В колибри.

Х о з я и н. Не влезет.

Х о з я й к а. Ну тогда — в сороку.

Х о з я и н. Вот это другое дело. *(Взмахивает руками.)*

Сноп искр. Прозрачное облачко, тая, пролетает через сад.

Ха-ха-ха! Он и на это не способен. Не превратился он в птицу, а растаял как облачко, будто его и не было.

Х о з я й к а. И это славно. Но что с детьми? Они и не глядят на нас. Дочка! Скажи нам хоть слово!

П р и н ц е с с а. Здравствуйте! Я видела уже вас всех сегодня, но мне кажется, что это было так давно. Друзья мои, этот юноша — мой жених.

М е д в е д ь. Это правда, чистая правда!

Х о з я и н. Мы верим, верим. Любите, любите друг друга, да и всех нас заодно, не остывайте, не отступайте — и вы будете так счастливы, что это просто чудо!

Занавес

1954

ПОВЕСТЬ О МОЛОДЫХ СУПРУГАХ

Пьеса в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маруся Орлова.
Сережа Орлов.
Ольга Ивановна.
Шурочка.
Леня.
Никанор Никанорович.
Юрик.
Миша.
Валя.
Гардеробщик.
Ширяев.
Кукла.
Медвежонок.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Перед зрителями огромный листок отрывного календаря. На нем число — 30 апреля. Когда он исчезает, мы видим просторную комнату. Два письменных стола — один большой, другой маленький. Стулья. Кресло Диван. Все новенькое, — дерево так и сверкает на солнце свежей полировкой. Два окна. Дверь, ведущая в коридор.

На переднем плане — этажерка. На верху этажерки восседают две огромные игрушки: дорогие, старые, находящиеся в отличной сохранности кукла и медвежонок. Когда занавес открывается, на сцене пусто. Раздается едва слышная музыка, словно играет музыкальный ящик. Но вот простенькая музыка становится сложней и слышней, и дорогие старые игрушки оживают и поворачивают головы к публике. И начинают говорить самыми обыкновенными, не кукольными, не детскими, а живыми человеческими голосами.

К у к л а. Куклы разговаривать не умеют.

М е д в е ж о н о к. Не умеют, хотите верьте, хотите нет. Ни словечка не выговорить, хоть ревмя реви.

К у к л а. А нам есть что рассказать, дети. Нам почти по сто лет. И столько мы перевидали...

М е д в е ж о н о к. Столько перенесли — ух! И радовался-то я, бывало, с людьми, и так горевал, словно с меня с живого плюш спарывали!

К у к л а. Ужасно, ужасно нам, старикам, хорошеньким, полным сил, нарядным, хочется поучить молодых.

М е д в е ж о н о к. А возможности нет... Не услышат.

К у к л а. Ни за что не услышат, словно мы старые люди, а не куклы.

М е д в е ж о н о к. Еще подари нас детям — оно бы и ничего. А нас возьми да и подари молодым супругам.

К у к л а. Беспомощные, слепые, счастливые.

М е д в е ж о н о к. И знать не знают о том, что жить вместе — целая наука.

К у к л а. Еще жена тревожится...

М е д в е ж о н о к. А муж, такой-сякой, только зубы скалит — радуется.

К у к л а. Конечно, может быть, все пойдет у них чистенько, гладенько, аккуратненько...

М е д в е ж о н о к. А только навряд ли... Люди все-таки, а не куклы! Народ нетерпеливый, страстный, требовательный.

К у к л а. Я фарфоровая, у меня ротик маленький, деликатный, не знаю, как это сказать... Нет зрелища радостней, чем счастье, и нет досаднее, чем когда живая и здоровая семейная жизнь разбивается на кусочки...

М е д в е ж о н о к. По неловкости, по неумению, по молодости лет.

К у к л а. Ах, как хочется учить!

М е д в е ж о н о к. И никто не хочет учиться. Что делать?

К у к л а. Споем с горя.

Поют.

В доме восемь на Сенной
Поселились муж с женой...

Человеческие голоса, шаги. Куклы замирают, как неживые.

В комнату входит не спеша О л ь г а И в а н о в н а, пожилая, седая, худощавая женщина. Оглядывается внимательно и сосредоточенно, осматривает комнату. Ее сопровождает хозяйка квартиры, очень молоденькая, почти девочка, М а р у с я О р л о в а. У них нет ничего общего в наружности, но угадывается какое-то едва заметное сходство в сдержанной манере держаться, в речи, спокойной и простой.

О л ь г а И в а н о в н а. Хорошо. Все разумно. Все с любовью обставлено. И без претензий. Здесь ты и занимаешься?

М а р у с я. Здесь. Сережа за своим столом или за чертежной доской. А я за своим. У него большой стол, у меня маленький. Сережа говорит: будто детеныш. Мой столик.

О л ь г а И в а н о в н а. Так. Понимаю. Все хорошо, Илютина. Чего ты смеешься?

М а р у с я. Ольга Ивановна, я теперь не Илютина, я теперь Орлова.

О л ь г а И в а н о в н а. Не сердись. Не привыкла я еще. Всего месяц ведь ты замужем.

М а р у с я. И три дня. Месяц и три дня.

О л ь г а И в а н о в н а. Месяц и три дня. Хорошо, Орлова. Хорошо, Маруся. Ну а теперь говори — зачем ты вызвала меня открыткой? Что случилось?

М а р у с я. Ольга Ивановна, простите меня — ничего. Но ведь — сколько я себя помню — ближе вас никого у меня не было. Чуть, бывало, ушибусь — я все к вам… *(Поднимает руку, словно собирается обнять Ольгу Ивановну, и опускает.)* Все к вам, бывало, бегу утешения искать… А теперь, когда мне хорошо, — кому же рассказать, кроме вас?

О л ь г а И в а н о в н а. Спасибо, Илютина. То есть Маруся. Откуда у тебя такие дорогие игрушки?

М а р у с я. Никанор Никанорович подарил. Начальник проектного бюро и Сережин начальник. Пришел он к нам такой строгий, как экзаменатор.

О л ь г а И в а н о в н а. Ну и принял зачет?

М а р у с я. Ничего не сказал. А на другой день явился с огромным свертком и говорит: «Мария Николаевна!» Это я — Мария Николаевна. «В нашей, говорит, семье эти игрушки живут лет, наверное, девяносто. Переходят от матери к дочке. А я, последний в семье, как нарочно — мальчик. И дочерью не обзавелся в свое время. Примите, говорит, в качестве свадебного подарка, говорит. Одна только просьба — беседуйте с ними каждый день, как с живыми. Они у меня так приучены, Мария Николаевна».

Ольга Ивановна. И ты выполняешь просьбу?

Маруся. Да.

Ольга Ивановна. А они отвечают?

Маруся. Пока нет.

Ольга Ивановна. Жалко.

Маруся. Сдержанные…

Ольга Ивановна. До свидания, Маруся. До свидания, моя дорогая Мария Николаевна! Вот и дожила я до того, что тебя по отчеству зовут. До свидания.

Маруся. Побудьте.

Ольга Ивановна. Не могу. Меня в роно ждут. *(Идет к двери. Останавливается.)* До свидания, еще раз.

Маруся. До свидания, Ольга Ивановна.

Идут к двери.

Ольга Ивановна! Побудьте! Я не только для того позвала вас, чтобы сказать, как мне хорошо. Мне так хорошо, что даже страшно. Вот в чем дело-то. Я спокойно говорю, я не жалуюсь, а даже, ну что ли, восхищаюсь своей жизнью, Ольга Ивановна, но только мне до того хорошо, что даже страшно. Вы меня вырастили! Вы, вы! Я знаю! Вы старались, чтобы никто не замечал, что любите меня больше всех ребят в интернате. Но любили меня больше всех. Лишний раз не позволяли приласкаться, но с тех пор, как пришла открытка, что мама и папа погибли, вы стали мне самый близкий человек на свете. *(Обнимает ее, плачет и смеется.)* Теперь можно, теперь мы не в детском доме, теперь я стала Мария Николаевна, никто не осудит за несправедливость, — поцелуйте меня и побудьте еще немножко.

Ольга Ивановна. Хорошо. Побуду. Почему тебе страшно?

Маруся. Ольга Ивановна, что со мной? Я не знаю. Люди разве глупеют от любви? А я поглупела. Честное слово. Стала какая-то непростая.

Ольга Ивановна. Ссоритесь?

М а р у с я. Нет, как можно, никогда, что вы! Но, например, могу я над каким-нибудь его словечком одним думать целый день — и на лекции, и в лаборатории. Есть такие слова, которым радуюсь целыми днями. Но бывают такие, от которых холодею. Умом знаю, что пустяк, а чувствами... Ольга Ивановна, отчего я не узнаю себя? Отчего меня будто подменили? Что же я теперь — какая-то зависимая?

Длинный звонок.

О л ь г а И в а н о в н а. Сережа пришел?

М а р у с я. Нет, у него ключ. *(Выбегает из комнаты.)*

О л ь г а И в а н о в н а *(куклам)*. Ну, дети? Что скажете? У вас должен быть ответ. Не маленькие, по девяносто лет вам, крошкам. Сколько семей перевидали? Восседаете важно, словно комиссия. Пришли принимать новую семью — а конкретной помощи никакой.

Маруся возвращается.

М а р у с я. Шурочка. Соседка. С нашей площадки. Мужу позвонить на завод. Ольга Ивановна, вы меня поймите, я не жалуюсь. Вот я говорю: стала я зависимая. Вы не подумайте, что от мужа. Этого нет. Стала я зависимой от новых своих, ну что ли, чувств. Что же со мной будет? *(Смеется и вытирает слезы.)* Вы не придавайте значения, Ольга Ивановна. Это я от радости, не знаю, что делать. Боюсь я за свое счастье. Неопытная я.

О л ь г а И в а н о в н а. Понимаю. Когда эвакуировались мы из Ленинграда, тебе только что исполнилось пять лет. И выросла ты в большом коллективе, в детском доме. Так? Потом общежитие университетское, университет — еще больший коллектив. Верно? И вот вдруг попадаешь ты в самый маленький коллектив на свете. Муж и жена. И повредить этому самому крошечному коллективу легко, как ребенку, особенно в первый год. Жить вместе, вдвоем — это целая наука. А кто научит?

Маруся. Вот и я говорю.

Ольга Ивановна. Хорошо уж то, что ты беспокоишься. Все будет хорошо.

Маруся. Вы правда так думаете?

Ольга Ивановна. Все будет хорошо. Чехов в каком-то из писем говорит: в семейной жизни главное — терпение.

Возглас за дверью: «Как, как он говорит?» Прежде чем Ольга Ивановна успевает ответить, в комнату вбегает женщина лет двадцати пяти, очень здоровая, пышущая силой, заботливо одетая, с вечной завивкой. Это Шурочка. Она протягивает руку Ольге Ивановне.

Шурочка. Шура, или Шурочка, как хотите называйте, но только не бейте. Я поправляла шпильку у зеркала и услышала. Простите, что я так вмешиваюсь в ваш разговор. Этого я допустить не могу. Терпение. С какой же стати мне терпеть? Что я сделала, чтобы терпеть? Почему мы должны терпеть? Вы, конечно, не знаете, как я живу. Но вот вам факт: я сегодня работаю в вечерней смене, а он в утренней. Поспеши, чтобы хоть слово жене сказать, — так нет! Звоню в цех — он в библиотеку ушел. И я это должна терпеть? Почему после смены как зарезанная я бросаюсь в трамвай с передней площадки: пожалуйста, пусть скандалят, только бы скорей домой. Я вам так скажу… простите, не знаю имени-отчества.

Маруся. Ольга Ивановна.

Шурочка. Простите, Ольга Ивановна, но только Чехов пошутил, наверное, — у него много смешного. Когда мне мой Миша читал вслух, так я хохотала как убитая. «В семейной жизни главное — терпение». Ха-ха-ха! С ним попробуй потерпи. С моим Мишей. Дойдешь до того, что останемся мы с Майей, с дочкой моей, одни, как дуры. Нет!

Маруся. Шурочка, ну что жаловаться-то? Такого, как Миша, поищи!

Шурочка. Одни обиды от него.

Маруся. Иду я вчера, Ольга Ивановна, по нашей улице, а Шурочка с Мишей впереди. Он говорит ей что-

то, едва-едва слышно. А Шурочка ему: «Не ори на меня! Не ори на меня».

Шурочка со смехом бросается обнимать Марусю.

Ш у р о ч к а. Верно! Сказала — как напечатала! Он шепчет, а я ему: «Не ори!» Потому что шептал он с раздражением... Ах ты господи! Глупы мы, бабы, конечно. Всего нам мало. Почему это, Ольга Ивановна? Почему: зайдешь в ДЛТ — мужья шагают тихо, спокойно, а жены все больше как обиженные? И на улице прислушайтесь — кто кого пилит? Все больше жены мужей. Он идет, насупился, а она ворчит как безумная. Почему?

О л ь г а И в а н о в н а. Не знаю, Шура.

Ш у р о ч к а. А я знаю: потому что мы больше любим. Они отвлекаются, а мы не отвлекаемся. Всё на них косимся, за них держимся. У них тысячи забот, а у нас...

М а р у с я. Ты же на всю фабрику знаменитая ткачиха.

Ш у р о ч к а. Не об этом толк. Мой Миша... А ну его... Что это мы все о мужчинах да о мужчинах, как дети, Ольга Ивановна! Это вы Марусина воспитательница?

О л ь г а И в а н о в н а. Она вам рассказывала обо мне?

Ш у р о ч к а. Не беспокойтесь, я выспросила. Если я кого люблю, хочу о них все знать.

О л ь г а И в а н о в н а. Я, Шурочка, действительно Марусина воспитательница. И вот пришла взглянуть, как налаживается ее жизнь.

Ш у р о ч к а *(убежденно)*. Хорошо налаживается. Поверьте мне, у Маруси характер не такой огненный, как у меня.

О л ь г а И в а н о в н а. Или, попросту сказать, не такой нетерпеливый.

Ш у р о ч к а. Ольга Ивановна! Это под мышкой можно температуру измерить, а в душе не измерите! Такой или сякой, но у меня характер неудержимый, а Маруся

добрая. Это первое. А второе — Сережа не из тех мужчин, что женятся. Верно, верно! Не смотрите на меня, как будто я несу сама не знаю что. Я знаю, что говорю! Уж если такой мужчина, как Сережа, женился — значит, полюбил. Отказался от вольной воли — значит, любит. Если самостоятельный мужчина женился — значит, твердо. Он уже всякого повидал, его обратно на волю не потянет. А за такими тихими, как мой Миша, только присматривай! Да что это мы все о мужчинах да о мужчинах, как маленькие, Ольга Ивановна! Что бы мне почитать о семейной жизни?

Ольга Ивановна. Поговорим. Только не сейчас. Мне нужно в роно.

Шурочка. Ох! А у меня там Майечка бедная одна в квартире! Простите, если что наговорила лишнего. До свидания, Маруся, до свидания, родная. До сих пор не могу нарадоваться, что такая соседка у меня завелась. До свидания, Ольга Ивановна, простите, если что не так! *(Убегает.)*

Ольга Ивановна. Ну вот, Илютина.. То есть Мария Николаевна. Тебя уже полюбили тут.

Маруся. Эта Шурочка — открытая душа.

Ольга Ивановна. Я рада, что побывала. Издали многое чудилось, особенно в сумерки, после уроков, или ночью, когда не спится, а в голову лезут одни печальные мысли, как будто веселые уснули вместе со всеми добрыми людьми. А пришла — и ничего. Живем. *(Целует Марусю.)* До свидания. Все. Теперь я буду у вас бывать.

Маруся. Непременно! Ольга Ивановна, как можно чаще. Я с вами — умнее.

Выходят. Стук запираемой двери, и Маруся возвращается. Улыбаясь, подходит к куклам.

Вот, дети, какая я стала. Ольгу Ивановну побеспокоила. И зачем? Только для того, чтобы поговорить. И поговорила! Вот что удивительно. Все посмела сказать, до

Сережиного прихода. Сережа. Слышите, дети? Сережа уже едет домой. Сидит в трамвае, смотрит в окно и думает: «Скорей, скорей». А я его жду. И все ушли. Первый вечер наш, полностью. Он обещал освободиться. А что он сказал, то и сделает, — вон он какой у меня, дети. И никого у нас нет.

Звонок.

Сглазила.

Выбегает из комнаты и возвращается с Никанором Никаноровичем и Леней. Никанору Никаноровичу лет под шестьдесят, но ни в фигуре, ни во всей повадке нет еще признаков старости. Он в отличном пальто, в руках шляпа. Леня стройный, очень мягкий в движениях, с мягким голосом, человек лет тридцати.

Леня. Простите, Маруся.

Никанор Никанорович. Мария Николаевна.

Леня. Простите, что врываемся так внезапно, словно пришли счетчик проверить или телеграмму принесли. Мы, Маруся...

Никанор Никанорович. Мария Николаевна, вам говорят!

Леня. Мы к вам на одну минутку.

Никанор Никанорович. Что не снимает с нас обязанности сказать: здравствуйте, Мария Николаевна.

Маруся. Здравствуйте, Никанор Никанорович. И вы, Леня. Раздевайтесь, посидите! Сережа звонил из управления, что уже выехал.

Леня. Не можем мы раздеться. Мы загубили свое будущее.

Маруся. Как так?

Леня. Никанор Никанорович взял билеты в театр. Придется идти. Весна. Ждешь, что случится что-нибудь неожиданное. Так славно было бы пойти по улице куда глаза глядят, свободно, без цели. А теперь изволь в театре сидеть. А что в театре может случиться неожиданного?

Маруся. А вы убегите!

Никанор Никанорович. От меня не убежишь! Запомните: если у человека имя необычное и такое же отчество — следовательно, он из семьи упрямых людей.

Леня. А у нашего дорогого начальника еще и имя и отчество начинаются с отрицания: Никанор Никанорович. Поди поспорь.

Никанор Никанорович. Сидели на работе — разговаривали как люди. Шли по улице — тоже разговаривали серьезно. А вошли к вам — и подшучиваем друг над другом, как мальчишки. Значит, стесняемся. Или попросту уважаем вас, Мария Николаевна, хоть мы и старшие. Запомните это. Мы вот по какому делу. После того как Сережа уже уехал в управление, нам звонили из Москвы.

Маруся. О Сережином проекте?

Никанор Никанорович. Да. Он...

Леня. То есть проект.

Никанор Никанорович. ...прошел сегодня первую инстанцию. Это, в сущности, определяет дело. Завтра — окончательное решение.

Леня. Которое, несомненно, будет положительным. Вот и все. До свидания, Маруся.

Маруся. А может быть, подождете?

Никанор Никанорович. Не искушайте. Леня, в путь.

Леня. До свидания, Маруся.

Никанор Никанорович. Не провожайте нас, а то я рассержусь. Мы сами захлопнем дверь! До свидания, Мария Николаевна.

Уходят.

Маруся *(куклам)*. Ушли. Дети, неужели я — Мария Николаевна? Все время называет меня так очень, очень взрослый человек. И не шутя. Вот как я изменилась, дети. И ничего, мне не страшно. Я нарочно позвала Ольгу Ивановну, чтобы на меня, Марию Николаевну,

полюбовалась... Нет, страшно! Вот похвастала — и стало мне страшно. Я, дети, боюсь и не боюсь. Мне страшно и не страшно. Мне так спокойно и беспокойно. Бросает меня то в жар, то в холод — вот я какая Мария Николаевна, непоследовательная, сложная. *(Берет с окна сумочку, достает карманное зеркальце и разглядывает себя.)* Ах ты какая, Мария Николаевна, таинственная! Душа у тебя так изменилась, а нос все тот же. Неправильный. И лицо будто у Маруси. Что же это значит, Мария Николаевна, объясните, если вас не затруднит! Пойми после этого людей! Ну и Мария Николаевна! Вот так явление природы!

Дверь открывается тихонько. На пороге останавливается Сережа Орлов. Ему — под тридцать. Внимателен, без признака рассеянности. Прост — без признака наивности. Общее ощущение строгости. Но, увидев Марусю, словно светлеет. Не смутившись, не удивившись, кладет Маруся зеркальце на стол.

Маруся. Пришел, Сережа?

Сережа. Пришел. Ты одна?

Маруся. Одна.

Сережа. А я было испугался. Слышу — разговор.

Садятся на диван.

Маруся. Я разговаривала сама с собой.

Сережа. О чем?

Маруся. О себе. И вдруг вижу — ты стоишь в дверях. И тут произошло чудо.

Сережа. Какое?

Маруся. Я не смутилась. Люди всегда смущаются, когда поймаешь их на подобных глупостях. А мне хоть бы что. Вот я какая, значит, стала с тобой. Беззастенчивая. Сережа, мне что-то важное надо было тебе передать, но увидела тебя — и все из головы вон. Видишь, какая я стала. *(Хохочет.)*

Сережа. Что ты? Ну, чего ты? Скажи.

Маруся. Ты... ты меня передразниваешь. Честное слово. Нечаянно передразниваешь. Что у меня на лице,

то и у тебя. Я глаза открою — и ты. Я говорю, а ты губами шевелишь. Каждый день в тебе что-нибудь новое открывается. Значит, ты у меня богатая натура. Сейчас я тебя буду кормить.

С е р е ж а. Мы же договорились, что я пообедаю на работе.

М а р у с я. А может быть, ты с тех пор проголодался?

С е р е ж а. Нет.

М а р у с я. Жаль. Очень люблю тебя кормить. Ну хоть корочку хлебную съешь, пожалуйста.

С е р е ж а. Ладно, неси корочку.

М а р у с я. Бог с тобой, не надо. Ты не сердишься, что я болтаю глупости? Нет, нет, не отвечай, я вижу, что не сердишься. Я нарочно, от хорошего настроения, чтобы тебя рассмешить, чтобы стало тебе весело, как мне.

С е р е ж а. Мне с тобой всегда весело.

М а р у с я. Вот и славно. Только не трогай меня. Даже за руку не бери. Не надо. Я хочу говорить с тобой. Правда. Говорить — и все тут. А то голова закружится, и разговор оборвется. Сережа, Сереженька. Неужели мы с тобой будем как все?

С е р е ж а. Никогда.

М а р у с я. Неужели, как все, перестанем мы удивляться друг другу? Пойдут ссоры? Обиды? Ты смеешься? А вдруг? *(Встает. Подходит к окну.)*

С е р е ж а. Куда ты?

М а р у с я. Не могу я на тебя больше смотреть. Я тебя так люблю, что даже плакать хочется. *(Распахивает окно, и тотчас же в комнату врывается уличный шум.)* Вот это весна! Вот это весна так весна! Настоящее лето. Поди сюда, погадаем. *(Садится на подоконник, Сережа присоединяется к ней.)*

С е р е ж а. Как погадаем?

М а р у с я. Гляди, ребята играют в волейбол. Если правая команда выиграет, то все у нас в жизни будет легко, легче легкого, легче пуха с тополей, и так прекрасно,

что даже на общегородской конференции нас будут ставить в пример несознательным супругам. Не смейся. Мало ли что бывает в жизни.

С е р е ж а. Эх! Пасовать не умеют! Каким шкетам доверила ты наше будущее! Хотя вон тот, черненький, подает толково.

М а р у с я. Ты думаешь, я суеверная? Ну вот ни настолечко. А все-таки, если правые проиграют, я так расстроюсь! Не смейся, дурачок. Я нарочно говорю посмешнее, чтобы тебя развеселить, а ты веришь. Даже жалко мне тебя стало. Аут! Маленького мячом ударило.

С е р е ж а. Ничего, он смеется.

М а р у с я. А когда к маме подбежал — заревел.

С е р е ж а. Закон природы.

М а р у с я. Сережа, а ты детей любишь?

С е р е ж а. Я? Да. То есть как тебе сказать... Я к детям вообще отношусь спокойно, а с грудными — теряюсь.

М а р у с я. Почему?

С е р е ж а. Загадочные они какие-то. Эх, красиво срезал.

М а р у с я. Сетбол! Ну, Сережа, гляди в оба, сейчас решается наша судьба.

С е р е ж а. Опять черненький подает. Широко больно размахнулся, как бы в аут не ушел мячик. Ну, бей! Чего мучаешь?

М а р у с я *(закрыв глаза)*. Хочу, чтобы наши выиграли.

Отчаянный вопль за сценой: «Ребята! В красный уголок кино приехало!»

С е р е ж а. Чего он?

М а р у с я. В красный уголок приехало кино.

Вопль за сценой: «Для нас! Для среднего возраста!»

С е р е ж а. Да вы доиграйте! Успеете!

Вопли за сценой: «Мяч заберите!» — «А сетку кто снимет — дядя?» — «Ребята, вы мою шапку топчете». — «А ты ее не кидай!» — «Я от радости!» — «Ура! Ой, хорошо! Давай, не отставай!» Вопли удаляются.

М а р у с я. Не доиграли. Это как понимать?

С е р е ж а. Не хочет нам отвечать твое гадание.

М а р у с я. Ошибаешься. Это и есть ответ. Никто нам не поможет, не подскажет, все придется самим решать и угадывать.

С е р е ж а. Вот и славно.

М а р у с я. Славно, только чуть-чуть страшно.

С е р е ж а. Ничего. Столько лет на свете прожили — значит что-то умеем.

М а р у с я. Ох! Вспомнила. Ты сказал: «что-то умеем», и я вспомнила. Заходили Никанор Никанорович и Леня. Сегодня твой проект прошел первую инстанцию.

С е р е ж а. Прошел?

М а р у с я. Да! И Леня говорит, что это уже решает дело. Завтра — окончательный ответ. Ну что? Что с тобой? Не уходи!

С е р е ж а. Я не ухожу.

М а р у с я. Нет, ты ушел. Леня говорит, что вопрос уже, в сущности, решен. Понимаешь?

С е р е ж а. Я все понимаю, Маруся. Я не ушел. Правда. Я с тобой. И в доказательство расскажу, что меня беспокоит. Ты не удивляешься?

М а р у с я. Я бы то же самое сделала.

С е р е ж а. А я, когда встревожен, не могу говорить, не могу думать, только сержусь. Когда тревожусь за свою работу, сержусь я. Когда ушла она из моих рук и скрылась из глаз. Друзья смотрят — и то страшно. Но тут особый страх — не оплошал ли я. А когда в чужих руках, боюсь я... Никогда об этом не говорил. Боюсь бездельников.

М а р у с я. Бездельников?

Сережа шагает взад и вперед по комнате. Не отвечает.

Бездельников... Понимаю. Тех, кто боится дела.

Сережа останавливается как вкопанный.

Чего ты удивляешься?

С е р е ж а. Удивляюсь, что ты поняла меня. И ты их видела?

М а р у с я. Попадались.

С е р е ж а. Смертной ненавистью ненавижу бездельников, которые развивают бешеную деятельность, только бы ничего не делать. Которые способны убить дело, только бы ничего не делать. Их ловят, но они умеют находить мертвое пространство. Необстреливаемое. Чему ты улыбаешься?

М а р у с я. Мне нравится, как ты хорошо говоришь. Складно.

С е р е ж а. Все это передумано тысячу раз. Они друг друга узнают и поддерживают, не сговариваясь. В работе — движение. А они боятся движения. И легко убивают работающих... Впрочем, я терпеть не могу, когда меня убивают, и не даюсь. Но в драке — приходится их трогать руками. Понимаешь?

М а р у с я. Противно.

С е р е ж а. Вот именно. Гляди. *(Показывает в окно.)* Мы с Леней подсчитали. Когда строился по моему проекту вон тот дом...

М а р у с я. Знаю я его, знаю, с зеленой крышей. Я нарочно всегда делаю крюк, чтобы мимо него пройти. Даже когда ты меня ждешь.

С е р е ж а. Так вот. Больше ста дней рабочих убил я тогда на борьбу с бездельниками, и они были на краю победы. Никанор Никанорович три раза в Москву ездил. В конце концов, правда, они одного только и добились, что последнюю командировку ему не оплатили. Не утвердили. А меня в коллективной статье, подписанной тремя лентяями, обозвали конструктивистом.

М а р у с я. Свиньи.

С е р е ж а *(смеется)*. Ты у меня все понимаешь. Ты теперь совсем наша. Все у нас тебя любят.

М а р у с я. Я тоже. Только на Леню сержусь иной раз.

С е р е ж а. Напрасно.

М а р у с я. А почему он, когда шутит, всех оглядывает внимательно, смотрит в самое твое лицо — какое впечатление произвел.

С е р е ж а. По близорукости.

М а р у с я. И все звонит каким-то женщинам. И все разным. Им обидно.

С е р е ж а. Он звонит таким, которых не обидишь.

М а р у с я. Не сердись. Прости меня. Я стала безумная какая-то. Леня мне понравился бы — прежде. А теперь мне в голову лезет мысль, что он тебя может испортить.

Смеются.

Ты не презираешь меня за то, что я такая безумная?

С е р е ж а. Еще больше люблю.

М а р у с я. Погоди немножко, и я поумнею.

С е р е ж а. Не смей.

М а р у с я. Ты не велишь?

С е р е ж а. Запрещаю. Правда. Довольно. Не надо ни о чем думать. Не думай.

М а р у с я. А вдруг я сойду с ума.

С е р е ж а. И отлично.

М а р у с я. Ты велишь?

С е р е ж а. Да.

М а р у с я. Что-то я уж очень полюбила слушаться! Я...

Звонок.

С е р е ж а. Не открывай.

М а р у с я. Не откроем.

С е р е ж а. Спрячемся на сегодня.

М а р у с я. Здесь дом. Как в детстве — помнишь? — здесь не ловят.

Звонок.

Вот человек! Ничего не понимает.

Звонок.

С е р е ж а. Звони, звони! Нам от этого еще уютней.

Чередование длинных и коротких звонков. М а р у с я вскакивает.

М а р у с я. Сережа! Да ведь это он!

С е р е ж а. Кто — он?

М а р у с я. Ну как ты не понимаешь? Наш Юрик! Слышишь? *(Хохочет.)* Он передает азбукой Морзе: «Ю-р-о-ч-к-а м-и-л-е-н-ь-к-и-й я-в-и-л-с-я».

Хохочет, выбегает в прихожую и возвращается с Ю р и к о м, очень молодым человеком, года, может быть, на два всего старше Маруси. Он чуть прихрамывает. Очень незаметно Весел. Не сводит глаз с Маруси. Так пристально рассматривает ее, что Сережу и не замечает сначала. В руках огромный сверток.

Сережа, это Юрик!

Юрик на миг перестает улыбаться, взглядывает на Сережу и тотчас же будто забывает о нем. С наслаждением глядит на Марусю.

Помнишь, я рассказывала, Сережа? Он на два класса меня старше был. Чем он увлекается, тем и весь детдом, бывало. Это он научил нас принимать азбуку Морзе на слух.

Ю р и к. Забудем прошлое, перейдем к настоящему.

М а р у с я *(хохочет)*. И голос прежний! Вот славно-то. Да положи ты сверток свой.

Ю р и к. Невозможно, рассыплется. Неси скорее кастрюльку, или тазик, или коробку — любую тару. Это подарок тебе!

М а р у с я. Какой?

Ю р и к. Черешни купил. Первые. Из Средней Азии или с Черного моря. Три кило тебе в честь первой встречи после разлуки.

М а р у с я. С ума сошел!

Ю р и к. Благодарить надо, а ты оговариваешь. Беги за кастрюлькой, не мучай человека!

М а р у с я. Ну и Юрик! Чудеса! Как мало другие люди меняются, не то что я! *(Убегает.)*

Ю р и к *(Сереже)*. Ох, намучился я, пока искал Марусю. В общежитии никто ее адреса не хочет говорить,

все какой-то незнакомый народ. А кто знакомый — в кино ушли. А прибежал сюда — не открывают. Ближе друга нет у меня, чем Маруся, хоть и старше был на два класса. Вместе эвакуировались. Меня на вокзале Финляндском на прощание в ногу ранило. Осколком. Я маленький, а она еще меньше, все воду носила мне. И вдруг потерял ее.

Вбегает Маруся с кастрюлькой.

Маруся. Ну, давай пересыпай. Что ты на меня так глядишь? Лицо запачкано, что ли?

Юрик. Эх ты, дитя, дитя, взглядов не понимаешь. *(Пересыпает черешни.)* Одна гражданка обиделась, что много беру. А я ей: «Ну можно ли ссориться возле такого радостного продукта! Не пшено ведь!» Ну и мастерица ты прятаться. Хорошо, Валя Волобуева дала твой адрес.

Маруся. Валя?

Юрик. Она. Я спрашиваю, как ты живешь, а Валя: «Сами увидите».

Маруся. Ты теперь кто? Он, Сережа, кончил школу, не стал держать в вуз, а пошел в геологическую экспедицию, коллектором. Потом на Камчатку уплыл. Я, говорит, засиделся. А теперь ты кто?

Юрик. А теперь я понял, что если так много ездить взад и вперед — изнежишься. Да, да! Привыкнешь каждый день новеньким кормиться. Не-е-ет! Хватит. Я поступил на «Электросилу» и буду держать в Электротехнический на вечернее отделение.

Маруся. И учиться и работать?

Юрик. У меня такая идея, что если я себя немедленно не возьму в руки, то выйдет из меня бродяга. Я испугался. Себя потеряешь, тебя потеряешь. Почему в адресном столе нет твоего адреса?

Маруся. Есть. *(Хохочет.)*

Юрик. Смотри! Мария Илютина в Ленинграде не проживает!

М а р у с я. Зато проживает в Ленинграде Мария Николаевна Орлова. Ну чего ты отступил, как от призрака! Я Орлова! Я замуж вышла! Юрик! Ты чего?

Ю р и к. Это моя манера радоваться и восхищаться. *(Сереже.)* Вы и есть — он?

М а р у с я. Да. Сережа. Можно, он будет называть тебя Сережа?

С е р е ж а. Можно.

Ю р и к. Поздравляю, Сережа. Ну, я рад.

М а р у с я. Еще бы!

Ю р и к. Очень рад. Если бы ты не замужем была — я пропал бы с досады.

М а р у с я *(хохочет)*. Это еще почему?

Ю р и к. Не смейся. Я в тебя влюбился, когда перешел в восьмой класс, и на всю мою жизнь. Понимаешь теперь, как хорошо, что ты замужем?

М а р у с я. Почему?

Ю р и к. Потому что я и сам женился, между прочим.

М а р у с я *(хохочет)*. Ты? Да ты еще мальчик!

Ю р и к. А ты кто?

М а р у с я. А я — Мария Николаевна. Познакомишь с женой? А какая она? Блондинка? Или черненькая? А зовут как? А где работает? Или она учится?

Ю р и к. А вот познакомишься с ней — все узнаешь.

М а р у с я *(хохочет)*. Подумать только: Юрик — женат.

Ю р и к *(Сереже)*. Вот всегда так и было. Смеется! Есть такой закон, еще не открытый наукой: в ребят из своего детдома не влюбляются. Я, бывало, намекаю ей на свою любовь, а она хохочет. А я мучаюсь.

М а р у с я. Юрик, не барахли.

Ю р и к. Вот вечно так. Не верила моим мучениям. Да и правильно. Такие мучения здоровому и веселому человеку только на пользу. Стоишь на вахте. Погода беспощадная, камчатская, а вспомнишь Марусю — сразу

делается все многозначительно. И на этом кончим. До свидания, молодые супруги.

М а р у с я. Как «до свидания»? Год пропадал — и вдруг…

Ю р и к. До свидания, друзья, до свидания. Тебе сегодня не до нас. Я не в укор говорю, — сам знаю, что такое любовь! Забыла ты весь мир, притаилась — но не тут-то было! Самый верный из друзей проник к тебе в дом хитростью. Что же делать? Разве от жизни уйдешь? Разве от нее спрячешься? Никогда! Пожелаю я вам, друзья, вот чего: пусть случится чудо, пусть врывается к вам жизнь только так, как я сегодня: с дружбой и лаской и полными руками. Будьте счастливы! Будь счастлива, сестричка моя единственная!

Маруся целует его.

Жалко! Такая нежная, такая маленькая — и вдруг ты, Сережа, ее муж. Эх, грубый мы народ, мужчины. Не обижайте ее, Сережа, не обижайте. Эх, Маруся!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Освещены только куклы и листок календаря, на котором стоит 27 июня.

К у к л а и м е д в е ж о н о к *(поют):*

В доме восемь на Сенной
Поселились муж с женой.
И не только поселились,
Но, как дети, подружились.

Хохот, шум. Куклы замирают, как неживые. Календарный листок исчезает.

Декорация та же. Столы сдвинуты — и оба письменных, и еще какой-то третий, очевидно, кухонный. Все они покрыты двумя скатертями. Поверхность получилась неровная. Но гости, расположившиеся за столами, чувствуют себя отлично. Шумят.

Ужин приближается к концу. Сережа садится у проигрывателя. Маруся и Юрик меняют приборы. Никанор Никанорович пробует откупорить бутылку шампанского, что ему не удается. Собрались: Леня, Шурочка, ее муж Миша, Валя Волобуева — Марусина подруга по университету, Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна *(Лене)*. Довольно. Кончено. Детей тут нет. Я гуляю.

Леня. И совершенно правильно делаете.

Ольга Ивановна. Сегодня Марусе двадцать лет. И она ровно три месяца замужем. Целый квартал — шутка сказать! Я гуляю и никого не воспитываю. Сегодня у меня выходной. Никанор Никанорович, что же шампанское? Я речь хочу сказать.

Никанор Никанорович. Пробка сидит как припаянная.

Шурочка *(хохочет)*. Как припаянная! Ох, умереть! *(Хохочет.)* Попробуй дерево припаяй!

Леня. Вы поворачивайте пробку вокруг оси.

Шурочка. Вы Мише моему дайте, Никанор Никанорович, он сразу откроет. У него руки железные.

Валя. Дайте я попробую.

Никанор Никанорович. Ни за что! Сережа, поставьте какую-нибудь пластинку, пусть слушают, а мне не мешают.

Сережа. Слушаю. *(Ставит пластинку.)*

Ольга Ивановна. Довольно. Я гуляю. Об этом и речь скажу. Я никого не воспитываю. Верите ли, в эвакуацию еду на телеге. Правлю лошадью. И кричу ей: «Я тебе что сказала! Что за непослушная девочка!» Нет, хватит. Сегодня за столом взрослые. Поговорим о любви. Скажите, Маруся и Сережа счастливы?

Леня. Мы с Марусей подружились. Мы все с ней подружились. Она простая.

Ольга Ивановна. Ну вот и хорошо, вот и все.

Леня. Маруся простая. А любовь — дело непростое.

Ольга Ивановна. Ну вас!

Л е н я. Вы же хотели говорить как взрослый человек.

О л ь г а И в а н о в н а. Ну вас!

Л е н я. Любовь — дело непростое, особенно когда живут люди вместе.

О л ь г а И в а н о в н а. Все на свете непросто.

Л е н я. Любовь — такая дура, каких свет не видел.

О л ь г а И в а н о в н а. Ладно. Вода тоже дура, а паровозы тянет.

Л е н я. Сравнили.

О л ь г а И в а н о в н а. Да, сравнила. А по-вашему, надо махнуть рукой и подчиниться?

Л е н я. Руководить нашими молодыми предлагаете? Не обижайтесь, Ольга Ивановна, я их не меньше вашего люблю. Ну, во всяком случае, Сережу. Воевали вместе. Но слова ему не скажу о его семейной жизни.

Ш у р о ч к а. Ой, выключите пластинку — не люблю симфонии.

Л е н я. Это не симфония. Это «Приглашение к танцу» Вебера.

Ш у р о ч к а. Все равно незнакомое.

Л е н я. Слушать только знакомое — все равно что сидеть по десять лет в одном классе.

Ш у р о ч к а. Да? Так вы судите? А я вас срежу. Почему когда хорошего знакомого встречаешь, то радуешься, а когда знакомую песню, то нельзя? Ага — замолчал? Нет, нет, симфоний я не люблю. От симфоний — душа болит. Тревожно от них... Сережа, откройте, пожалуйста, дверь в коридорчик. Если Майечка позовет из вашей спальни, я услышу. Спасибо. Нет, я не люблю симфоний, хоть зарежьте. Больше всего люблю я передачи по заказу радиослушателей. Тут уж все знакомое.

Л е н я. Будто родственники в гости ввалились в воскресенье.

Ш у р о ч к а *(хохочет)*. Ох, умереть! Ох, плакать мне сегодня! Ох, этот Леня — хуже затейника в доме отдыха. Родственники... Конечно, есть такие родствен-

ники — как увидишь, так и увянешь. До того принципиальные. Не улыбнутся никогда. Но есть и другие... Миша, Мишенька! Звездочка ты моя! Слушает, как я говорю, — и не стесняется. Другие мужья, извините, корчатся прямо, когда их жены разговаривают. Все им кажется, что жена глупость скажет. А Мишенька мой только хлопает своими ресницами. Миша мой, Мишенька, скажи хоть словечко, — все разговаривают, один ты молчишь!

М и ш а. И в самом деле — дайте мне бутылку, Никанор Никанорович.

Ш у р о ч к а. Заговорил! Золото ты мое! Да как убедительно, как разумно! Неужели вы ему откажете? Я, когда он такой добрый да ласковый, согласна все для него сделать, как для мамы родной.

Л е н я. Что вы замолчали, Ольга Ивановна?

О л ь г а И в а н о в н а. Огорчилась. Вспомнила то, что не следует. Неужели вы думаете, что они могут быть несчастны? Почему вы сказали: «Ни слова ему не скажу о его семейной жизни»? Вы заметили что-нибудь?

Л е н я. Нет, что вы!

О л ь г а И в а н о в н а. А по-моему, они невеселые сегодня.

Л е н я. Вот тоже особенность семейной жизни. Тонкость ее. У Сережи был неприятный разговор на одном объекте. Он не в духе. И сразу же и Маруся потемнела.

О л ь г а И в а н о в н а. Сочувствует.

Л е н я. Я тоже сочувствую, но не заражаюсь его душевным состоянием. А супруги легко заражаются душевным состоянием друг друга.

О л ь г а И в а н о в н а. Ну, это уже философия.

Л е н я. Нет, физиология. Какие же они муж и жена, если не увлекают друг друга. Если уж мы говорим как взрослые. Не только обнимаются и целуются заразительно, но и радуются, и сердятся, и...

О л ь г а И в а н о в н а. Ну вас!

Л е н я. Видите: разговаривать о них и то мы не можем с полной ясностью, а вы хотите еще и направлять. Ведь они муж и жена! Напоминаю!

О л ь г а И в а н о в н а Ладно. Авось останутся еще и людьми.

Л е н я. Надеюсь, но… Маруся очень простая. Ее можно обидеть насмерть.

О л ь г а И в а н о в н а. Леня!..

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Готово.

В а л я. Открыли?

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Сломалась пробка.

Общий хохот.

Ш у р о ч к а. Вечно это с шампанским. Надо письмо в газету написать.

Ю р и к. А ну, дайте мне бутылку.

Ш у р о ч к а. Миша откроет. Миша мой.

Ю р и к. Я тут тоже вроде свой. Чего же Мише надрываться? *(Берет бутылку, убегает. Маруся за ним.)*

Ш у р о ч к а *(хохочет)*. Свой! Сережа! Как вы терпите, я за такие слова голову бы оторвала!

В а л я. Какие глупости! Ведь они вместе учились.

О л ь г а И в а н о в н а. Леня, почему вы сказали, что Марусю можно обидеть насмерть?

Л е н я. С непривычки.

О л ь г а И в а н о в н а. Не понимаю.

Л е н я. Я умею серьезно разговаривать о работе. А вы вдруг заговорили серьезно о семейной жизни. И мне с непривычки почудилось невесть что. Да тут я и выпил еще. Простые люди не гнутся, а разбиваются… Довольно. Несу невесть что. Никанор Никанорович, зачем шепчетесь вы с Шурочкой? Это нетипично.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Отстаньте! *(Шурочке.)* С чего вы это взяли?

Ш у р о ч к а. А вот можете убить меня, и я слова не пикну, если я неправа.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Выдумали.

Ш у р о ч к а. Кого угодно можно обмануть, но только не меня. Юрик не женат, не женат, не женат! Пусть он жену сюда не приводит. Это ничего не доказывает. Может, она такая, что Юрик ее стесняется. Мало ли на ком можно сгоряча жениться! Это бывает. Но он неухоженный. Какая бы плохая жена ни досталась на долю парню — все же зашила бы рукав на выходном костюме. По шву распорото. У меня и то руки чесались зашить, да Маруся опередила.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. А зачем ему лгать?

Ш у р о ч к а. Нет, нет, у него все поведение холостяцкое. Говорит, что с женой живет дружно. Так хоть раз на часы взгляни, когда ты в гостях. По телефону позвони: «Нюра, я задержался». Нет, никогда. Недавно вышла у нас такая глупость, что и с умным случается, — заигрались мы в подкидного дурака до половины третьего ночи. Позвонил Юрик домой, что задерживается? Нет!

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Зачем Юрику лгать, спрашиваю я вас?

Ш у р о ч к а. Зачем?

С о н н ы й д е т с к и й г о л о с. Мама!

Миша вскакивает.

Ш у р о ч к а. Кажется, маму ребенок зовет, а не папу! Иду, Майечка, иду. *(Убегает.)*

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Влетело, Миша?

М и ш а. Вы не думайте. Она не всегда. Иной раз сорвется, а бывает добрее доброго. Она веселая.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Огонь женщина. А как экзамены, Миша?

М и ш а. Ох, Никанор Никанорович, глупею. Когда надо отвечать — глупею. Молчаливость окаянная одолевает. Язык отнимается. Это я сейчас разговорился, коньяку выпил, а на экзамены выпивши не пойдешь. Но, в общем, начинают привыкать ко мне, ждут, когда я разго-

ворюсь. Но это в сторону. Вы Шурочку не знаете. И никто ее не жалеет так, как я. Сейчас она умнее любого, не успеешь оглянуться — и хуже ребенка балованного. Но это в сторону. Об этом молчок.

Вбегает Шурочка.

Шурочка. Уснула моя радость. Потребовала было песню, что ей папа поет: «Два гренадера». Вот чему он учит ребенка. Ладно, ладно, не гляди на меня, сегодня я всем все прощаю, мне весело сегодня.

Маруся вбегает.

Маруся. Добился Юрик наш! Валя, скорее готовь бокалы. Пробка сама пошла.

Входит Юрик.

Валя. Ой, только не в меня, Юрик! Я этого терпеть не могу!

Юрик. Будьте покойны, жертв не будет.

Пробка вылетает. Бокалы наполнены.

Ольга Ивановна. Прошу слова.

Никанор Никанорович. Тише, тише!

Ольга Ивановна *(открывает сумочку, достает пачку телеграмм)*. Ребята!.. Впрочем, я, кажется, оговорилась. Маруся! Видишь, сколько телеграмм пришло к тебе! И от одноклассников. И от старших. От Васи Захарова. Ездит он шофером в Таджикистане. И от Стаси Помяловской. Она учится в театральной студии в Москве. Это я не Марусе объясняю, а вам, гостям. Маруся и без меня знает, кто, где и как живет. И от Леши Гауптмана. Он работает в музее в Пензе. С первого класса, узнав, что есть писатель с такой фамилией, пристрастился он к искусству. Но стал в искусстве не богом, а только жрецом. Отличный музейный работник. Ах, да всех не перечислишь, потом разберешь, Маруся. Много лет справляли

мы твое рождение в детском доме. И вот вспомнили бывшие детдомовцы тебя. Они тебя любят. У тебя сорок братьев и сестер. И все спрашивают в письмах — как ты живешь. А Игорь Хаджибеков, самый из них вдумчивый — он преподает физику в Саратове в одной школе, — пишет: «Маруся, семья в мирное время — это все равно что тыл во время войны».

Ю р и к. А сам холостой.

О л ь г а И в а н о в н а. Замолчи, легче легкого смеяться над теми, кто учит. Всем вам чудится, будто всё вы и сами понимаете. А где твоя жена? Не привел ее. Значит, глупость совершил. Неудачно женился. А глядя на тебя, и другие начнут ворчать, что семейная жизнь — каторга... Ах, не то я говорю, вероятно. Но пойми меня, дорогая. Поймите меня! Сколько сил потрачено на то, чтобы сделать вас настоящими людьми! Живите по-человечески. Следите за собой. Трудно делать то, что решил. Я шла сюда с твердым намерением не учить и не проповедовать. И вот не удержалась. Значит, человек над собой не волен. Мелочь? Да! Но вся жизнь построена из мелочей. Они всё решают. Особенно в семье. Будьте счастливы! Умоляю вас, будьте счастливее старших.

Л е н я. Ольга Ивановна, что вы беспокоитесь? Они счастливы. Это и слепому видно. За это и пьем.

Темнеет. Загорается свет. Декорация та же. Часы бьют дважды. Гости разошлись. Сережа сидит на диване, угрюмо смотрит в книжку. Столы все еще составлены вместе, но скатерть снята с них. Звон посуды. Из кухни выходит Маруся с грудой тарелок. Ставит их на стол, Сережа не поднимает головы. Маруся отправляется к двери. Останавливается нерешительно.

М а р у с я *(тихо)*. Сережа, что с тобой?

С е р е ж а. Ничего.

М а р у с я. Ну как хочешь. *(Пауза.)* Ты даже не помог мне посуду вытереть. Что с тобой?

Сережа молчит.

Вот тебе и раз. День моего рождения, а ты наказываешь меня. За что?

Сережа не поднимает глаз от книжки.

Все думают, что мы счастливы, ушли от нас веселые, а у нас вот какой ужас. Поглядела бы Ольга Ивановна. Поговори со мной, а, Юрик!

С е р е ж а. Меня зовут не Юрик.

М а р у с я. Я оговорилась, потому что он со мной был целый вечер, а ты молчал нарочно. Ну скажи — что я сделала? Смеялась слишком громко? Нет, тебе просто нравится меня мучить. Нравится, и все тут. Выпил ни с того ни с сего уже после торта — целый стакан коньяку. Как маленький.

С е р е ж а. Маленькие не то пьют.

М а р у с я. Как десятиклассник. Нет, ты можешь со мной помириться, да не хочешь, жестокий ты человек Ты нарочно пил, чтобы я мучилась.

С е р е ж а. Я не знал, что ты изволишь заметить, пью я или не пью.

М а р у с я. «Изволишь»... В жизни от тебя не слышала подобных слов.

С е р е ж а. Это не брань.

М а р у с я. У других, может быть, и не брань, а у нас брань. Сереженька, маленький мой, я не умею ссориться! Я не знаю, что говорить. Умоляю тебя, если я в чем-нибудь виновата, выругай меня прямо, голубчик. Пожалуйста. А то мне страшно.

С е р е ж а. Не бойся.

М а р у с я. Ты и на войне воевал, и видел больше, чем я, значит, должен быть добрее. Ты старше.

С е р е ж а. Раньше надо было думать.

М а р у с я. О чем?

С е р е ж а. О том, что... старше.

М а р у с я. Я не понимаю. Я сказала... Я ничего не понимаю. Ну посмотри на меня, Юрик...

С е р е ж а. Дай мне отдохнуть от Юрика!

М а р у с я. Я... *(Всплескивает радостно руками.)* Сережа, маленький мой, — ты ревнуешь? Мальчик мой! Значит, не я одна поглупела, — и ты у меня дурачок? Вот славно-то! Сережа!

С е р е ж а. Я...

М а р у с я. Не спорь, не спорь.

С е р е ж а. Я... Мне показалось, что я тебе не нужен.

М а р у с я. Ты? Мне даже стыдно — вот до чего ты мне нужен. Мне даже страшно — вот как ты мне нужен. Я какая-то стала доисторическая. Дикая. Вот как ты мне нужен.

С е р е ж а. Ладно. Я бы никогда не сказал. Это коньяк.

М а р у с я. Ну, спасибо коньяку.

С е р е ж а *(закуривает)*. Забудь. Больше никогда ни слова. Мне показалось глупым, что он от тебя не отходит.

М а р у с я. А как же он иначе может? *(Садится возле Сережи. Гладит его по голове.)* Сколько я себя помню — он всегда возле. Я маленькая была, но помню, как мы вдруг очутились так далеко — в Кировской области, в лесах... Все чужое. Все непонятное. Вечера бесконечные, света нет. Сидим, поем в интернате. Ольга Ивановна поет, а у самой голос все хрипнет. А кончилось тем, что хор у нас образовался. И стали мы ездить по району — участвовать в концертах. Прославились. А один раз чуть не погибли: попали в буран по дороге на концерт. Меня с собой всегда брали. Я объявляла номера. Ольга Ивановна была против, но я не испортилась от своей сценической деятельности. Все смеются, что такая маленькая на сцене. Ты спишь?

С е р е ж а. Нет, я стараюсь представить себе, как все это было. А я в это время дрался.

М а р у с я. А ты дрался. И вот все кончилось хорошо. А Юрик — как же он может не ходить за мной следом? Так было испокон веков.

С е р е ж а. Ты видела его жену?

М а р у с я. Нет. Увижу когда-нибудь. Неважно. Ну и все. Какая тяжесть с души свалилась! Я думала — какую это я глупость сделала, рассердила тебя? А оказывается, это ты дурачок.

С е р е ж а. Да вот представь себе. Я не знал. *(Обнимает Марусю.)* Никому тебя не отдам — вот я какой, оказывается.

М а р у с я. Ну ничего. Как-нибудь.

С е р е ж а. Опасное место — дом. Привыкаешь тут снимать пиджак. Расстегивать воротник. Ну, словом — давать себе волю.

М а р у с я. Ничего.

С е р е ж а. Все равно — никому я тебя не отдам.

М а р у с я. И не отдавай. И пожалуйста. И спасибо. Я так этому рада!

Все исчезает во тьме, кроме кукол. Они поют.

М е д в е ж о н о к. В доме...

К у к л а. Восемь...

М е д в е ж о н о к. На...

К у к л а. Сенной...

К у к л а и м е д в е ж о н о к *(хором)*. Поселились муж с женой.

И не только поселились,
Но как дети подружились.

К у к л а. Чудо!

М е д в е ж о н о к.

Чудо? Погоди!
Что-то будет впереди?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Календарь показывает 19 октября. Когда он исчезает, мы видим все ту же комнату. Ясный осенний день. Валя Волобуева заклеивает длинными полосами бумаги рамы. Маруся моет второе окно, перегнувшись во двор. Шурочка крепко держит ее за юбку. Поет задумчиво.

Шурочка *(поет)*.

В кружках и хороводах,
Всюду милый мой
Не сводил очей с меня,
Все любовался мной.

Маруся, не перегибайся так, у меня голова кружится. Говорят тебе — пусти, я лучше сделаю, и в один миг. А? Вот упрямая! *(Поет.)*

Все подруги с завистью
На меня глядят,
«Что за чудо парочка», —
Старики твердят.

Что? Денатурат? Валя, у тебя денатурат? На, Маруся. Осторожней. Если поскользнешься да упадешь — я тебя своими руками задушу.

А теперь вот милый мой
Стал как лед зимой,
Все те ласки прежние
Он отдает другой.

Валя, у тебя никого нет?

Валя. В каком смысле?

Шурочка. Известно в каком.

В а л я. Нету.

Ш у р о ч к а. Удивляюсь. Здоровая. Обаятельная. Свободная. Эх ты! *(Поет.)*

Чем лучше соперница,
Чем лучше меня,
Что отбила милого
Друга от меня?
Иль косою русою,
Иль лицо бело,
Иль походкой частою
Завлекла его?

Ох, Валя, Валя! Я люблю мужа. Уж куда больше любить! Но душа просит... сама не знаю чего. Хоть погоревать во всю силу. И тут своя красота есть. Мы с Мишей, конечно, ссоримся, без этого нельзя. Но как-то по-домашнему. Эх! Люблю тоску! *(Поет.)*

Научи, родная мать,
Соперницу сгубить
Или сердцу бедному
Прикажи забыть.
«Нет запрету, дочь моя,
Сердцу твоему,
Как сумела полюбить,
Так сумей забыть».

Валя, ты чего! Маруся, Маруся, она плачет! Да еще слезы бумажными лентами вытирает. А чем окно заклеивать будем?

М а р у с я *(прыгает с подоконника, подбегает к Вале)*. Валя, Валечка, что с тобой?

В а л я. Я никогда не выйду замуж.

М а р у с я. С чего ты взяла?

В а л я. Не могу влюбиться. Отвращение к мальчишкам. У них руки холодные. На лице какой-то пух. От

застенчивости весь каменеет, а туда же — лезет обниматься. Убила бы. А кто мне нравится, тот на меня не смотрит.

Ш у р о ч к а. А тот, кто тебе нравится, постарше?

В а л я. Постарше. Не так много. Еще молодой. Лет двадцати девяти.

Ш у р о ч к а. Мы его знаем?

В а л я. Умру, а не скажу.

Ш у р о ч к а. Вот и проговорилась, дурочка. Значит, знаем.

В а л я. Отчего я такая несчастная, нравлюсь только мальчишкам да старикам. Я никогда не рассказывала, такая минута подошла, расскажу. В прошлом году, когда я была на практике, в заводской лаборатории, был там лаборант. Старый, лет сорока. Щеки синие, хоть брился каждый день. Сопит. Нос не в порядке. Задержались мы вечером в лаборатории. Вдруг глаза у него остекленели. Лицо поглупело. Как бросится на меня.

Ш у р о ч к а. Ну, это уже нахальство!

В а л я. Я не испугалась. Только стало мне так скучно. Уйдите, говорю. А он как глухой. Тут меня даже затошнило. Я так его толкнула, что он рухнул. Разбил две колбы, пробирки. А я бежать. А на другой день знаете что он сделал?

Ш у р о ч к а. Прощения просил.

В а л я. Как же, дожидайтесь. Подал заявление, что я посуду побила. С меня взыскали, а я промолчала. Почему? Будто связало нас это вчерашнее безобразие.

Ш у р о ч к а. Ох, меня там не было.

М а р у с я. Ох, бедные мы, женщины. Пока найдешь свое счастье — столько переживешь.

Ш у р о ч к а. Что верно, то верно. Мне Миша говорит: «Ты знатная ткачиха, что ты все про любовь, ты про работу расскажи». Чудачок! У меня руки золотые! Мне на работе все ясно как стеклышко, еще и с другими делюсь опытом. Я хочу, чтобы у меня и дома было не хуже. А у кого тут опыт возьмешь? Все семьи разные.

М а р у с я. Человек неделим.

Ш у р о ч к а. Как, как?

М а р у с я. Человек неделим. Ты правильно говоришь. Каждый хочет добиться, чтобы везде он был на высоте.

Ш у р о ч к а. А как добиться? «В семейной жизни главное — терпение». Ну, хорошо. Я подумала: нет, мне не утерпеть. А с кем посоветоваться? «Миша, говорю, что есть ревность?» — «Прочти в толковом словаре». Прочла я и даже раскричалась. «Ревность, — написано там, — это сомнение в чьей-то верности». Сомнение! Ну уж это ты брось! Значит, если я застукаю Мишу с Ленкой Куликовой, — моя ревность пройдет оттого, что сомнений не будет? Ну как тут верить книжкам? Самой надо учиться. Валечка, ты, значит, все-таки влюблена у нас?

В а л я. Во-первых, нет. А во-вторых, он любит другую.

Ш у р о ч к а. Красиво, печально! Ничего, ничего, ты переживай, это душу украшает.

Открывается дверь, и в комнату входят С е р е ж а, Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч, Л е н я.

М а р у с я. Ох, откуда вы? У меня такой беспорядок! Я босиком.

С е р е ж а. Да уж.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Здравствуйте. Простите, мы думали, что дома никого нет.

М а р у с я. Я не ждала вас.

С е р е ж а. Это сразу видно.

М а р у с я. Ты не предупредил.

С е р е ж а молча выходит.

Куда ты?

Л е н я. К телефону. В коридор. Заказать Москву.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Наш идиот бухгалтер не внес аванс. Мы пришли к вам. Сегодня наш проект обсуждали в главке. Надо узнать. Разрешите позвонить от вас.

М а р у с я. Телефон Сережин.

Л е н я. А будь ваш — вы нас прогнали бы?

Ш у р о ч к а. Не отвечай, Маруся. Ну, я пойду. Сережа такого холода нагнал, что еще простудишься. Пришел — не постучался, вошел — не поздоровался.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Не сердитесь. Мужчина при виде уборки звереет.

Ш у р о ч к а. Марусенька, вон твои туфельки, под столиком. Я зайду завтра, докончим окно, когда помещение очистится. *(Уходит.)*

Л е н я. И вы уходите, Валя?

В а л я. Да, мне пора.

Л е н я. А я что-то знаю.

В а л я. Вероятно. Иначе не были бы инженером-строителем.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Испортил девушку. Острить стала.

В а л я. Я защищаюсь.

Л е н я. Мы встретили Юрика.

В а л я. До свидания, Никанор Никанорович.

Л е н я. С женой.

В а л я. Это меня не касается. И вы неправду говорите.

Л е н я. Спросите Никанора Никаноровича.

В а л я. Никанор Никанорович, правда?

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Видимо.

В а л я. До свидания. А какая она?

Л е н я. Блондинка. Высокая. Смотрит оценивающе.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Зовут Станислава Арнольдовна. Видимо, полька.

М а р у с я. Ох, тут что-то не то.

Л е н я. Не то?

М а р у с я. Он говорил, что жену его зовут Нюра.

Л е н я. Может быть, по-польски так, а по-русски — иначе.

В а л я. До свидания. Я бегу. *(Уходит.)*

Маруся провожает ее.

Л е н я. Валя по уши влюбилась в Юрика, и все это видят, кроме него самого и ближайших друзей.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. А вам какое дело?

Л е н я. Сам не знаю.

С е р е ж а *(возвращается, мрачно)*. У Якубовского не отвечает телефон.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Прячется.

Л е н я. Никаких сомнений.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Завтра узнаем. Неважно. Нет, важно. Много у меня, что ли, осталось дней и ночей? Ночь не спать из-за того, что не хватает у человека смелости взять да и сказать всю правду!

Л е н я. Ни в одном проекте не был я так уверен, как в этом.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Вот поэтому он и не прошел. Смотрят на проект. Смотрят и думают: «А я так мог бы?»

Л е н я. Если бы еще Якубовский попал, так сказать, на руководящий пост естественным путем, а он в талантливые инженеры назначен... А раз назначен — значит, могут и снять. Вот он и вертится.

М а р у с я входит в комнату.

С е р е ж а. Мы работаем.

М а р у с я. Я тоже. *(Берет со стола книгу, уходит.)*

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. А до войны? Кем он был до войны?

Л е н я. Никем.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. А теперь считает, что он пуп земли. А на самом деле он просто пуп.

Л е н я. Лицо грубое, щеки как ляжки. Еще за границу его посылают. *(Достает из кармана газету.)* И он описывает свои впечатления. *(Читает.)* «Мне довелось посетить завод строительных материалов». «Довелось» — скажите, пожалуйста! Почему, как начинают наши путешественники изливать в газетные подвалы свои чувства и мысли, у них язык деревенеет? «Дове-

лось», «не далее как вчера» — обратите внимание. Просто «вчера» уже Якубовский сказать не в силах. Он не простой человек. Землепроходец! *(Читает.)* «Осеннее золото лесов», «то и дело проносятся стада», «досужие болтуны». «Досужие»! — смотрите, пожалуйста, какое словцо выкопал. Сам ты досужий! Казнил бы его.

Никанор Никанорович. Ну, это уж незачем. Себе дороже стоит.

Леня. Я расточителен.

Никанор Никанорович. Вы человек с душою, достаточно разработанной. Вам убивать — противопоказано. Вспомните Раскольникова.

Леня. Главная ошибка Раскольникова была в том, что убивал он собственноручно. Надо было поручить секретарю. Ничего бы Раскольников не увидел, не услышал. Мучений совести — на грош, а пользы-то...

Никанор Никанорович. Довольно. Не кощунствуйте. Идем по домам.

Встает. Частые телефонные звонки.

Междугородняя.

Сережа бежит к телефону.

А где Маруся?

Леня. Она заходила сюда, но Сережа ее выставил.

Никанор Никанорович. Не выдумывайте.

Леня. А вы даже и не заметили?

Никанор Никанорович. Не выдумывайте. Когда это было?

Леня. Она как вежливая хозяйка вошла, а Сережа ей: «Мы работаем».

Никанор Никанорович. Не заметил. Честное слово. Я понимаю Сережу. Он не хотел, чтобы жена видела его волнение.

Леня. Терпеть не могу слова «волнение».

Никанор Никанорович. Шли бы вы в писатели!

Л е н я. Не смею.

Входит С е р е ж а.

С е р е ж а. Якубовский звонил. Проект принят. С блеском. Он звонил нам в бюро, не застал, потом вам, потом добыл мой телефон — и сюда. Естественно, что у него дома телефон не отвечал. Он в главке сидел, к нам дозванивался.

Пауза.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Первый признак действительно талантливого человека: он радуется чужому успеху. Он понимает, что каждая удача не отнимает, а дарит. Растет уважение ко всей организации.

Л е н я. И работает, как мученик. Здоровье-то у него никакое. Обрюзг, побледнел, а отдыхать не едет.

С е р е ж а. За границей-то побывал.

Л е н я. Ну какой же это отдых!

С е р е ж а. И написал...

Л е н я. Как будто он сам писал! Посмотри название статьи: «Под чужими звездами». Он человек умный, скромный. Это за него сочинил кто-нибудь.

С е р е ж а. Ты же собирался его казнить.

Л е н я. Я... я... не успел, к счастью.

Друзья переглядываются и разражаются хохотом.

С е р е ж а. Признаем — свиньи мы. Плохо воспитаны.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Нервы.

Л е н я. Судили и осудили, да с какой легкостью!

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Довольно психологии. Проект принят! Впрочем, я и не сомневался в этом. Мария Николаевна! Мария Николаевна!

Входит М а р у с я с книгой в руке.

Поздравьте нас — принят проект.

М а р у с я *(радостно)*. Принят! *(Словно опомнившись, холодно.)* Поздравляю.

Л е н я. Бежим, бежим! Дадим отдохнуть людям. Вечером созвонимся. *(Идет в прихожую.)*

Маруся стоит на месте, опустив голову. С е р е ж а возвращается.

С е р е ж а. Что ж ты свет не зажигаешь — стемнело совсем. *(Зажигает свет, взглядывает на Марусю. Пугается.)* Маруся, что с тобой? Отчего ты такая бледная? Простудилась! Возишься с окнами, возишься, сколько раз я тебе говорил.

М а р у с я. Окна сами не вымоются, не заклеятся.

С е р е ж а. А что с тобой? Я тебя обидел, может быть? Ну как тебе не стыдно. Мало ли что бывает! Мы, мужчины, народ грубый. А кто слишком вежливый — тот не мужчина. Ну, Маруся, проснись.

М а р у с я. Я проснулась.

С е р е ж а. Давай помиримся.

М а р у с я. Мы не ссорились.

С е р е ж а. Ну, как хочешь. *(Идет к столу сердито. Усаживается. Открывает книгу.)*

Свет гаснет. Освещены только куклы.

М е д в е ж о н о к. Слушай ты, Сергей! Послушай нас пока не поздно!

К у к л а. В следующий раз будешь просить — не ответим.

М е д в е ж о н о к. Вон, я вижу, в книжке у тебя написано: «Эти вещи ясно говорят о том, что каменный период сменился тут бронзовым ранее, чем можно предположить». Вон о чем при случае говорят вещи! И притом ясно! А ты не желаешь нас слушать!

К у к л а. А мы ясно тебе говорим: пойди помирись!

М е д в е ж о н о к. Мы ясно тебе говорим: в ссорах есть своя прелесть, не поддавайся этой игре!

К у к л а. В этой игре, прости меня, фарфоровую, за выражение, разбиваются сердца!

М е д в е ж о н о к. Сколько тебя, дурака, воспитывали — будь воспитанным мальчиком.

К у к л а. Сидит!

М е д в е ж о н о к. Не слушается. Будто мы не вещи, не куклы, а, прости господи, его родители. Что делать?

К у к л а. Споем с горя!

Поют.

В доме восемь на Сенной
Поселились муж с женой.
Поселились, веселились,
А потом и побранились...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вспыхивает свет, освещающий календарный листок. На нем число: 19 ноября. Когда он исчезает, куклы замерли, как неживые. Маруся разговаривает с ними.

М а р у с я. Дети, я научилась ссориться. Что делать? В азарт вхожу. Иной раз даже обидно мириться — вот я во что превратилась. Началось с пустяков. Сережа при чужих сказал, чтобы я вышла из комнаты. Я, конечно, вышла. И тут родилась первая ссора. Я молчу, и он молчит. Я самостоятельный человек. А он мужчина. Потом прошла неделя, и вдруг показалось мне, что он похудел, сжалось у меня сердце, бросилась я к нему на шею, и прожили мы так мирно, так славно, так близко, как никогда в жизни, дней пять. Потом он вдруг обиделся. А на что — не могу вспомнить, вот что смешно. Мы вместе не могли вспомнить. Но молчали неделю. И пришел он ко мне мириться первый. И снова мир. В чем дело, дети? Может быть, любовь имеет свой возраст. Сначала любовь — ребенок, все умиляются, смеются каждому словечку, радуются. А потом глядишь — и вырос ребенок. Любовь-подросток командует нами. Подросток. Легко ли? Переходный возраст со всякими глупостями. Ах, Сережа, Сережа! Шучу я с вами, дети, чтобы себя подбодрить. В последней ссоре было

что-то, говоря прямо, страшное. Я попросила его объяснить мне один вопрос по высшей математике. Стал он объяснять. Я не понимаю. И он заорал на меня, с ненавистью, с отвращением, как на врага, — вот чего никогда не было. Нет, надо иметь смелость и сказать — в последней ссоре было что-то безобразное. Так ссориться я не научусь. Если тебя подбрасывать — будет только смешно и жутковато. А если на пол швырнуть — разобьешься. Верно, кукла? Ты неживая — и то разобьешься. А ведь я живая. Если...

Звонок. Маруся убегает и возвращается с Юриком и Валей.

Больше всего мне хотелось, чтобы это вы пришли. Садитесь. Какую картину видели?

Валя. Немое кино. «Человек из ресторана». Подумать только — ни звука, ни слова, а все понятно.

Юрик. Меня другое удивило.

Валя. Юрик, только не шутите! Я так настроена серьезно, так мне жалко всех, а вы начнете подсмеиваться, и все пропадет.

Юрик. Нет, я шутить не собираюсь. Я другое хочу сказать. Смотрел я картину и удивлялся. Можно было подумать, что собрались в кино люди только хорошие.

Маруся. Почему?

Юрик. До тонкости всё понимали: кто поступает правильно, кто нет, кому надо сочувствовать, кого ненавидеть или презирать. Ахали в один голос, и смеялись, и даже плакали.

Валя. Что ж тут удивительного?

Юрик. Если бы они в жизни так отчетливо понимали, что хорошо, что плохо, — вот славно жилось бы!

Валя. Все понимают!

Юрик. Когда стукнет.

Маруся. А ты и без этого все понимаешь?

Юрик. Я все понимаю. Мне объяснять не надо.

М а р у с я. Ты куда, Валя?

В а л я. Чай поставить можно?

М а р у с я. Что спрашивать-то.

В а л я убегает.

Чего-то она в последнее время нервничает.

Ю р и к. Не замечал. А вот у тебя что-то неладно в жизни.

М а р у с я. Юрик, не барахли.

Ю р и к. Ты, конечно, не скажешь никому. Разве что куклам. Да и тем как-нибудь повеселее, чтобы не похоже было, что жалуешься.

М а р у с я. С чего ты взял?

Ю р и к. Знаю, знаю! Такими уж мы выросли. Поди у нас в детдоме пожалуйся. Мы, бедные сиротки, этого не любили.

М а р у с я. Юрик!

Ю р и к. Ладно, ладно, расспрашивать не буду. Нервничает, говоришь, Валя? С учением неладно?

М а р у с я. Вполне благополучно.

Ю р и к. Дома обижают?

М а р у с я. Она в общежитии живет.

Ю р и к. По комсомольской линии неприятности?

М а р у с я. Все хорошо.

Ю р и к. Чего же ей еще надо?

М а р у с я. Не знаю. Может быть, влюбилась.

Ю р и к. Что ты, что ты, она о таких делах даже и не думает. А тебе я вот что скажу. Вот компас. Мне его жена подарила.

М а р у с я. Юрик! Мы вместе его купили! Я покупала ватманскую бумагу, а ты купил себе компас.

Ю р и к. Неважно. Мне она, значит, другой преподнесла. Вот. Гляди. Юго-восток. Тут по прямой линии пойди — работает Вася Захаров. Едет сейчас на машине своей. Хорошо! Не в комнате сидит, а на машине едет.

М а р у с я. Там ночь уже, в Таджикистане. Он спит.

Ю р и к. Он сегодня в ночной смене. Едет по степи. На горы смотрит, я чувствую. Компас на Пензу. Лешка Гауптман тоже в командировке. Он собирает для пензенского музея что-нибудь благородное. Ел он сегодня или нет, конечно, неизвестно. Ты его характер знаешь. Если напомнят, поест, а не напомнят — он и не спросит. Стаську я видел с месяц назад, случайно встретил. Еще с Сережей познакомил. Привозили ее на один спектакль из Москвы.

М а р у с я. И она ко мне не зашла?

Ю р и к. Утром репетировала, вечером сыграла — и на поезд. Не хотела особенно показываться. «Еще, говорит, ничего не добилась». Но она добьется. Голос золотой, лицо, рост. Она из нас самая честолюбивая, что ли. Но все равно, она как все мы. И она в комнате не сидит. В ее комнате — три стенки. А четвертой нет. И она выходит: «Глядите, вот как я работаю».

М а р у с я. Как Стаськино полное имя? Никогда не знала. *(Укладывается на диване калачиком. Кладет голову Юрику на колени.)*

Ю р и к. И я недавно узнал: Станислава Арнольдовна. Ставлю компас на Хаджибекова. Ты еще помнишь, каково учителю в классе?

М а р у с я. Приблизительно.

Ю р и к. А я тебе скажу, что Стаське — куда менее страшно. Учитель тоже, как артист, все время у зрителя на глазах. Только школьный зритель об одном и думает — когда перемена. И разглядывает учителя, как в микроскоп. Хаджибеков наш из адыгейцев. Парень горячий. Физику, мало сказать, любит. Считает наукой наук. Может, он и зажжет класс, конечно. Но разве его весь зажжешь? Сердится. Однако не сдается. Все мы как на переднем крае.

М а р у с я. И я?

Ю р и к. И ты. А на переднем крае строго. Народ мы обыкновенный. Может, умрем, и никого не вспомнят, кроме Стаськи разве. Но мы подобрались все как

один — добросовестные. А на добросовестных мир держится. Вспомни — кем мы были? Война наших близких растоптала. Сидим в темноте маленькие в интернате, поем, как голосим. А к чему привело — научились петь и прославились пением своим на всю область. И ты научишься, как на свете жить.

М а р у с я. Научусь?

Ю р и к. А как же может быть иначе?

М а р у с я. Как ты угадал, что мне надо помочь? Что именно мне надо сказать?

Ю р и к. Любовь научила.

М а р у с я. Любовь — дело недоброе.

Ю р и к. Не говори глупости, девчонка. Ты только начала любить. Любовь — это...

Дверь открывается, и входит С е р е ж а. Маруся и не думает переменить положение. Ни признака смущения на ее лице. Не двигается и Юрик. Только Сережа невольно делает шаг назад.

Ты что думаешь — я у тебя жену отбиваю? Нет, к сожалению. Ее не отобьешь.

М а р у с я. Юрик, не барахли. Сережа, хочешь чаю? Там Валя на кухне занялась хозяйством.

Ю р и к. Пойду помогу.

Бережно приподнимает Марусину голову. Маруся встает. Юрик уходит.

М а р у с я. Ну, Сережа? Как будет у нас сегодня? Буду я как бы пустым местом? Или ты будешь меня учить? Или примешься говорить о глупости женщин вообще? Сегодня я сказала Юрику: любовь — дело недоброе. Вот я чему научилась!

С е р е ж а. Не умею я разговаривать на подобные темы.

М а р у с я. Ну что ж, давай опять молчать. Лишь бы не кричать.

С е р е ж а. Постой. Не уходи. Пожалуйста. У меня не ладится работа, а когда не ладится — я на всех бросаюсь.

М а р у с я. Почему же ты мне не сказал?

С е р е ж а. Я ничего тогда не вижу. И ничего не понимаю. Я знаю, что нет дела подлее, чем вымещать несчастья на невиноватых, на своих, на тех, кто послабей, на тех, кто любит и терпит. И... говорить, так все говорить — сейчас вдруг я понял, как ты мне дорога.

М а р у с я. Правда?

С е р е ж а. Меня вдруг как пронзило сейчас. Я... Ну, понимаешь, почудилось мне, что я оттолкнул тебя. Сейчас почудилось. Когда я вошел в комнату.

М а р у с я. Мы вспоминали друзей, школу...

С е р е ж а. Я понимаю. Я ничего не говорю. Но... Воздух не замечаешь. Отними — заметишь. Я, Маруся, без тебя не могу жить. Задохнусь. Помни это. Терпи меня.

М а р у с я. Сереженька!

С е р е ж а. Обещаю тебе. Слово даю. Никогда. Никогда больше не обижу тебя. Никогда! Никогда в жизни!

КАРТИНА ПЯТАЯ

На занавесе с календарем стоит 10 января. Календарь исчезает. Декорация та же, столик в углу. М а р у с я, облокотившись о столик, забравшись с ногами в кресло, заткнув ладонями уши, склонилась над учебником. Входит С е р е ж а. Он мрачен. Увидев Марусю, мрачнеет еще больше.

С е р е ж а *(громко)*. Маруся!

Маруся не слышит.

Маруся!

М а р у с я *(вздрагивает)*. Сережа! А я и не слышала, как ты вошел... Здравствуй.

С е р е ж а. Слушай, Маруся! Сколько раз я просил тебя не сидеть с ногами в кресле!

Маруся медленно выпрямляется. Не сводя глаз с мужа, послушно спускает ноги на пол.

(Обиженно.) Нет, в самом деле... Это странно даже. Говоришь, говоришь, говоришь — и все напрасно. Ты вся перегибаешься, когда сидишь так с ногами. Добьешься искривления позвоночника. И уши затыкаешь... Это тоже вредно... Зачем ты это делаешь?

М а р у с я. Я ведь объясняла тебе, Сережа, что в общежитии привыкла так сидеть. Там с пола сильно дуло, а соседки шумели. Вот я ноги, бывало, подберу, уши заткну и учу. Понимаешь?

С е р е ж а. Отказываюсь понимать. Говоришь тысячу раз, миллион раз, а ты упорно, сознательно, умышленно делаешь по-своему. Да, да, умышленно. Нет у меня другого объяснения.

М а р у с я. Не надо, Сережа.

С е р е ж а. Что «не надо»? О тебе же забочусь.

М а р у с я. Не надо заботиться обо мне так свирепо.

С е р е ж а. Не понимаю. Рассуждай логически. Меня беспокоит твое здоровье — тут не обижаться надо, а благодарить!

М а р у с я. Спасибо, Сережа. Но... но ты не слышал историю о таком же заботливом муже? В городе была эпидемия брюшного тифа. И вот жена выпила сырой воды, а заботливый муж застрелил ее за это. И оправдывался потом: «Я для ее же здоровья. Нельзя пить сырую воду. Опасно».

С е р е ж а. Не похоже.

М а р у с я. Рассуждай логически, и ты увидишь, что очень похоже. *(Умоляюще.)* Иди, Сереженька, прошу тебя, иди умойся, переоденься, а я тебе дам чаю. Прошу тебя. Потом поговорим.

С е р е ж а уходит, сердито пожав плечами. Маруся подходит к куклам.

Нет, это мы еще не поссорились! Я поспорила с ним, и только. Я не могла больше молчать. Это уже рабство. Я устала. У меня послезавтра зачет... *(Накрывает на стол.)* Голова даже кружится, так я устала. Это уже

рабство — успокаивать его, успокаивать. Уже целую вечность я что-то налаживаю, улаживаю, скрываю от всех. Это рабство. У него опыт по испытанию новых шлакоблоков... Но ведь я-то не виновата. Идет. Нет, мы еще не поссорились... Заговорю с ним как ни в чем не бывало. Он мучается. Он сам не рад.

Входит С е р е ж а. Маруся взглядывает на него внимательно и ласково.

С е р е ж а *(отчаянно)*. Что, что, что тебе надо?!

М а р у с я. Опомнись ты!

С е р е ж а. Шагу не могу ступить, когда прихожу домой. Смотрят все! Смотрят, видите ли! Нарочно выводят из себя, а потом смотрят!

М а р у с я. Кто?

С е р е ж а. Вы все!

М а р у с я. А почему ты говоришь обо мне во множественном числе?

С е р е ж а. Потому что потому!

М а р у с я. Умоляю тебя, замолчи! Ты так страшно меняешься, когда кричишь.

С е р е ж а. А ты не доводи меня до этого.

М а р у с я. О, как это глупо, как страшно глупо, как во сне. Когда тебя нет дома, я хоть немного стараюсь это смягчить. Делаю вид, что все у нас смешно, да и только. Шучу над этим. С куклами разговариваю об этом. А как услышу твой крик... Ведь это ни на что не похоже! Позор. Как ты можешь так на меня кричать? Как в трамвае. Как в очереди... И это ты, Сережа, которым я горжусь! Которым все его друзья гордятся!

С е р е ж а. Избавьте меня от рассуждений на эту тему.

М а р у с я. А почему избавить, Сережа? Здесь нет никого, только мы с тобой. Тебе только кажется, что наш дом...

С е р е ж а. Дом! Домишко! Домишечко! Как будто это самое главное на свете!

М а р у с я. Не самое главное, но все-таки важное. Семья...

С е р е ж а. Замолчи! Не могу слышать, когда ты своими куриными мозгами пытаешься еще и философию разводить. Довольно кудахтать!

М а р у с я быстро выходит из комнаты.

Пусть! Ладно! Пусть все летит! Сдерживаться, удерживаться, стараться, когда сегодня весь мой опыт рухнул! Пусть все летит! Ничего не хочу слышать, ничто меня не удержит, и я наслаждаюсь этим! Я в бешенстве. Нельзя же, в самом деле... Но... все-таки я, кажется, уж слишком... Я... я выругался, и она сжалась вся. Ужас какой! Она вся сжалась... Как будто я ударил ее. Да, в сущности, так оно и есть. Я негодяй. Я хуже чем ударил ее. Я перебирал, перебирал и выбрал самое оскорбительное. Она сжалась вся! Я негодяй! Она сжалась вся! *(Зовет.)* Маруся! Маруся!

М а р у с я появляется в дверях, в комнату не входит.

Маруся... Я... Мы... мы чай будем пить сегодня?

Маруся не отвечает.

Я сегодня пообедать не успел.

М а р у с я *(тихо и жалобно)*. Ужин на плите.

С е р е ж а. Я... Мы... Давай ужинать вместе.

М а р у с я. Никогда этого больше не будет!

С е р е ж а. Чего не будет?

М а р у с я. Не хочу ужинать с тобой. Ничего не хочу. Я думала тебя своим терпением образумить, а ты совсем распустился. Ты не настоящий человек.

С е р е ж а *(улыбается добродушно)*. В первый раз в жизни ты меня выругала. Ну и молодец! Теперь, значит, мы квиты. Идем ужинать.

М а р у с я. Никуда я с тобой не пойду. Ты очень плохой человек. Никто не виноват, что ты какие-то жалкие опыты поставил, а они у тебя проваливаются!

С е р е ж а *(потемнел)*. Не говори о том, чего не понимаешь!

М а р у с я. Неудачника всякий может понять. Размахнулся не по силам. Сколько ни скандаль дома — талантливей не станешь!

С е р е ж а *(кричит)*. Замолчи!

М а р у с я. Кричи сколько хочешь, мне все равно теперь. Все кончено! Понимаешь? Все кончено у нас с тобой!

С е р е ж а. Ну и очень рад! Давно пора!

М а р у с я уходит и закрывает за собой дверь. Сережа стоит угрюмо возле занесенного снегом окна. Вдруг он распахивает форточку.

Маруся! Куда ты?

Бежит к дверям. Останавливается. Делает каменное лицо. Садится у стола. Берет книгу. В комнате темнеет. Слышно, как бьют часы раз и другой. Вдруг раздается резкий звонок. Вспыхивает свет. Сережа вскакивает. Бежит в прихожую и возвращается, сопровождаемый высоким длинноусым человеком в тулупе, шапке-ушанке, с большим портфелем в руках.

В ы с о к и й ч е л о в е к. Простите, Сергей Васильевич, что ночью к вам врываюсь. У нас неприятности, Сергей Васильевич!

С е р е ж а. Садитесь, товарищ Ширяев.

Ш и р я е в. Благодарю вас, но сидеть нам как будто некогда. Ехать надо, Сергей Васильевич, немедленно. Если к этому поезду не успеем, неизвестно, когда и доберемся. Поднимается метель. К утру непременно будут заносы. Понимаете ли, какое дело… *(Понижает голос.)* Ой, что же это я кричу! Супругу вашу разбудил, наверно.

С е р е ж а. Ее дома нет. Она у подруги. Готовится к экзаменам.

Ш и р я е в. Так поздно? Да… Все работают… Одевайтесь, Сергей Васильевич. У нас минуты считанные!

С е р е ж а. Вы мне так и не сказали, что случилось.

Ш и р я е в. Говорить-то неприятно… Стена поползла.

С е р е ж а. Как поползла?

Ш и р я е в. Поползла, Сергей Васильевич. Оседает, трещины такие, что страх! А там у нас племенной скот. Конечно, весь совхоз забегал. Старики кричат: «Вот он, ваш скоростной метод!» Позвонили мы в райком, а там посоветовали прежде всего до вас добраться.

С е р е ж а. Где поползла стена?

Ш и р я е в. Пока только в седьмом корпусе. Но, конечно, опасаемся за остальные.

С е р е ж а. Так. В седьмом... Который к выгону? Который ставили после моего отъезда?

Ш и р я е в. Вот именно.

С е р е ж а. Ну и денек!

Ш и р я е в. Да уж. Сильно будет мести.

С е р е ж а. Я не к тому. Ладно! Едем! Только записку жене оставлю.

Пишет торопливо несколько слов на листке из блокнота. Кладет на Марусин столик. Выходит торопливо. Когда он захлопывает дверь, распахивается форточка, и листок сносит на пол. Темнеет. Зажигается свет. Маруся стоит возле кукол.

М а р у с я *(куклам)*. Ушел мой дурачок. Показывает силу воли. А как хорошо бы сейчас помириться... Я так замерзла! Не могу больше сердиться. Я знаете что сделала, дети? Решила уйти от него к Юрику. Ушла, не ушла бы — не знаю, но решила. Юрик ведь не женат. Это я понимаю. Он из самолюбия говорил всем, что женат. Не хотел показывать, как он убивается, что полюбила я не его, а Сережу. Ах, зачем так вышло! Юрик такой добрый. Нет. Любовь — дело недоброе. И Юрик убивал бы меня. Понемножку. Каждый день. А я его. Если бы стал моим мужем. Влюбленные все добрые. А мужья убивают. Понемножку. Каждый день. А я очень гордая. Что я плету? Замерзла. Устала. В голове химические формулы из учебника. Отправилась я, значит, дети, к Юрику. *(Смеется.)* И так все славно вышло! Вижу — сидят Валя и Юрик на площадке на окошке. На подоконнике. И разговаривают. И когда услышала, как они

разговаривают, так обрадовалась, такую тяжесть с меня сняло, — нельзя к Юрику уходить, поняла я. Может, и наделала бы глупостей из гордости. Погубила бы себя и Юрика. Не так я его люблю, чтобы уходить к нему. Не безумно. А тут вижу — сняли с меня тяжесть. Услышала я, как они разговаривают, и поняла: им, голубчикам, сейчас не до меня. И даже заплакала от радости. Шла к Юрику — как на цепи себя вела. Из гордости. И вот порвалась цепь. Вы думаете, они говорили о любви? Нет еще! Говорили про Никанора Никаноровича, про Ольгу Ивановну, про меня и Сережу, про университет, про экзамены, про Камчатку, о щенятах, об охоте, о лодках, а я стою, плачу и словно отогреваюсь от всех своих глупостей. Говорят об одном, а на сердце у них другое. Голоса ласковые, негромкие. Вот-вот поцелуются. Тут стукнула дверь, и я убежала, чтобы никто не видел, как я стою, слушаю и плачу. Что с нами? Давно ли мы с Сережей так же сидели на скамеечке и разговаривали. Что нас испортило?

Звонок.

М а р у с я выходит, и тотчас же в комнату врывается Ш у р о ч к а с девочкой на руках. Она закутана в одеяло.

Что случилось?

Ш у р о ч к а. А что у нас еще может случиться? Так тревожно в доме, что Майечка до сих пор не спит, места себе не находит. Сиди, сиди. *(Наклоняется к девочке.)* Да чего ты шепчешь? Что? К папе? Нужны мы ему! Сиди, сиди! На вот, рисуй. *(Поднимает с пола Сережину записку.)* Маруся, это ненужная бумажка? Кажется, Сережиным почерком написана?

М а р у с я. Раз он ее бросил на пол, значит, ненужная.

Ш у р о ч к а *(дает девочке бумажку и карандаш со стола)*. Рисуй, рисуй. Что? *(Наклоняется к девочке.)* Большая девочка, а не знаешь что. Рисуй домики. Сережи нет. Пальто на вешалке отсутствует. Ну и хорошо. Можно во весь голос говорить.

М а р у с я. А что случилось у вас?

Ш у р о ч к а. Что, что! Стала я бороться. Чтобы жить по-человечески. Как на работе. Понимаешь? Читать все, что есть, о любви. И посоветовала мне дура-библиотекарша прочесть «Анну Каренину».

М а р у с я. Ну почему же дура? Книга такая, что...

Ш у р о ч к а. Такая, что других подобных я не читала еще! Библиотекарша вообще дура. Независимо от этого совета. Папы от мамы отличить не может. Это я к слову. «Анна Каренина». Я удивляюсь — вышла такая книжка, а столько на свете сохранилось нечутких людишек! У которых нет внимания к самым близким, к семейным своим людям! Свиньи! Читала я эту книжку — сначала будто лесом шла, грибы собирала. Продираешься, продираешься — тоска! На лице паутина. Все бы бросила и домой ушла. И — ах! — целое гнездо боровиков. О доме уже и не думаешь. Чем дальше, тем больше. Уже я все понимаю. Этот Стива Облонский — ну чисто наш монтер! Аккуратный, приятный, а жена с детьми высохла вся. Но это в сторону. Анна сама! Господи! И дошла я до места, которое нельзя читать: умирает Анна, а муж плачет. *(Всхлипывает.)* Вдруг дышит мне кто-то в ухо. Я словно с небес в лужу. Муж пришел, уставился, молчит, дышит тяжело. Это он, зануда, всегда так показывает, что мною недоволен. Глаза карие, ресницы, как у звезды американской. Хлопает ресницами. Молчит. Смотрит. «Что тебе?» — «Майечка кашляет, сама в кроватку легла!» — «Ах, так! Я над своей душой работаю, а ты попрекаешь! Ты больше в ребенке понимаешь, чем я!» И пошло, и пошло. Девочка, конечно, в слезы. Не любит она этого. Бродит, бродит, не спит и взмолилась наконец: «К Марусе, к Марусе».

М а р у с я. Ах ты девочка моя. *(Берет девочку на руки.)*

Ш у р о ч к а. Ну что ты тут будешь делать? Объясни мне. Куда еще идти, если такая книга, которой имени не

прибрать, и та поссорила, и только. Что за души у нас? И жалко мне его, тихого, и убила бы. Его молчание — хуже всякого крика. Кричишь — значит, не прав. Молчишь — выходит, твой верх.

Маруся (*наклоняется к девочке*). Что ты говоришь, Майечка? Опять к папе просит ее отнести.

Шурочка (*грубо*). Сиди, убью! Нашла разнорабочую — носить ее туда-сюда.

Маруся целует девочку и вздрагивает.

Маруся. Шурочка, она горит вся!

Шурочка. Неправда!

Маруся. И шепчет неспроста. У нее горло болит, наверное. Майечка, больно глотать? Говорит, больно. Крикни: «Мама!» Не может!

Шурочка подбегает к дочери, хватает на руки.

Шурочка. И верно! Горит огнем. Что делать, Маруся? Ругай, ругай мужчин, а выходит, что глаз у них верный.

Маруся. Ты беги домой. Измерь температуру. И если очень высокая — вызовем «неотложную».

Шурочка. Господи, помоги нам! Вот денек-то. Идем, идем, моя крошечка, моя лапушка. К папе, к папе, куда же еще. Он первый угадал, что мы больны. Он в обиду тебя не даст. Идем, идем!

Уходят. И почти тотчас же в комнату входит Никанор Никанорович.

Никанор Никанорович. Мария Николаевна! Мария Николаевна, где же вы? Почему у вас дверь отперта? Что случилось, Мария Николаевна? Покажитесь — дом без вас словно неживой!

Вбегает Маруся.

Ну, наконец-то! Мы, люди солидные, боимся одиночества, как дети.

М а р у с я. Майечка захворала, Шурочкина дочь, я у них была.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Мне Сережа звонил с вокзала, что уезжает…

М а р у с я. С вокзала?

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Ну да, он выехал в совхоз, не на машине, а поездом. Мне нужны материалы по его опытам. Папка в черной обложке.

М а р у с я. В черной?

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Да вот же она, на этажерке. Выяснилось, что эти материалы надо отправить завтра утром на самолете в министерство. Эх, Маруся, Маруся! *(Берет папку, кладет в портфель.)* Вот и все. Маруся! Нельзя же так! Я понимаю, первая разлука, то, другое, но ведь он приедет через неделю, через десять дней. Зачем глядеть, будто он уехал навеки?

Маруся опускается в кресло, закрывает лицо руками.

Ну, ну, ну! Ну вот и здравствуйте. В отчаянье пришла, а я так ей завидую. Мне уже не с кем расставаться, некого ждать. Эх, Маруся! Если бы вы, бедняжка, знали, какая вы счастливица, глупенькая.

Свет гаснет, освещены только куклы.

К у к л а. «Счастливица»! Всегда ты, Никанор, был нечуткий.

М е д в е ж о н о к. Всегда несчастья начинаются с глупостей. С умного не начнется.

К у к л а. Всегда несчастья начинаются с мелочей! Уж мы-то маленькие, нам видно!

М е д в е ж о н о к. Что будет?

К у к л а. На чем сердце успокоится?

М е д в е ж о н о к. А ну как и не успокоится? Ох, беда, беда! *(Поет.)*

В доме восемь на Сенной
Поселились муж с женой.

К у к л а.

Им бы жить да веселиться...

М е д в е ж о н о к.

А они — давай браниться,
А они — давай кричать...

К у к л а.

Об пол ножками стучать.

О б а в м е с т е.

И пришлось беднягам туго,
Не сгубили бы друг друга!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На календаре 25 января. Он исчезает. Декорация предыдущей картины. За окнами тьма, и в комнате тьма. М а р у с я, стоя у елки, зажигает свечи.

М а р у с я. Вот так, дети, будет лучше. Спасибо тебе, елка, что ты не осыпалась. Я заболела, дети. От электрического света глаза очень ломит. Горло болит. Голова болит. Пусть горят свечи. Так легче все-таки, и детство напоминает, когда болеть было приятно. А теперь очень страшно болеть — Сережа-то не вернулся еще. Две недели прошло, а он все не едет домой. Наверное, не догадывается, как я больна, сердится на меня, как на здоровую. А я очень больна. Сами знаете, как я не люблю жаловаться, а сейчас по всем телефонам звонила, на помощь звала. И, как на грех, никого дома нет, и Шурочка у дочки в

больнице. Я очень тяжело больна, дети. Вам жалко меня? Бедная я?

Кукла. Очень.

Маруся. Что ты говоришь?

Медвежонок. Очень даже.

Маруся. Вот и я так думаю. Расскажите мне вот что. Вы много на своем веку видели женатых людей?

Кукла. Много! Все наши хозяйки выросли и вышли замуж.

Медвежонок. Все повыскочили, дурочки. Мало им нас — подавай живых детей.

Маруся. И счастливы они были замужем?

Кукла. Одни счастливы.

Маруся. А другие?

Медвежонок. А о других не хочется рассказывать на ночь. У тебя жар...

Яркая зеленая вспышка за окном. Маруся вскакивает. Куклы замирают неподвижно, как неживые.

Маруся. Это троллейбус, дети, — чего вы испугались? Ну? Оживайте! Пока вы со мной разговариваете, все кажется печальным, но уютным, как в детстве, когда накажут ни за что ни про что, а потом жалеют, утешают, сказку рассказывают. Не оставляйте меня одну! Помогите мне! Очень уж трудная задача. Если бы мы ошиблись друг в друге или он меня разлюбил, а я его, как задача легко решилась бы! Мы разделились бы без остатка — вот тебе и ответ. Или будь мы дурные люди, переступи границы — отдали бы нас под суд. Наказали бы нас. Позор пал бы на наш дом, но задача была бы решена. Нет, не в том наше горе. Убивают нас беды мелкие, маленькие, как микробы, от которых так болит у меня горло. Что с ними делать? Отвечайте! Не бойтесь. Да, у меня жар, а видите, как я рассуждаю. Стараюсь. Рассказывайте о тех ваших хозяйках, что были несчастны. Ну же!

Кукла. Не могу.

М а р у с я. Почему?

К у к л а. У меня ротик слишком маленький и хорошенький. Я могу рассказывать только приятное.

М е д в е ж о н о к. Я боюсь, я мягкий, плюшевый.

М а р у с я. Поймите же, если я не решу, как мне жить дальше, то просто перестану жить!

М е д в е ж о н о к. Ну уж рассказывай, не мучай ребенка.

К у к л а. Будь по-твоему. Слушай. Звали нашу первую хозяйку Милочка, а потом превратилась она в Людмилу Никаноровну.

М е д в е ж о н о к. И вышла замуж за Анатолия Леонидовича. Мужчина мягкий, обходительный.

К у к л а. При чужих. А снимет вицмундир да наденет халат — беда. Все ему не по нраву.

М е д в е ж о н о к. А главное — расходы. Ну, мы терпим. По мягкости. Сжимаемся. Над каждой копейкой дрожим.

К у к л а. При чужих улыбаемся. Родителям ни слова.

М е д в е ж о н о к. Все мягко, бывало, лаской.

К у к л а. А он только ожесточается. И вот однажды ночью врывается в детскую. В руках клеенчатая тетрадка, где записывал он расходы.

М е д в е ж о н о к. Шварк тетрадкой об пол.

К у к л а. И зашипел таким страшным шепотом, что проснулись дети.

М е д в е ж о н о к. Маленький Никанор и маленькая Леночка.

К у к л а. «Систематичес-ски, — шипит наш Анатоль, — систематичес-с-ски, транж-жирка вы этакая, тратите на хозяйство по крайней мере на с-семь целковых больш-ш-ше, чем с-с-следует. Поч-чему вы покупаете с-с-сливочное...»

М е д в е ж о н о к. «...когда вс-с-с-се, вс-с-се берут ч-ч-чухонское мас-с-сло? Кухарка вас обс-с-с-считывает, горничная обс-с-ставляет!»

К у к л а. «Вы з-з-забываете, что я взял вас-с-с бес-с-с-приданницей, вы хотите меня по миру пус-с-стить!»

М е д в е ж о н о к. Дети заплакали, а наша Людмила Никаноровна выпрямилась, как столбик.

К у к л а. И спокойно...

М е д в е ж о н о к. Но до того твердо, что у меня даже бока заболели...

К у к л а. Произнесла: «Подите вон!»

М е д в е ж о н о к. Он пожал плечами, конечно...

К у к л а. Однако повиновался. А мы тихо-тихо оделись да с детьми на извозчике и к родителям. И что он ни делал, как ни бунтовал...

М е д в е ж о н о к. Мы оставались твердыми, хоть и не давал он нам отдельного вида на жительство и грозил вернуть домой через полицию. Вот и все. Научит тебя эта печальная история?

М а р у с я. Нет! У нас с Сережей никогда не было столкновений из-за денег. И не могло быть. Подумать смешно. Рассказывайте дальше!

К у к л а. Вырастили мы Леночку, и стала она Елена Анатольевна. И вышла замуж за Алексея Аркадьевича. И стал этот Леша пилить жену, зачем она учится на Бестужевских курсах.

М е д в е ж о н о к. На историческом отделении.

К у к л а. «Наша бестужевка — наша бесстыжевка». Выжил из дому всех знакомых курсисток. Ну и довел до того, что Леночка курсы бросила. И погубил ее и себя. От тоски и обиды стала она безыдейной. Он к ней со сценами ревности...

М е д в е ж о н о к. А она выпрямится, как столбик, и: «Подите вон! Вы добились того, что хотели! Живу, как все!» Поможет тебе эта печальная история?

М а р у с я. Нет, что ты! У нас с Сережей убеждения одинаковые. До самой глубины. Он даже удивлялся, как я его понимаю. А он меня. Нет, не поможете вы мне, дети. Мы старше. Или моложе. Не знаю, как сказать. У меня

жар. И об этих историях я слышала уже! Никанор Никанорович рассказывал. Милочка — это его бабушка, а Леночка — тетка. Нет, нет, надо думать, думать.

Кукла. А ты потом думай.

Маруся. Что ты, что ты — потом! Я как почувствовала, что заболеваю, так скорее все прибрала и даже натерла пол. Как же можно жить, когда в квартире беспорядок? А тем более — хворать. Как можно жить, когда такой беспорядок в нашей семье? Как можно лечь да и заболеть? Это больно уж легко. Не подсказывайте. Довольно играть. Я снова Мария Николаевна. Я хочу решить задачу.

Отдаленный, едва слышный хор. Поют детские голоса.

Стойте, стойте! Кажется, я понимаю. Темнота и бесконечные вечера научили нас петь. Потому что мы были храбрыми детьми. Только бы мне выздороветь. Справиться с болезнью — и я справлюсь с бедами, мелкими, как микробы. Научиться жить, как мы научились петь. Чтобы все было прекрасно. Только бы не забыть сказать это Сереже. Дайте мне карандаш. Нет, карандашом не записывают результаты опыта. Дайте мне ручку. Скорее! Скорее же! Мы не имеем права быть несчастными! Не то время. Мы обязаны выучиться жить, как выучились петь.

Темнеет. Когда зажигается свет, на елке свечи уже догорели. Над Марусей склонилась Шурочка. Миша стоит рядом, бледный и растерянный.

Шурочка. Маруся! Марусенька! Очнись. Это я, Шурочка. Не узнает. Ну что ты стоишь как пень, мужчина ты или нет?! Звони в «Скорую помощь», они мужским голосам больше доверяют, сразу прикатят.

Миша убегает.

Маруся, Марусенька! Очнись! Умоляю тебя!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

На календаре 27 января. Календарь исчезает. Декорация та же. По темной комнате шагает из угла в угол Сережа с папиросой в зубах. Останавливается возле кукол.

Сережа. Ну? Чего уставились на меня своими круглыми глазами? Если уж смотрите, как живые, то и говорите, как люди. Я ведь знаю, что ее любимой игрой было делиться с вами и горем и радостью. Что рассказала она вам в тот последний вечер, когда была дома? Ну? Чего вы молчите? Думаете, я удивлюсь, если услышу ваши голоса? Нисколько не удивлюсь — так перевернулась жизнь, так шумит у меня в голове. Ну, говорите же! Простила она меня? Или упрекала, как перед уходом из дому, той дурацкой ночью? Вы думаете, это легко: хочу вспомнить Марусю такою, как всегда, а она мне представляется осуждающей. И чужой. Помогите же мне. Расскажите о Марусе! Поговорите со мной. Не хотите? Эх, вы! *(Снова принимается бродить из угла в угол. Вдруг замирает неподвижно. Вскрикивает.)* Кто там?

Входит Шурочка.

Здравствуйте, Шурочка. Я что — дверь не захлопнул?

Шурочка. Захлопнул. Все в порядке. Они там у нас сидят, рассуждают, можно ли вас беспокоить, а я вышла, да и сюда. Шпилькой открыла ваш замок, как в ту ночь, когда не могли мы достучаться-дозвониться к Марусе. Ты погляди, погляди еще на меня зверем! Нас горе сбило в одну семью, как и следует, а ты будешь самостоятельного мужчину изображать? У жены токсическая форма скарлатины! Пенициллин не берет, а ты будешь от нас прятаться? Работать коллективно научился, а мучиться желаешь в одиночку? Ответь мне только, ответь, я тебя приведу в чувство. Ты ел сегодня?

Сережа. Да.

Шурочка. Сереженька, горе какое! У Майечки уже нормальная сегодня, а Маруся… Положение тяжелое.

С е р е ж а. Не надо, Шурочка.

Ш у р о ч к а. Не надо? Как больной зверь, в нору забираешься, — этому тебя учили?

С е р е ж а. Меня учили держаться по-человечески. С какой стати я буду свое горе еще и на вас взваливать?

Ш у р о ч к а. Нет здесь своего горя. Мы все в отчаянии. Сейчас всех сюда приведу. *(Убегает.)*

С е р е ж а. Этого мне только не хватало.

Входят Л е н я, Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч, Ю р и к, О л ь г а И в а н о в н а, М и ш а.

Ш у р о ч к а. Всех, всех зовет. Садитесь. А то рассуждают: как там Сережа переживает.

М и ш а. Шурочка! Не надо.

Ш у р о ч к а. Не надо? Ругаться надо, а прийти к человеку посочувствовать ему — не надо? Садитесь.

Все рассаживаются. Длинная пауза.

Ну так и есть... Опять я глупость сделала. Но ведь надо что-то делать. Я думала, сойдемся все вместе, легче станет, а мы стесняемся, да и только.

С е р е ж а. Нет, я вам рад. Никанор Никанорович, не смотрите на меня как виноватый. И ты, Леня, не снимай очки. И вы, Ольга Ивановна, вы тоже. Я всем рад. Правда.

Ш у р о ч к а *(Мише)*. Ну, кто был прав?

О л ь г а И в а н о в н а. Что сказал доктор?

С е р е ж а. Ничего нового не сказал. В инфекционное отделение не пускают. Но он мне велел прийти к двенадцати часам. Он к этому времени приедет к Марусе. И если... найдет нужным, то в нарушение всех правил пустит меня к ней... попрощаться. *(Швыряет чернильницу на пол.)*

О л ь г а И в а н о в н а. Орлов, спокойнее.

С е р е ж а. Я по глупости, по дикости, по невоспитанности свое счастье убил.

О л ь г а И в а н о в н а. О чем вы, Сережа?

С е р е ж а. И вы не понимаете! О себе, о Марусе. О том, что все последнее время я вел себя как самодур. Я видел, как она прячет от всех, что у нас делается. Видел, как трогательно, умно, самоотверженно пробует превратить меня в человека, привести в чувство, и еще больше куражился.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Не верю, что так было.

С е р е ж а. Сам не верю, но превращался в тупое и упрямое чудовище, когда возвращался домой. И вы подумайте: как бы я ни был утомлен, сердит, нездоров, — когда я сажусь за работу в бюро или в институтской лаборатории, то сразу беру себя в руки, отбрасываю все, что мешает мне думать, делаюсь человеком. А дома... И она заболела из-за меня. Выбежала в горе, в отчаянии, усталая на улицу и...

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Ну уж в этом не к чему себя винить.

С е р е ж а. Не к чему? Попробуйте совесть логически успокоить.

Л е н я. Это случайность.

С е р е ж а. Не верю. Ну хорошо, пусть. Не случилось бы этого несчастья, я все равно убил бы ее.

Л е н я. Что ты, что ты!

С е р е ж а. А разве нет? Скажи честно. Хуже, чем убил бы. Изуродовал бы. Превратил бы в несчастную женщину. А она умела быть счастливой. От нее, кроме радости, ничего люди не видели. Эх... Ничего тут не объяснишь... Который час?

Л е н я. Половина десятого.

С е р е ж а. Не могу я дома сидеть. Я в больницу поеду.

Ю р и к. Доктор велел к двенадцати...

С е р е ж а. Подожду там, где-нибудь в сторонке. Все-таки ближе. До свидания.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Вместе выйдем.

С е р е ж а. Нет, пожалуйста, не уходите! Мне легче будет вернуться домой. Леня, не пускай их! Если вам

работать нужно, Никанор Никанорович, то пожалуйста! Вот здесь, за столом. Тут и тепло и светло. Не уходите, Ольга Ивановна!

О л ь г а И в а н о в н а. Не уйдем.

С е р е ж а. Ну вот и хорошо. Вот и все. Я не прощаюсь.

Уходит. Слышно, как захлопывается за ним входная дверь. Длительное молчание.

Л е н я. Ишь ты, как печка нагрелась!

Ю р и к. Так я и знал, что мы о чем угодно заговорим, только не о том, что всех нас мучит.

Л е н я. Ничего умного не скажем мы с тобой об этом. Так уж лучше помолчать.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Вестибюль больницы. Г а р д е р о б щ и к читает газету. Поднимает голову на шум открываемой двери. Видит С е р е ж у. Кивает головой понимающе.

Г а р д е р о б щ и к. Не дождался до двенадцати? Понятно. Присаживайтесь!

Сережа садится на скамью возле гардеробщика.

Понятно, что не дождался. Доктор тоже не дождался. Уже с полчаса как тут. Приехал — и прямо к ней, к больной Орловой. Молодой доктор. Упрямый. Да ты слушай, что я тебе говорю! Я для твоей же пользы!

С е р е ж а. Я слушаю.

Г а р д е р о б щ и к. Молодой доктор. К смерти не привык, не смирился. Сердится, тягается с ней, зубами даже скрипит! Сейчас я позвоню ему. Он приказал доложить, когда вы прибудете. (Берет телефонную трубку.) Двадцать семь. Лев Андреевич? Это я говорю. Муж больной Орловой прибыл. Понимаю. Понимаю. *(Вешает трубку.)* Приказывает подождать. Вот и хорошо. Раз не пускают — значит, все идет нормально. Без перемен.

(Удаляется в глубь раздевалки и возвращается с белой фаянсовой кружкой. Протягивает ее Сереже.) Выпейте чаю! Выпейте! Может быть, долго ждать. Возможно, до утра просидим мы с тобою тут. Выпейте.

Сережа повинуется.

Вот и молодец! Я тебя дурному не научу, а научу вот чему. Ты не отчаивайся, не надо. Вот посмотри на меня — живу? Так? А мне еще семи дней не было, когда бросили меня в речку. А кто? Как вы думаете? Родная моя мать. Такое было село большое торговое, называлось Мурино. И родился там я, как говорилось в те времена, незаконный. Так... Мать моя — а ей было, бедной, всего семнадцать лет — взяла меня на руки и пошла, мужчиной поруганная, родными проклятая, соседями затравленная. Отлично. Идет она. Плачет. И дошла до речки Белой. И бросила меня, ребенка, в омут. А одеяльце ватное раскрылось и понесло меня по воде, как плотик. А я и не плачу. Плыву. Головку только набок повернул. Отлично. И как увидела это моя мать, закричала она в голос — заметь, это в ней душа очнулась, — закричала она и бросилась в речку. Но не с тем, чтобы погибнуть, все разом кончить, а с тем, чтобы маленького своего спасти. А плавать-то как она плавала? По-лягушечьи или пособачьи. Спорта ведь тогда не было. Схватила она меня, бьется в омуте, а сил-то нету. Красиво? Бывает хуже? Мать и сынишка по глупости людской, по темноте тогдашней в омуте пропадают, крутятся. Конец всему? Да? Ты слушай меня. Вы меня слушаете, товарищ Орлов?

С е р е ж а. Да.

Г а р д е р о б щ и к. Ехал на дрожках из города Тарас Егорович Назаренко, царство ему небесное, золото, а не человек. Едет он вдоль Белой... Что такое? Птица в омуте бьется? Нет, не птица, боже мой, господи! Бросился он в воду, мать за косы, меня за ручку, вытащил нас да к себе в избу, на огороды. И года не прошло, как женился он на маме моей. И хоть потом свои у них дети пошли, я был у него всегда на первом месте. Вот как он пожалел нас.

Замечаешь, как все обернулось, внучек? Любовь меня в омут бросила и из омута спасла. И жизнь я прожил, и в Гражданскую дрался, и потрудился, и сыновья у меня в люди вышли, и дочки, и внуки. И все меня, друг, к себе жить зовут, но мне обидно от работы отказываться. Взял себе нетрудное место и служу, и все со мною считаются. А началось как? Понял ты, к чему я это говорю? Вы меня слушаете?

С е р е ж а. Да.

Г а р д е р о б щ и к. Все может обернуться. Раз не пускают, раз Лев Андреевич не звонит еще, можно надеяться! И я тебе еще такой пример приведу...

Звонит телефон. Старик взглядывает исподлобья на Сережу. Протягивает руку к трубке — и отдергивает, будто она раскалена. Звонок. Старик берет трубку.

Слушаю вас. Да, Нина Марковна, был пакет, а как же. Я расписался и передал его Гале. Наверное, у вас на столе он и лежит. *(Вешает трубку. Улыбаясь.)* Вот ведь... страх какой. О чем это я? Ах, да...

Звонит телефон.

(Снимая трубку, весело.) Да, Нина Марковна? *(Потемнев.)* Так.. Понимаю, Лев Андреевич! Передадим. Лев Андреевич. Понимаю. *(Вешает трубку.)* Снимайте ваше пальто, надевайте халат. Доктор вас требует наверх, к больной.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Палата в инфекционном отделении. Узенькая больничная койка у стены. Под серым одеялом М а р у с я. Она необыкновенно оживлена, глядит не отрываясь на дверь. И когда С е р е ж а входит и растерянно останавливается на пороге, она смеется тихонько, манит его к себе, указывает на стул, стоящий у койки. Сережа садится, не сводя глаз с жены. Маруся протягивает ему обе руки. Сережа вдруг склоняется низко, прячет лицо в ее ладонях.

М а р у с я *(ласково и снисходительно, как маленькому)*. Ну, что ты? Ты испугался? Да, Сережа? Жили, жили,

и вдруг больница... Да? Носилки, халаты, лекарствами пахнет. Вот что у нас делается теперь. Да, Сережа?

Сережа не отвечает. Маруся освобождает тихонько одну руку, гладит Сережу по голове.

Ты обедал? Кто тебя кормит? Сам? А посуду вымыл? Да? Ну, умница. Ты утром приехал? Я сразу почувствовала. Что ты говоришь?

С е р е ж а *(едва слышно)*. Прости...

М а р у с я. За что? Я обижалась только, что уехал ты, а записки не оставил. Оставил? А я не нашла, бедненькая. Не везло нам в тот вечер. Что? Почему ты так тихо говоришь, а? Ну, как хочешь. Сейчас... Я отдохну и еще тебе что-то скажу.

Маруся откидывается на подушки, дышит тяжело. Сережа глядит на нее с ужасом.

Не бойся. Это так полагается. Такая болезнь. Я... я вдруг скарлатиной заболела... Но это ничего... Вот что худо. Я нашла решение задачи, а ручки не было. Я и не записала. И все забыла с тех пор. Но мне сначала нужно решить задачу потрудней. Поправиться. Эти маленькие... вирусы до того сильные. Хуже даже, чем наши ссоры. Мы вот помирились — и все стало ясно и чисто. А с ними не помириться. Они ничего не понимают. Вирусы. Несознательные. *(Смеется.)* Да улыбнись ты... Не хочешь. Что в совхозе?

С е р е ж а. Все наладил. Они там...

М а р у с я. Погоди минуточку. Душит меня.

С е р е ж а. Ты не разговаривай!

М а р у с я. Сейчас.

Сережа поправляет подушку, расправляет одеяло, и Маруся улыбается ему.

Мне опять стало хорошо. Правду говорю... Сядь!

Сережа садится.

Мне очень славно, особенно когда ничего не душит... Очень хорошо. Все что-то со мной возятся, все

беспокоятся. Всегда я всё сама, а тут вдруг все со мной... *(Смеется, шепчет, косясь на дверь).* Они думают, что я тяжело больна. Оставь, оставь, думают. Я не маленькая. Понимаю. Все вокруг меня шныряют, шуршат, как мышки. Правда, правда. Шепчутся чего-то... А я понимаю, как надо болеть, понимаю, не обижаюсь. Понимаю. Не обижаюсь... *(Всхлипывает.)* Зачем?

С е р е ж а. Что зачем?

М а р у с я. Зачем начинаем мы всё понимать, когда война, или тяжелая болезнь, или несчастье? Зачем не каждый день...

С е р е ж а. Маруся, Маруся!

М а р у с я. Зачем? Нет, нет, ничего. Через меня как будто волны идут, то ледяная, то теплая. Сейчас опять теплая. Очень теплая. Дай водички. Ой, нет, не надо, я забыла, что глотать не могу. Но это ничего... Что я говорила? Ах, да... Записка... Очень я обижалась, даже смешно вспомнить... Стыдилась за семейную нашу жизнь. Как людям в глаза смотреть? Брысь, брысь! Ага, убежала. Кошка тут бродит на одной лапке. Это у меня такое лицо, да, Сережа?

С е р е ж а. Какое?

М а р у с я. Как у тебя. Ты всегда на своем лице мое изображаешь. Ну вот, я улыбаюсь! И ты улыбнись! Зачем губки распустил, дурачок. Не маленький. Ну вот, опять пошли шептаться по всем углам. Не обращай внимания. Не боимся мы! То ли еще видели! Верно, Сережа? Тише! Главное, пусть видят, что не сдаемся. Сереженька, маленький мой, сыночек мой, не оставляй меня! Все-таки страшно. Все-таки я больна. Не затуманивайся, не кружись! Унеси меня домой, Сереженька. Ведь я вижу, как ты меня любишь! Не отдавай меня! Помоги! Не отдавай!

Маруся закрывает глаза, голова ее тонет в подушках. Сережа держит ее за руки.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

На календаре 30 апреля. Он исчезает. Декорация первой картины. Девятый час вечера, а комната вся так и сияет, солнечные лучи врываются в окна. При поднятии занавеса на сцене пусто. Слышны отдаленные голоса, смех, беготня. Особенно явствен голос Лени. Он разговаривает в прихожей по телефону. «Лизочка! — кричит он. — Лизочка! Это клевета! Я не такой». Появляются Ю р и к и В а л я.

Ю р и к. Ну, все славненько. До поезда еще два часа, а все уложено, упаковано, зашито.

В а л я. Я ужасно не люблю провожать!

Ю р и к. Вернутся.

В а л я. Через два года. Обидно. Как будто бросают меня, бедную, ни за что ни про что. Вернутся друзья не такими, как уехали. Что-то изменится! Значит, расстаемся мы сегодня с ними навеки.

Ю р и к. Имею два возражения. Возможно, что они изменятся. Но только к лучшему! Выстроят завод, подышат степным воздухом. А второе возражение: я-то никуда не уезжаю. Поездим мы с вами по городу. Я Ленинград летом очень люблю. На взморье отправимся. На яхте пробежимся. Не надо горевать.

В а л я. Ну не буду, Юрик. Мы друзья?

Ю р и к. Конечно. А почему вы спрашиваете?

В а л я. Мне казалось, что вы на меня обиделись.

Ю р и к. Что вы тогда в кино не пошли?

В а л я. Да.

Ю р и к. Все забыто.

В а л я. Ну и хорошо.

Л е н я *(за сценой)*. Нет, я не один в комнате. Ага. Да. И я тоже. Очень. Еще больше. Крепко. Много раз.

В а л я *(кричит в дверь)*. Леня! Никанор Никанорович просил не занимать телефон! Ему должны из института звонить!

Л е н я *(за сценой)*. Ну, до свидания! Меня зовут. Никогда не забуду, даю слово!

В а л я. Еще и слово дает!

Ю р и к. А как же иначе?! Прощается ведь! Парень он добрый.

Входит Л е н я.

Л е н я. Спасибо, Валечка!

В а л я. За что спасибо?

Л е н я. Спасла от мук расставания.

В а л я. Я с удовольствием ее спасла бы от вас. *(Передразнивает.)* «Никогда не забуду! Даю слово!» Бедная девочка!

Л е н я. Эта девочка, к вашему сведению, доктор наук.

В а л я. Не может быть!

Л е н я. Вот то-то и есть! И нечему тут удивляться. Доктора наук — тоже люди.

Входят Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч и С е р е ж а.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. А где Маруся?

В а л я. Мы зашивали вместе ящик, который пойдет в багаж, а она вдруг уснула.

С е р е ж а. Уснула?

В а л я. Да! Говорит, прилягу на минуточку — и как будто утонула! Мы разговариваем, смеемся, а она спит, не слышит...

С е р е ж а. Удивительное дело!

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Я вам говорил, что в этой сонливости есть что-то угрожающее. Опять свалится, а мы будем охать да руками разводить! Просил я вас вызвать врача?

С е р е ж а. Она мне запретила.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Надо было уговорить ее.

Л е н я. Замучили бедного ребенка своими заботами.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Нечего делать циническое лицо! Вы тоже беспокоитесь о ней.

Л е н я. Да! И горжусь этим! Но я не мог бы довести человека до того, чтобы он выбросил термометр в окошко!

М а р у с я, румяная, улыбающаяся, появляется в дверях. Никанор Никанорович не замечает ее. Маруся крадется к нему на цыпочках.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Ну и очень жаль, что выбросила. Я уверен, что у нее до сих пор субфибрильная температура. И, выбросив термометр, она...

Маруся обнимает Никанора Никаноровича. Целует его в затылок Он резко поворачивается к ней.

М а р у с я. Не выбросила, не выбросила я термометр. Я его в комод спрятала. У меня нормальная температура. Я здорова! Взгляните на меня!

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. А что это за сонливость у вас?

М а р у с я. Просто я отдыхаю. Приедем, поживем на свежем воздухе, и я перестану спать.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Знаю я вас! Там всем работа найдется! Свяжетесь вы с геохимиками, и пропал весь отдых. Нет, напрасно вы ее берете, Сережа.

С е р е ж а *(хмуро).* Боюсь я ее оставлять одну.

Звонок. Юрик бежит открывать.

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Что такое? Неужели уже машины пришли?

Входит О л ь г а И в а н о в н а.

О л ь г а И в а н о в н а. Почему это до вас невозможно дозвониться? Все время, все время телефон занят. Леня небось со своими барышнями прощался?

Л е н я. Только с одной.

О л ь г а И в а н о в н а. И на том спасибо. Эй вы, умники! Знаете, что вы забыли?

Ю р и к. Не представляю себе! Вместе вчера список составляли, что им брать.

О л ь г а И в а н о в н а. Пока развернется там хозяйственная часть да наладится дело, чем будете Марусю кормить?

М а р у с я. Ольга Ивановна...

О л ь г а И в а н о в н а. Тихо! До поезда еще полтора часа. Успеем исправить все. Идем! Все! Станем в магазине в разные отделы и всё разом купим. Ну?!

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. Тут мне звонить должны...

О л ь г а И в а н о в н а. Маруся останется. Остальные — за мной! По дороге сообразим, что купить. До свидания, дочка, не скучай...

Н и к а н о р Н и к а н о р о в и ч. До свидания, Маруся. Не стойте на сквозняке!

Ю р и к. До свидания, Маруся! Не забывай друзей!

В а л я. До свидания, Маруся! Не усни без нас!

С е р е ж а. До свидания, Маруся!

Л е н я. До свидания, сестрица!

О л ь г а И в а н о в н а. Скорей, скорей! Время идет!

Все уходят, кроме Маруси. Хлопает дверь. Маруся, улыбаясь, подходит к куклам. Садится в кресло возле этажерки.

М а р у с я. Вот, дети, как они испугались, что я вдруг умру. Уже сколько недель, как я поправилась, а они всё боятся, боятся... Прощались они со мной сейчас шутя, а у Сережи тревога в глазах. На минуту и то боится оставить меня. Если бы они знали, как я сейчас здорова и счастлива. Счастлива и здорова. Весь мир открылся передо мной. Никого мне теперь не стыдно, прятаться не надо, каждому могу смело смотреть в глаза.

Врывается вихрем Ш у р о ч к а.

Ш у р о ч к а. Марусенька, родная моя, все подстерегала я, чтобы выбрать время попрощаться без лишних глаз. Ты не бойся, я плакать не стану.

М а р у с я. Я не боюсь, Шурочка.

Ш у р о ч к а. Они привыкли, а я еще не могу опомниться. Ты жива, жива, ты домой вернулась, а вот теперь уезжаешь. *(Громко плачет.)* Глупости какие! Это я не плачу, ты не нервничай, ты пойми меня. Я воспитала себя, но уж больно я горяча. Ах, как печально, хоть песню придумывай. Пройду мимо вашей двери, а за дверью никого. Ну пусть. Все-таки есть что вспомнить. Все-таки мы не те, что были, прояснились мозги. Как-никак сделали выводы из своих ошибок. Все сделали выводы, кроме моего Миши. Хуже нет таких людей, их ничем не возьмешь! Пользуется тем, что стала я сознательнее, и часами в библиотеке сидит. Это красиво? Чего-чего только не придет в голову, пока его дождешься. Три раза похоронишь, а девять приревнуешь. Ну, ничего. Переживем! Не забывай меня, Марусенька моя. *(Взглядывает на часы.)* Ох, опаздываю! Ну ладно, я с передней площадки, пусть ругаются, мне всего важнее на работу прибыть вовремя. Не забывай. Возвращайся. Не забывай! *(Крепко целует Марусю. Убегает.)*

Маруся, улыбаясь, подходит к куклам.

М а р у с я. Ну, дети, вот до чего мы дошли. Все меня любят. А Сережа так со мной осторожен и внимателен, что я вот-вот избалуюсь. Вот-вот начну скучать по ссорам. Небольшим. *(Смеется.)* Ну ничего. Перевожусь я в другой университет. И летом на заводе, конечно, буду работать тоже, пусть Никанор Никанорович сердится. Разве можно ничего не делать, когда все работают?

К у к л а. Нельзя, родная, никак невозможно!

М е д в е ж о н о к. Если ничего не делать — моль съест!

М а р у с я. Судя по тому, что вы разговариваете, я опять уснула!

К у к л а. Уснула. Но это ничего. Ты спи себе.

М е д в е ж о н о к. Это здоровый сон, на пользу!

М а р у с я. Ну и хорошо. Я посплю, а вы меня постороожите. Вы разговаривайте, разговаривайте. Вы мне не мешаете! *(Закрывает глаза.)*

М е д в е ж о н о к. И все-то она спит, спит, спит…

К у к л а. Как ты думаешь, почему это?

М е д в е ж о н о к. А ты как думаешь?

К у к л а *(шепотом)*. Я вспомнила, что Милочка, когда была в ожидании Леночки, то ее тоже все в сон тянуло.

М е д в е ж о н о к. Что ж, дай бог, дай бог.

К у к л а. Тем более что эта хозяйка наша не в пример счастливее той…

М е д в е ж о н о к. Дай бог, дай бог!

К у к л а. Все к лучшему, все к лучшему! Это дело нестрашное. Сколько народу бывает у нас, сколько шумит на улице, за окнами. И ведь все родились когда-то. И ничего — славно, все благополучно.

М е д в е ж о н о к. Пора, пора нам за работу. Конечно, место мы занимаем в доме хорошее, но все же второе, а не первое. При детях — оно вернее.

К у к л а. И что это за семья, что за дом без детей!

М е д в е ж о н о к. Конечно, ребенка вырастить не просто. Сейчас все на него любуются, умиляются.

К у к л а. Не успеешь оглянуться — он уже подросток, переходный возраст. Ничего не понимает, а думает, что он все понимает.

М е д в е ж о н о к. Много Марусе и Сереже еще жить да переживать. Может, и поссорятся когда, и поспорят.

К у к л а. Люди все-таки, а не куклы.

Маруся зашевелилась на диване.

Тише, тише!

М е д в е ж о н о к. Спи, спи, мы тебе песенку споем!

М е д в е ж о н о к и к у к л а *(поют)*.

В доме восемь на Сенной
Жили-были муж с женой.
Им пришлось, беднягам, худо,

Но спасло от смерти чудо.
Научила их беда,
Разбудила навсегда,
Вразумило состраданье.
И на этом — до свиданья!

1955

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Львович

ШВАРЦ

Собрание сочинений в пяти томах

ТОМ ВТОРОЙ

Редактор *Е. Сапунцова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *М. Сергеева*
Компьютерная верстка *И. Яскульская*

Подписано в печать 15.01.10 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 19,23.
Заказ № 0918290.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-904656-55-3

9 785904 656553